

159.9
Ш 52

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Е. Б. Шестопап

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ

серия основана в 1996 г.

Е. Б. ШЕСТОПАЛ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК

Допущено Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника для
студентов высших учебных заведений, обучающихся
по специальности 020200 «Политология»

Москва
ИНФРА-М
2002

УДК 159.9:32(075.8)
ББК 88.4я73
Ш52

Рецензенты:

Т.А. Алексеева, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО — университета МИД РФ,

Самсонова Т.Н., доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политической социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Шестопап Е.Б.

Ш52 Политическая психология: Учебник для вузов. - М: ИНФРА-М, 2002. - 448 с. - (Серия «Высшее образование»).

ISBN 5-16-000981-7

Учебник представляет собой систематическое изложение предмета одной из новых политологических субдисциплин - политической психологии.

Учебник включает в себя три части. Первая - посвящена традиционным для любого курса темам: предмету, методологии и истории данной дисциплины. Во второй части рассматриваются политико-психологические феномены в массовом сознании. Третий раздел учебника акцентирует внимание читателя на проблемах личности в политике - ее политический менталитет и политическое поведение, восприятие индивидом власти и политических лидеров. Особое внимание уделено в учебнике изучению личностей и имиджей политических лидеров вообще и современных российских политических лидеров в частности.

Учебник предназначен для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих политические и психологические науки.

УДК 159.9:32(075.8)
ББК 88.4я73

ISBN 5-16-000981-7

Шестопап Е.Б., 2002

Предисловие

Политическая психология — одна из тех политологических дисциплин, которые утвердились сравнительно недавно. Хочется сразу предупредить читателей: автор убежден в том, что политическая психология, ставшая столь популярной сегодня в связи с ее использованием в области политического консультирования и в ходе избирательных кампаний, интересна не только своим прикладным характером. Это — наука, прежде всего призванная изучать фундаментальные закономерности политического поведения и сознания. Те, кто рассчитывают найти в ней перечень рецептов технологического характера, будут разочарованы. Эти рецепты — одна из иллюзий, широко распространяемых политтехнологами и имиджмейкерами. Политическая психология как наука ни в коей мере не относится к жанру «политических поваренных книг».

Она уже зарекомендовала себя как академическая и научная дисциплина, вошла в число обязательных предметов при подготовке политологов и заняла место в новых учебных планах высшей школы. Более того, в 2000 г. ВАК РФ ввел новую научную специальность, по которой защищаются диссертации в рамках как психологических, так и политических наук. Таким образом, можно сказать, что это новое направление обрело свои институциональные формы. Учебно-методическое объединение по политологии уже рекомендовало вузам примерный учебный план по этому курсу. Между тем пока нет ни учебного пособия, ни, тем более, учебника, соответствующего этому учебному плану. Имеющиеся работы либо изданы довольно давно*, либо не являются учебниками**, либо лишь частично могут использоваться в учебном процессе, так как не соответствуют учебному плану***. Предлагаемое издание соответствует данному учебному плану, тем более что и у того и у другого — один автор.

---

* Политическая психология. М.: ИНИОН, 1990; Шестопап Е.Б., Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992; Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996. (учебное пособие); Шестопап Е.Б. Психологический профиль российской политики 90-х. М.: Росспэн, 2000 (последняя книга вышла тиражом всего в 1000 экз. и в переработанном виде является основой данного учебника).

** Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994;

*** Политическая психология /Под общ. ред. Деркача А., Жукова В., Лаптева Л. — М.: Деловая книга, 2001 (учебное пособие); написано большим числом авторов и не дает целостного и систематического представления о данной дисциплине). Ольшанский Д.В. Введение в политическую психологию. М.: Деловая книга, 2001. Его же хрестоматия — лишь сборник авторских статей из разных мест, не носящих учебного характера.

Учебник предназначен для студентов, магистрантов, аспирантов, изучающих политические и психологические науки.

Специфика предмета политической психологии как междисциплинарной области предполагает предварительное знакомство читателей с общим курсом политической науки, а также наличие у них начальных знаний в области психологии личности и социальной психологии. Изучение курса предусматривает знакомство с ведущими теоретическими школами и подходами в политической психологии и освоение методов исследования и анализа, имеющих прикладной характер. Поэтому лекционный курс желательно дополнить практическими занятиями, на которых студенты попробовали бы свои силы в небольших исследовательских проектах, позволяющих использовать полученные теоретические знания для анализа текущих политических событий, деятельности политических лидеров или электорального поведения. Вопросы, помещенные в конце каждой главы, служат именно этой цели.

Учебник состоит из трех частей.

В первой части рассматриваются традиционные для любого курса темы: *предмет, методология и история дисциплины*.

Так как политическая психология возникла как междисциплинарная область на стыке политической науки и психологии, то знакомство с ней предполагает анализ состояния российской политической науки и определение места и задач политической психологии на фоне других разделов политологии. Читателю предлагается не просто экскурс в становление этой дисциплины в постсоветский период, свидетелем и участником которого была и автор книги, но и перечень важнейших проблемных областей, в решение которых вносит вклад в том числе современная политическая психология.

Знакомство с данной дисциплиной предполагает и знание ее истоков, заложенных в трудах зарубежных и отечественных ученых. Учебник содержит большое количество ссылок как на работы, ставшие уже классическими, так и на новейшие разработки зарубежных и российских авторов.

Знание предмета политической психологии немислимо без анализа **теоретических моделей**, объясняющих психологические закономерности политических процессов. В современной науке эти модели соперничают между собой, но одновременно в них мирно сосуществуют идеи психоанализа и бихевиоризма, теории политических систем и теории политического участия, а также многие другие теории среднего уровня*.

---

* Теории среднего уровня — это концепции, объясняющие закономерности, имеющие относительно частный характер в отличие от макротеорий, призванных дать трактовку развития общества в целом или эмпирических исследований, описывающих конкретные процессы и явления. Теориями среднего уровня являются, например, теория лидерства, теория политической социализации, теория политического участия и т.п.

Изучение **предмета политической психологии** начинается с психологического анализа политики — главного объекта этой дисциплины. В книге предлагаются различные подходы к пониманию психологических особенностей политики как процесса, как особого вида человеческой деятельности,

как системы норм и целей; при этом особо выделяется задача изучения человека как главного политического актора — ив роли лидера, и в роли рядового гражданина.

Методологии политико-психологических исследований в данном учебнике придается особое значение, так как фундаментом политической психологии являются эмпирические исследования, поэтому знакомство с методами получения, анализа и интерпретации данных, касающихся политического поведения и сознания человека, — важная часть данной науки. Такой подход особенно значим для современной политической науки, которая постепенно изживает схоластический характер, присущий ей на ранних этапах развития, и благодаря освоению современных методов исследования становится все более релевантной современной политической практике.

Вторая часть учебника посвящена *политико-психологическим феноменам в массовом сознании*.

Специальная, глубоко проработанная в современной политической психологии тема — национальная психология. Такие понятия, как национальные чувства, национальное самосознание, национальные предрассудки и стереотипы, имеют глубинные психологические основания. Этим феноменам посвящены классические и современные теории, на основании которых предлагается трактовка явлений национализма и ксенофобии.

В учебнике уделяется внимание и проблеме политической интеграции и дезинтеграции в России и изменениям, происходящим в национальном сознании наших граждан в последние десятилетия.

В учебнике по политической психологии невозможно обойти такой феномен, как психология авторитарности. Исторически сложилось так, что этот феномен получил освещение и в политической, и в психологической науках, каждая из которых внесла свой вклад в его понимание. В учебнике авторитаризм и демократия анализируются с точки зрения психологических измерений политических режимов. На основе данных исследований последних лет дается трактовка тех образов демократии, которые сложились в российском обществе. Проводится анализ понятия авторитарной личности и ее антиподов как моделей политического поведения, которые складываются под влиянием определенных типов политической культуры.

Психологическое измерение имеют не только отдельные политические явления, но и сами **политические системы**. Важной проблемой курса политической психологии является анализ проблемы разделения властей в их психологическом аспекте. Специальная глава учебника посвящена особенностям российской политической системы. Те конфликты, которые в последнее десятилетие неоднократно возникали между ветвями власти, имеют не только институциональные, но и психологические корни. Любая политическая система, чтобы функционировать, заинтересована в поддержке рядовых граждан. Такая поддержка, в свою очередь, определяется тем, как система воспринимается массовым политическим сознанием.

Тема *массового электорального поведения* является одной из наиболее обсуждаемых в последние годы. Накануне выборов всегда вызывает озабоченность вопрос явки избирателей, который в политической науке формулируется как проблема политического участия граждан. Но для того, чтобы гражданин отправился на избирательный участок и проголосовал, у него должны сложиться мотивы для голосования. Изучению мотивации электорального выбора посвящены многочисленные эмпирические исследования — как зарубежные, так и отечественные.

Сейчас только ленивый не ругает политиков и политтехнологов за грязные приемы и методы проведения выборов. Но гораздо важнее понять закономерности, которые управляют психологией граждан. Анализ выборных технологий с точки зрения политической психологии поможет гражданам принять правильное решение, научиться противостоять давлению агрессивной политической рекламы.

С проблемой выборов тесно связана динамика общественного мнения и проблема измерения политических рейтингов.

Среди макрополитических феноменов наиболее теоретически проработанным является феномен **политической культуры**. В учебнике дается определение этого понятия, анализ структуры и функций политической культуры, типология политических культур и субкультур. Большое внимание в учебнике уделено российским политическим субкультурам, интерес к которым особенно повысился в связи с развитием региональных процессов. Сегодня уже трудно говорить о единой российской политической культуре: в каждом регионе развиваются, помимо-общих, особенные региональные субкультурные тенденции, учет которых необходим для анализа и прогноза политического процесса в стране в целом.

В третьей части учебника рассмотрены **проблемы личности в политике**.

Вначале читателю предлагается исторический контекст проблемы, поскольку роль личности в политике в каждую историческую эпоху различна. Затем рассматривается проблема политической

социализации — овладение личностью политическими навыками и идеями. Подробно представлены материалы исследований о стадиях, механизмах и результате политической социализации в разных политических условиях. Рассматриваются властные отношения в семье и государстве с точки зрения их влияния на возникновение у индивида политических взглядов и ценностей.

Понятие **политического менталитета** широко используется в современном политическом языке. Между тем политическим дискуссиям об особенностях, например, российского менталитета нередко недостает серьезной теоретической основы. В политической психологии понятие менталитета чаще всего используется для анализа процесса становления политических взглядов как отдельной личности, так и различных групп и организаций.

В анализе политического менталитета широко используются такие понятия как «когнитивный стиль» и «операциональный код» — психологические концепты, которые описывают как содержание политических позиций и взглядов личности, так и механизмы их действия.

Индивидуальное и массовое политическое сознание имеют различную психологическую природу. Политические психологи накопили немалый эмпирический материал, выявляющий закономерности изменений политических предпочтений граждан. В учебнике приводятся результаты исследований динамики политических предпочтений, ценностей и установок современных российских граждан.

Специальная глава посвящена **политическому поведению**, в частности таким его элементам, как мотивы и потребности, установки и ценностные ориентации, стили межличностных отношений и политические роли. Каждый из этих элементов влияет на форму, которую приобретет политическая деятельность и поведение.

Политическая власть рассматривается в учебнике не только как собственно политическое, но и как психологическое явление. Разработки психологов дают ответы на многие фундаментальные вопросы о природе власти и подчинения, потребности во власти, властной мотивации.

Не менее важным, чем изучение психологии властителей, является изучение психологии тех, на кого власть распространяется. Отношение к власти рядовых граждан, такие феномены, как политическое доверие, симпатия, близость позиций и идентификация с властью, также относятся к предмету рассмотрения политической психологии. В учебнике использованы результаты многолетних исследований восприятия власти, проведенных автором совместно с сотрудниками кафедры политической психологии МГУ им М.В. Ломоносова.

Образы власти вообще влияют и на **образы конкретных российских политиков**. Проблема этих образов или, как принято сегодня говорить, имиджей, нередко сводится лишь к внешним проявлениям — одежде, манере держаться перед телекамерами. Между тем политическая психология накопила серьезный теоретический материал, касающийся психологических закономерностей восприятия политиков и методов изучения этих закономерностей.

Изучение **политических лидеров** — одна из важнейших тем политической психологии. Понятие политического лидерства базируется и на данных политической науки, и на разработках социальных психологов; при этом объектом **исследования** являются и личность лидера, и политический контекст, и процесс восприятия лидера его последователями. Для понимания феномена лидерства принципиально важным является то, что наряду с личностными особенностями и чертами, мотивами и потребностями лидера, его убеждениями и ценностями, объектом изучения становятся те ожидания в отношении лидера, которые существуют в массовом сознании и принимают форму идеального прототипа лидера. Этот идеальный прототип является и основой отбора лидеров, и механизмом коррекции их поведения, если лидер хочет остаться на вершине успеха.

В книге приводится обширная библиография на русском и английском языках, позволяющая читателю продолжить самостоятельное изучение политической психологии.

Автор выражает благодарность Е. Брицкому и М. Денисенко за помощь в подготовке § 4.2.

ЧАСТЬ 1. ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава 1. Политическая психология и другие науки

Начиная изучение политической психологии естественно задаться вопросом о ее дисциплинарной принадлежности, о том, какое место она занимает среди смежных научных дисциплин, что заимствует у них, чем их обогащает. Как уже отмечалось ранее, политическая психология складывалась как

междисциплинарная область, получившая от материнских дисциплин многое из научного инструментария, теоретических установок и общенаучных подходов. Приобретая самостоятельность и институциональное оформление, она по-прежнему сохраняет с этими дисциплинами методологические и теоретические связи и решает ряд общих задач. Наиболее тесные связи прослеживаются между политической психологией и политологией, политической психологией и психологией. При этом ряд других дисциплин (социология, география, лингвистика, этнология и др.) с политической психологией тесно соприкасаются, в том числе в вопросах исследования политических аспектов их предметов. В данной главе более подробно проанализирована связь политической психологии с материнскими дисциплинами и бегло отмечен вклад других наук в развитие политико-психологического знания.

1.1. Место политической психологии среди политических наук

Исторический контекст

В последнее время профессиональное сообщество политологов стало все чаще обращаться к размышлениям о состоянии своей науки, уровне ее зрелости и вызовах, которые бросает ей реальная политика*; одним из наиболее серьезных из них стал распад СССР и трансформация политических систем в России и Восточной Европе. Политическая наука не смогла не только предсказать этих глобальных по своему масштабу политических явлений, но и выработать адекватные модели объяснения текущих политических процессов. Попытки использовать уже имеющиеся трактовки процессов становления и функционирования демократических систем наталкиваются на весьма серьезные трудности, что сделало весьма острой проблему соотношения универсальности и национальной специфики в развитии политической науки**.

---

* Политическая наука. Новые направления / Под ред. Гудина Р. и Клингеманна Х.-Д. М.: Вече, 1999; Проблемы преподавания политических наук. Круглый стол в Новосибирске // Полис, 1997. № 6; Состояние отечественной политологии // Полис, 1997. № 6; Горшков М. Лицо отечественной политологии // Независимая газета, 1998. № 3, приложение «НГ-сценарии»; Стюарт-Хилл Э. Вызовы российской политологии // Полис, 1997. № 6.

** Jean Leca. The Enduring Dialogue of Conflict and Order in a Changing World: 'Political Science at the Turn of the Century' // Presidential Address to the XVII-th World Congress of IPSA. Seoul, 1997.

Несмотря на то, что эта проблема, конечно касается любой страны, в современной России она приобрела особую остроту. Профессиональные политологи в России оказались в чрезвычайно сложной ситуации: чтобы дать адекватную трактовку начавшихся изменений реальной политики, — им пришлось на ходу перестраивать свои методологические и теоретические схемы. Наследство советского периода не было однозначным. С одной стороны, политология уже прошла немалый путь развития, проложенный патриархами отечественной политологии с начала 60-х гг. Тот факт, что в Советском Союзе в этот период уже была основана Советская Ассоциация политических наук (САПН), ставшая одной из первых крупных ассоциаций, участвовавшей в становлении мирового политологического сообщества в лице *International Political Science Association (IPSA)* свидетельствует о том, что накопление знаний в этой области началось достаточно давно. С другой стороны, даже само название дисциплины в перечне предметов, преподаваемых в высшей школе, — отсутствовало. Политология развивалась в рамках истории, теории государства и права, философии и «научного коммунизма». Серьезным толчком к утверждению политологии как самостоятельной науки стал Всемирный конгресс *IPSA*, проведенный в Москве в 1979 г. Этим событием отечественные политологи во многом обязаны Г.Х. Шахназарову, бывшему в тот момент Президентом Советской ассоциации политических наук (САПН) и вице-президентом *IPSA* и добившемуся проведения Конгресса в Москве на высшем политическом уровне.

Многие трудности развития политологии в СССР, а затем и в России имеют свою национальную специфику, неприсущую другим национальным школам. Главным препятствием, безусловно, было догматизированное марксистское учение, которое препятствовало выходу политической науки за рамки «единственно верного учения» столетней давности. Но были и другие барьеры. Так, в советский период не только политология, но и социология, и другие науки с трудом преодолевали сопротивление со стороны более старых дисциплин (прежде всего философии, права, истории), которые не позволяли в полную силу организовать исследования реальных процессов на эмпирическом материале.

Невозможность проводить исследование политических процессов и институтов в собственной стране вынудила советских исследователей обратиться к изучению зарубежного опыта. Уже в 60-е гг. были

созданы крупные исследовательские центры в рамках Академии наук и кафедры в университетах, задачей которых стало исследование международных, региональных и национальных моделей политического и социального развития. Большую роль в становлении политической науки сыграли Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Африки, Институт Международного рабочего движения, ИМЭМО, Институт общественных наук и др*. В 60 — 90-е гг. были изданы сотни серьезных монографий, десятки тысяч журнальных статей, заложивших фундамент российской политической науки. В эти годы сформировался корпус исследователей и преподавателей, многие из которых активно работают в политической науке и по сей день.

* Archie Brown. Political Science in the USSR// International Political Science Review. 1986. Vol 7. № 4. October. P. 449.

Серьезный вклад в развитие российской политологии внесли и те исследователи, которые изучали (в пределах возможного) отечественные политические реалии в рамках философии, социологии, права, психологии, географии, экономики и других гуманитарных наук, избегая называть себя при этом политологами. Политическая наука, получившая формальное признание после проведения Всемирного конгресса *IPSA* в Москве в 1979 г., была, однако, лишена официального статуса вплоть до 1989 г., когда были созданы первые ученые советы, принимавшие к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора политических наук*.

* См. недавно вышедший справочник персоналий политологов вообще и докторов политических наук в частности «От политической мысли к политической науке» под ред. Пляйса Я.А. М.: Изд-во МГУП, 1999.

Распад СССР и трансформация политической системы в новой России привели к резко возросшему спросу на политологические исследования. Политическая наука вошла в число обязательных предметов, изучаемых в высшей школе. Возникла острая проблема переобучения старых преподавательских кадров, воспитанных в духе марксизма-ленинизма, и оснащения их современным научным и педагогическим инструментарием. Сразу заметим, что до сих пор эта задача полностью не решена. Преподавательский корпус в высших учебных заведениях составляют весьма немолодые (средний возраст около 60 лет) люди. Младшее поколение неохотно идет на эту работу в силу ее низкого статуса и мизерной оплаты труда.

Не менее сложные проблемы решают политологи, работающие в исследовательских институтах Академии наук. Недостаточное финансирование этих институтов явилось причиной того, что практически все они находятся на грани выживания. Необходимость совмещать два-три места работы, просто для того, чтобы выжить, накладывает отпечаток на качество исследований. Сегодня практически ни одно исследовательское учреждение не способно проводить крупномасштабные, и тем более дорогостоящие, исследования. Очень мала государственная поддержка издания научной литературы.

Одновременно в конце 80-х — начале 90-х гг. политология переживает невероятный бум и становится самой модной из гуманитарных профессий. Это связано и с переосмыслением собственной политической истории, которую к настоящему моменту переписали и будут переписывать еще не один раз, и с бурным развитием эмпирической политической науки, прежде всего исследованиями электорального поведения и политических элит, и с освоением политической публицистики — сейчас каждый второй журналист, подписывая свои статьи, гордо добавляет к фамилии титул политолога. Приход в политическую науку большого числа неопитов, не получивших серьезного образования и подменяющих глубокие исследования банальными рассуждениями и фантастическими прогнозами, привели к быстрой дискредитации политологии в глазах общества. Среди политологов имеет хождение и такая точка зрения, что это неизбежные болезни роста и, переболев ими, политическая наука обретет достойное место среди других наук.

Анализируя состояние политической науки в посткоммунистической России, можно выделить два важнейших аспекта: состояние политологии как научной и учебной дисциплины и состояние профессионального сообщества — как в его институциональном, так и в чисто человеческом измерении.

Что и как изучают российские политологи?

Предмет исследования. Начнем с того, что вопрос о предмете политической науки находится в центре внимания исследователей и преподавателей политологии. Дискуссии на эту тему очень активно ведутся в российской политологии. Так, один из известных политологов, главный редактор журнала

«Полис» в тот период И. Пантин* выделяет четыре области политологического знания, наиболее активно осваивавшихся в последние годы, в частности в публикациях этого ведущего академического издания: 1) исследования демократии и переходного периода, 2) динамика политических установок в современной России, 3) компаративные исследования и 4) философия политики.

* Пантин И.К. Формирование политической науки в России и журнал «Полис». Космополис. Альманах. М., 1997. — С. 11.

Действительно, в первые постсоветские годы в отечественной политологии резко возрос интерес к западным работам. В эти годы шло освоение западных моделей политического процесса, отражающих опыт развитых либеральных демократий. Перевод и публикация работ С. Хантингтона, С. Липсета, Р. Инглхарта, Ф. Шмит-тера, Х. Линца и других исследователей и их осмысление с точки зрения соответствия российским процессам стали центром многих дискуссий. При этом вопрос о возможности и желательности переноса на российскую почву практики западных демократий и тех теоретических моделей, которые этот процесс описывают, во многом стал водоразделом между разными школами в российской политологии, в том числе и в оценке уровня развития отечественной политической науки.

При этом политологи как бы делятся на два лагеря. Одни из них — назовем их условно «западниками», исходят из безнадежного отставания российской политологии от современных зарубежных, прежде всего европейских и американских, разработок, как в силу традиционной неразвитости этой науки в России, так и (особенно) в силу торможения ее марксистским догматизмом. Сторонники «западного» подхода полагают, что российская политология должна как можно скорее преодолеть это отставание, применяя западный опыт анализа, западные методологии исследований и конкретные теоретические модели к российской политической жизни.

Другая группа политологов — так же условно назовем их «почвенниками», исходит из принципиальной неприложимости западных политологических концепций и теоретических схем к России, которую, как известно, «аршином общим не измерить». Эта тенденция находит отражение не только в пренебрежении к западному опыту развития политической науки (впрочем, и к восточному тоже), но и в отказе от эмпирического исследования текущего политического процесса, в замене его философско-историческими схемами, оперирующими многовековыми цивилизационными циклами.

В действительности эти два подхода не так уж полярны, как может показаться. В своих крайних проявлениях они выражают характерную для нашего сообщества прежнюю «невротическую» установку, за которой скрывается неуверенность при сравнении себя с другими. В данном случае эти комплексы мешают осознать, что на деле речь идет о соотношении универсальности и самобытности гуманитарного знания вообще и политического — в частности.

Вопреки давней традиции доминирования философско-теоретического типа исследований над эмпирическим в российском обществоведении в современной политологии все более выраженным становится стремление изучать массовые политические настроения, политические ценности и электоральные ожидания. Мобилизация населения в начале 90-х гг., проведение выборов на всех уровнях власти (национальном, региональном и местном) привели к росту работ в области политической социологии и психологии, созданных чаще не в рамках академических институтов и университетов, а в получивших развитие частных исследовательских центрах, занимающихся политическим консультированием, и различных центрах принятия решений.

Сегодня в российской политической науке ощущается большой (и пока неудовлетворенный) спрос на разработку *policy problems*, которые в соответствии с отечественной терминологией относятся к разряду прикладных областей политической науки*. Это объясняется запросами различных государственных и партийных центров принятия решений, и (особенно) разработкой избирательных технологий, эффективных в условиях российской политической практики, что обусловило развитие и таких прикладных субдисциплин, как политическое консультирование и политические коммуникации. Хотя имеются примеры привлечения зарубежных консультантов для проведения выборов**, большая часть технологий была разработана на основе российского опыта, нередко методом проб и ошибок, а не путем применения заимствованных моделей.

* Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Опыт развития прикладной политологии в России//Полис, 1998. № 3. С. 157-179.

** Farrell D.M. Political Consultancy Overseas: The Internalization of Campaign Consultancy// PS: Political Science & Politics, 1998. June. Vol XXXI, November 2. P. 171-179.

Понимание предмета политической науки российскими и западными политологами (при всем разнообразии подходов) характеризуется некоторыми существенными различиями. Например, авторы

книги «Новые направления политической науки»* наиболее важными для политологии проблемами считают следующие:

- институционализм (как старый, так и новый);
- поведенческая революция;
- сравнительная политология;
- международные отношения;
- политическое управление;
- политическая экономия;
- методология исследований.

---

* R. Goodin, H.-D. Klingemann, *New Handbook of Political Science*, Oxford, Oxford University Press, 1996. Гудин Р., Клингеманн Х.-Д. *Политическая наука. Новые направления*. М.: Россмэн, 1999.

Конечно, список крупных политологических проблем значительно шире и меняется в зависимости от видения того или иного автора. Но бросается в глаза то, что эти темы укрупнены, предлагаются не только для исследования, но и для преподавания как квинтэссенция политологической премудрости.

Мне довелось опрашивать участников общероссийской конференции по преподаванию политологии. Наши респонденты — преподаватели политологии из самых разных вузов России — предложили значительно более детальный список проблем, входящих в предмет их научного интереса*:

- история политических учений;
- история международных отношений;
- методология;
- психология политики;
- социология политики;
- сравнительная политология;
- теория политики;
- философия политики.

---

* Shestopal Helen. *Teaching Politics in Russian Universities // Participation 1997*. Vol 21. №1. Spring. Pp. 4-8.

Как видим, проблематика, интересующая российских политологов, больше привязана к субдисциплинарным рамкам и более стандартизирована, особенно в учебных курсах. Название ряда разделов совпадает с их зарубежными аналогами, но их содержание весьма различно.

Степень разработанности многих научных проблем, в том числе и перечисленных, в российской и западной политологии, трудно сравнивать в качественном отношении, хотя во многих направлениях российская политология развивается вполне успешно. Но сравнение количественное (по числу издаваемых монографий, специализированных журналов) явно не в пользу российских ученых, а следовательно, и проработка тех или иных проблем, степень «взрыхленности» почвы, на которой произрастают плоды науки, — просто несопоставимы. Многие западные труды поражают именно детальностью анализа и объемом эмпирических подробностей в теоретической ткани политической науки. Российские политологи традиционно предпочитают обозревать политические процессы с высоты птичьего полета, откуда, понятно, многие детали просто не видны.

Говоря о предмете исследования политической науки, следует отметить еще одну особенность современной российской политологии: она очень резко «отвернулась» от внешнего мира. Среди многих разделов политологии прежних лет исследования международных отношений, регионалистика отличались хорошим уровнем. Специалисты, работавшие в этих субдисциплинах, были нередко признаны не только в России, но и за рубежом. Сейчас, хотя многие из этих специалистов и даже целые институты продолжают свою работу, их деятельность пользуется намного меньшим вниманием, а сами они, за редкими исключениями, не востребованы. Эти процессы имеют негативные последствия не только для данной политологической субдисциплины, но и для политической науки в целом. Российское видение внутривнутриполитических процессов приобретает искаженную оптику, страдает провинциализмом.

Методология. Начиная с 50-х гг. политология в мире стала по преимуществу эмпирической наукой. В России также наметился определенный прогресс в этом направлении, но и по сей день для многих политическая наука — это скорее искусство. Политологов, владеющих методами сбора и обработки эмпирических данных, у нас все еще немного, хотя в необходимости развития политической социологии, психологии, географии, похоже, сегодня уже мало кто сомневается*. Несмотря на

значительные успехи, отечественная политология пока не часто прибегает к сравнительному методу.

* Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики в России: становление и современное состояние // Мир России: Социология. Этнология. Культурология. М., 1997. № 1.

Говоря о методологии, понимаемой как общая теория, следует признать, что такой общей методологии нет ни на Западе, ни в России. Но если западные исследователи, особенно позитивистски ориентированные, осознанно используют эклектические идеи, то эклектизм отечественной методологической базы можно назвать, скорее, неосознанным. После того как марксизм перестал быть доминирующей теорией, выявить реальные методологические основания того или иного исследования бывает чрезвычайно непросто. Рефлексия в отношении методологии встречается редко, а те или иные взгляды проводятся с некой стыдливостью.

Отсутствие методологической рефлексии и саморефлексии в среде отечественных политологов вообще достаточно распространенное явление. Это, пожалуй, одна из наиболее заметных характеристик нашего научного сообщества.

Похоже, мы не только не используем мировой опыт развития политической науки, но и забываем свой собственный опыт накопления профессионализма в области политических наук, предполагавший, что политолог должен писать статьи и книги, участвовать в конференциях, повышать свой уровень на стажировках — в том числе и за рубежом. Сейчас конференции немногочисленны, и связь центра и регионов чуть теплится, причем регионы винят в этом Москву. Журналов для профессиональной коммуникации чрезвычайно мало, да и авторы пишут в них «из любви к искусству», так как их научное творчество никак не поощряется ни журналами, ни университетами. Международные обмены стали более свободными, но не слишком многочисленными по причинам финансовой несостоятельности и недостаточной языковой подготовки наших политологов (по данным Минвуза, только 5% преподавателей политологии свободно владеют иностранными языками). Так что с интеграцией в мировое политологическое сообщество пока придется подождать. Примерно так же обстоит дело с владением компьютером. Причины все те же: страшная бедность и отсутствие воображения.

Другая группа факторов, мешающих развитию политической науки, относится к сфере самой науки: ее молодость явилась причиной того, что в политологии не сложились пока серьезные профессиональные стандарты качества — прежде всего применительно к подготовке студентов и аспирантов, а также к уровню кандидатских и докторских диссертаций. Новые руководители российского государства, которые решают вопросы финансирования науки и высшей школы, мало продвинулись в понимании того, что политология — это сложная *профессиональная* деятельность, которой должны заниматься специально обученные люди.

Не удивительно, что в этих условиях наше сообщество плохо себя осознает. Многие из тех, кто профессионально занимается политологией (преподаватели, аналитики, исследователи, эксперты-практики, политические журналисты), не идентифицируют себя со своим профессиональным сообществом. Для того чтобы политология развивалась как профессия, очевидно, надо продумать формы поддержки друг друга и той среды, в которой они могут состояться как специалисты, передав впоследствии эстафету следующему поколению.

Но эту довольно мрачную картину развития политологического сообщества в России следует дополнить некоторыми обнадеживающими приметами времени. Среди факторов, которые способствуют не только выживанию, но и быстрому продвижению политологии, следует назвать наличие определенной институциональной базы, традиции, наличие в России довольно большого количества высококвалифицированных и образованных политологов. Хотя среди ученых старшего поколения, особенно преподавателей политологии, еще немало людей с догматическим менталитетом, не следует преувеличивать их роль в сообществе. Молодое поколение политологов, получившее образование в новых условиях, знакомое с достижениями мировой науки, быстро овладевающее современными методами исследования и преподавания, является залогом лучшего будущего нашей науки.

Сейчас создано новое поколение учебников, проведено немало серьезных исследований, проводятся летние и зимние школы для подготовки молодых профессионалов, налаживаются новые формы финансирования исследований через государственные и частные фонды — это позволяет сказать, что политология начинает подыматься на ноги, а сообщество политологов восстанавливается как нормальный социальный организм, предусматривающий обмен идеями, дискуссии, строгие стандарты научного труда.

Этот краткий обзор дает представление о том, на каком фоне и в рамках каких условий развивается одна из политологических субдисциплин — политическая психология.

Политическая психология — раздел политологии

Политическая психология почти сразу была признана перспективной областью исследования в мировой политической науке. Да и в отечественной литературе, несмотря на идеологические табу, первые разработки появились еще в годы хрущевской «оттепели» (вторая половина 50-х гг.), хотя ее официальное признание как составной части политической науки состоялось лишь в 90-е гг. — годы перестройки.

Политическая наука проявила всемерную заинтересованность прежде всего в разработке таких проблем, которые связаны с субъективной стороной политического процесса и имеют прямое отношение к области политической психологии: ценности политических культур, настроения и ожидания избирателей, психологические особенности политического лидерства и элит, особенности национального характера разных народов и этнических групп, причины возникновения и разрешения политических конфликтов, формирование имиджа политических деятелей и др.

1.2. Политическая психология и другие смежные дисциплины

В отличие от политологии в психологической науке отношение к политической психологии складывалось несколько иначе. На одном круглом столе, проходившем в середине 90-х гг. и посвященном проблемам политической психологии, ведущие российские психологи сравнили эту науку с ребенком. Возможно, такая ассоциация возникла благодаря месту действия (круглый стол проходил в Российской Академии образования) или действительно юному возрасту самой науки. Но любопытно, что одни ученые называли этого «ребенка» законнорожденным, но трудным, другие — поздним и переносным, третьи утверждали, что и на свет-то этот «ребенок» появился лишь в результате кесарева сечения да еще от неизвестного отца*.

---

* Человек, политика, психология (Материалы круглого стола) // Вопросы философии, 1995. № 4. С. 3-23.

Такой насмешливо-покровительственный тон представителей психологии — второй материнской науки политической психологии — в отношении области, о появлении которой они узнали не столь давно, понятен: слишком много ожиданий, которые могут и не оправдаться. Добавим, что и социальная психология, и социология, и политология, уже испытав на себе эйфорию больших надежд, которые возлагало на них общество, заняли более скромную, чем ожидалось, нишу среди своих собратьев по цеху.

Тот факт, что один из «родителей» не заметил появления своего «отпрыска», не вызывает удивления. Психологи и социологи в нашей стране не очень-то интересовались в советские времена политикой как объектом изучения; точно так же отечественные историки не слышали до последнего времени о таком разделе политической психологии, как психоистория*. Причиной такого дистанцирования от политики в нашей стране была... сама политика, а точнее, страх перед официальной политической машиной, вполне понятный в недавнем историческом контексте.

---

* Шестопап Е. Психоаналитическое движение в исторической науке // История СССР, 1991. №5.

При этом в недрах психологической науки зрел интерес к политико-психологической проблематике.

Психологи, особенно социальные, не могли не заметить, что процесс социализации в современном обществе происходит под серьезным влиянием политических факторов. Это относится и к социальному взрослению в целом, и особенно к его политической разновидности — процессу политической социализации*.

---

* Щегорцов В. Политическая социализация и политическая культура личности. Ежегодник САПН 1983. М.: Наука, 1984. С. 25—37.

Исследователи структуры сознания (В.Ф. Петренко, О.В. Митина) обратили внимание на особенности семантического пространства политического сознания*.

---

* Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М.: Изд-во МГУ, 1997.

Наиболее близкими к политической психологии оказались проблемы массового поведения и сознания. Так, знаковыми работами отечественных политических психологов — выходцев из психологической науки стали исследования, посвященные массовым политическим настроениям и чувствам (работы Д.В. Ольшанского), групповым и социетальным феноменам политического поведения (работы Г.Г. Дилигенского), психологии разрешения конфликтов и ведения переговоров (работы М.М. Лебедевой). Наряду с массовидными формами политического сознания внимание психологов, естественно, привлекли и индивидуальные политико-психологические феномены. Так, появились работы в области психологии политического лидерства (работы Е.В. Егоровой-Гантман). Психоанализ, который приобрел чрезвычайную популярность в России 90-х гг. был представлен не только переводными публикациями вроде классического труда З. Фрейда и У. Буллита о Вудро Вильсоне*, или работой Т. Адорно** об авторитарной личности, но и отечественными исследованиями личностей политиков — от В. Ленина и, И. Сталина до Путина и Жириновского***. Эти ученые привнесли в политическую психологию тонкий психологический инструментарий и внимание к человеческому компоненту сложных политических феноменов.

---

* Фрейд З. и Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1992.

** Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.

*** Белкин А. И. Судьба и власть, или В ожидании Моисея. М.: Гуманитарий, 1996; Белкин А. Вожди или призраки. М.: Олимп, 2001.

Следует особо отметить трудности, с которыми столкнулись профессиональные психологи, соприкоснувшиеся с политической реальностью в постсоветский период. Эти трудности, связанные прежде всего с прикладными проблемами, рассмотрены Л.Я. Гозманом*: характер работы психолога в политике, отличающийся от консультативной работы с обычными гражданами; невозможность использования им привычных психотерапевтических приемов, стандартных диагностических методов; трудности установления доверительных отношений с клиентом-политиком и его командой и др. Добавим к этому перечню и урон, нанесенный профессиональной политической психологии малограмотными «имиджмейкерами», и политтехнологами, которые «приватизировали» эту сферу деятельности и придали ей манипуляторский характер.

---

* Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Заключение.

Не меньше сложностей возникает и у политических психологов, ориентированных на исследовательскую, а не консультативную практику. Методики, разработанные для анализа неполитических форм поведения, не всегда подходят для изучения политической деятельности.

Можно сформулировать вопрос так: что, как и насколько точно мы измеряем? Здесь есть немало вопросов, которые заслуживают профессионального обсуждения.

1. Итак, прежде всего, **что** же мы измеряем, когда просим респондентов назвать «характеристики, присущие политику X»? О чем мы спрашиваем, задавая такой вопрос? Не говоря о вопросах типа: «Если бы выборы были завтра, за кого бы вы проголосовали и почему?» Какой ответ мы рассчитываем получить, какие теоретические гипотезы определяют выбор данной методики?

Первая проблема в том, чтобы определить, что является **объектом** исследования — личностные характеристики политических деятелей или массовые установки граждан на этих политиков. В первом случае оценки граждан — это пусть и отраженные, но вполне реальные *характеристики политиков*, причем особенно ценные тем, что они получены на дистанции, без непосредственного контакта с политическим деятелем*. Здесь можно спорить о том, насколько это отражение верно, какие поправки следует внести, но в этом случае мы должны строить исследовательскую стратегию исходя из признания того, что нас интересуют *реальные*, а не *виртуальные* В. Путин, А. Чубайс, А. Березовский, М. Касьянов и т.д.

---

* Дистантным методом исследования политических лидеров, их личностных характеристик, операционального кода, мотивации и других параметров был посвящен круглый стол, опубликованный в журнале *Political Psychology*, 2000. Vol. 21. № 3. September.

Во втором случае объектом исследования являются не политики, а **их образы в сознании граждан**, и интересуют нас именно граждане, а не политики. Образы политиков, их качества, оцениваемые респондентами, дают нам материал, в первую очередь характеризующий самих отвечающих, их систему ценностей. Здесь вопрос о том, насколько точно ответы респондентов соответствуют реальной личности

политика, можно вынести за скобки -здесь любой ответ ценен сам по себе, так как характеризует скорее желаемый образ политика, идеальный прототип, порожденный чаще неудовлетворенными потребностями граждан, чем реальной личностью политика. Имя же того или иного политика, который выбран для оценки, — это не более чем стимул, активизирующий воображение респондента, своего рода тестовый материал.

Еще одна проблема возникает при получении сравнительных данных не по одному, а по нескольким политикам. В этом случае исследователь должен найти основание для сравнения, для создания типологии. Когда мы смотрим на рейтинги, возникает тот же самый вопрос: являются ли они на самом деле агрегированными, усредненными оценками политиков.

Второй вопрос касается интерпретации полученных результатов. **Что они означают?** Например, если объектом исследования являются сами политики, то политиков требуется «разложить по полочкам»: вот эти политики, скажем, хорошие, а эти не очень; у этих есть шансы, а у этих нет. Но когда мы это делаем, получается, что один политик у нас умный, другой — честный, третий - сильный, четвертый — хозяйственный, пятый — хорош собой. Возникает вопрос, как эти характеристики соотнести между собой, каков вес каждой характеристики в процессе их восприятия, какова структура личности каждого из этих политиков? Как, на основании чего избиратель выбирает, что для него важнее: хозяйственность, компетентность или мужество и честность? Или в отличие от политических психологов и социологов граждане легко составляют «фоторобот» своих избранников: нос одного приставляют к ушам другого и игнорируют недостатки, которые сами же и отметили?

Как только мы начинаем обрабатывать большие массивы количественной информации, тут же возникает и вопрос о «норме» — как индивидуальной для данного политика, так и о средних значениях «температуры по палате». Если в странах с более стабильными политическими системами понятно, что положительные или отрицательные сдвиги, как правило, связаны с действиями самого политика, то в российских условиях они могут быть вызваны как причинами, связанным с действием лично политика (президент вовремя не вернулся из отпуска), так и ситуативными факторами (взрыв на подлодке, обостривший восприятие граждан). Неясно и то, как краткосрочные факторы, влияющие на оценку мэра Москвы Ю. Лужкова или президента России В. Путина (скажем, пожар на Останкинской телебашне), соотносятся с долгосрочными факторами, например с архетипами нашей политической культуры.

Иными словами, если мы оцениваем, скажем, генерала А. Лебеда и выявляем, что респонденты отметили его мужественность, честность, внешнюю импозантность и роскошный бас, то это приближает его к некоему традиционному представлению русских об идеальном политике, а значит, это оценивается обществом со знаком «плюс». Но тогда непонятно, почему эти его качества вызывали в 1996 г. более теплые чувства, чем в 2000 г., вроде бы тембр голоса генерала за это время не изменился, а суммарные оценки этого политика снизились.

В литературе не удастся найти ответ и на вопрос о том, каковы совокупность и композиция личностных характеристик эффективного политика в отличие от его менее удачливого собрата. Речь идет о некоем джентльменском наборе качеств, без которого политику заказан «вход на Олимп». Например, в статье С.Г. Климовой и Т.В. Якушевой* говорится о том, что сейчас честность и нравственность политиков не так уж востребованы, как принято думать. Значит, вроде бы в архетипе нашего сознания есть предписание, чтобы настоящий лидер был честным, но почему-то в данный момент это уже не обязательно.

---

* Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлении россиян // Полис, 2000. № 6. С. 66-82.

Приведу пример: 15% опрошенных нами москвичей хотят видеть политиков нравственными. Мы не знаем, это много или мало, если не сравним эти данные с данными другого периода, другого региона или данные одного политика с данными другого политика. Сотрудники Фонда общественного мнения (ФОМ) измеряли качества 30 российских политиков в течение полугода. Но они не задавали вопроса о том, какова динамика? Не менее важен вопрос о том, есть ли набор требований к разным политическим ролям, каким должен быть губернатор, президент, депутат, мэр, министр. В психологических тестах, если мы измеряем интеллект, то мы знаем, каким должно быть значение коэффициента интеллекта, чтобы человека можно считать дебилом или, напротив, считать гением. А какими должны быть показатели восприятия политика — как компетентного, честного или внешне привлекательного? Отличаются ли по этим нормативам президент, губернатор, мэр и т.д.? Этот вопрос возникает именно потому, что политические психологи или социологи в отличие от психологов пока оценивают свой объект «на глазок».

При интерпретации полученных данных, касающихся образов политиков в массовом сознании, возникает не менее сложная проблема интерпретации, касающаяся природы тех сдвигов, которые наблюдаются в оценках политиков. Проводя такого рода измерения в течение нескольких лет, мы фиксировали отклонения в количественных значениях тех или иных оценок личности практически у всех ведущих политических деятелей. Социологические опросы, проводимые ФОМом, Всесоюзным центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и другими службами, также выявляют перепады оценок одного и того же качества у политика в динамике. Совершенно неясно, как эти сдвиги оценивать. Ведь в редких случаях политики сами давали для этого повод. Не было и видимых изменений политического ландшафта, которые могли бы объяснить тот факт что осенью 2000 г. внимание к Б. Березовскому превысило внимание к А. Гусинскому. Пожалуй, исключением был лишь кризис августа 1998 г., который позволил зафиксировать зависимость сдвигов в оценках политиков от реального события.

Таким образом, можно сказать, что и проблема измерения, и проблема интерпретации в исследованиях в области политической психологии еще весьма далеки от своего решения. И в этом отношении более зрелые психологические науки служат для политической психологии своего рода эталоном, на который политической психологии предстоит равняться.

Что касается других смежных дисциплин — политической социологии, политической географии, психолингвистики, то они также являются опорой для политической психологии, которая использует и методологию их исследований, и открытые ими закономерности в сходных объектах изучения.

Так, в последние годы издано много работ **политических географов**, анализирующих пространственные измерения образов политических процессов*. В действительности пространственное, временное и цветовое измерения являются фундаментальными характеристиками любых образов человеческого сознания. В полной мере это относится и к образам политики, власти, лидеров**.

* См. работы В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, Д.Н. Замятина, Н.Ю. Замятиной и др. авторов, работающих в сфере когнитивной географии, например: Геополитическое положение России: представления и реальность. М.: Арт-курьер, 2000.

** См. материалы секции политической психологии на II Всероссийском конгрессе политологов, Москва, 2000 // Полис, 2000. № 4; Шестопа Е. Психологический портрет российской политики 1990-х. М.: РОССПЭН, 2000.

Психолингвистика, раскрывающая связь личностных особенностей говорящего (пишущего) и собственно текста, предоставляет политическим психологам возможность применять различные психосемантические методы для психологического анализа политических текстов. Так, анализ текстов политиков позволяет выявить не только осознаваемые автором интенции, но и бессознательные мотивы, потребности, взгляды. При этом объектом анализа становятся психологические закономерности функционирования политического дискурса как отдельного политика, так и больших групп граждан*.

* Шестопа Е., Новикова-Грунд М. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис, 1996. № 5. С. 168—191., Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис, 2000. № 4.

Граница между политической психологией и политической социологией в настоящее время становится все более размытой, так как в отличие от прежних десятилетий, когда в политической социологии доминировала тенденция опоры на «жесткие» количественные методы, в настоящее время все большей популярностью пользуются «мягкие» методы фокус-групп, фокусированных интервью, которые были разработаны и чаще применяются в психологических исследованиях. Таким образом, и по проблематике (объекту) — изучение массовых представлений, установок и ценностей в политике — и по методам — интервью, фокус-группы — политическая социология и политическая психология пересекаются. Различием прежде всего является ориентация политической психологии на психологические составляющие политических образов, их связь с личностными конструктами, хотя и массовые формы ее тоже интересуют.

Вопросы для обсуждения

1. Какое место занимает политическая психология среди других политических наук?
2. Каковы связи политической психологии с психологией, политической социологией, географией, психолингвистикой?
3. В решении каких проблем реальной политики может пригодиться знание закономерностей политической психологии?

Литература

1. Человек, политика, психология (Материалы круглого стола) // Вопросы философии, 1995, № 4. С. 3—23.
2. Гозман Л., Шестопал Е. Политическая психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
3. Геополитическое положение России: представления и реальность. М.: Арт-куррьер, 2000.
4. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. Л., 1992.
5. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

Глава 2. история становления и современное состояние политической психологии

2.1. Истоки и перспективы политической психологии

Становление западной политической психологии

История политической психологии пока довольно короткая. Но очевидно, что предыстория этой науки богата выдающимися именами политических мыслителей. Наиболее значительные идеи Аристотеля, Сенеки, Н. Макиавелли, Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббса, А. Смита, Г. Гегеля и множества других великих об отношении личности и власти, свойствах человека в политике, воспитании хорошего гражданина, о том, каким надлежит быть правителю, легли в основание новой дисциплины.

Однако все эти мыслители работали в иных теоретических рамках, которые не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Впрочем, психологии как науки в современном смысле слова тоже не было во времена Ж.Ж. Руссо или Т. Гоббса. Только во второй половине XIX в. стали появляться концепции, которые можно было бы назвать непосредственными предшественниками современных политико-психологических работ.

Историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в самой политике появилось совершенно новое явление: помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты заметное место в политике стали играть **массы**. Одним из первых уделил внимание этой теме французский исследователь Г. Лебон, автор книг «Психология народов и масс», «Психология толпы» и «Психология социализма». В этот же период были изданы «Преступная толпа» итальянца С. Сигеле, «Социальная логика» француза Г. Тарда и ряд других работ, в том числе и «Герои и толпа» русского социолога Н.К. Михайловского*.

* Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995; Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1986; Михайловский Н.К. Герои и толпа. СПб.: Алетея, 1998.

Появление на политической авансцене массы как нового субъекта было связано с развитием промышленности, ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, революциями, забастовками. Резко негативная оценка первых проявлений массовой политической активности может свидетельствовать о том, как напуганы были современники этих событий. И Г. Лебон и Н. Михайловский увидели в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Выделив несколько видов массы, они в первую очередь исследовали **толпу** как наиболее спонтанное проявление неорганизованной активности. Выявленные ими психологические характеристики толпы: агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность, — вполне справедливы и сегодня.

Однако если в работах конца XIX — начала XX вв. была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, его опасные последствия, то в дальнейшем исследователи, напротив, уделяли внимание позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Так, современная политическая психология много внимания уделяет **массовым движениям** (от движения за права женщин до экологических движений).

Другой темой, вызывавшей интерес у ранних политических психологов, была **психология народов и рас, национальный характер**. Опираясь на идеи антропологической школы Ф. Боаса и Б. Малиновского, психологи пытались соединить знания о личности с анализом более широких социальных и культурных феноменов, в частности политики. При этом сама культура трактовалась как «спроецированная крупным планом на экран психология индивида, имеющая гигантское измерение и длительно существующая»*. Таким экраном, на который отбрасывается слепок с психологии индивида, является, прежде всего, **национальный характер** (см. гл. 7).

* Benedict R. Configurations of Culture in North America // American Anthropologist, 1934. Vol. 34. P. 24.

Еще одним источником формирования современной западной политической психологии стали идеи психоанализа. Г. Лассвелл справедливо утверждает в своей знаменитой книге «Психопатология и политика», что «политология без биографии подобна таксидермии — науке о набивании чучел»*. Действительно, описание политического процесса без его творцов — скучно, да и неверно. Жанр политического портрета использовали самые разные авторы. Например, в начале XX в. в России большой популярностью пользовалась книга психиатра П.И. Ковалевского «Психиатрические эскизы из истории»**, где представлена галерея портретов политических деятелей — от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д' Арк до Наполеона.

---

* Lasswele. H. Psychopathology and Politics. N. Y. W.W. Norton, 1948.

** Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории//Диалог, 1991 — 1993.

Однако именно психоаналитическое движение придало политическому портрету широкую известность. Мы уже упоминали об одном из первых исследований, принадлежащем З. Фрейду и У. Буллитту, объектом которого был Вудро Вильсон. Большой вклад в создание таких портретов внес последователь З. Фрейд а, чикагский политический психолог Г. Лассвелл. В качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карты. При этом он исходил не из того, что политики, как все люди, могут иметь те или иные отклонения, которые и представляют интерес и для биографа. Г. Лассвелл искал прежде всего скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые стали причиной психологических травм будущего политика. Власть же, согласно Г. Лассвеллу и его предшественнику А. Адлеру, является средством, которое компенсирует эти травмы, что и объясняет ее притягательность.

Отечественная политическая психология.

Современная *российская политическая психология* также имеет замечательных предшественников. Особенно богато наследие конца XIX — начала XX в., когда интерес к личности, психологическому компоненту социальных процессов был широко представлен и в политической мысли, и в философии, и в нарождавшейся социологии. Этот интерес присутствует и в полемике марксистов с народниками, в частности в работах Г.В. Плеханова и В.И. Ленина.

До сих пор концепции ряда русских мыслителей того периода представляют не только историческую ценность. Так, в «Очерках по истории русской культуры» П. Милоков прослеживает развитие российской политической культуры, в частности особенности русского политического сознания в его «идеологической» форме на протяжении всей русской истории*. В русский период своего творчества П. Сорокин размышлял над проблемой социального равенства, свободы и прав человека**. Пережив ужасы гражданской войны, он попытался их осмыслить не только как социолог, но и как психолог***. В начале века выходят в виде пяти маленьких томиков «Психиатрические эскизы из истории» П.И. Ковалевского, составляющие вполне реальную альтернативу психоаналитическим подходам к психобиографии политиков. Позже, в 20-е гг. была издана книга Г. Чулкова о русских императорах, содержащая блестящие психологические портреты русских правителей****. Недавно вышедшая книга В.Д. Чижа***** продолжает ряд психиатрических очерков о политиках.

---

* Милоков П. Очерки по истории русской культуры. СПб, ч. I ГПБ, АДП ед. хр. 4452, 1901.

** Сорокин П.А. О свободах. Неотъемлемые права человека и гражданина. М.: Художественная литература, 1993.

***Сорокин П.А. Голод и идеология общества // Экономист, 1922. № 4—5.

**** Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. М.: Искусство, 1995.

***** Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М.. Республика, 2001.

Особая страница истории политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России, особенно после революции 1917 г. О необычайной судьбе тех, кто увлекся ставшей тогда модной теорией З. Фрейд а, можно прочесть в книгах А. Эткинда «Хлыст, секты, литература и революции», «Эрос невозможного»*. Пожалуй, самое поразительное в истории расцвета, запрета и повторного проявления интереса к психоанализу уже в наши дни — это именно его связь с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что если бы не увлекались идеями психоанализа такие политики как Л. Троцкий, К. Радек, А. Иоффе, судьба этой психологической школы в России была бы иной, возможно не было бы запретов на исследования после середины 30-х.

---

* Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993, Эткинд А. Хлыст. Секты.

Еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Но, очевидно, это можно будет сделать не раньше, чем осядет пыль на полях политических и идеологических баталий новейшего времени. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В отечественном обществоведении преобладали указания на определяющую роль масс в политическом процессе и одновременно — недооценка значения личностного фактора. При этом трактовка масс была весьма упрощенной: массы понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические посылки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим к этому, что реального представления о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

В этом отношении политическая психология находилась в еще худшем положении, чем социальная психология и социология, представители которых дважды за послевоенный период приступали к изучению человеческих компонентов общества в целом и политики в частности. Оба раза эти попытки были связаны с реформой системы — в годы хрущевской «оттепели» и в годы перестройки. Возникновение серии работ, касающихся политико-психологической проблематики, относится к началу — середине 60-х гг. — это работы Б. Поршнева, Ю. Давыдова, В. Парыгина, Ю. Замошкина и других социологов, историков и психологов. В эти же годы происходит настоящее знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в советском контексте.

Однако в 70-е — 80-е гг. проблематика политического поведения в ее человеческом измерении перемещается на периферию научных дискуссий и общественного интереса. В то же время, оставаясь невостребованной политической практикой, она не перестает развиваться в рамках отдельных отраслей знания. Так, в рамках страноведения, под защитой рубрики «критика буржуазной социологии, политологии и иных теорий» были опубликованы результаты отечественных исследований специалистов по развивающимся странам (Б. Ерасова, Б. Старостина, М. Чешкова, Г. Мирского и др.), американистов (Ю. Замошкина, В. Гантмана, Э. Баталова), европейстов (А. Галкина, Г. Дилигенского, И. Бунина, В. Иерусалимского).

Политологи-страноведы обсуждали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и другие политико-психологические сюжеты, используя лишь зарубежный материал, так как проводить непосредственное исследование отечественной политической жизни не рекомендовалось. Книги А. Галкина, Ф. Бурлацкого, А. Федосеева, А. Дмитриева, Э. Кузьмина, Г. Шахназарова и других советских политологов заложили основу современной политологии в целом и политической психологии в частности. Создание Советской ассоциации политических наук (САПН) способствовало поискам отечественных политологов в указанном направлении, помогало их приобщению к зарубежному опыту исследований.

Второй период обостренного общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 80-х гг., с началом процесса демократизации и гласности, получившем название «перестройка». Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись те ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: А. Асмолов, Э. Баталов, Г. Дилигенский, Е. Егорова-Гантман, И. Кон, Д. Ольшанский, А. Петровский, С. Рощин, Ю. Шерковин, А. Юрьев, автор данного учебника и другие известные политологи, психологи, социологи. За ними последовали их ученики, исследователи более молодого поколения.

В 90-е гг. сама политика дала новый мощный толчок развитию политической психологии. Начал формироваться социальный заказ на исследования электорального поведения, восприятия образов власти и политиков, лидерств, психологических факторов становления многопартийности, политической социализации и др.

Сейчас в России десятки исследователей ведут как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимаются одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно востребованы эти специалисты в период выборов, во время которых они способны просчитать ситуацию не на глазок, а с использованием специального научного инструментария.

Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Кафедра политической психологии на психологическом факультете Санкт-

Петербургского университета в 1999 г. отметила свое десятилетие. В 2000 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова на отделении политологии открылась кафедра политической психологии. Курсы лекций читаются во многих отечественных университетах. Изданы первые учебные пособия по политической психологии*. В 1993 г. была создана Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом *ISPP*. Предмет «политическая психология» в настоящее время входит в государственный стандарт по подготовке политологов. По этой специальности ВАКом присваиваются ученые степени по двум наукам: психологии и политологии. Таким образом, можно сказать, что данная дисциплина получила институциональное признание и постепенно завершает начальную стадию своего становления.

---

* Шестопап Е. Очерки политической психологии. М., 1990; Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992; Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994; Ольшанский Д.В. Введение в политическую психологию. М.: Деловая книга, 2001.

2.2. Современное состояние политической психологии как науки

Фундаментальные и систематические теоретические разработки в области психологии политики начались в 60-е гг. в США под влиянием «поведенческого движения». Тогда для изучения проблем международной политики при Американской психиатрической ассоциации была создана группа, преобразованная в 1970 г. в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 г. в Американской ассоциации политических наук (*American Association of Political Science*) был основан исследовательский комитет по политической психологии (*Research Committee in Political Psychology*), на основе которого в 1979 г. было организовано Международное Общество политических психологов, уже получившее статус международного (*International Society of Political Psychology, ISPP*). Это Общество издает свой журнал *Political Psychology*. В настоящее время публикации, посвященные политико-психологической проблематике, появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В *ISPP* сейчас насчитывается более 1000 членов практически со всех континентов; ежегодно проводятся собрания, на которых рассматриваются наиболее актуальные теоретические проблемы — такие, например, как «Психологические аспекты политики изменения», «Национальное строительство и демократия в мультикультурных обществах». В 1999 г. ежегодное собрание, созданное в Амстердаме, было посвящено теме «Глобальное или местное столетие? Конфликт, коммуникация, гражданство», а в 2001 г. ежегодное собрание, прошедшее в Куэрनावе (Мексика), — теме «Язык политики, язык гражданства, язык культуры». В 2002 г. тема годового собрания: «Язык и политика».

Хотя политическая психология получила действительно международное признание, большая часть исследователей живет и работает все же в США или Канаде. Назовем имена лишь нескольких крупных ученых, таких как М. Херманн, Р. Сигел, Д. Сире, С. Реншон, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Р. Такер, Дж. Пост, Б. Глэд, Р. Кристи, С. Макфарланд, К. Монро и др.

В Европе существуют свои давние традиции анализа политико-психологических явлений. Серьезные работы в этой области изданы в Германии (А. Ашкенази, П. Шмидт, Г. Ледерер, Х.-Д. Клингеманн, Г. Мозер, Г. Мауер и др.), во Франции (А. Першерон, А. Дорна, С. Московичи), в Великобритании (Х. Хейст, М. Биллиг, А. Сэмюэль), а также в Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах. Хотя следует отметить, что европейские политологи — традиционно с определенным опасением относятся к иррационалистическим концепциям психологов (прежде всего, к психоанализу), с которыми они по преимуществу и ассоциируют политическую психологию.

Следует отметить, что интерес к политической психологии наблюдается и в таких регионах, где раньше ни политическая наука, ни психология не имели развитых традиций либо традиционные школы находились в отрыве от современной методологии. Так, в последние десятилетия исследования в этой области проводятся в Латинской Америке, Африке, Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности в Китае, Индии, Пакистане, Южной Корее, не говоря уже об Австралии и Новой Зеландии, где ведется огромная исследовательская работа, издаются десятки монографий.

Хотя единичные книги и статьи появлялись и ранее, отсчет современного этапа развития политической психологии, очевидно, следует вести с издания в 1973 г. коллективной монографии под редакцией Джин Кнутсон, в которой подведены итоги развития этой науки и выделены важнейшие направления для дальнейшего исследования*. Другой крупной вехой было появление в 1986 г. монографии под редакцией М. Херманн**. Эта книга дает представление об изменениях, которые

произошли в политической психологии: во-первых, большинство исследователей пришли к убеждению, что внимание следует направить на взаимодействие политических и психологических феноменов; во-вторых, объектом исследования должны стать наиболее значимые политические проблемы, к которым привлечено внимание общественности; в-третьих, следует уделять значительно большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений; в-четвертых, необходимо изучать не только результат тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять процесс формирования тех или иных политических убеждений; и, наконец, в-пятых, современные политические психологи стали гораздо более терпимыми к методам сбора данных и исследовательским процедурам, полагая, что методологический плюрализм — неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории. В настоящее время в *ISPP* готовится новая коллективная монография, подводящая итоги развития политической психологии за последние десятилетия.

---

* Handbook of Political Psychology. Ed. by Knutson J. San Francisco: Jossey-Bass, 1973.

** Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. Ed. by Hermann M. San Francisco: Jossey-Bass, 1986.

О степени развития науки во многом можно судить о том, кому и как широко она преподается. В качестве примера можно указать на практику университетов США и Канады: в 90-е гг. в 78 университетах читалось более 100 курсов политической психологии; лекции и семинары по политической психологии посещали более 2300 студентов только на младших курсах; преподавание ведется как для студентов-политологов, так и для психологов (хотя и в меньшей степени)*; в государственном университете штата Огайо ежегодно проводятся летние школы для молодых ученых, которые специализируются в области политической психологии, — начиная с 2002 г. предполагается организовать такие школы в Европе (в Варшаве).

---

* Funk. C. and Sears D. Are We Reaching Undergraduates? A Survey of Course Offerings in Political Psychology// Political Psychology, 1991. Vol. 12. No 3.

Другой параметр развития науки — ее прикладное использование. Так, политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при заключении Кэмп-Дэвидской сделки между Израилем и Египтом. Известный политический психолог Джерри Пост составил психологический портрет террориста, известного как *Unibomber*, угрожавшего в 1999 г. устроить взрывы в Нью-Йорке, с помощью которого тот был найден и арестован. Специалисты по политической коммуникации в разных странах Европы и Америки внесли свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским и президентским выборам.

Многие политические деятели сами владеют психологическими методами, используя их для выработки стратегии на будущее и для анализа прошлого. Так, один из соперников Дж. Буша на президентских выборах 1988 г., М. Дукакис активно работает в области политико-психологической теории; известные политические деятели Р. Никсон и Д. Локард психологически осмыслили свой прежний политический опыт. Интерес к работам, посвященным политической психологии, проявляют политики, относящиеся к разным партиям и группировкам. Они используют данные этой науки для налаживания отношений с общественностью, мобилизации населения на выполнение реформ, принятия решений по важнейшим стратегическим направлениям политики.

2.3. Ведущие школы и направления современной политической психологии

Современная политическая психология представлена многочисленными теоретическими моделями. Однако все это пестрое разнообразие подходов, исследовательских стратегий и методов характеризует две ведущие тенденции.

Первая из них основана на представлении об объекте исследования — человеке — как о простом винтике политической машины. Отсюда и инженерный подход к налаживанию работы этой машины, и сциентизм, и технократизм как исследовательская философия группы политических психологов - сторонников этой тенденции. Методологическим фундаментом концепций политпсихологов данной группы являются в основном позитивистские теории, заимствованные как из психологии, так и из политологии.

Вторая тенденция основана на том, что человек является не только объектом политического

воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом. В рамках этой тенденции используются иные методологии. В частности, для теоретиков этого направления характерно обращение к антипозитивистским моделям личности; они выбирают также такие теоретические парадигмы, которым не свойственны манипуляторские тенденции.

Начнем знакомство с теоретическими представлениями политических психологов с первого — **позитивистского** — типа моделей.

В конце 50-х — начале 60-х гг., когда начинались первые политико-психологические исследования, у ученых практически не было выбора теоретических моделей: структурный функционализм и его разновидность — системный анализ политики — были монополистами в области методологии. Политологи ставили перед собой задачу развить идеи основоположников этого метода Т. Парсонса и Р. Мертона применительно к политической системе. К. Дойч, Г. Алмонд, Д. Истон, Дж. Деннис, Ф. Гринстайн, Дж. Торни, Р. Хесс и другие американские политологи стремились построить чисто научное, лишенное субъективизма и идеологической тенденциозности знание о политике.

Одной из наиболее известных политико-психологических концепций этого направления стала **теория «политической поддержки»**, разработанная американскими политологами Д. Истоном и Дж. Деннисом в 60-х гг. в русле общей теории системного анализа политики. Эта концепция базировалась на нескольких фундаментальных допущениях.

Во-первых, она исходила из понимания политики как такой системы, где на «входе» граждане предъявляют властям определенные требования, но одновременно обязуются добровольно подчиняться предложенным им правилам. На «выходе» власти принимают решения, которые граждане будут выполнять. Политологи обнаружили, что и на «входе», и на «выходе» им приходится иметь дело с психологическими реальностями: и готовность граждан оказывать поддержку политикам, и решения самих политиков подчиняются определенным психологическим закономерностям. Соответственно сбои в работе политической системы во многом объясняются этим человеческим фактором, учет которого поможет наладить работу системы.

Личность как таковая теоретиков «политической поддержки» не слишком интересовала. Их задача состояла в поиске источников сбоев в работе политической системы. Но поскольку человек оказался в числе факторов, порождающих стресс системы, надлежало его проанализировать. Найденный Д. Истоном и Дж. Деннисом ответ заключался в том, что **стресс** (напряжение, ведущее к кризису) системы уменьшается, если граждане принимают предложенные им системой правила игры без сопротивления и добровольно. Это возможно, если требования системы усваиваются ими по мере социализации, с раннего возраста — тогда сами запросы граждан становятся более предсказуемыми и менее разнообразными. Конечно, можно добиться того же эффекта и силой. Но такой путь чреват ростом политической нестабильности и в современных обществах не выгоден экономически.

Во-вторых, источником психологических воззрений Дж. Денниса и Д. Истона является некая смесь психоаналитических и бихевиористских идей. Так, они исходят из того, что политические установки взрослых являются конечным продуктом предыдущего научения и что они, в свою очередь, определяют их поведение. При этом Деннис и Истон исходят из того, что «базовые детские чувства труднее вытесняются и изменяются, чем те, что приобретены позже ... В моменты кризисов вероятно возвращение личности к своим базовым представлениям»*. Теоретики «политической поддержки» убеждены также и в том, что совокупность установок и активности граждан оказывает воздействие на правительство и политическую жизнь страны, определяя, прежде всего, ее стабильность.

---

* Easton D., Dennis J. Children and the Political System. N.Y.: Wiley, 1969. P. 28.

Понятно, что не политика является центром детской психики. Д. Истон и Дж. Деннис высказали плодотворную гипотезу о том, что основой наших более поздних политических убеждений являются общие, (а не собственно политические) установки, корни которых уходят в детство и которые обусловлены типом семьи, опытом взаимодействия с властью отца или учителя. Теоретики «политической поддержки» утверждали, что этот опыт определяет дальнейшее отношение гражданина к власти в государстве. Так, если ребенок вырос в семье с авторитарными родителями, то это может впоследствии сформировать его отношение к главе правительства или президенту, который занимает в сознании личности то место, которое когда-то занимал его отец.

Центральная идея рассматриваемой нами концепции -- идея психологической поддержки власти со стороны рядовых граждан — также выводится авторами этой концепции, исходя из психологических оснований. Взрослый человек будет поддерживать политическую систему в том случае, если в детстве

его отношение к системе было окрашено позитивно. Детская политическая картина мира, конечно, не совпадает в деталях с вновь приобретенными убеждениями. Но базовые ценности поддержки остаются и проявляются в лояльности к власти, доверии к государству, симпатии к национальному флагу, идентификации со своей страной.

Мы видели, как проявляется политическая поддержка в психологии личности. Но с точки зрения системы такая поддержка является необходимым стабилизирующим ее компонентом. Без нее система разлагается. При широком хождении негативного образа политики возникают такие ее дисфункции или болезни, как движения протеста, экстремизм, терроризм, апатия и прочие малоприятные явления. Отсюда Истон, Деннис и их единомышленники сделали вывод: если система стремится себя сохранить, она должна предпринимать специальные усилия для того, чтобы с раннего детства новые поколения граждан получали позитивные впечатления от политики. При этом средства такого воспитания должны быть адекватными детскому восприятию: комиксы и мультфильмы, игры и детские книги, где различные представители власти — от полицейского до президента — вводили бы ребенка в устойчивый и «хороший» мир взрослых.

На следующем этапе развития политической психологии исследователи, проверив гипотезу Истона и Денниса, пришли к выводу, что в целом процесс был описан ими верно. Так, в одном из детских садов Нью-Йорка ученые опросили детей пятилетнего возраста. Их интересовало, что они знают о президенте и полицейском («голова» и «хвост» политической системы). Оказалось, что о функциях полицейского дети имеют достаточно подробное представление. С президентом дело обстояло несколько хуже. Один мальчик сказал, что президент (это был Ричард Никсон) похож на его дедушку, другой — что это президент мира и свободы, третий — что президент делает войну. Только последний ответ принадлежал ребенку, который действительно интересовался политикой: его любимой телевизионной программой были «Новости». Политические представления других детей еще не сформировались («Президент как дедушка»), либо дети воспроизводили идеологические клише без их личностного осмысления*.

* New Directions in Political Socialization. Ed. by Schwartz D. N.Y. 1975. P. 232 -236.

Если у американских детей из среднего класса, белых и городских жителей процесс формирования политической поддержки выглядел именно так, как его описали Д. Истон и Дж. Деннис, иначе складываются отношения с властью у других социальных и этнических групп. Так, в одном из неблагополучных районов США (Аппалачи), в котором высок уровень безработицы и имеется масса социальных проблем, политическая картина мира у детей и подростков иная. В отличие от своих более благополучных сверстников подростки 10 — 12 лет этого региона не осознавали себя американцами, не гордились своей страной, т.е. у них не сложилось даже национальной идентификации, не говоря о политической. Надо ли говорить, что фигура полицейского для них не выглядела дружелюбной, а о президенте и политиках они имели весьма смутное представление.

Политическая психология 80 — 90-х гг., используя идеи теоретиков «политической поддержки», развила одни их положения и отказалась от других. Так, те дети, которых изучали Д. Истон и Дж. Деннис, повзрослев, оказались в рядах бунтующего поколения конца 60 — начала 70-х гг. Если эти благополучные дети, получившие, казалось бы, столь хорошую «прививку», очутились потом в рядах хиппи и панков, отказывающихся от политических взглядов своих родителей, то рассуждения по мнению этих теоретиков были не совсем правильными. Сами они полагали, что в крахе их теории виноваты не теоретические модели, а уникальная ситуация того периода, которая привела к перерыву постепенности передачи политических ценностей от одного поколения другому. Следующий виток политической истории вернул все на свои места.

Подвергся критике коллег и другой тезис Д. Истона и Дж. Денниса о том, что нормой является абсолютная лояльность гражданина системе, между тем как критичность приводит к ее дестабилизации. Все попытки найти описанный теоретиками «политической поддержки» идеальный тип человека с условной моралью, - т.е. приверженной общепринятым нормам — высокой степенью доверия к правительству и политической активности, оказались тщетными — подобный тип человека можно назвать скорее исключением, чем нормой, даже в стабильных политических системах, — что же говорить о странах, в которых идет быстрая смена режимов, лидеров и идеологий. Тут гипотезы Дж. Денниса и Д. Истона нуждаются в новой проверке.

Другой разновидностью функционалистской теории была *ролевая теория политики*, которая объясняла политический процесс (как международный, так и внутренний) с помощью понятия «роли». Появление новой теоретической модели было вызвано самим политическим процессом: 70-е — 80-е гг.

стали периодом модернизации политических систем многих стран (как развитых, так и развивающихся); это потребовало мобилизации новых слоев населения, ранее выключенных из политической активности. Необходимость рекрутирования новых членов в политические партии и организации, привлечение их к электоральному процессу потребовало и новых теоретических подходов. Ролевой подход к анализу политики был почерпнут функционалистами из социологии и социальной психологии.

Введение в оборот политической теории психологической категории «роль» оказалось очень плодотворным, но ее функционалистская трактовка породила определенные возражения.

Во-первых, ряд исследований показал, что роль участника политического процесса не сводится, как это понимают функционалисты, к простой адаптации гражданина к политической системе, пассивному усвоению им имеющихся образцов. Не срабатывают автоматически и нормативные ролевые предписания. Все чаще встречаются политические движения и союзы, которые невозможно было представить ранее: «Генералы за мир» в Европе, мятежные священники — в Латинской Америке или объединение в рамках одного движения предпринимателей и профсоюзов — в России. В таких случаях исполнители политических ролей не вмещаются в предписываемые самими ролями образцы политического поведения.

Во-вторых, практика не подтверждает и другого тезиса ролевой теории политики о том, что эффективное включение человека в роль происходит посредством идентификации личности с системой в целом и с отдельными политическими институтами (прежде всего, с партиями и организациями) в частности. Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией на протяжении нескольких поколений, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правила.

В работах 80-х — начала 90-х гг. приверженцы ролевой теории политики пошли по пути поиска тех ролевых рамок, за которые исполнитель не должен выходить. Это объяснялось тем, что этап мобилизации закончился и правящие элиты искали инструменты обеспечения политического участия «без эксцессов». Доминирующей идеей стала идея консенсуса, мода на которую докатилась и до российской политики в период правления М.С. Горбачева.

Но новые политические реальности даже в относительно стабильных западных системах, не говоря уж о странах распавшегося Советского Союза, диктовали необходимость не только искать согласие (что абсолютно нереально), сколько учиться сосуществовать с конфликтом и по возможности управлять им. Ролевая теория политики оказалась достаточно эффективной для решения этой задачи. Так, получила распространение идея разрешения международных конфликтов методом «переключения ролей», предложенная Б. Коэном и А. Рапопортом*, согласно которой конфликт в жизни общества неизбежен — надо лишь цивилизовать его, введя определенные правила игры, например — мысленный обмен ролями.

---

* Rapoport A. Conflict in Man-made Environment. Baltimore, 1974; Cohen B. The political process and Foreign Politics. Princeton, 1957.

Другой пример использования теории ролей применение ее в совокупности с математической теорией игр. Например, мотивы поведения сторон в международном конфликте моделируются по аналогии с такими ролями, как «шофер» и «грабитель машины», «хозяин дома» и «вор-взломщик». С помощью этих моделей американские политические психологи еще совсем недавно просчитывали внешнеполитические ходы в отношении СССР, — естественно, приписывая себе обороняющиеся, а своему оппоненту — агрессивные роли.

Функционалистские модели политики оказали немалое влияние на современное понимание поведения человека в политике. Но они оперировали в основном макрофакторами, их методы исследования и практические рекомендации были непригодны для решения более частных политических задач. Для этого понадобились более психологизированные теории политики, доходящие до отдельного человека. Такой теоретической ориентацией стал *политический бихевиоризм*. Основная задача этой теории — изучение индивидуального поведения в политике с целью оптимизации управления этим поведением со стороны элиты. Для этой цели использовался широкий спектр собственно психологических методов.

Основная идея классического бихевиоризма напрямую заимствована политической наукой из психологии — это идея непосредственного влияния среды на поведение индивида. Политическое

поведение подчиняется старой формуле бихевиористов: S—R (стимул — реакция). Например, желая понять феномен политического отчуждения политические бихевиористы предлагают формулу «простые социальные условия — политическое поведение». Исследователям остается замерить первый и второй показатели и найти корреляцию между ними. При таком подходе значение ситуационных факторов явно превалирует над внутренней активностью индивида.

Радикальные разновидности бихевиоризма используют формулу «стимул — реакция» прежде всего для контроля над поведением индивида или, используя их терминологию, — для «модификации поведения». Ведущий теоретик этого направления, американский психолог Б. Скиннер, формулирует эту мысль с предельной ясностью: «Ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, чтобы улучшить контроль над ними»*. Аргументы Б. Скиннера послужили «научной» основой, оправдывающей программы насильственного контроля над поведением граждан самыми варварскими средствами, включая генную инженерию, аверсивную терапию и электрошок.

---

* Skinner B. Beyond Freedom and Dignity. N.Y.: Free Press, 1972. P. 37.

Крайности радикального политического бихевиоризма — как политического, так и методологического свойства — разделяли не многие исследователи. Так, представители школы социального научения смягчили жесткую модель поведения, включив в нее ряд промежуточных переменных (установки, мнения и даже личность в целом). Шагом вперед было и включение в анализ политического поведения его содержательных компонентов -ценностей, которые усваивает индивид в процессе получения жизненного опыта.

Рассмотрим теперь второй — **антипозитивистский** — тип теоретических моделей совместной политической психологии.

Реакцией на игнорирование политическими бихевиористами и функционалистами внутреннего мира человека было выдвижение на первый план **антипозитивистских концепций**. В европейской политической психологии этот поворот происходил под влиянием идей феноменологов, экзистенциалистов и представителей других теоретических школ, поставивших под сомнение позитивистские трактовки проблемы личности. В США и Великобритании позитивистские концепции подверглись критике со стороны не столько теоретиков, сколько практиков, нуждавшихся в более эффективных моделях управления поведением человека. Разочаровавшись в методах воздействия непосредственно на поведение, эти специалисты обратились к изучению сознания, предложенных (когнитивизм и гуманистической психологией) и бессознательных структур психики и осуществляемых психоанализом.

Когнитивистское направление политической психологии прежде всего исследует процесс *политического мышления*. Согласно общим взглядам психологов этой школы выбор модели политического поведения опосредуется теми взглядами и ценностями, которые составляют содержание сознания человека. Одни исследователи при этом основное внимание уделяют процессу становления политического сознания, других больше интересует его структура.

В последние два десятилетия акцент в исследованиях был сделан не столько на динамике формирования политического мышления в детском возрасте, сколько на том, чем руководствуется взрослый человек, делая свой политический выбор. Так, английский политический психолог Х. Химмельвайт предложила «потребительскую модель», в которой она проводит аналогию между принятием политического решения и решением покупателя о выборе того или иного товара. Избиратель, голосующий за того или иного кандидата, ищет максимального соответствия своих установок с партийными программами или наименьшего несоответствия между ними. Привычка к голосованию за определенную партию сходна с привязанностью к определенному магазину или фирме, а воздействие референтных групп сходно с воздействием образа жизни наших друзей или коллег на *наши пристрастия*.*.

---

* Himmelweit H. How Voters Decide? L.: Academic Press, 1981. P. 131.

Работы когнитивистов показали, что в странах со стабильной политической системой, где у избирателей действительно есть привычка голосовать за определенную партию, политическое сознание граждан заполняется определенными «пакетами идей». На уровне индивидуальной психологии идеология, ставшая частью сознания человека, предстает в виде связки идей в одном пакете. Так, установки англичан по вопросам атомного оружия коррелировали с их отношением к национализации

общественного транспорта и системы здравоохранения, иммиграции и смертной казни.

Два других английских политических психолога П. Данливи и П. Сондерс использовали «потребительскую модель» для описания нового социального расслоения, которое возникает в современном постиндустриальном обществе по линии не производственных отношений, а потребления товаров и услуг. Политическое сознание англичан, например, определяется сегодня не только и не столько размером их дохода, сколько тем, имеют ли они дом в собственности или арендуют его, имеют ли собственный автомобиль или пользуются городским транспортом, делают ли они покупки в престижных магазинах или на толкучке. Эти субъективные линии не менее важны для политического выбора избирателя, чем их объективная классовая принадлежность или уровень доходов.

Среди антипозитивистских ориентации важное место принадлежит представителям *гуманистической психологии*, предлагающим учитывать эмоционально-мотивационную сферу личности при анализе политики. Большое влияние на политических психологов данной школы оказали идеи А. Маслоу об иерархии потребностей и ненаправленная психотерапия К. Роджерса. Идеи этих ученых были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как пассивного объекта воздействия среды, подчеркивающей самостоятельную ценность активности личности. Движущей силой личностного развития, по их решению выступают потребности.

Политических психологов привлекла возможность проникнуть вглубь личностных механизмов формирования политического сознания и поведения посредством системы потребностей. Они исходили из того, что важнейшим мотивом политического участия являются не простая выгода или политическая сделка, а глубинные потребности личности, образующие основу ее убеждений. Эти базовые потребности служат, в свою очередь, фундаментом собственно политических установок.

Американский политический психолог С. Реншон использовал теорию иерархии потребностей А. Маслоу для исследования проблемы демократии. Он исходил из того, что только та система, которая удовлетворяет базовые потребности человека, может эффективно вовлекать в политическую активность своих граждан и рассчитывать на их поддержку. Одной из таких потребностей, важных для становления демократии, является потребность человека в участии, которая на психологическом уровне выражается в установлении личного контроля над ситуацией. Реншон одним из первых политических психологов предложил включить в исследование политических проблем, в частности демократии, психологические индикаторы*.

---

* Renshon S. Psychological Needs and Political Behaviour. N.Y.: Free Press, 1974.

Если представители гуманистической психологии и когнитивисты исследовали потребности, эмоции, мотивы, механизмы политического мышления, которые дают индивиду программу рациональных действий, то *политический психоанализ* основной акцент делает на бессознательных структурах психики. В настоящее время это направление является одним из наиболее распространенных, особенно среди американских исследователей. Задача политического психоанализа — изучение политических структур личности, классификация типов личности и создание психобиографий политических деятелей.

Основой представлений о политическом поведении в этом направлении является учение З. Фрейд а о бессознательном. Личность в целом, и особенно ее стремление к власти, трактуются психоанализом как иррациональные, инстинктивные феномены. В политическую психологию эта школа внесла важную идею о том, что человек является не полностью сознательным существом, и в своем поведении в не малой степени руководствуется инстинктивными импульсами. Последователи З. Фрейд а и Г. Лассвелла утверждают, что подлинные мотивы поступков обычно скрыты благопристойной «упаковкой» - скажем, борьба за справедливость или стремление помочь бедным на поверку могут оказаться продиктованными иными, чисто личными мотивами политика.

В главе 1 мы уже обращались к особенностям психобиографического метода. В данном разделе проиллюстрируем методологию психоанализа в политических исследованиях на примере построения политических типов личности. Г. Лассвелл один из первых политических психоаналитиков, исследовав различные стили политического поведения, высказал гипотезу, что стиль речи, стиль межличностных отношений и другие особенности лидеров связаны с общими личностными характеристиками. Так, он выделил три типа политиков: «агитатор», «администратор» и «теоретик», — и описал конкретных носителей этих типических черт. Вот как выглядит, например, типичный агитатор. Это человек с неистребимой склонностью к публичным выступлениям. Он по убеждениям социалист. Лассвелл объясняет приверженность к данной идеологии у описываемого им политика его чисто семейными обстоятельствами, а конкретнее — завистью, которую он испытывал по отношению к своему брату.

Такие чувства обычно тщательно скрываются, поскольку социально неприемлемы, но и в скрытой форме зависть продолжала его мучить, он испытывал чувство вины, которое в дальнейшем трансформировалось в приверженность идеям равенства и братства в их социалистической интерпретации.

Другой пример, приводимый Лассвеллом, — исследование им сторонника антирасового движения в Америке, чьи политические взгляды он связывает с интимным опытом этого политика, которого в юности совратила чернокожая женщина. Конечно, столь прямолинейная интерпретация сегодня выглядит анахронизмом. Однако идея Лассвелла о необходимости поиска неосознаваемых мотивов, питающих политическую деятельность, остается весьма привлекательной.

Политический психоанализ внес вклад и в исследование такой важнейшей проблемы, как проблема авторитарной личности. Еще в 1950 г. Теодор Адорно с соавторами провел исследование личности «фашистского» типа, для анализа которой была предложена специальная шкала *F* — «шкала фашизма». Интерес к человеку такого склада диктовался опасениями повторения трагедии второй мировой войны.

Объектом исследования стали не реальные фашисты, а обычные белые американцы, относящиеся к среднему классу. Результат исследования оказался неожиданным: оказалось, что среди этих средних американских граждан авторитарный тип встречается довольно часто. Авторитарная личность характеризуется особым набором психологических характеристик, среди которых: стремление подавлять других, нетерпимость, этноцентризм (т.е. представление о превосходстве своей нации над другими) и др. При этом такой человек, подавляя слабых, боится тех, кто сильнее его.

В настоящее время немало исследований посвящено психологии авторитаризма. Многие первоначальные положения политического психоанализа получили развитие — в частности, важнейшее положение, о том, что истоки происхождения авторитаризма следует искать в раннем семейном опыте, структуре семейной власти*.

---

* Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. М.: Республика, 2001.

Вопросы для обсуждения

1. Перечислите этапы становления западной политической психологии.
2. Как развивалась политическая психология в России?
3. Охарактеризуйте современное состояние политической психологии как науки.
4. Расскажите о ведущих позитивистских школах и направлениях в политической психологии.
5. Какие основные теоретические подходы развиваются в рамках антипозитивистских направлений?

Литература

1. Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. Ed. by Hermann M. San Francisco: Jossey-Bass, 1986.
2. Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М.: Аспект-пресс, 1994.
3. Политическая наука. Новые направления / Под ред. Клингеманна Х.-Д. и Гудина Р. М.: Вече, 1999. Гл. 3.
4. Шестопад Е.Б. Личность и политика. М.: Мысль, 1988.
5. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. М.: Республика, 2001.
6. Эткин А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Medysa, 1993.
7. Эткин А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996.
8. Ковалевский П.И. Психиатрические этюды из истории //Диалог, 1991 — 1993.

Глава 3. Предмет и методы политической психологии

3.1. Дискуссии о предмете политической психологии

Еще совсем недавно в области и политической науки, и психологии высказывались сомнения относительно судьбы политической психологии как самостоятельной научной дисциплины. Политологи, придерживающиеся традиционного направления, подвергали сомнению сам подход к политике, который, по их мнению, страдал редуционизмом, т.е. сводил собственно политические явления к психологическим. Так, американский политолог С. Хоффман возмущался тем, что некоторые исследователи сводят идеологию к иррациональным конструктам, а национальную идентификацию трактуют как патологический призыв к базовым инстинктам агрессивного толка или примитивным защитным механизмам*. Действительно, ряд ранних исследований в области политической психологии,

особенно находящихся под влиянием психоанализа, дали основания для подобных упреков. Хоффман был прав, утверждая, что «враги — не всегда являются лишь простыми проекциями негативного опыта личности. Иногда это — вполне реальные существа»**.

---

* Hoffman S. On the Political Psychology of Peace and War: A Critique and an Agenda// Political Psychology, 1986. № 7 (1).

** Ibid.

В отечественном обществоведении ситуация осложнялась к тому же и официальными идеологическими табу. Псевдомарксистский экономический детерминизм выносил за скобки любые факторы воздействия на политику, не вписывающиеся в традиционную схему анализа. Психология была в числе «нежелательных» феноменов в анализе политики.

У психологов были свои причины выражать недоумение по поводу предмета новой дисциплины: западные психологические школы (в основном позитивистской ориентации) рассматривали свой предмет в духе (естественнонаучных дисциплин и любое ценностно-окрашенное исследование считали отходом от канонов подлинной научности. Понятно, что политика не может быть таким же предметом преследования, как минерал или лягушка, т.е. предметом ценностно-нейтральным. Любой ученый привносит в процесс исследования свое собственное видение политики и свои политические ориентации, избавиться от которых политико-психологическое исследование, как и иные гуманитарные области, практически невозможно

В дискуссиях о **предмете политической психологии** можно выделить несколько (существенных моментов.

Во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса, возникало постепенно и отягощалось методологическими крайностями первых исследователей. Так, упоминавшаяся работа З. Фрейда и У. Буллитта об американском президенте Вудро Вильсоне, написанная еще в 30-х гг., нег публиковалась до 1967 г. в связи с тем, что были живы некоторые описанные в ней персонажи³. Но когда эта книга все же была издана, даже психологи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, нашли содержащиеся в ней методы анализа личности этого политика чрезвычайно упрощенными и устаревшими.

---

* Фрейд. З. и Буллитт У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1992.

Во-вторых, работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение, политическое мышление или политическую культуру, тоже нередко методологически недостаточно обеспечены! и используют в качестве научного инструментария политологические, и психологические, статистические и социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки.

В-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках этой науки, но и в работах по этнографии, страноведению, экономике, истории, социологии и др. В последние годы появилось немало интересных публикаций, имеющих междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на развитие нации и т.д. Все эти проблемы входят в круг исследования психологии политики, однако пока не получили в ней достаточного освещения и зачастую не осознаются специалистами из смежных дисциплин. Как известный герой комедии Мольера, «Мещанин во дворянстве», они говорят на политико-психологическом языке, даже не подозревая об этом.

Психология политики находится на начальном этапе развития, для которого характерны дискуссии по ключевым вопросам. Нерешен даже вопрос о названии этой науки: одни авторы предпочитают говорить о «политической психологии», другие — о «психологии политики», третьи используют название «социально-политическая психология» (Г. Дилигенский)*. Споры о названии не несут серьезной смысловой нагрузки, если не считать того, что разные его авторы отстаивают позиции той «материнской» науки, из которой они вышли, и, соответственно, используют преимущественно методологическое обеспечение, которое им более привычно. В одном случае психология политики рассматривается как раздел политологии, в другом — как психологическая субдисциплина.

---

* Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

Различны и точки зрения специалистов относительно объема изучаемых политико-психологических феноменов, включаемых в предмет. Так, Г. Дилигенский, вслед за рядом американских политических

психологов (С. Барнер-Бэрри, Р. Розенвейн) полагает, что политическая психология должна заниматься не макро-политическими процессами, а психологией политиков. Такая позиция не только сужает предметную область, но и предполагает использование исключительно инструментария индивидуальной психологии. Другие не менее авторитетные политические психологи (М. Херманн, Дж. Кнутсон, Х. Эйлау и др.), взгляды которых разделяет и автор этого учебника, напротив, расширяют задачу политической психологии: предметом ее исследования они считают не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии личности политиков-профессионалов, но и все многообразие групповых процессов, происходящих в политике.

Основные категории анализа. Как и любой науке, политической психологии присущ свой научный язык, свой категориальный аппарат. В силу междисциплинарного характера исследований в них соседствуют категории, используемые и философами, и антропологами, и социологами, и политологами.

Политическая философия снабдила политическую психологию наиболее общими теоретическими понятиями о соотношении личности и государства, подчинении гражданина политике (Т. Гоббс) и интересу, который эффективнее любого насилия управляет политическим поведением личности (А. Смит). Философы А. Тойнби, П. Сорокин, Дж. Оруэлл обогатили психоисторию как раздел политической психологии представлениями о психологических компонентах масштабных политических процессов. Общетеоретические идеи Т. Парсонса и Р. Мертона привнесли новое понимание политики как системы, в которой индивид является одним из ее элементов. Нередко эти метатеоретические представления специально не обсуждаются, оставаясь в имплицитной форме, но именно они подчиняют себе исследовательские процедуры.

Социология и социальная психология дали политической психологии основные методические приемы, методологию исследования. Эти дисциплины, как и политическая психология, не претендуют на широкомасштабные обобщения, оставаясь в рамках теорий среднего уровня. Такие категории, как роли, нормы, ценности, интересы, лидерство, конформизм, социализация и многие другие, описывающие внутри- и межгрупповое поведение человека, его становление в социальной среде как гражданина, политические психологи заимствовали из названных дисциплин.

Психология личности, представленная самыми разными ориентациями (см. глава. 2), обогатила политическую психологию такими категориями, как поведение, мотивация, когнитивные структуры, стиль мышления, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений и др. Те направления, которые базируются на психоаналитических подходах (например, психобиографическое), используют такие категории, как защитные механизмы, авторитарное подчинение, операциональный код. Приверженцы когнитивной парадигмы предпочитают говорить о менталитете, когнитивных картах личности политиков и их стиле политического мышления, семантическом пространстве. Последователи А. Маслоу и К. Роджерса в политической психологии оперируют такими понятиями, как мотивы, потребности, ценности. Сторонники бихевиоризма рассматривают поведение человека в политике сквозь призму наказания, поощрения, цены, обмена, стимула и пр.

Политическая наука снабдила политическую психологию категориями политической системы, политического участия, конфликта и консенсуса, плюрализма, гегемонии, демократии и иными понятиями, описывающими политические феномены. В политической психологии они используются в том же значении, что и в политологии, наполняясь при этом собственно психологическим содержанием.

3.2. Политика — объект исследования для психологии

Однажды, читая спецкурс по политической психологии, я предложила своим слушателям - профессиональным политологам дать определения самым распространенным в нашей науке понятиям: политика, президент, министр, Дума и т.д. Ну если не определения, то хотя бы ассоциации с этими понятиями. Вот какие определения **политики** дали слушатели:

Политика — это

игра, где пытаются выглядеть серьезно и решать серьезные проблемы;

возможность соотнесения себя с окружающей средой;

бизнес, власть, желание власти, желание денег, стремление к лидерству;

государственное управление, борьба за власть, движущая сила общества, оболочка для других процессов в обществе; «грязная работа», игра (шоу), власть;

деятельность, направленная на развитие общества, создание условий для существования граждан;

область приложения энергии наиболее активных, честолюбивых и властолюбивых граждан;
способ достижения власти;
отношение государства к народу, и наоборот;
правила жизнедеятельности в современном обществе;
способ воздействия на окружающих, способ достижения своих целей, удовлетворения самолюбия, сфера действий....

Это только малая часть обычной трактовки политики со стороны граждан. Обращает на себя внимание наличие у очень многих ощущение манипулирования, которое внутренне присуще политике. Чаще всего встречается ее понимание как властной игры, в которую включаются самые активные, честолюбивые, не всегда морально чистоплотные и нередко безответственные люди, которых и называют политиками; остальная же часть населения — это пассивные, незаинтересованные граждане, которым только и остается, что терпеть то, что с ними проделывают политики. Наши обыденные представления о политике чаще всего ограничиваются обозначением ее как сферы, достаточно далекой от нашей повседневной жизни и эпитетом «грязная», который чаще других соседствует со словом «политика». Если же учесть то разочарование в политике, которое сформировалось у российского населения в конце XX — начале XXI в., то никаких положительных эмоций это слово уже не вызывает.

Но так трактуют это понятие на уровне здравого смысла. Если же отойти от поверхностных стереотипов, то следует признать, что хотя политика действительно включает борьбу за власть, она не сводится только к грубому выяснению отношений между политиками, когда любые средства хороши. Это все же некая *цивилизованная форма отношений по поводу власти*.

Сейчас издано уже немало учебников по политологии, в которых даются весьма разнообразные научные трактовки этого понятия*. Одни авторы акцентируют в политике ее управленческие функции, говоря, что политика — это искусство управлять обществом; другие подчеркивают ее связь с властными отношениями, причем имеют в виду прежде всего силовые методы осуществления власти; третьи указывают на связь политики с правом.

---

* Например, Гаджиев К.С. Политическая наука. М: Международные отношения, 1994.

Рассмотрим их подробнее. В политической науке при всем многообразии определений ее основного объекта исследования — политики — выделяется несколько ее важных аспектов.

Политика как система государственных институтов

Действительно, говоря о политике, мы прежде всего вспоминаем о государстве как системе *политических институтов*, куда входят президент и парламент, армия и система безопасности, министерство внутренних и министерство иностранных дел, финансы и социальное обеспечение.

Политологи прежде всего изучают, как устроено то или иное государство, как оно регулирует отношения граждан с властью и отношения властных структур между собой. Зрелая политическая система предполагает, что разные институты выполняют различные функции и между ними существует разделение труда: внешняя и внутренняя политика имеют свою специфику, и чтобы обеспечить эффективное управление, нужны профессионалы, знающие свое дело.

Многие проблемы осуществления власти возникают в том случае, когда происходит смешение функций разных ее *ветвей*. Принцип разделения властей предполагает, что независимо друг от друга и с равной степенью ответственности перед обществом действуют *законодательная, исполнительная и судебная власти*. В современном обществе к ним принято добавлять и четвертую власть - *средства массовой информации*, которые освещают жизнь общества и служат каналом обратной связи между гражданами и политиками.

Далее мы специально рассмотрим, как выглядит соотношение властей в России. Очевидно, что кризис российской политической системы во многом обусловлен перекосами во взаимоотношениях разных ветвей власти, которая никак не придет к согласию «внутри себя». При этом всевозможные «пакты о ненападении», «договоры о согласии», которые время от времени рождаются в недрах одной из ветвей власти, по идее должны бы способствовать достижению равновесия этих ветвей, но им всегда что-то мешает — думается, прежде всего мешает психология тех, кто не может или не хочет договориться о согласии в силу стремления к монополизму, т.е. фактора находящегося вне политической системы.

Важной частью политической системы являются *политические организации, партии, общественные объединения и движения*. Граждане добровольно объединяются, чтобы защищать свои права и свои интересы. Политические партии, число которых в нашей стране сейчас превышает полторы сотни, с одной стороны, отражают разнообразие политических интересов, а с другой стороны, в силу малочисленности своих рядов и отсутствия опыта оказывают пока не слишком значительное влияние на ход политического процесса. Однако, каждый политик, особенно на национальном и региональном уровнях, желающий участвовать в выборах, создает либо квази-партию, либо ее административный аналог, чтобы повысить свои шансы на избрание. Многие из этих образований являются ширмами для финансовых групп, криминальных или иных сил, которые все с большим интересом воспринимают возможность оказывать на политику прямое воздействие.

Так, накануне выборов перед избирателями стоит сверхсложная задача: выбрать наиболее привлекательный политический блок или партию. За год до парламентских выборов 1999 г. было зарегистрировано 141 общественное объединение. Число претендентов на депутатское место по одномандатным округам в 1995 г. составило около 30 человек на одно место — ситуация на выборах 1999 г. была не менее сложной. Устойчивый электорат есть лишь у нескольких наиболее заметных партий. Большинство же избирателей будет делать свой выбор между остальными партиями и движениями практически вслепую.

В этом случае единственным ориентиром при выборе становятся *политические лидеры*, лица которых люди запомнили и которые являются символами определенной политической группы. Такая тенденция сложилась в России, начиная с выборов 1993 г., и сохранялась на протяжении всех последующих лет. Правда, и в отношении знакомых им лидеров, российские граждане проявляют не столько позитивные, сколько негативные установки. Избирателям надоели все политики — принадлежащие к действующей власти, оппозиционеры, левые, правые, центристы, депутаты, министры, лидеры фракций. Так что говорить о зрелости политики как системы пока явно преждевременно.

Политика как процесс

Политический процесс — изменения, которым подвергаются институты и исполнители разных функций и правила игры. В мире происходят войны и революции, реформы и стагнация. Мы приспосабливаемся к новым законам и находим способ их обойти. Политические процессы бывают мирными и насильственными, постепенными и скачкообразными.

Важно, что, изучая политику только как набор законов, правил, как ту или иную конфигурацию институтов, необходимо помнить: эта система изменчива. Современная политика столь быстро и радикально изменяется, что это порождает много сложностей — как внутри самой системы, не успевающей приспособиться, так и для конкретных участников процесса, теряющих почву под ногами, нуждающихся в специальных механизмах ориентации в неустойчивом политическом мире. Больше всего от этих изменений (в том числе и персональных) страдают управленческие структуры, которые перестают заботиться о благе граждан и начинают преследовать только собственные интересы. Но не менее сложно делать свой выбор гражданам, они не успевают выработать рациональные позиции и нередко становятся жертвами разного рода манипулятивных технологий — от примитивного подкупа до обработки их психики более изощренными методами.

В последние десятилетия политическая наука стала все чаще обращаться к анализу политического процесса, который не всегда отливается в форму устойчивых политических институтов, просто не вмещается в них. Проблемами, которые интересуют и теоретиков политики, и тех, кто принимает решения, являются формирование политических взглядов граждан и профессиональных политиков; культурный и национальный контекст политического процесса; становление новых политических движений; вхождение человека в политику и др.

Сегодня становится все труднее самостоятельно разобраться в смысле происходящих процессов, определить, какие события могут стать значимыми для каждого из нас, а какие окажут влияние лишь на верхушку политической пирамиды. Ряд исследований показал, что некоторые важные политические события (например, в США — убийство Дж. Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, в России — события перестройки, смерть академика А. Сахарова, чеченская война) оказали на политический процесс и на сознание целого поколения граждан определяющее воздействие.

Политика — игра по правилам

Как и любая другая социальная система, политика подчиняется регулирующим ее законам. Эти законы бывают как писаными (нормы права), так и неписаными (традиции, обычаи, правила поведения). В эпоху быстрых перемен официальные нормы и предписания подвергаются серьезным изменениям, пишутся новые конституции, принимаются своды законов, призванные регулировать официальные отношения между властвующими и подчиненными. Из опыта нашей повседневной жизни мы хорошо представляем себе, как непросто добиться исполнения даже давно действующих законов, осуществить гарантированные ими права, пробиться сквозь частокол всевозможных бюрократических инструкций. Что же говорить о множестве новых законодательных актов, которые нам предстоит узнать и исполнить! Отменяются или вводятся не только правила, но и роли, которые разыграются по этим правилам. Например роль вице-президента в России то вводится, то отменяется. Сейчас российские политологи все чаще настаивают на необходимости вернуть институт вице-президентства несмотря на негативный опыт*. Все чаще накануне парламентских и президентских выборов самые разные политические силы заводят речь о поправках к Конституции.

---

* О выходе из кризиса. Тезисы Совета по внешней и оборонной политике// Независимая газета, 1999, 16 февраля. С. 1, 8.

Представители исполнительной власти сетуют на то, что законы не исполняются. Частая смена правил игры приводит к появлению правового нигилизма, неуважению к законам, которые меняются так часто, что нет смысла их принимать в расчет. Непринятие правил игры основными действующими лицами российской политики сказывается в нарастании хаотических процессов, слабой управляемости и усугубляет и без того серьезные кризисные явления и в экономике, и в политике.

В такие периоды общество начинает руководствоваться не столько писаными, сколько неписаными правилами, устанавливаемыми не официальной политикой, а группами, имеющими реальную силу (в том числе и грубой силой, и силой денег). Именно они и «заказывают музыку». Нередко эти теневые структуры более эффективно осуществляют политические функции, чем формальная власть. Несколько лет назад газеты писали о том, что после ареста одного из главарей екатеринбургской мафии в городе резко возросла преступность; в правоохранительные органы начали обращаться граждане с просьбами выпустить главара мафии на волю, так как милиция не могла справиться с подчинявшимися ему преступными группировками.

В последние годы обнародовано немало сенсационных материалов, свидетельствующих о роли «олигархов» в современной российской политике — как до кризиса 17 августа, так и после него. Как показывают исследования взаимодействия политической и деловой элиты*, этот процесс приобретает все более опасные формы и делает «белый» сектор политики все более узким, а саму политику — все менее прозрачной для рядовых участников процесса.

---

* См. Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России. М.: Центр политических технологий, 1997.

Это не значит, что в эпоху перемен правила игры диктуют только те, у кого есть сила или деньги. Нередко именно люди, олицетворяющие неподкупность, справедливость и правду, моральную силу, задают тон в политической игре. Так было в первые годы перестройки, когда на волне борьбы с несправедливыми привилегиями на политическую авансцену вышли Б. Ельцин и А. Сахаров; так было в конце 1994 — начале 1995 г., когда действия властей в Чечне осудил Сергей Ковалев. Такие фигуры, олицетворяющие представление людей о справедливости, особенно заметны на фоне общего циничного отношения граждан к официальной политике.

Сложная зависимость между официальными и неофициальными политическими нормами складывается не только относительно отдельных функций политической системы (охраны правопорядка, выдвижение лидеров, управление). В любой сфере политической жизни эти два свода правил действуют одновременно - вопрос только в том, каково их соотношение. Если преобладают неофициальные правила, — это приводит к деградации государства, утрате моральных ориентиров, и в конечном счете — к упадку системы; если же официальные политические ценности вытесняют неписанные правила, не оставляя места выражению личных и групповых интересов, контролируя все проявления деятельности граждан, то возникает тоталитарный тип политического устройства, который ведет к обеднению всех структур гражданского общества и оказывается враждебным человеку.

Политика как система ценностей, норм, установок

Понимание политики как системы ценностей, нормы установок подчеркивает ее доктринальный, идеологический характер. У каждого человека есть свое понимание политики, свои оценки работы кабинета министров и положения дел в армии. Эти мнения имеют, как правило, довольно противоречивый характер, складываясь в пеструю мозаику «обыденного сознания». Такие политические ориентиры возникают под влиянием многих факторов — от чтения газеты до разговора с соседом.

Некоторые установки мимолетны, а иные принимают форму убеждений. Но без учета этих «эфемерных» образований в головах людей никакое государство, партия или лидер не могут воздействовать на поведение граждан. Даже для того, чтобы выполнить простейшую политическую роль — принять участие в выборах в качестве избирателя, необходимо определить приоритеты в предлагаемых политических ценностях. Исследования, проведенные в разных политических системах, показывают, что выбор приоритетов может быть как довольно простым, так и весьма сложным, — в зависимости от типа системы (двухпартийная, трехпартийная, многопартийная) и состояния массового политического сознания*.

---

* См. главу о политическом поведении в книге: «Политическая наука. Новые направления». Под ред. Гудина Р. и Клингеманна Х.-Д. М.: Вече, 1998.

Как показывают исследования, проведенные в самых разных странах, большинство рядовых граждан не имеет системы согласованных политических взглядов. Их политические установки запутаны, противоречивы, не всегда рациональны и не обязательно соответствуют их объективному политическому интересу*.

---

* Шестопап Е. Личность и политика. М.: Мысль, 1988. Гл. III, § 2.

Однако осознание своих интересов и консолидация ценностей политическими партиями и движениями приводит к созданию политических доктрин и идеологических конструкций, которые представляют собой систематизированные, относительно непротиворечивые наборы политических ценностей. Их главная цель — помочь каждому, кто разделяет эти ориентации, более полно отождествить себя со своей политической группой. Идеология призвана создать своего рода братство политических единоверцев.

Идеологий существует несметное множество. Любое политическое понятие, оканчивающееся на «изм», претендует на то, чтобы завоевать себе сторонников. От маоизма до консерватизма и от коммунизма до либерализма — все идеологии предлагают «готовые наборы» политических убеждений, подчеркивая при этом свои отличия от иных политических партий.

Конечно, идеологические положения не могут существовать как стерильные догмы, особенно в условиях российской политики переходного периода. Четких идеологических установок нет практически ни у одной современной российской партии или движения. Дискуссии о политической ориентации движения Ю. Лужкова «Отечество» были в этом плане весьма примечательными. Попытка этого движения перед парламентскими выборами 1999 г. занять определенную — социал-демократическую — нишу в российском политическом спектре оказалась делом весьма затруднительным. Лидер движения, и многие его последователи имеют довольно смутное представление о социал-демократической идеологии. В середине 2001 г. появились признаки смещения этого движения вправо, которое закончилось объединением с пропрезидентской партией «Единство». Между тем, в отличие от начала — середины 90-х гг., в последние годы российские граждане стали лучше понимать смысл тех или иных идеологических вывесок. И более пристрастно спрашивать с политиков, куда они их ведут и что обещают.

Однако политические партии пока не могут удовлетворить эту растущую потребность граждан в политической определенности. Даже название партий, которые, как правило, должны отражать их основную политическую ориентацию, редко соответствуют чистоте своей собственной доктрины. Так, в ходе одного из наших опросов из трех членов Либерально-демократической партии, являвшихся депутатами Думы, один назвал себя либералом, другой — консерватором, а третий — демократом. Особенно сложной партийная идентификация стала после того, как одна за другой стали создаваться региональные (или, как их называют, «губернаторские») партии.

Трудности в политическом самоопределении испытывают не только активисты, но и рядовые граждане. Так, среди опрошенных нами рядовых граждан чуть больше 1/5 части опрошенных нами считают справедливым, что лишь немногие владеют богатством, а подавляющее большинство пребывает в бедности. Это интересная социальная группа, которую мы условно назвали «рыночниками», занимает элитаристские позиции и в политических вопросах, являя одновременно образец имперского мышления (эти респонденты считают, что ни в коем случае не следует выводить войска из «горячих точек»). При этом наши «рыночники» считают вполне возможным передать государству заботу о старых, больных и детях, не считая себя ответственными за них, проявляя отнюдь не либеральные взгляды на государство*.

---

* Шестопап Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ// Полис, 1995. № 4

Политика — вид профессиональной деятельности

Данная трактовка политики обусловлена представлением о том, что политику делают люди, а следовательно, их поступки и есть главный объект изучения политической науки. Ясно, что при таком подходе необходимость в привлечении психологических инструментов наиболее существенна.

Еще в начале XX в. немецкий психолог Э. Шпрангер выделял среди других человеческих типов тип человека политического* Действительно, профессиональные политики обладают рядом психологических характеристик, предопределяющих притягательность для них этой сферы жизни. Однако в современном демократическом обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда и усилившийся интерес политологов к поведению и лидеров, и рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла. Именно это пятое понимание политики напрямую попадает в сферу интереса политической психологии, хотя эта субдисциплина занимается и проблемами, связанными с четырьмя другими пониманиями политики.

---

* Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности. В кн.: Психология личности. Тексты. М: МГУ, 1982. С. 55 - 60.

3.3. «Политическое животное» как вид

Человек как компонент политики

Признание политики неотъемлемой частью человеческой жизни — идея, уходящая корнями глубоко в историю. Еще античные мыслители задавались вопросами о природе политической жизни. Так, Аристотель доказывал, что заниматься политикой человека побуждает его собственная природа: «Государство принадлежит тому, что существует по природе... и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств, живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек»*. Согласно Аристотелю, государственная форма политики вырастает естественно: объединение людей принимают сначала форму семьи, затем поселения; затем объединение поселений превращаются в полис — государство.

---

* Аристотель. Политика. М.: Мысль, 1997. 1253 а.

Итак, к занятию политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Поэтому логично, что Аристотель называет человека *политическим животным* — *Zoon politikon*, не в коей мере не придавая этому словосочетанию обидного смысла. Ведь в самой нашей психологии заложены такие естественные потребности как потребность властвовать и подчиняться. Во второй части учебника мы рассмотрим, как эти человеческие потребности проявляются в российской политической действительности (см. гл. 9).

Последующая история политической мысли обогатила наши представления о политике как о театре действия разнообразных человеческих потребностей — как приобретенных, так и врожденных: благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общефилософскую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая

психология во второй половине XX в. приступила к исследованию тех психологических факторов, которые мотивируют включение человека в политику и участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует и свой подход к исследованию, свой угол зрения на *человеческое измерение политики*.

Прежде всего, внимание политических психологов еще в XIX в. привлекли массовые стихийные формы политического поведения — стихийные бунты, демонстрации, паника, поведение толпы. Начиная с работ французского исследователя Гюстава Лебона*, политическая психология занимается поиском движущих сил таких типов политического действия и находит их преимущественно в *иррациональных*, т.е. бессознательных, структурах психики человека. Среди отечественных психологов этой проблемой особо интересовался В.М. Бехтерев, предложивший объяснение воздействия толпы на личность через механизмы внушения и образования не только индивидуальных, но и *коллективных рефлексов***.

---

* Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

** Бехтерев. В.М. Коллективная рефлексология. М: Наука, 1999; Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни., СПб.: Алетея, 1999.

Современная политическая жизнь дает немало примеров того, как иррациональные психологические механизмы воздействуют на ход политического процесса. Наверное, одним из наиболее ярких примеров является необъяснимое, на первый взгляд, поведение депутатов парламента на своих заседаниях. Многие их решения продиктованы не столько рациональным расчетом, личными или групповыми интересами, сколько взаимным «заражением» в ходе дискуссии.

Так, в сентябре 1995; г. Дума принимает резолюцию по боснийскому конфликту, содержащую требование односторонних действий со стороны России, хотя парламентарии прекрасно понимают, что ни президент, ни МИД, ни другие государственные ведомства не смогут его выполнить: сам ход обсуждения подталкивает депутатов к принятию более рискованных решений, чем те, которые были бы приняты в тиши их кабинетов. В феврале 1999 г. в такую же психологическую ловушку попадает уже Совет Федерации, когда ратифицирует Договор о дружбе между Россией и Украиной. Создается впечатление, что подлинные национальные интересы отступают перед гораздо более приземленными, но вполне реальными личными амбициями, групповыми интересами. На ход голосования оказывает влияние сиюминутное присутствие в зале группы людей, имеющих общие интересы. В психологии такой феномен получил название *groupthink* — *групповое мышление*, при котором уже само наличие группы способствует принятию большего рискованного решения.

Парламентарии (не только в современной России, но и в других странах) нередко демонстрируют своеобразное политическое поведение: выяснение отношений в политике с помощью кулаков, взаимных оскорблений и других действий, диктуемых исключительно эмоциями. Не случайно еще Г. Лебон* выделил парламентские собрания как особый вид толпы, подчиняющийся тем законам массового поведения, которые свойственны большим социальным группам — в отличие от малых групп и индивидов.

---

* Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.

Не следует думать, что наличие контактов в группе других людей всегда способствует некоторому «озверению», как это кажется на первый взгляд. Присутствие других людей, их взаимное внушение, «заряжение», идентификация могут приводить в политике к самым разнообразным эффектам. Так, энтузиазм и сплоченность участников массовых выступлений обусловил успех многих национально-освободительных движений; демократические преобразования стали возможны в годы перестройки в немалой степени благодаря массовым выступлениям самых разных людей, объединившихся и отождествивших себя с идеей демократии. Важно подчеркнуть, что мотивы участия людей в массовых формах политического поведения не только диктуются их рациональными интересами, расчетом, но и эмоциями, они часто не вполне осознаны и в наибольшей степени воздействуют на личность в присутствии других людей во время стихийных политических действий.

Сказанное не означает, что политическую психологию интересуют лишь бессознательные проявления человеческой психики. Ряд разделов этой дисциплины специально посвящены изучению политики как организованной деятельности, где **рациональные** интересы, осознанные цели претворяются в те или иные политические действия.

К числу первых современных концепций, рассматривающих человека как компонент политической

системы, относится концепция «политической поддержки», предложенная американскими политологами Д. Истоном и Дж. Деннисом (см. гл. 2). Их интерес к человеческому компоненту политики был вызван новыми процессами, в частности необходимостью политической мобилизации населения, ранее не участвовавшего в политике. Процессы, происходящие в настоящее время в России, при всем своеобразии также вписываются в мировой контекст и требуют от граждан их включения в изменившийся политический процесс путем исполнения ролей, которые они ранее не исполняли. Отсюда следует задача рационального включения граждан и в избирательную систему, усвоение ими демократических норм.

Одна из наиболее перспективных концепций в современной политической психологии исследует процесс принятия политических решений как во внутренней, так и во внешней политике. На основе экспериментов, эмпирических исследований и теоретических разработок политические психологи предлагают конкретные технологии эффективного политического управления, достижения поставленных политическим руководством целей. Правда, следует заметить, что какими бы совершенными не были научные разработки, чисто рациональные расчеты не дают 100%-ного успеха. Высказывание одного известного российского политика «хотели как лучше, а вышло как всегда» звучит как формула соотношения рациональных и иррациональных факторов, воздействующих на политический процесс.

Для политической психологии в равной степени важны оба ряда феноменов: и осознанное политическое участие граждан, рациональная постановка ими политических целей, и проявление иррациональных импульсов, неосознанная политическая активность. Чтобы более предметно представить себе, чем занимается политическая психология, рассмотрим некоторые политические феномены, которые привлекают особенно пристальное внимание исследователей.

Психологические феномены в политическом процессе

Откроем свежую газету или включим программу телевизионных новостей. О чем в первую очередь сообщают нам информационные агентства? Атака террористов на Нью-Йорк и Вашингтон, паника на валютных биржах, очередные взрывы в Чечне, сообщения о принятых правительством решениях, скандал, затрагивающий ту или иную партию или конкретного политика. Что в этих текущих политических событиях определено объективными политическими или экономическими законами, а что — результат усилий конкретных людей или партий? Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Однако сегодня уже ни у кого из серьезных политологов и политиков не вызывает сомнения тот факт, что психологический компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

Однако есть некоторые политические феномены, в которых присутствие психологических факторов является особенно рельефным. Одним из таких феноменов является **национализм**. Убеждение в безусловном превосходстве своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами.

Психология национализма изучается достаточно давно. Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно и его соавторов* установили, что националистические установки являются составляющей более общего психологического феномена, названного ими «**авторитарной личностью**». Они показали, что это явление не только имеет социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям, в частности существует зависимость между типом воспитания в семье и проявлениями авторитарности.

---

* Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.

Одно из ежегодных собраний Международного общества политических психологов (*ISPP*) выбрало для обсуждения тему авторитаризма и национализма уже применительно к 90-м гг. Одним из главных итогов этого обсуждения был вывод о том, что политики, стремящиеся найти выход из замкнутого круга этнических конфликтов, военных столкновений и нетерпимости в отношении другого народа, не могут оперировать только объективными политическими инструментами и не учитывать, как один народ *в данный момент* воспринимает другой и как это сиюминутное восприятие накладывается на *традицию политической культуры*.

Другой проблемой, которую пытаются решить современные политические психологи является **насилие и агрессия в политике**. Появилась отрасль знаний — вайоленсология (от англ. *violence* —

насилие), которая изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности.

Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия в человеческом обществе. Одни авторы убеждены в том, что агрессия — это естественная реакция индивида на фрустрацию, необходима человеку, чтобы выжить. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих способы снижения агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Так уже в 70-е гг. появились исследования, показавшие связь между засилием сцен жестокости, в кино и на телевидении — и увеличением детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены насилия оказывают провоцирующее действие на формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

В политических процессах встречаются самые разные формы насилия. Существует государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм, — такое насилие узаконено, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Сейчас, после нападений террористов в Нью-Йорке и Вашингтоне, никто не оспаривает права США на нанесение ответного удара. Вопрос только в том, что эффективность применения насилия как средства борьбы с насилием весьма спорна. Корни терроризма лежат глубоко в политических, религиозных и культурных проблемах, не разрешимых с помощью даже узаконенного насилия. Международное право признает правомерность использования силы, в том числе и военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон признает и право индивида на применение насилия в рамках «достаточной самообороны».

Однако следует со всей определенностью сказать, что люди, применявшие даже узаконенное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов криминального разгула, испытывают серьезные психологические трансформации, меняющие их отношение к самим себе и другим людям.

Американские солдаты, прошедшие войну во Вьетнаме, как и советские солдаты, воевавшие в Афганистане, а затем и российские, воевавшие в Чечне, прошли испытания жестокостью, не получившей достаточной нравственной легитимизации со стороны общества. Эти люди сами не могут адаптироваться к мирной реальности: они нуждаются в помощи профессиональных психологов, которые способствовали бы их психологической реабилитации. Общество, не осознающее этого, рискует получить взрыв насилия, становящегося нормой повседневной жизни.

Политический конформизм — явление, заслужившее особое внимание со стороны политических психологов. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то это является проявлением политического конформизма. Конформизм определяется в социальной психологии как поведение индивида в ситуации психологического давления на него группы, которое не всегда им осознается.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что конформизм расцветает при определенных объективных и субъективных условиях. Например, если выборы проходят под дулами автоматов, то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным. Хорошо известно, что выборы в нашей стране в последние предперестроечные годы проходили не в условиях репрессий, тем не менее в силу политического конформизма свыше 90% избирателей отдали свои голоса за практически безальтернативного кандидата.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп в той или иной степени оказывающих давление на своих членов. Авторитаризм, несомненно, способствует развитию политического конформизма, между тем, как демократия — способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии политических режимов, которых придерживаются политические организации, конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных.

Остановимся еще на одном политико-психологическом феномене из области международной политики — **восприятие партнерами друг друга**. Американский политический психолог Роберт Джарвис показал в своих работах, что многие национальные лидеры не замечают угрозу своей стране на международной арене в силу того, что их внимание сфокусировано на проблемах внутривнутриполитической борьбы*.

Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является использование искажающих их образ стереотипов, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государства должны быстро отреагировать на ситуацию, усиливающую стресс. Одним из классических примеров является Кубинский кризис, в ходе которого Дж. Кеннеди и Н. Хрущев чуть не довели дело до мировой войны. Причиной их прямой конфронтации были неверные представления о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления: советники каждого лидера (руководителя по отдельности) давали осторожные рекомендации, однако, собранные в группу, они пришли к гораздо более рискованным выводам*.

---

* White R.K. Fearful Warriors: A Psychological Profile of US-Soviet Relations. N.Y.: Free Press, 1984.

Неверно воспринимать друг друга могут не только профессиональные политики, но и политические блоки, регионы и даже целые народы — они могут не видеть реальной международной опасности и, напротив, видеть ее там, где ее не существует. Так, опросы общественного мнения, проведенные в Чешской республике летом 1995 г. показали, что почти 1/3 населения этой страны считает угрозу вторжения со стороны России реальной, хотя для этого не было никаких объективных предпосылок. Политический имидж как государства, так и его лидеров могут отвечать реальности или быть иллюзорными. Проблема заключается в том, что они серьезно влияют на политическое поведение и становятся неотъемлемой частью политического процесса в современном мире.

Перечисленные выше проблемы входят в предмет современной политической психологии наряду со многими другими, которые будут рассмотрены в данном учебнике.

3.4. Методология политико-психологических исследований

Методы политико-психологических исследований. В современной политической психологии царят методологическая терпимость и плюрализм. В конкретных исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ. Это обусловлено как отсутствием общепризнанных теоретических схем, так и междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин к сложному и многоуровневому объекту — поведению человека в политике.

Объект конкретного исследования диктует методы, адекватные его изучению. Так, различные феномены *массового политического поведения* требуют таких методов, как **анализ статистических данных**, проведение массовых **опросов** с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведения **фокусированных интервью*** и метода **фокус-групп***. Так, подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила широкий спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателя. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такая работа дает очень прицельные результаты. Политик получает детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

---

* Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-М, 2001.

** Белановский С.А. Метод фокус-групп. Никколо-М, 2001.

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентации, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Так, один из самых дорогостоящих проектов под руководством Р. Инглхарта и П. Абрамсона* ставит своей задачей анализ динамики политических ценностей в 49 странах мира, имеющих разные типы политических систем.

---

* Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 countries, Princeton: Princeton University Press, 1997

Хотя исследования различных форм массового поведения по своей технике ближе всего к социологическим методам, их содержание диктует применение методик, адекватных изучаемым психологическим феноменам. Этим объясняется и выбор таких исследовательских процедур, как

проективные методики (например, метод неоконченных предложений), **метод ассоциаций** и др. Так, в наших исследованиях восприятия политических лидеров мы использовали не классический метод свободных ассоциаций, который, например, эффективно использовали О. Здравомыслова и М. Арутюнян* при изучении образов права в России и Франции, а метод ассоциаций политиков с животными, цветом, запахом, литературными героями, который позволил выявить бессознательный уровень восприятия, не подверженный стереотипам и дающий возможность более точно прогнозировать электоральное поведение избирателей**.

* Здравомыслова О., Арутюнян М., Ожвэн-Курильски Ш. Образы права в России и Франции. М.: Аспект-Пресс, 1996.

** См.: Шестопап Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис, 1996. № 5. С. 168 — 191.; Шестопап Е.Б. Оценка гражданами личности лидера// Полис, 1997. № 6. С. 57-72.

Указанные методы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентации, ценностей политической культуры. Но эти политико-психологические феномены поддаются и анализу, подразумевающему использование иных методов. Например, **психобиографические*** подходы позволяют не только выяснить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и рассматривать отдельного политика как модель определенного типа политической культуры. Так, в работе Бетти Глэд об американском политике Ч. Хьюзе показано, что он был лишь выразителем господствующего в американской элите после первой мировой войны изоляционистского настроения**.

* См. Хрестоматию, ст. У. Фридмена о психобиографическом методе.

** Glad B. Charles Evans Hughes and the Illusions of Innocence, Urbana: University of Illinois Press, 1966.

Феномены *политического мышления и политического сознания* в политической психологии изучаются преимущественно с использованием методов социальной психологии, причем в основном ее когнитивистского направления. Прежде всего, объектом исследования становятся различные тексты, которые обрабатываются с помощью различных модификаций метода **контент-анализа**. Так, в работе Д. Уинтера, М. Херманн с соавторами* контент-анализу подверглись тексты выступлений Дж. Буша и М. Горбачева для выявления ряда когнитивных характеристик этих политиков.

* Winter D., Hermann M., Vaintraub W., Walker S. The Leader as a projective scene // Political Psychology, 1991. V. 12. № 2.

Уинтер и его соавторы пишут: «Как могут психологи оценивать мотивы людей, с которыми они никогда не встречались и которых не могут изучать напрямую? В предшествующие годы было разработано множество объективных методов измерения мотивов и других личностных характеристик на «дистанции» с помощью систематического контент-анализа речей, интервью и прочих спонтанных вербальных материалов». Эти технологии часто использовались в собирательных исследованиях политического лидерства, например, в прогнозировании внешнеполитических ориентации или склонности к насилию. Однако в отдельных случаях дистантные технологии использовались для создания систематических портретов отдельных лидеров: Херманн оценивала мотивы и другие личностные характеристики Рональда Рейгана и сирийского лидера Хафеза Аль-Ассада; Уокер анализировал операциональный код Вудро Вильсона; Уайнтрауб изучал вербальное поведение семи последних американских президентов; Уинтер и Карлсон использовали мотивационные показатели первого инаугурационного обращения Ричарда Никсона для разрешения ряда парадоксов, связанных с его карьерой, вместе с тем стремясь к подтверждению этих показателей на основе систематического обзора публичной и частной жизни Никсона.

В совокупности такие методы раскладываются на ряд переменных, включая основные компоненты личности: мотивационные, когнитивные, стилевые, личностные качества и механизмы защиты, заимствованные из различных психологических теорий. В данном разделе мы представляем каждую переменную посредством описания ее теоретических оснований и того, как она измеряется в вербальном поведении (см табл. 1).

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ В ДИСТАНТНОЙ ОЦЕНКЕ БУША И ГОРБАЧЕВА*.

* Источник: Уитнер Д. и др. Дистантное изучение личности Буша и Горбачева: процедуры, портреты, политика. Цит. по: Хрестоматия по политической психологии. Пер. с англ, под ред. Шестопап Е.Б. М.: ИНФРА-М, 2002.

Переменная

Мотивы:

достижения

аффилиации

власти

Убеждения и стили:

убеждения:

национализм

контроль над событиями

уверенность в себе

когнитивные, межличностные стили:

концептуальная сложность

недоверие

инструментальный акцент (task emphasis)

Операциональный код:

самоатрибуции личности (self attributions):

дружелюбный / враждебный

оптимистический/ пессимистический

высокий / низкий контроль

всеобъемлющие/ ограниченные цели

личностные сценарии (self scripts):

методы достижения целей

Описание показателей и основные ссылки

нацеленность на превосходство, успех в соревновании или уникальное достижение

ориентация на теплые, дружеские отношения; дружественное, позитивное поведение; плодотворную помощь

ориентация на оказание воздействия на других, на престиж или репутацию

идентификация или позитивное отношение к своей нации; идентификации или негативное отношение к другим нациям

принятие ответственности за планирование или инициирование действий

восприятие себя в качестве инициатора действия, авторитетной фигуры или обладателя позитивной поддержки

отношение числа слов высокой сложности к числу слов низкой сложности

сомнения, опасения или ожидание вреда от групп, с которыми нет самоидентификации

отношение числа слов-задач (task words) к числу слов-взаимодействий (interpersonal words)

политическая жизнь рассматривается как гармоничная / конфликтная; отношения с оппонентами как дружественные / враждебные

оптимизм / пессимизм в отношении осуществимости ценностей и стремлений

история видится как определяемая людьми / случаем

провозглашает всеобъемлющие и длительные / постепенные и ограниченные цели

вербальные (обещания, угрозы) / действия (награды, наказания); политические (награды, обещания) / конфликтные (наказания, угрозы); позитивные (призыв или оказание поддержки) / негативные (сопротивление, оппонирование)

Вербальный стиль (отражает личностные качества и механизмы защиты):

соотношение «я / мы»	соотношение числа местоимений «я» к числу местоимений «мы»
выражение чувств	описание себя как человека, испытывающего какие-либо чувства
ценностные критерии	суждения о добре / зле, полезном / бесполезном, правильном / неправильном, корректном / некорректном, подходящем / неподходящем, приятном / неприятном и высказывание мнений
прямое обращение к аудитории	прямое обращение к аудитории, ситуации или физическому окружению
использование усилительных наречий	наречия, которые усиливают утверждения
риторические вопросы	вопросы с целью пробудить и увлечь аудиторию
отречения	частичный или полный отказ от ближайших предшествующих утверждений
отрицания	все отрицательные слова: «нет», «не», «никогда», «никто», «ничего» и т.д.
объяснения	причины или оправдания действий; причинные связи
смягчения	выражение неуверенности, поправки, ослабляющие утверждение, и фразы, создающие неопределенность или неуверенность.
творческие выражения	неологизмы и метафоры

Исследуемыми компонентами политического мышления у Уинтера и его соавторов были убеждения, уровень понятийной сложности, методы достижения целей и некоторые другие особенности, прежде всего спонтанных (не написанных заранее) текстов, проанализированные посредством их сопоставления с аналогичными количественными характеристиками 148 высших политических руководителей из разных стран, культур и периодов. Таким образом, наряду с чисто качественными особенностями метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, позволяющие получить более объективные результаты.

Другим методом изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является **метод построения их семантического пространства***. Российский психолог В. Петренко проанализировал политические штампы и клише в лексике новых российских партий. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов. Не менее интересно применение того же метода и при исследовании этнических стереотипов. Методика, используемая Петренко, восходит к методам семантического дифференциала Ч. Осгуда и теории личностных конструктов Дж. Келли. Одна из типовых процедур использования инструментария психосемантики — оценка респондентами анализируемых объектов по градуальным шкалам с последующим уменьшением размерности исходного пространства описания с помощью факторного анализа, а затем представление выделенных структур в форме геометрического пространства. При этом количество выделенных факторов отражает когнитивную сложность респондентов в осознании данного смыслового поля; содержание и сложность выделяемых факторов отражают присущие респонденту формы категоризации и их субъективную значимость**.

* Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал, 1991. № 6; Петренко В.Ф., Митина О.В. Анализ динамики общественного сознания. Смоленск: СГУ, 1997.

** Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов, лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000. С. 11.

Исследование личности в политическом процессе началось еще в 30-гг. в рамках преимущественно психоаналитической традиции. С этим связан и интерес исследователей прежде всего к таким методикам, которые позволяли проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. В одной из первых политико-психологических работ Г. Лассвелла материалом для изучения политиков стали их медицинские карты, заведенные на них в одном из элитарных санаториев, где этих политиков лечили от неврозов, алкоголизма и т.п.*. Современные политические психоаналитики продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая **психологические профили** представителей данной профессии**.

---

* Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1931.

** Ракитянский Н.М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Российское объединение избирателей, 2001.

Наряду с этим в политической психологии при непосредственном исследовании политиков широко используются психологические **тесты**, а также многочисленные **методы дистантного анализа**, если объект недоступен исследователю, в таких случаях изучаются тексты выступлений, видеозаписи, мемуары и другие прямые и косвенные источники данных об объекте. Нередко используется и **метод экспертных оценок**, который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения.

Примером использования метода экспертных оценок является работа Пола Коуворта, основанная на методе g-сортировки [*Q-sorting*], который, в свою очередь основывается на g-методологии, разработанной Стефенсоном (1953), и в совсем недавнем времени (1978 г.), Блоком для психологов, а также Брауном для политологов (1980). Этот метод позволяет исследователю компилировать экспертные оценки индивидуальности тех людей, непосредственное исследование поведения которых недоступно и может использоваться даже для систематизации данных, полученных при использовании метода *case study* (методу отдельных случаев). В то же время, так же как и контент-анализ, *Q*-сортировка является строгим и объективным методом сравнения *субъективных* оценок индивидуальности.

Однако лучшие методы измерения оказываются бессмысленными, если они позволяют более точно оценивать только индивидуальности. Многие ученые стремятся выйти за рамки описания и приблизиться к предсказанию поведения. Однако далеко не каждая типология или метод позволяют обоснованно сделать такие оценки. Оценки индивидуальности лидера полезны, главным образом, в том случае, когда они могут быть привязаны к его деятельности. Так же считает Ф. Гринстайн, утверждающий, что при исследовании политической личности нужно уделять особое внимание обстоятельствам, в которых индивидуальные черты могут стать индикаторами деятельности индивида. Лучшими описательными исследованиями индивидуальности руководителей является произведенное Саймонтоном ранжирование 39 президентов на основе 14 черт индивидуальности с использованием *Gough Adjective Check List*; исследование Д. Уинтером (1980, 1987) мотивационных профилей лидеров; оценка Этериджем (1978) и Шепардом (1988) президентов США по уровню экстраверсии и доминантности; исследования профилей президентов «на дистанции» [*personality-at-a-distance profiles*], произведенные М. Херманн и ее коллегами, — все эти исследования должны быть дополнены аргументами, которые свяжут эти особенности с поведением указанных индивидов во время исполнения ими служебных обязанностей*.

---

*Kowett Paul A. *Where Does the Buck stop?* //Political Psychology, 19%. Vol. 17. №3.

Чрезвычайно эффективен в политической психологии метод отдельных случаев (*case-studies*). «Случай» может быть единичным явлением или источником данных, например объект эксперимента, исследуемая зависимость, или невозникновение войны между воюющими сторонами (Кинг, Кеохан, и Верба, 1994). С другой стороны, это могут быть уникальные в историческом или географическом смысле события, типа мюнхенского сговора или вторжения Советского Союза в Афганистан. Следовательно, термин «случай» (*case*) может иметь различные значения, каждое из которых важно для эмпирического исследования.

Например, Орум и др. (1991) определили *case-study* как «глубокое, многомерное исследование отдельного социального явления с использованием качественных методов». Лейпхарт (1971, 1975) рассматривал *case-study* как отдельный случай, тесно связанный со сравнительным методом, который

отличается от экспериментальных и статистических методов. Джордж и Маккеон (1985) указали, что *case-study* фокусируется на анализе поведения «внутри случая», чтобы выяснить, что послужило его причиной. Наконец, Ян (1994) определил *case-study* как «эмпирическое исследование, которое исследует современное явление в контексте его реальной жизни, особенно, когда границы между явлением и контекстом не очевидны; и... (которое) полагается на многосторонние источники его информации». Понятно, что существуют различные определения случаев и *case-study*, что создает трудности для систематического анализа значимости и направленности этой техники. Трудно добиться согласованности в трактовке терминов «случай», «*case study*» или «метод случая» (Ragin и Becker, 1992) без некоторого понимания того, что эти термины, как предполагается, выражают. Для наших целей, мы предлагаем использовать базовое определение нескольких терминов: под термином «случай» (*case*) мы будем понимать явление или источник данных, и в этом смысле для нас не имеет значения, как «случай» определяется в дальнейшем, или как он был получен в исследовании. Случаями могут быть экспериментально полученные измерения, исследуемые характеристики, или классификации исторических событий (типа «состояние войны / отсутствие войны»). Мы определяем *case study* как метод получения «случая» или набора «случаев» путем эмпирической проверки реальных мировых событий в их реальном контексте, без непосредственного вмешательства как в само явление, так и его контекст. Сравнительное *case study* — систематическое сравнение двух источников данных («случаев») или больше, полученное с помощью метода *case study**.

---

*См. Каарбо Дж. и Бизли Р. «Практическое руководство по сравнительному методу *case-study* в политической психологии (Хрестоматия по политической психологии. М.: ИНФРА-М, 2002.)

Постоянной исследовательской процедурой политической психологии является и **метод эксперимента** — лабораторного (чаще) и естественного. Так, в результате экспериментальной проверки получили подтверждение важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Тверски и Канеман доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска*. Знаменитые опыты С. Милгрэма показали, что при наличии некоего «научного» авторитета в лице экспериментатора испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за последствия своих поступков**. Недавние эксперименты С. Ласка и К. Джадда (1988 г.) выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатам, чем это делают непрофессионалы*** обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знаниями о том, что и как те сделали в политике, сколько общими впечатлениями, полученными накануне выборов****.

---

* Tversky A. and Kahneman R. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science, 1981. 221 (January 31). P. 453 - 458.

** Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y.: Harper & Row, 1974.

*** Lask CM. and Judd C.M. Political Expertise and the Structural Mediators of Candidate Evaluations // Journal of Experimental Social Psychology, 1988. 24. P. 105- 126.

**** Lodge et all. An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation // American Political Science Review, 1989. June.

Следует отметить, что помимо собственно исследовательских процедур в политической психологии используется и широкий набор **методов коррекционного воздействия** на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализ и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога предполагает использование им методов тренинга, участие в разработке мероприятий в области «публик рилейшнз», разработки рекомендаций по эффективной политической коммуникации.

Рассматривая область деятельности профессионального политического психолога, следует отметить, что *ISPP* разработало и предложило своим индивидуальным членам специальный этический кодекс, регламентирующий действия специалистов в этой области. Так же как общий психолог или врач, политический психолог, занимающийся исследованиями или консультированием, имеет дело с достаточно взрывоопасной информацией, так и политический консультант не считает себя вправе не только публично обсуждать данные, касающиеся своего клиента, но даже раскрывать его имя без разрешения последнего. Существует опасность нанести урон репутации того или иного человека, даже если обсуждение сведений о нем имеет профессиональный характер и проводится в научном журнале. Профессиональная община заинтересована, чтобы ее представители четко отделяли свою научную

деятельность от участия в практической политике.

Вопросы для обсуждения

1. Приведите примеры внутри- или внешнеполитических проблем, которые были порождены причинами психологического характера или на которые подобные причины оказали существенное влияние.
2. В объяснении каких политических явлений уместно использовать психологические методы?
3. Какие методы можно использовать в исследовании таких политических феноменов, как лидерство, авторитаризм, электоральное поведение, политический менталитет?

Литература

1. Хрестоматия по политической психологии / Сост. и науч. ред. Шестопап Е.Б. М.: ИНФРА-М, 2002.
2. Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-М, 2001.
3. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Никколо-М, 2001.
4. Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000.
5. Lasswell H. Psychopathology and Politics, Chicago: University of Chicago Press, 1931.

ЧАСТЬ II. ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Глава 4. Национальная психология в политическом контексте

4.1. Психология интеграции и дезинтеграции в России

После распада СССР в 1991 г. угроза распада России возникала неоднократно и до сих пор является одним из вызовов, стоящих перед новой политической системой. От того, сумеет ли российская политическая элита консолидироваться, зависит судьба страны. Попытки выстраивания вертикали власти, предпринятые командой В. Путина, являются реакцией на угрозу распада страны. Представляется, что обсуждение этой проблемы как политиками, так и политологами, психологами, историками, могло бы быть полезным на данном этапе нашего развития. Попытаемся рассмотреть эту проблему с точки зрения политической психологии.

В истории России можно найти немало примеров интеграции отдельных княжеств и территорий, ставших основой формирования единой империи. Но есть и примеры ее дезинтеграции (в частности, в годы гражданской войны). Каждый раз населению приходилось платить высокую цену за эти этно-политические эксперименты.

В случае интеграции «новичкам» приходилось затрачивать немало усилий на адаптацию и результатом интеграции нередко становилось их растворение в новой этнической среде. Все малые народы в ходе их интеграции в большие сообщества испытывают угрозу утраты своей идентичности. Можно рассматривать сепаратистские настроения как психологическую реакцию этнической группы на возможность потери своего национального «Я».

В случае дезинтеграции угроза распада ведет к разрушению не только политической, но и социальной целостности. Один из российских социологов назвал это состояние «социотрясением». В этом случае тоже происходит утрата идентичности — но идентичности большей группы (например, имперской идентичности или идентичности с советским народом). При этом энергией распада, высвобождающейся в таких процессах, трудно управлять, что она чрезвычайно опасна. История знает немного примеров мирных «разводов» народов (чехи и словаки) и их мирного сосуществования в дальнейшем; гораздо чаще мы становимся свидетелями и участниками этнических и религиозных конфликтов и войн, роста ксенофобии и этноцентризма как части более общего процесса — подъема авторитаризма. Говорить о движении к демократии одновременно с процессами дезинтеграции России — это обманывать самих себя. Распад бывшего СССР и Югославии — тому примеры. Эти два процесса несовместимы

Дезинтеграция бывшего СССР имеет свою специфику, объяснить которую можно, лишь обратившись к периоду возникновения как СССР, так и Российской империи. При этом стоит заметить, что линии «разломов» проявлялись в одних и тех же географических пунктах. В годы гражданской и Великой

Отечественной войн эти разломы становились более заметными; видимы они и сейчас. После отделения от России бывших союзных республик угрозу ее целостности стали представлять Кавказ, Татарстан, Якутия и другие территории — уже не только на окраинах страны.

Для процессов дезинтеграции России характерно наложение ряда факторов, которое лишь усиливает деструктивные тенденции. Прежде всего стоит отметить воздействие **экономических факторов**. Катастрофическое снижение производства и отсутствие видимого результата рыночных реформ усиливают тенденции дезинтеграции, особенно в тех регионах, в которых экономический упадок ощущается в наибольшей степени (Дальний Восток, Урал, Сибирь). Сегодня угроза сепаратизма исходит от территорий, стремящихся освободиться от контроля со стороны центра, и выражается в форме «экономического эгоизма». При этом недовольны все: и регионы-доноры, переживающие процессы «кувейтизации», и регионы, получающие помощь. Региональные лидеры хотят по максимуму оставлять максимальную часть собираемых налогов в регионах, так как не ощущают помощи федерального правительства в решении своих местных проблем.

В ряде регионов создаются и своего рода региональные союзы, направленные против Москвы («Сибирское соглашение». Объединение «Большая Волга» и др.) Пожалуй, наибольшее напряжение между центром и регионами проходит именно по территориальным и по собственно этническим линиям и имеет экономическую природу.

Следует отметить, что наряду с дезинтеграционными проявляют себя и интеграционные тенденции: единые транспортные и энергетические системы до сих пор являются своего рода «скрепами», стягивающими России воедино — правда не столь мощными, как прежде. Так называемые естественные монополии, функционирующие как собственно экономические интеграторы, не позволяют распасться и многим социальным связям. Не случайно попытки разрушить естественные монополии приводили к серьезным политическим столкновениям. Однако для управляющих этими гигантами, характерно скорее не государственное, а технократическое мышление — далеко не всегда они размышляют о своих детищах, используя термины политики. Те огромные финансовые потоки, которые контролируют естественные монополисты, уже сыграли и, несомненно, сыграют в будущем значительную роль в интеграции страны.

Политические факторы также играют существенную роль в дезинтеграции страны. Начнем с моментов, не столько наиболее существенных, сколько символических*. В начале 1998 г. Дума обсуждала вопрос о государственной символике России, и так и не смогла придти к единому решению. Когда же в 2000 г. этот вопрос был решен Думой, то это вызвало недовольство правых фракций. Политическое противостояние по вопросу о флаге, гимне и гербе России лишало ее граждан наиболее видимого выражения национального единства. С психологической точки зрения это чрезвычайно деструктивно действует на формирование чувства «мы», без которого политическая интеграция невозможна. То, что в конце концов было принято решение, хотя и спорное, есть факт позитивный с точки зрения политической психологии.

---

* Символические элементы, обеспечивающие национальное единство, — феномен интернациональный. Когда террористы разрушили здания Международного торгового центра в Нью-Йорке, политологи прежде всего обратили внимание на то, что эти здания являются символами могущества США. Очевидно, что их выбор в качестве цели террористами был направлен на то, чтобы разрушить символическую идентификацию американцев, привыкших считать себя самой могущественной страной в мире.

Конечно, есть и гораздо более существенные факторы политической дезинтеграции. Кажется, в нашей стране не осталось ни одного региона, местное законодательство которого не противоречило бы общероссийскому. Когда в 1991 г. Б. Ельцин пришел к власти, первое, что он предложил регионам — брать власти (суверенитета) столько, сколько смогут. В этом смысле именно центр стал инициатором дезинтеграционных процессов. Но и провинции тоже приложили руку к расшатыванию Федерации — сепаратистские настроения можно было наблюдать практически во всех субъектах Федерации. Так, Дальний Восток, чувствуя себя брошенным Москвой, ощущает сегодня большую близость к Японии, Китаю или Корее и напоминает о существовании Дальневосточной республики, возникшей после революции. Не случайно, что лидеры сибирских регионов, не надеясь больше на Москву, объединились, чтобы решать свои проблемы. Всем памятен эпизод, когда губернатор Екатеринбурга решил, что пора выпускать собственную валюту. Видимо, поэтому первая задача, поставленная Президентом своим полпредам, заключалась в приведении местных законодательств в соответствие с федеральным.

Перекосы во властных отношениях, однако, имеют место не только между центром и отдаленными территориями. Конфликт между центром и регионом можно наблюдать на примере Москвы. На

протяжении этих лет такие конфликты возникали неоднократно. Достаточно напомнить о конфликте между Ю. Лужковым и А. Чубайсом по вопросу о приватизации, который накануне выборов 1999 — 2000 гг. приобрел явно политическую окраску. Не прекращается это противоборство и сейчас.

Причина всех конфликтов такого рода — неудовлетворенность региональных элит своим положением в политической структуре, что выражается в требованиях перераспределить полномочия в пользу регионов. Тот факт, что уже более 15 субъектов Федерации сформировали собственные Советы Безопасности, явно не объясняется лишь амбициями политических элит в регионах, а свидетельствует о неспособности Центра поддерживать военных.

Еще один политический источник дезинтеграции — система выборов в стране. Практически по всей стране сейчас ход выборов (и результаты) контролируют региональные лидеры. Они используют широкий набор инструментов контроля — от административных ресурсов до запугивания избирателей, от отбора кандидатов по этническому признаку до поддержки харизматичных лидеров. При определенных условиях (а сейчас такие условия явно складываются) контроль центра над выборами весьма проблематичен, и у региональных руководителей возникает соблазн, используя демократические механизмы, привести страну к распаду.

Наряду с негативными тенденциями следует отметить и некоторые интегративные процессы, обусловленные общностью интересов различных территорий. Те же губернаторы, которые отстаивают свои местные интересы, в Госсовете, как до этого и в Совете Федерации, вынуждены искать выход из кризиса совместными усилиями. Совет Федерации до последнего времени играл существенную роль в российской политике именно как фактор интеграции.

Третий фактор дезинтеграции России — это **сложнейший этнический состав ее населения**. На территории страны живут 152 народа и народности, при этом этнические русские составляют более 80%. Эта рассыпающаяся мозаика веками скреплялась наднациональной идеей — вначале имперской, затем советской. Сейчас такой идеи нет. Попытки Администрации Президента вырастить национальную идею в пробирке оказались нерезультативными. Налицо явный рост этноцентризма и замена национальной идеи поисками «малой Родины» - как ее эрзаца. Трудно себе представить, что в такой стране, как Россия, где большая часть населения была воспитана на «великих идеях», можно всерьез увлечь кого-то плоскими идеями рыночного рая.

Четвертый фактор дезинтеграции России — **демографические процессы**. Каждый год население страны убывает на 700 000 человек. Этот процесс происходит неравномерно: больше всего потерь именно среди русского населения. Это приводит к росту миграции и метисизации населения. Как это ни парадоксально, но именно метисизация может оказать интегрирующее воздействие: смешанность населения подрывает позиции этноцентризма и национализма.

Следует подчеркнуть, что психологически процесс этнической идентификации легче происходит в малых группах, чем в больших. В России это осложняется еще и тем, что на этническую идентификацию накладывается территориальный компонент. Территория России не только охватывает два континента, но и имеет сложные евроазиатские культурные традиции — не удивительно, что российский менталитет имеет столь мозаичную структуру. Может быть, именно в силу этой особенности, несмотря на обвинения в «имперском» сознании и психологии «угнетателей» по-настоящему национализм в России за это десятилетие не получил развития, хотя его бытовые проявления весьма заметны.

Религиозный, а точнее, этно-конфессиональный, фактор приобретает значимость в анализе процессов интеграции-дезинтеграции и хотя в России представлены все мировые религии, большинство населения исповедует православие. Наряду с этим, согласно данным ряда экспертов, от 12 до 15 млн россиян являются мусульманами. Москва — самая крупная в Европе мусульманская столица. Мусульмане живут не только компактными общинами (в Татарстане, Башкортостане, Дагестане), но и рассеяны по всей стране. Модель столкновения цивилизаций, предложенная С. Хантингтоном, для России означала бы гражданскую войну на всей территории. Это стало особенно очевидным после террористических актов в США и обострения страхов перед исламским радикализмом.

В нашей истории России до сих пор не было серьезных этно-конфессиональных конфликтов. Как правило, и сейчас религиозные причины конфликтов на деле скрывают их чисто политические истоки. Психологически две конфессии — православие и ислам в России достаточно близки в таких вопросах, как отрицание крайнего индивидуализма, культ материальных благ и приоритет общинных интересов над личными. Ряд экспертов по вопросам исламской психологии придерживается мнения, что исламский мир не приемлет западных ценностей не столько по собственно религиозным причинам,

сколько из-за неприятия западного «цивилизационного мессианизма». То же относится и к Православной церкви. Такая общность позиций может послужить на благо интеграции страны — вопреки прогнозам С. Хантингтона.

4.2. Русские о себе и о других

В последнее десятилетие на территории бывшего СССР происходит не просто политическая трансформация — одновременно имеют место несколько весьма сложных процессов: изменяются социальная и экономическая системы, формируется новая политическая система, меняются режимы и ведется поиск новой этно-политической и геополитической реальности. Для обычного гражданина все эти сложные процессы выглядят скорее как быстрая смена всех привычных форм жизни и зачастую ведут к утрате всех привычных ориентиров — ценностных, моральных, политических. При этом личность теряет и привычные ей системы привязок к социальным общностям и системам ценностей. Одним словом, происходит потеря идентичностей, помогающих личности общаться с другими людьми.

И до тех пор, пока человек не найдет свою новую идентичность, говорить об успехах демократических преобразований преждевременно. Этническая идентичность как элемент более широкой гражданской идентичности нередко служит личности едва ли не последней опорой при потере многих других привычных ориентиров в обществе. Судить о степени сформированности этнической идентичности можно прежде всего по тому, как человек воспринимает свой собственный народ и другие народы, как эти ауто-и гетеростереотипы вписываются в его структуру личности.

Общетеоретические проблемы, связанные с пониманием процессов трансформации политической системы, политического поведения российских граждан, нуждаются в дальнейшей эмпирической проверке.

Во-первых, необходимо выявить, что представляют собой *этнические компоненты* структуры личности русских. Попытаемся реконструировать пространственный образ своей страны у российских граждан, понять, как они воспринимают свой народ, другие народы, какие этнические группы для них более близкие, а какие — более далекие.

Во-вторых, нам представляется необходимым проанализировать собственно *психологическое* содержание выявленных этнических стереотипов.

В-третьих, важно понять, как вписываются этнические ауто-и гетеростереотипы в *политическую картину мира* респондентов.

В-четвертых, необходимо понять, насколько *характер первичной политической социализации* сказывается на этнической идентификации в условиях изменения самой политической и географической реальности постсоветского пространства.

И, наконец, **в-пятых**, в рамках политико-психологического анализа указанной проблемы в данной работе мы предпримем анализ отдельных *case-studies*, чтобы показать *индивидуальные различия* в становлении этнических стереотипов.

Анализ этих проблем был предпринят в ходе двух исследований, имеющих в основном качественный характер*.

Первое исследование, посвященное восприятию демократических ценностей проводится нами ежегодно по квотной выборке, начиная с 1993 г. В данном разделе мы анализируем данные последнего опроса, проведенного в декабре 1997 г. *Выборку* этого исследования составлял 61 респондент, среди которых 8 государственных служащих из центральных органов исполнительной власти довольно высокого ранга, а остальные — рядовые граждане, пропорционально отобранные по полу, возрасту, уровню образования, профессии. Наличие политиков в качестве контрольной группы позволяет сравнить ценности рядовых граждан с ценностями тех, кто принимает политические решения. *Инструментарий* данного исследования включает *анкету* и *глубинные интервью*; использовались также *психологические тесты*, но здесь этот материал не обсуждается. Анкета позволяет зафиксировать основные политические установки и ориентации респондентов. Среди вопросов анкеты, нас в первую очередь интересуют ответы на те из них, которые характеризуют восприятие российскими гражданами границ своей страны, их этнических стереотипов и националистических установок как элементы авторитарной личности. Глубинные интервью позволили получить информацию о характере политической социализации респондентов и их ресоциализации в период смены политической системы, а также составить представление о психологической структуре личности каждого респондента, что было использовано, в частности, для анализа методом *case-studies*.

Второе исследование, проведенное в марте 1998 г., было продолжением и конкретизацией первого и имело исключительно качественный характер. В каждом индивидуальном случае нами выявлялись механизмы, условия социализации, которые повлияли на тип этнической идентичности данного респондента, его основные характеристики. Это исследование было посвящено изучению формирования ауто- и гетеро- стереотипов у группы респондентов, составленной из одних этнических русских.

Выборка состояла из 10 респондентов (5 мужчин и 5 женщин), принадлежащих к 7 различным возрастным группам от 13 лет

до 75 лет, имеющих различные социально-профессиональный статус, род занятий, социальное происхождение, родившиеся в городской или сельской местности. Все сейчас они — жители Москвы; четыре респондента являются представителями трех поколений одной семьи, что дает возможность получить более полное представление о семье как агенте политической социализации.

Инструментарий данного исследования включал *глубинные интервью*, в ходе которых получены данные о личностных особенностях респондентов, об их Я-концепции, самооценке, представлениях о своей семье, детях, родителях, типе властных отношений в семье, прошлом и настоящем своей страны, своей этнической группе и других национальностях, степени их близости или отдаленности, об их политических ориентациях и др. Для получения более детальных представлений о личности респондентов применялся цветоассоциативный тест Люшера. Для обработки ответов опрошенных использовался также метод построения семантического дифференциала.

Мы предположили, что проявление национализма, этноцентрические установки опрошенных (там, где они зафиксированы) встроены в их политическую картину мира и являются проявлением феномена авторитарности, корни которого можно проследить в ходе политической социализации. Процессы дезинтеграции России, как ранее — процесс дезинтеграции СССР, вызывают у граждан фрустрацию, растерянность и, как следствие, могут стимулировать имперские, националистические установки, особенно у тех респондентов, которые в годы первичной политической социализации получили определенную «прививку» авторитарной психологии.

Гипотезой второго исследования было предположение о том, что тип политической социализации респондентов являются решающим фактором формирования различных моделей этнической идентификации, отразившиеся в соответствующих этнических стереотипах. Истоками этноцентризма, присущего ряду респондентов, являются как особенности семейных и других влияний на этапе первичной социализации, так и резко изменившиеся политические и идеологические условия современного периода, которые требуют от личности включения ею защитных механизмов для сохранения своей целостности и адаптации в процессе ресоциализации. Мы предположили, что различные компоненты этнических стереотипов (когнитивные, эмоциональные и другие) могут оказаться не синхронизированы в ходе поиска новой идентичности в условиях политической трансформации России и смены политической среды.

Восприятие русскими своей национальной идентичности и этнические стереотипы

Анализ данной проблемы начнем с *общей картины мира* наших респондентов, компонентами которой являются их представления о самих себе, своей стране, собственном этносе и о других этнических группах (как ближних, так и дальних). Психологически эта картина может совпадать с политическими реалиями, а может быть достаточно искаженной. Особенно нас интересовало наличие в менталитете опрошенных нами российских граждан установок на этноцентризм, националистических стереотипов.

В нашем первом исследовании опрошенным было задано несколько вопросов, ответы на которые позволили судить о наличии этнических стереотипов во всей выборке (61 человек). Так, респонденты определяли свое согласие или несогласие с утверждением «Нерусские имеют слишком большое влияние в России». Результаты (табл. 4.1) показывают, что число согласных с этим утверждением превосходит число тех, кто с ним не согласен, что можно интерпретировать как проявление страха перед нерусскими. Еще более опасной эта тенденция представляется в среде политиков (хотя число опрошенных политиков незначительно).

Таблица 4.1

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО НЕРУССКИЕ ИМЕЮТ СЛИШКОМ БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ В РОССИИ? (в % к общему числу опрошенных)

	Да	Нет	Не ответили
Рядовые граждане	47,5	37,7	1,8
Политики	9,8	3,2	-
Всего	57,3	41,0	1,8

Вопрос был сформулирован таким образом, что в нем не были дифференцированы этнически нерусские жители России и иностранцы, однако большинство наших респондентов имели в виду

первую категорию, которую и обсуждали, давая свои комментарии. Причиной же влияния нерусских опрошенные считали доступ к рычагам политической власти и экономическое влияние. Тот факт, что в целом более чем для половины респондентов эта тема оказалась весьма значимой, свидетельствует не столько о реальных возможностях нерусских граждан влиять на российскую политику, сколько о месте этой темы в их сознании, о ее присутствии в их политическом дискурсе*.

* Примечательно, что в апреле 1998 г., когда разразился правительственный кризис в связи с уходом правительства В.С. Черномырдина, национальная тема оказалась в центре политических дебатов при утверждении новой кандидатуры на пост премьера. Лидер коммунистов Г.А. Зюганов прямо потребовал, чтобы национальная принадлежность кандидата учитывалась Президентом России при выдвижении кандидата на этот пост.

Примечательно, что все без исключения респонденты, считающие, что сейчас в России нерусские пользуются слишком большим влиянием, (заявляя таким образом, что хотели бы его ограничить), в ответе на другой вопрос анкеты — о ранжировании политических ценностей, предпочли «порядок» «свободе», что можно считать еще одним показателем авторитаризма; в данном случае следует говорить именно о той разновидности авторитаризма, которая во главу угла ставит традиционализм в противовес либерализму и модернизму.

Нас интересовало, в какой степени эта враждебность по отношению к нерусским распространяется на неполитическую сферу (дружбу, соседство, супружество). В качестве этнических групп, вызывающих к себе наиболее пристрастное отношение в России, были выбраны *еврей* (традиционный объект этноцентрических установок), *чеченец* (объект наиболее острых националистических чувств последнего времени) и *негр* (наиболее редко встречающийся в России и наиболее отличающийся от русского населения внешне). Все три представителя расовых и этнических групп легко отличимы от русских внешне, что облегчает формирование этнических стереотипов. Полученные ответы свидетельствуют о том, что в неполитической сфере уровень этноцентризма значительно ниже (табл. 4.2).

Таблица 4.2

**СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО ЧЕЧЕНЕЦ, ЕВРЕЙ
ИЛИ НЕГР МОГУТ БЫТЬ ВАШИМ СОСЕДОМ, ДРУГОМ, СУПРУГОМ? (в % к общему числу
опрошенных)**

	Сосед	Друг	Супруг
Рядовые граждане	55,7	52,4	32,7
Политики	8,2	8,2	6,6
Всего	63,9	52,5	39,3

Обращает на себя внимание то, что как обычные граждане, так и политики, весьма толерантны в отношении соседей, более избирательны в выборе друзей и довольно осторожны при выборе супруга. Для многонациональной страны, население которой весьма метисизировано, эти данные свидетельствуют об изрядной фрустрированности этнических русских по отношению к иным национальным группам. Последний параметр (выбор супруга) наиболее показателен, так как отражает наиболее глубинные уровни этнического стереотипа. Тот факт, что менее 40% русских толерантны по отношению к иным национальным группам свидетельствует о серьезной опасности этноцентризма. Большая толерантность политиков к национальным группам, скорее всего, не отражает действительное положение вещей, а объясняется их большей осторожностью при ответе на предложенный вопрос и опасения обвинений в национализме.

Респондентам был задан также вопрос о целесообразности фиксации этнической принадлежности в российских паспортах. Эта статья, известная как пятый пункт в анкетах, на протяжении многих лет была источником как явной, так и скрытой дискриминации при приеме на работу, продвижении по службе и т.д. Предложенный Президентом России проект нового законодательства, отменяющего обязательное указание этнической принадлежности, вызвал серьезные политические дебаты. Многие лидеры автономий, русские национал-патриоты и коммунисты резко возразили против законопроекта, считая, что это нарушает права национальных меньшинств — с одной стороны, и дискриминирует доминирующий этнос — с другой. Законопроект одобрили политики демократической ориентации и исполнительная власть.

Полученные нами данные показывают, что как националисты из автономий, так и русские национал-

патриоты имеют определенную социальную базу: 59% опрошенных считает, что в паспортах следует оставить графу «Национальность» и лишь 32,7% полагает, что ее следует отменить. Особенно любопытно, что среди наших респондентов — представителей исполнительной власти, которая была инициатором нового законопроекта, — было одинаковое количество сторонников и противников данного решения. Это означает, что сама власть не гомогенна, а ее отдельные представители не поддерживают это решение, проявляя национализм на бытовом уровне.

Наиболее интересными были ответы на открытый вопрос о субъективном восприятии границ России. Если в прежние годы (1994, 1995 гг.) «ностальгические» ответы встречались достаточно часто, то в декабре 1997 г. картина получилась очень пестрой.

Рассмотрим ответы на этот вопрос в двух ракурсах. Вначале сгруппируем их по *содержательным основаниям*. Так, лишь 18% респондентов связывают свою национальную идентичность с бывшим СССР. Добавим к этому еще 8,2% тех, кто видит связь нынешней России с Российской империей до 1913 г. Этот тип ответов, как ни странно, особенно характерен для политиков. В то же время примерно 40% респондентов воспринимают Россию в ее нынешних границах. Это позволяет сделать вывод, что массовое сознание приспособилось к реальности и адекватно оценивает положение России в мире. Полученные данные опровергают стереотип, имеющий хождение как на Западе, так и среди ряда левых политиков в России, о существовании широкой социальной базы для возвращения к коммунистическим порядкам.

Ответы респондентов по второму показателю — по **величине территории, с которой они себя отождествляют субъективно** — можно разделить на три группы. Одни респонденты, которых мы назовем «**максималистами**», или «интеграторами» (36% опрошенных) хотели бы видеть Россию в максимально широких границах. Эти люди (разных политических ориентации, возрастов и пола) ориентированы на традиции СССР и Российской империи. Пять из восьми политиков принадлежат к этой категории. Среди этих респондентов есть и такие, кто живет прошлыми реалиями, но немало и тех, кто связывает будущее России с Европой, считая ее частью «европейского дома».

Вторая группа — «**минималисты**» (18% от общего числа опрошенных) — считают, что Россия должна оставить себе как можно меньше территории, отказаться от «лишнего». В этой группе ответов встречались и такие: «Россия для меня ограничивается моей семьей». Эта тенденция, несомненно, отражает фрустрированность той части общества, которая потеряла свою старую идентичность и не нашла новой. С одной стороны, эти люди придерживаются позиций, противоположных имперским, но с другой стороны, — они чаще, чем представители двух других групп, проявляют этноцентризм, поскольку ограничивают свой образ России только этническими русскими, исключая «иностранные государства», «соседей», «Прибалтику», «Чечню», «бывшие союзные республики».

Третья группа — «**реалисты**» (36%), чье восприятие России, в отличие от тех, кто определяет свою идентичность в терминах «макси» и «мини», психологически и политически адекватно нынешним ее границам.

Только каждый 10-й из опрошенных **затрудняется** определить свою национальную идентичность в территориальном смысле.

4.3. Психологическое содержание этнических стереотипов

В обыденном сознании сегодняшних россиян (речь в исследовании пойдет только о русских) единый ауостереотип находится в процессе становления, заимствуя многие свои черты из прошлого. Глубинные интервью, взятые в ходе второго исследования, дают представление о психологическом содержании этих стереотипов. Рассмотрим некоторые особенности ауто- и гетеростереотипов у 10 наших респондентов в контексте их личностных и политических характеристик.

1. Сергей, 26 лет, неполное среднее образование, безработный, сторонник Жириновского. Этноцентричен, полагает, что русские превосходят все другие народы. Близкими русским считает итальянцев, далекими — англичан. Основанием для определения близости-отдаленности у него служит «характер».

2. Иван, 12 лет, школьник, политикой не интересуется. Считает, что у России нет врагов и отношение к ней у всех народов нейтральное. «*Между всеми странами дружные отношения, потому что они в НАТО вступили*».

3. Наташа, 22 года, студентка, политически нейтральна. Симпатии испытывает к славянским народам, отдельным европейским нациям (французам, например). Антипатию вызывают мусульмане и

евреи. Считает, что к «России враждебно относятся развитые страны». Какие именно — назвать не смогла.

4. Мария, 25 лет, аспирантка, экономист, политически нейтральна. Считает возможной угрозу России со стороны мусульман-фундаменталистов. Опирается религиозными, а не этническими аргументами.

5. Виктор, 62 года, инженер, сторонник Явлинского. Считает, что все беды России происходят от распада СССР, с Чечней можно было мирно договориться. Дружественные чувства испытывает к славянским народам, исключая Польшу. Чужими для русских считает румын, венгров, балтийские народы. Из более дальних стран называет Пакистан, Германию, Англию.

6. Георгий, 74 года, пенсионер, образование высшее, коммунист. Близкие для него по национальному признаку — сербы, словаки, по духу — индийцы, французы, финны. Враждебными по отношению к русским считает поляков и англичан, по сравнению с ними американцы ближе русским по характеру. Совсем чужих, так, чтобы был полный антагонизм, — просто нет. Близость или дальность народов объясняет экономической конкуренцией.

7. Лариса, 72 года, среднее образование, коммунистка. На вопрос о врагах ответила, что враги — не те, кто ракетами забрасывает, а те, кто разлагает общество изнутри (те, кто распространяет порнографию). Считает, что русских не любят нигде — ни в Европе, ни в Америке.

8. Татьяна, 51 год, образование высшее, придерживается демократических взглядов. Этнических предубеждений нет. Дружественными считает югославов, славян вообще и особенно украинцев и белорусов. Среди более далеких называет американцев. Мотив — психологический: несходство характеров.

9. Алла, 63 года, образование высшее, политически нейтральна. Дружественными считает болгар и украинцев. «*Литовцы, эстонцы, чеченцы всегда были нам чужими*». Близкими к русским называет грузин, армян, казахов. Более далекими — туркмены, узбеки. Учитывает при этом не только этнические, но и религиозные характеристики. Но и среди христиан воспринимает католиков как враждебную силу. Полагает, что американцы хотят поработить русских, так же, как этого хотел А. Гитлер.

10. Михаил, 26 лет, студент, политически нейтрален, верующий. Настроен антизападно: американцы вроде друзья, а НАТО на Восток расширяют, японцы вроде друзья, а рыбу нашу ловят, лес вырубает. «*Нам проще со славянскими народами*». Объясняет это общими чертами характера, традициями. Стал негативно относиться к Америке, после того как она наводнила российские экраны низкопробными фильмами. Считает это признаком явной колонизации.

Рассмотрим вначале особенности *аутостереотипов* русских. В обыденном сознании респондентов аутостереотип трансформируется вследствие кризиса национального самосознания, вызванного разрушением привычной системы ценностей после распада СССР. Осознанно или бессознательно респонденты черпают многие черты аутостереотипов из прошлого — это прежде всего суждения о принадлежности к великой, многочисленной нации, занимающей позицию сверхдержавы.

Следует отметить превалирование в ауто стереотипах *положительных* оценок над негативными, что свидетельствует о позитивной идентификации респондентов с собственным этносом. Приведем лишь некоторые из позитивных оценок: доброта, щедрость, миролюбие, простота, прямотушие, духовность. Ответы респондентов на вопросы о своем народе, как правило, сопровождаются эмоциональным подъемом, чувством гордости, некоторые ответы отличаются ироничным контекстом. Аутостереотип большинства респондентов более конкретный, чем гетеростереотипы, в которых имеется порой лишь эмоциональный аспект.

Аутостереотипы старшего и молодого поколений различаются: у молодого поколения более выражен религиозный компонент, они чаще подчеркивают влияние православия на русскую культуру, духовность, государственность; старшее поколение больше внимания уделяет социально-политическим проблемам, оценивая численность русского народа, его положение по сравнению с другими народами бывшего СССР.

Набор *негативных* аутостереотипов традиционен: бесшабашность, пьянство, безынициативность. К негативным аутостереотипам можно отнести суждения о несправедливом отношении русских к малочисленным народам в рамках бывшего Советского Союза, которое проявлялось в политике русификации. Однако подобные суждения встречаются редко даже у людей старшего возраста.

Гетеростереотипы респондентов выявлены в отношении национальностей, традиционно значимых для русских. Среди славян — это соседние народы (украинцы, белорусы, словаки, чехи, сербы,

болгары); все они воспринимаются близкими русским в духовном и культурно-языковом плане. При этом своих бывших соседей по СССР треть респондентов характеризует как «отдаляющихся, но зависимых от сильного соседа», имея в виду экономический аспект взаимоотношений России, Украины, Белоруссии. Респонденты подчеркивают дистанцию от народов прибалтийских стран, татар, евреев, которые отличаются от русских, по их мнению по духу, религиозной принадлежности, национальному характеру и темпераменту. Антагонизма, страха, угрозы со стороны этих народов опрошенные не испытывают. Крайне отрицательно относятся респонденты к мусульманским народам, прежде всего, к чеченцам. Однако сами респонденты признаются, что являются в этом случае жертвами пропаганды средств массовой информации и не рассматривают войну в Чечне как чисто национальный конфликт.

Что касается соотношения различных компонентов в гетеро-стереотипах русских, то закономерно проявляется наибольшее эмоциональное переживание в связи с народами, вызывающими крайне отрицательное отношение (чеченцы, мусульмане). Положительные эмоции по отношению к близким, соседним народам являются более сдержанными. Амбивалентные эмоции проявляют респонденты по отношению к евреям и американцам: образы этих народов мало развернуты, а отношение слабо аргументировано.

Когнитивный компонент установок в отношении своего этноса и других народов серьезно различается: свой этнос представляется менее однородным — некоторые респонденты затруднились составить типичный портрет современного русского; это обстоятельство затрудняет их идентификацию со своим народом: «Русский народ слишком многочисленен и разнолик, чтобы чувствовать, что ты кому-то земляк» (из интервью с Сергеем). В то же время другие народы представляются всем респондентам более монолитными и внутренне солидарными. Повышенное чувство солидарности в противовес разобщенности собственного народа респонденты обнаруживают у чеченцев, народов Кавказа, евреев.

Большинство молодых респондентов и некоторые респонденты старшего поколения продемонстрировали безразличное отношение к своей национальности: «Моя национальность меня никогда ни в чем не защищала» (Михаил); «Сами русские, люди не хотят, чтобы «русский» было громким словом» (Сергей). Люди старшего поколения указывают на ситуативность проявления своей этнической идентичности: «Я чувствую себя русской, когда выезжаю за границу» (Татьяна); «Национальный вопрос актуален для тех русских, которые оказались за границами России, потеряли свой социальный статус и гражданские права» (Лариса).

Метод семантического дифференциала позволил определить дистанцию, которую ощущают респонденты между своей национальностью и другими национальностями. Наиболее далекими из предложенных для оценки национальностей (украинцы, американцы, чеченцы) респонденты считают чеченцев, что согласуется с данными, полученными в ходе глубинных интервью. Показатель дистанции D между понятиями «русский» и «чеченец» колеблется от 11,5 до 16,9. По отношению к украинцам опрашиваемая аудитория разделилась примерно поровну: 6 человек считают, что дистанция между русскими и украинцами минимальна по сравнению с дистанцией между русскими и представителями других национальностей ($5,0 < D < 8,5$); по мнению оставшихся 4 человек, дистанция между американцами и русскими меньше, чем между украинцами и русскими (табл. 4.3).

Таблица 4.3

ПОКАЗАТЕЛЬ ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ «РУССКИЙ» И «ЧЕЧЕНЕЦ», «РУССКИЙ» И «УКРАИНЕЦ», «РУССКИЙ» И «АМЕРИКАНЕЦ».*

* Рассчитано по: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара, 1995. С. 191.

	«Русский» и «чеченец»	«Русский» и «украинец»	«Русский» и «американец»
Георгий	16,9	5,0	13,2
Лариса	16,5	13,1	10,8
Мария	11,5	8,5	6,4
Татьяна	11,7	8,8	7,6
Михаил	11,4	6,6	9,6
Алла	16,3	6,4	12,4
Наталья	13,7	5,7	7,3

Иван	15,1	14,7	12,3
Сергей	13,6	8,5	9,2
Виктор	11,6	5,1	9,6

4.4. Национальная окраска политической картины мира

Глубинные интервью, полученные в первом и втором исследовании дополняют общую картину, рассмотренную выше.

Прежде всего они выявляют *ведущие мотивы*, обуславливающие этнические стереотипы вообще и этноцентризм — в частности. Мы полагаем, что такая реакция характерна для населения страны, экономика которой переживает переходный период, и является проявлением *защитных механизмов* у личности, потерявшей социальную опору. Мотив *защиты* проходит красной нитью через интервью самых разных по возрасту, полу, политическим ориентациям людей.

По мнению почти всех опрошенных, идеальный гражданин должен быть патриотом. В одном из интервью раскрывается причина подобной установки: *«Человек должен знать, что Россия его будет защищать, поэтому он должен быть патриотом.»*

Следовательно, источник такого рода патриотизма — потребность в защите со стороны власти. Чтобы быть патриотом, человек должен чувствовать защиту со стороны России — хотя из интервью неясно, идет ли речь об обществе или государстве, под Россией обычно понимается именно государство.

От чего необходимо защищать этих людей, что является той опасностью, которая их всех подстерегает? В первую очередь респонденты называют экономические угрозы. Парадоксально: практически все они удовлетворены своей жизнью, но никто из них не удовлетворен **материальным положением**.

Другой опасностью, от которой граждане ждут защиты со стороны государства, является утрата жизненных ориентиров вообще и национальной идеи — в частности:

«Человеку на этом этапе не сказали главного. Куда мы идем, какое общество хотим построить? Паства есть, пастыря нет. Мы около пропасти. А собаки водят ее вокруг пропасти. Нам не сказали про время, чтобы он был к этому готов. Не сказали цену этого социального похода.»

Постоянный конфликт между народом и государством способствовал тому, что в качестве психологической защиты у русского народа сложился образ царя-защитника, который он пронес сквозь века. Царь (Генсек или Президент) воспринимался народом как «свой», а вся государственная администрация считалась «неверными и лукавыми царскими слугами», мешающими царю принимать правильные решения и ограждающими его общения с народом. Примечателен и контекст восприятия нынешней политической ситуации, которую респондент описывает в терминах традиционного дискурса: в приведенном тексте интервью появляется духовный лидер — *«пастырь»*, сподвижники которого — *«собаки»* и без него ни на что не способны; люди рассматривают себя как пассивных участников политического действия: *«Нам не сказали про время», «Не сказали цену»*.

Отсутствие видимых политических сил — т.е. институтов, партий, лидеров, способных стать защитниками интересов народа, является причиной его обращения в поисках защиты к более крупному образованию — нации. Не случайно все наши респонденты-«националисты» относятся к политикам резко отрицательно:

«Что касается моего отношения к политике, то сначала было равнодушие, неприятие, которые потом переросли в гнев, ярость, а потом, когда понял, что изменений быть не может, пришла какая-то тоска, а сейчас отношение как к лимону.»

«О политиках сейчас я думаю, что они все воры и идиоты. И то, что они намного хуже политиков других стран. И могу сказать, что они компетентны и честны на 0,0%. И нет таких российских политиков, к которым я испытывала бы доверие и уважение.»

«...они слишком заботятся только о себе и не делают ничего для простых граждан страны, хотя, может быть, они что-нибудь и делают, но пока результатов их деятельности не видно. Возможно, испытываю я уважение только к Лужкову, а что касается доверия к нему — я не знаю, потому что все, что он делал, он делал только для Москвы, но не для отдельного человека.»

«..они грубые, толстые, жадные, нехорошие, ну, может быть, за некоторым исключением. Они нисколько не заботятся о простых гражданах. Единственный, к кому я испытываю уважение, — это

Лужков. Но я не могу судить, насколько политики лучше или хуже политиков других стран, потому что не знаю политиков других стран.

Они нисколько не заботятся о благе простых граждан.»

Таким образом, этнические стереотипы, будучи встроенными в более широкий контекст политической картины мира, которая оказалась сильно деформированной в результате изменения политической системы, выполняют функцию психологической защиты личности, оставаясь практически единственным механизмом, обеспечивающим личности возможность соотнесения себя с над-индивидуальными структурами. В российской политической культуре, которая традиционно была государство-центричной, по сути нет других объектов, кроме нации (в этническом смысле), которая выполняет функцию консолидации.

Агенты и факторы формирования этнических стереотипов

В задачу исследования входило определение обстоятельств, формирующих те или иные этнические стереотипы, роль в этом процессе таких агентов социализации, как *семья, родители, школа, коллектив и общество в целом*. Кроме этого, сами респонденты указали, что на их отношение к своей и другим национальностям повлияли личный опыт непосредственного общения, средства массовой информации, неудовлетворенность нынешним социальным статусом и материальным положением, запечатленные в памяти респондентов рассказы родителей о неадекватном поведении представителей других национальностей по отношению к русским (рассказ Наташи, 22 года, об армянах со слов родителей); авторитетность мнения мужчины, старшего по возрасту (для Сергея, который испытывал потребность в авторитете такого рода); воспитание в атмосфере жестких правил поведения, семейных традиций (Ларисы Ивановны, что определило собственное отношение к порядку как к началу всех начал) и т.д.

Авторитарные методы воспитания, упомянутые в рассказах всего двух респондентов, определили ригидность собственных установок одного из них в вопросах воспитания и логически дополняют его авторитарный характер и автопортрет (Сергей является сторонником жестких мер в воспитании, симпатизирующим А. Лебедю и В. Жириновскому. (Он легко делит людей на «своих» и «чужих», чей социально-экономический статус и культурный уровень ниже, чем у «своих»)).

Любопытные закономерности были обнаружены у респондентов, относящихся к различным поколениям, в их отношении к школе и учителям. Единодушную положительную оценку школы — и с точки зрения полученных знаний, и с точки зрения отношения к учителям — дали все представители старшего поколения (Георгий, Лариса, Алла, Виктор). Младшее же поколение респондентов (Сергей, Мария, Михаил, Иван) демонстрируют негативное или нейтральное отношение к школе.

Отдельно следует отметить связь *образовательного статуса* респондентов с содержанием и направленностью этнических стереотипов. Тесную связь уровня образования и стереотипности мышления можно обнаружить, в частности, у Марии, которая, считает, что люди с низким социально-экономическим статусом стремятся найти внешнего врага, подчас другой национальности, чтобы объявить его причиной своих несчастий. Однако утверждать, что существует жесткая зависимость между этнической толерантностью и уровнем образования, нельзя: нетолерантными оказались люди, имеющие и не имеющие высшего образования. Следует, однако, заметить, что респонденты со средним образованием продемонстрировали большую эмоциональность при проявлении этнических ауто- и гетеростереотипов, чем респонденты с высшим образованием.

По мнению нескольких респондентов (Мария, Татьяна и др.), *статусная неудовлетворенность* — одна из причин национальной напряженности сегодня. *«Когда все живут хорошо, то все равно, кто там с тобой рядом, и ты рад всем. А когда ты живешь плохо, то начинаешь искать врагов и находишь их в лице, может быть, других национальностей.»* (Мария).

Личностные детерминанты этнической стереотипизации

Чтобы проанализировать личностные детерминанты формирования этнических стереотипов, обратимся к методу *case-study*. Начнем с интервью с **Сергеем**. Его аутостереотип размыт, и переживание им чувства сопричастности русскому народу неактуально.

В ситуациях личного межнационального общения, которые Сергей часто упоминал в своем рассказе, он, считающий себя независимым от чужих мнений и «единственным самому себе судьей» ориентируется на мнения старших по возрасту мужчин, в чем реализуется неудовлетворенная в детстве потребность в аффилиативной поддержке со стороны родителей. (Сергей рос без отца, а воспитательные приемы матери воспринимаются им и по сей день как бремя). *«Ярос в отсутствие мужского авторитета со стороны отца. Я считаю, что женщина не может дать того, что может дать мужчина, конечно, за исключением сумасшедших алкоголиков каких-то. Я внимательно*

прислушивался к советам посторонних мужчин. Для меня они были, конечно, авторитетом.» Его этнические установки формировались под влиянием потребности в авторитете, которым для Сергея стал старший по возрасту мужчина, «который не очень-то дружелюбно относится к евреям».

Привлекательные личностные черты, которые респондент обнаруживает у представителей других национальностей, так или иначе связаны с проявлениями маскулинности, в чем просматривается ориентация на авторитет отца: *«Конечно, мне не нравится, что кавказцы жестокие. Но они справедливые — раз, они могут мобилизоваться — два. Но, оговорюсь, за исключением чеченцев. Мне кажется, они очень жестокие и брехуны. Такое представление сложилось, глядя на нынешнюю эту войну — они там прикрываются высокими словами и идеалами — это все пыль, шелуха. Во-первых, они очень часто врут, это замечено было еще в армии. Они пытаются напустить на себя большие значимости, чем есть на самом деле, рассказать то, чего не было. Но, с другой стороны, как друг — он хороший. И поможет всегда и придет.»*

Социализация респондента проходила под знаком отстаивания собственных убеждений, для чего надо было переубедить других и быть в оппозиции общепринятому мнению, а если надо, то и силу применить. По мнению Сергея, для него разделение окружающего мира на «своих» и «чужих» произошло в армии. Это вполне объяснимо, так как в ходе прямого контакта с представителями других национальностей взаимные национальные образы становятся четче, особенно если люди этих национальностей занимают конкурирующие позиции или за ними закрепляются определенные роли. Помимо этого, в армии ужесточены условия существования, и сложившаяся своего рода стрессовая ситуация вызвала у респондента мобилизацию эмоций, разделившую мир на «своих» и «чужих». *«Это сейчас я могу сказать, например, этот — дагестанец, этот — грузин. Раньше мы всех кавказцев называли «грузинами». Стал разделять их в армии, потому что там все равно узнаешь национальность своего товарища. Они там стараются держаться вместе: аварцы — с аварцами, лакцы — с лакцами. ...В армии всегда будут землячества и всегда будет «дедовщина»».*

Отпечаток ригидности несут на себе высказывания Сергея относительно политиков, вызывающих у него симпатии, — это прежде всего, люди, занимающие однозначную позицию, имеющие свое кредо, что согласуется с собственной жизненной позицией респондента — быть в оппозиции к общепринятым ценностям, нормам поведения. *«Жириновский Владимир Вольфович — это же еврей чистой воды. Откуда такая защита русского? Может быть, это ширма? Может быть, это прикрытие? Почему человек так печется о русских? Но это похвально, потому что никто еще так за русских людей не выступал. Хотя, конечно, у него много там всяких перегибов, но это я отношу к его характеру. Политики, которым я бы мог поверить? В свое время это был Лебедь. Я его не знал, а почему ему поверил — потому что воздух ладонью он рубил решительно и ...Молодец! Но потом, глядя на его эту политическую проституцию, глядя, как он начал стелиться, начал менять свое мнение, я понял, что политик он никудышный.»* В целом современных политических деятелей и события, происходящие в стране, Сергей оценивает резко отрицательно, а его акцент на привилегированный статус власть придержащих и их несправедливое отношение к остальному населению обусловлен неудовлетворенностью своим социально-экономическим положением и нынешним статусом.

Отмеченные особенности этнической идентичности позволяют причислить Сергея к такому типу людей, которые, подчеркивая незначимость для них своего этнического происхождения, все же оперируют жесткими этностереотипами, прежде всего, в отношении других национальностей. Это можно расценивать как проявление этноцентричности, иногда носящей агрессивный характер — в зависимости от характера межнационального общения (конкуренция со стороны другого этноса) или от ситуативной удовлетворенности собственным статусом (социально-экономическим положением, гражданским статусом).

Существенной детерминантой этнических стереотипов является религиозность как частное проявление ригидных установок по отношению к значимым «другим». В частности, православие оказало влияние на систему жизненных ценностей другого респондента — **Натальи**, ее мировоззрение, определяющее жизненную позицию, восприятие других людей и отношения с ними. По ее собственному определению, воспитывали ее достаточно демократично, но родители были требовательны, особенно в вопросах успеваемости в школе, так что иногда, получив плохую оценку, она не хотела идти домой. Профессия отца (в настоящее время полковник в отставке) вынуждала семью к частым переменам места жительства, и с детства респондентке представлялась возможность общения с людьми других национальностей. Однако более четкими остались в памяти рассказы родителей, в частности о неадекватном отношении армян к русским. Несмотря на это, у Натальи не сформировалось

предубежденности к этой национальности: будучи глубоко верующим человеком, православной, она разделяет людей на «своих» и «чужих» в зависимости от их вероисповедания.

Содержательная сторона аутостереотипов интервьюируемой имеет общие черты, характерные для ее стереотипов в целом: доминирующая религиозная компонента, поиски независимых аргументов в пользу своей точки зрения, отсутствие агрессивности. Аутостереотип русских складывается, по ее мнению, из «генетических», передаваемых из поколения в поколение черт национального характера и динамических черт, которые зависят от осознания этносом своего единства. Эмоциональность, с которой респондентка отнеслась к данному вопросу, свидетельствует о высокой мере солидарности, чувстве причастности к проблемам возрождения русского этнического самосознания, которое для респондентки означает прежде всего духовное возрождение народа. *«Русские генетически благородны и мужественны, особенно это проявляется в критические моменты (достаточно вспомнить Великую Отечественную войну) независимо от того, какая власть. Сюда уже можно отнести исключительную любовь к родной земле. Такие проявления (русского национального характера) я думаю, передаются генетически, как особенности характера каждого народа. В двух-трех словах можно охарактеризовать нацию. А то, что утеряно... Утерян, наверное, вот этот вот православный дух, которым жила Россия до революции и который в конечном итоге привел ее к процветанию.»* Ностальгия по утерянному духовному единству, осознанию собственного величия, духовности позволяет говорить о потребности респондентки в сопричастности к коллективному этническому самосознанию, склонности к этноцентризму в форме поиска этнической солидарности, преодолении кризиса идентичности. Осознание собственной русскости связывается с архетипом «русского человека» дореволюционного периода, проявляется в оппозиции к советской идеологической доктрине, современной политике и идеологии. Аутостереотип русского человека Наталья дополнила такими душевными качествами как миролюбие, терпимость, дружелюбие — что объясняется мироощущением православного человека, каким является Наталья. *«В принципе, трудно себе представить агрессию со стороны русского человека, направленную на кого-то по национальному признаку.»* Ее отношение к фиксации национальности в паспорте позитивное, однако, по ее мнению, это более актуально для малочисленных народов, стремящихся поддержать свою этническую солидарность и сохранить культурную специфичность, которая может раствориться в общей массе. Фиксирование национальности в паспорте является как бы подспорьем в идентификации человека с собственным этносом. *«Можно было бы по всей земле написать «гражданин земли», но от этого внешние признаки людей не изменятся. То есть люди будут все равно отличаться внешне, и тогда придется придумать что-то другое, что будет человека идентифицировать. А потом — тут нечего скрывать.»*

Религиозный компонент почти неизменно присутствует в гетеростереотипе другой, особенно «значимой» для респондентки национальности. Она рассказывает о своем знакомом, чеченце. *«У меня был знакомый — чеченец. До того как он ударился в мусульманство, он никем и ничем не был, будучи в Москве, — я имею в виду «национальное», — не ощущал. После того как он начал изучать мусульманство и принял его, он явно изменился. Его доброта сменилась холодностью. С теми, к кому он хорошо, тепло относился, отношения просто прекратились.»* Из сказанного видно, что респондентка связывает национальное происхождение прежде всего с верой, а потом уже с характерологическими личностными особенностями человека, его культурным уровнем, происхождением. Причем, чем лучше она знает оцениваемого представителя другой национальности, чем он значимее для нее, тем отчетливее проявляется характеристика его вероисповедания в общем гетеростереотипе, особенно если он — мусульманин. Этнические гетеростереотипы в отношении «дальних других» (арабов, индусов, негров) являются более распространенными, многосторонними, изобилуют примерами личного опыта общения, отражают интерес респондентки к их национальной культуре и традициям, более окрашены положительными эмоциями.

Условно разделяя мир на «своих» и «чужих», Наталья руководствуется критерием «духовной близости» людей русским и России. В категорию «своих» попадают сербы, а «чужих» респондентка затрудняется назвать, обобщая их категорией тех, кто *«навязывал, то есть не давал свободного развития России, в любом отношении — в экономическом, духовном, политическом, т.е. изменял ее исторический ход насильственно, не учитывая национальные особенности.»* В целом восприятие респондентки мира, окружающего Россию, не является четко позитивным или негативным.

Обобщая картину этнических стереотипов Натальи, можно выявить черты, относящие ее к этноакцентированному типу людей, для которых одинаково важна как своя национальность, так и национальность значимых «других». Важную роль в становлении этноидентичности в этом случае

играет православие, характеризующее традиционное русское национальное самосознание. Вместе с наследуемым архетипом русского национального характера именно это помогает осознанию респонденткой своего национального происхождения, духовных истоков. «Чужие» национальности представляются для нее значимыми, отношение к мусульманам однозначно негативное: по ее мнению, логика их рассуждений не поддается здравому смыслу. Обнаруженные черты позволяют сделать вывод об этноцентризме респондентки, который не носит агрессивного характера по отношению к значимым «другим», а проявляется, скорее, в нетерпимости к другим в силу их религиозной принадлежности, чувстве сопереживания русским, сопричастности им.

Важной чертой этнического самосознания русских является социальность, которая тесно связана с традиционным «общинным» самосознанием и означает потребность в социальном оценивании, одобрении, соответствии общепринятым образцам поведения. Эта черта самосознания свойственна старшему поколению и выражается в ностальгии по коллективизму, общегосударственной идеологии, социальной справедливости. Молодое поколение респондентов в этой связи переживает утраченную «социальность, коллективизм советского времени» как чувство потерянности русского человека в современной действительности (из интервью с Марией). Анализируя поколенческие различия в качестве детерминанты этностереотипизации, более подробно рассмотрим фактор общественного воспитания в духе коллективизма, который в значительной мере повлиял на этностереотипы представителей старшего поколения.

Аутостереотип респондента Георгия, 74 г., исчерпывается положительными характеристиками русского народа, отношение же к негативным характеристикам им не высказано. В гетеростереотипах респондента просматривается его ущемленное национальное достоинство как русского и как россиянина. Неприятие жителей Кавказа (азербайджанцев, грузин, осетин, чеченцев), скупивших все магазины и расцениваемых как нежелательные пришельцы, мешающие развитию собственно российского купечества, сопровождается высокой оценкой их этнической солидарности в противовес разобщенности современных русских, констатацией отсутствия у русских единой национально-государственной идеи, потерей Россией статуса мировой сверхдержавы.

Его дочь **Татьяна** (тоже наша респондентка, считает, что первоочередной задачей России — является воспитание подрастающего поколения в красоте, преодоление бездуховности, наркомании, разбоя, которые, по ее мнению, характеризуют молодое поколение в противовес общественному воспитанию, которое давала советская школа, комсомол, идеология социалистического государства.

Влияние средств массовой информации и политиков на формирование этнических симпатий и предубеждений в той или иной

форме отмечают все респонденты: *«Образ врага специально придумывается политиками, которые всю нашу историю заменяют столкновением народов»* (Татьяна); *«Мы все привыкли верить массовой информации, приучены к этому»* (Алла).

Выводы

Подводя итог анализа ауто- и гетеростереотипов в ходе исследования, хотелось бы сделать несколько замечаний относительно специфики проявления этноцентричности у русских. Этноцентризм, имеющий несколько уровней, в данном случае рассмотрен нами в его «наивной форме». Вслед за Р. Ле Вайном и Д. Кэмп-беллом исследователи стали понимать «этноцентризм» по аналогии с «эгоцентризмом» чаще всего как явление, при котором ценности, приобретенные в собственной культуре, переносятся на другие культуры, где, однако, действуют совсем иные ценности. Наиболее наивная форма этноцентризма предполагает, что «индивид некритично принимает ценности собственной культуры и автоматически использует их для суждений о менее знакомых объектах и событиях... На более зрелой стадии этноцентричная установка принимает во внимание и другие точки зрения, но при этом рассматривает нормы других культур как неправильные, низшие или аморальные»*.

* Le Vine R.A., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behaviour. — N. Y.: J. Wiley&Sons Inc., 1972. P. 1.

Мы считаем данную дефиницию полезной для понимания этнических стереотипов русских. Представления современных русских отражают реальную сложность идентификации этнических русских (не говоря о представителях других этнических групп), живущих в России. В их определениях «своих» и «чужих» смешаны исторические, психологические, чисто политические, экономические и

религиозные мотивировки.

Степень выраженности этноцентризма обусловлена в российском политическом контексте рядом обстоятельств, среди которых следует особо упомянуть глобальные трансформационные процессы в экономической, политической, социальной и культурной сферах, повлекшие за собой кризис этно-социальной идентичности. Эти процессы определяют российскую специфику проявления этноцентризма, которая заключается в следующем:

1. Исследование показало, что имеется слабая связь между политической ориентацией (демократической, коммунистической и нейтральной) и проявлениями этноцентрических стереотипов. Наши предыдущие исследования подтверждают эту тенденцию на статистически значимом материале*.

* См. Шестопап Е. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*, 1996. № 2.

2. Более явная связь прослеживается между уровнем образования и наличием или отсутствием этноцентризма.

3. Этнические стереотипы (как ауто-, так и гетеро-) проявляются достаточно спокойно, не окрашены яркими эмоциями. Этноцентризм не выступает доминантой размышлений или эмоций личности, не говоря уже о поведенческих реакциях. Даже возможный распад России не воспринимается респондентами как катастрофа — опрошенные проявляют скорее апатию, они явно не осознают своей гражданской роли. Это наблюдение относится и к политически нейтральным, и к пассивным, и к более ангажированным гражданам.

4. В ответах респондентов положительные оценки преобладают над негативными, что свидетельствует о позитивной идентификации респондентов с собственным этносом. У большинства респондентов этнический аутостереотип более конкретен с содержательной точки зрения, чем гетеростереотип, в котором проявляются преимущественно эмоциональный аспект. Набор негативных аутостереотипов традиционен, их доля меньше по сравнению с положительными аутостереотипами. Как правило, негативные стереотипы упоминаются респондентами в конце списка перечисляемых качеств русского человека или народа.

5. Существенны отличия в этностереотипах респондентов разных поколений. Так, у представителей молодого поколения в большей степени выявляется религиозный компонент этнического самосознания, они чаще подчеркивают влияние православия на русскую культуру, духовность, государственность. Старшее поколение больше внимания уделяет социально-политическим проблемам, оценивая численность русского народа, его положение по сравнению с другими народами, его культуру.

6. Свой этнос представляется русским респондентам менее однородным, чем другие этносы. Некоторые из них затруднились составить типичный портрет русского человека — нашего современника. У наших респондентов наблюдается стертая форма этнических стереотипов, в которых значительное место уделено традиционным архетипическим чертам русских независимо от времени, политического строя и т.д. Чем ближе к современности, тем более размытыми, сильно дифференцированными становятся для респондентов как образ русского человека, так и представления о других национальностях.

7. Содержание этнических стереотипов во многом определяется «культурными» детерминантами. Быть русским для многих означает быть воспитанным в традициях русской культуры, которая определяет степень близости с другими нациями. Одновременно существенное значение по-прежнему имеют социальная и идеологическая составляющие. Негативно воспринимается «чуждый нам образ жизни, порнография, разбой и т.д.», однако с конкретными народами или государствами, за исключением США, это не связывается.

8. Потеря «советской» гражданской идентичности и незаконченный процесс идентификации с российской государственностью дают респондентам основание считать возможным дальнейший распад России на независимые государства. Такую возможность считают вероятной 90% опрошенных. С другой стороны, столь же значительное число респондентов с большой долей уверенности рассматривают совместное будущее России и бывших республик СССР — в форме торгово-экономического или военно-политического союза, ссылаясь на опыт западноевропейской интеграции. Однако такое допущение взаимоисключающих, на первый взгляд, перспектив развития российской государственности свидетельствует, с одной стороны, о поверхностной эмоциональной вовлеченности респондентов в проблемы государственного реформирования; с другой стороны, большая вероятность союза Украины, Белоруссии, Казахстана и России в будущем ассоциируется у респондентов с преодолением социально-экономического кризиса этих государств и в связи с этим — кризиса

национальной государственности. В настоящий момент респонденты не видят в России какой бы то ни было объединяющей силы или общенациональной идеи: за редким исключением никто из них не отметил каких-либо политических партий или движений, вызывающих симпатию или доверие, не сформулировал русской или российской национальной идеи, если не считать желание видеть Россию сильной державой, свойственное старшей возрастной группе респондентов и связанное с ностальгией по СССР. Следует отметить тот факт, что в сознании респондентов младшего возраста (до 26 лет) распад СССР не оставил сколько-нибудь заметного следа.

9. Исследование подтвердило тесную связь этнического самосознания русских с православием. Доказательством этому могут послужить отмеченные в аутостереотипе духовность и религиозность. Однако связывать это напрямую с возрождением православия в обществе было бы преждевременно, ибо даже те респонденты, которые характеризовали себя как истинно верующие, считают себя исключением из числа их сверстников.

10. Личностный уровень исследования этнического самосознания выявляет такие детерминанты идентичности, которые ускользают от исследователей массового сознания. Исследование показало, что русские переживают кризис идентичности, что выражается в ощущении потерянности, апатичности. Партикуляризация массового сознания русских, пришедшая на смену «имперскому» духу, привела к изменению приоритетных ценностей в пользу индивидуальных, прагматических, ценностей семейного благополучия, покоя и порядка, которые вытеснили на периферию сознания ценности общенациональные, гуманистические, связанные с проблемой выживания как собственного народа, так и всего человечества в целом.

Вопросы для обсуждения

1. Какие факторы способствуют и препятствуют процессам политической интеграции и дезинтеграции в России? Какое место занимают среди этих факторов психологические феномены?
2. Что представляют собой этноцентризм, ксенофобия с точки зрения политической психологии? Приведите примеры их проявления в современной России.
3. Какие этнические ауто- и гетеростереотипы распространены в нашей стране?
4. Каково происхождение этнических стереотипов в структуре личности?

Литература

1. Касьянова К. О русском национальном характере. — М., 1994.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995.
3. Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. — М., 1983.
4. Националистические и интернационалистские идеи в сознании россиян (еще раз о национальном вопросе) // Аналитическое сообщение ФОМ, 7 июля 1999 г.
5. Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. — М.: Смысл, 2000.
6. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии, 1993. № 3.
7. Рязанцев В.В. Молодые русские россияне: особенности государственной и этнической самоидентификации // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1998. № 3. С. 150 — 174.
8. Le Vine R.A., Campbell D.T. Ethnocentrism: Theories of Conflict, Ethnic Attitudes, and Group Behaviour. — N. Y.: J. Wiley&Sons Inc., 1972. P. 1.

Глава 5. Психология авторитарности и психология демократии

За последние десятилетия ни одна из проблем не обсуждалась в политической науке в целом, и в политической психологии в частности, столь бурно и заинтересованно, как проблема авторитаризма и демократии. Ей посвящены тысячи работ, многочисленные конференции и конгрессы — как в за рубежом, так и в России. Для нас эта тема за этот период приобрела особую актуальность. Куда идет Россия? Стало ли за эти годы наше общество менее авторитарным? Развитие политического процесса пока не позволяет ответить на целый ряд ключевых вопросов, связанных и с теорией демократии, и с судьбой политических преобразований у нас в стране.

Не претендуя на то, чтобы дать ответы на эти фундаментальные проблемы, попытаемся выделить круг тех из них, которые входят в компетенцию политического психолога. Прежде всего рассмотрим

теоретические подходы к феномену авторитарности и авторитаризма, затем — психологические измерения авторитарных режимов и, наконец, остановимся на проблеме авторитарной личности и методах ее изучения.

5.1. Теоретические подходы к феномену авторитарности и авторитаризма

Проблема авторитаризма и демократии в политической науке обсуждается уже почти полвека. За это время накоплен большой теоретический потенциал, выработаны методологические подходы к анализу этих феноменов. Однако и в теоретических моделях, которые приобрели статус классических*, остается немало белых пятен в понимании природы демократии и авторитаризма как политических феноменов и еще больше неясности — в определении их психологических составляющих. Не пытаясь обобщить имеющиеся в литературе подходы и дискуссии, попробуем обозначить некоторые исходные положения, касающиеся понятий, используемых в данной главе, учитывая, что в литературе нет даже рабочего определения авторитаризма и демократии, с которым были бы согласны все исследователи.

* См. работы Э. Фромма, В. Райха, Т. Адорно, Р. Альтемайера, Р. Кристи и др.

Одним из первых исследователей авторитаризма был психоаналитик и сторонник телесно-ориентированного психоанализа В. Райх, который еще в начале 30-х гг. предпринял специальное исследование авторитарности в его связи с фашизмом. В работе «Психология масс и фашизм» он высказал гипотезу о том, что влияние фашистской идеологии оказываются подвержены личности, имеющие определенную психологическую структуру, которую он назвал «механистически-мистическим характером». Эти люди получили, согласно В. Райху, «неестественное воспитание, подавляющее в личности сексуальность, что приводит к преобладанию в обществе авторитарных отношений».

Райх полагает, что одним из основных факторов, способствующих становлению фашистской ментальности, является сексуальное торможение, т.е. система запретов, налагаемая на ребенка в семье. В результате такого подавления возникает бессознательная тревога, которая служит источником патологических процессов в организме и социальной иррациональности. При этом важной чертой авторитарного сознания Райх считает стремление личности к самоидентификации с государственной властью или иным авторитетом, что позволяет избавиться от бессознательной тревоги.

Вслед за В. Райхом к проблеме авторитарного характера обратился Э. Фромм. В известной работе «Бегство от свободы», изданной в 1941 г., он анализирует такой феномен, как стремление отказываться от независимости своей личности и соединить свое «я» с кем-то или с чем-то, чтобы обрести силу, недостающую индивиду. Индивидов, обладающих такой склонностью, Фромм описывает как людей с авторитарным характером. Признаками авторитарного характера Э. Фромм считает:

- акцентированное отношение к власти и силе. Последняя бывает внешней (властные институты и их представители) и внутренней, или интериоризованной (долг, совесть, супер-эго, принятые в обществе нормы и условности). Для личности с авторитарным характером характерно построение двухполярной системы взаимоотношений с миром. Фромм утверждает даже, что для такого человека существует два пола — но не мужской и женский, а имеющий власть и не имеющий ее. Соответственно, он делит всех людей на сильных и слабых. По отношению к сильным у такой личности возникают любовь и уважение, а по отношению к слабым — агрессия и презрение. Категория равенства в картине мира авторитарного характера отсутствует;
- особое значение имеет для авторитарного характера восприятие понятия «судьбы» как внешней силы, от которой зависит его жизненный путь. Преклонение перед этой внешней силой и следование ей для подобной личности является очевидным и необходимым. В целом авторитарному мышлению свойственно убеждение, что «жизнь определяется силами, лежащими вне человека, вне его интересов и желаний». Эту особенность современная психология определяет как экстернальность, она измеряется с помощью теста Дж. Роттера на локус-контроль. С. Реншон показал связь высоких значений экстернальности с отсутствием демократических убеждений*;
- неосознанное стремление примкнуть или подчиниться более высокоорганизованному, чем он, существу или силе.

* Renshon S. Psychological Needs and Political Behaviour: A Theory of Personality and Political Efficiency. — N.Y.: Free Press, 1974.

Фромм показал, что личность с авторитарным характером обладает одновременно садистскими и мазохистскими чертами. Первые проявляются в желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии по отношению к подчинившимся этой личности людям. Мазохистские черты проявляются в готовности подчиниться и следовать указаниям внутренней или внешней власти.

Говоря о механизмах бегства от свободы, наряду с авторитарным характером Фромм выделил такие психологические механизмы, как *деструктивность*, проявляющуюся в тревоге, скованности и чувстве бессилия, и *автоматизирующий конформизм*. Оба эти свойства психики способствуют усилению авторитаризма, так как приводят, в свою очередь, к готовности подчиниться власти, предлагающей личности избавиться от сомнений.

В 1943 г. появляется работа «Структура авторитарного характера» А. Маслоу, который в отличие от двух предшествующих авторов показал, что в становлении авторитарных структур личности большую роль играют не только внутренние психологические факторы, но и ситуация, или «поле», в котором происходит становление индивида. Согласно Маслоу, авторитарный человек, как и все психологически незащищенные люди, воспринимает мир как опасные джунгли, несущие в себе потенциальную угрозу. Этот мир населен людьми, подобными животным, которые либо едят других, либо будут съедены ими, и, соответственно, их надо либо бояться, либо презирать. Маслоу указывает на следующие типичные черты авторитарного характера:

- иерархичное сознание (тенденция рассматривать всех остальных людей как соперников, которые либо превосходят, либо занимают более низкое положение по сравнению с самым авторитетным человеком. При этом значение имеют не внутренние характеристики человека, а внешние атрибуты власти;
- склонность обобщать характеристики превосходства или неполноценности;
- стремление к внешним атрибутам престижа — власти, деньгам, статусу и т.д.;
- наличие в характере враждебности, ненависти, предрассудков;
- идентификация доброты со слабостью и стремление использовать ее в своих целях;
- садомазохистские тенденции;
- постоянная неудовлетворенность и неспособность достичь удовлетворения в жизни;
- внутриспсихологический конфликт;
- чувство вины, которое, в свою очередь порождает чувство враждебности.

Помимо этих главных составляющих авторитарному характеру свойственны также более частные проявления:

- ущемление личности женщин и деление всех женщин на мадонн и проституток;
- гомосексуальность;
- стремление к милитаризованному (сверхорганизованному и упорядоченному) идеалу, стремление унижать других для подтверждения своего статуса;
- неприятие образования;
- тенденция избегать ответственности за свою судьбу. Эстетизация подчинения и отказ от своей независимости в обмен на покровительство.

Маслоу призывает проявлять осторожность и не идентифицировать всех незащищенных и зависимых индивидов с авторитарными личностями. Но при этом он подчеркивает, что покорные и пассивные граждане составляют значительную часть населения как в демократических, так и в авторитарных или фашистских странах.

Упомянутые работы Райха, Фромма и Маслоу представляют собой первый этап изучения феномена авторитарности. Следующий этап открывается знаменитой книгой Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона и Н. Сэнфорда «Авторитарная личность», опубликованной в 1950 г. в Нью-Йорке и переведенной на русский язык в 2001 г.*.

---

* Адорно Т. Исследование авторитарной личности. — М.: Республика, 2001. 4

Авторы этого исследования исходили из того, что основу авторитарного менталитета составляет особый склад характера — «более или менее устойчивая организация сил индивида, которые определяют его реакции в различных ситуациях и тем самым его консистентное поведение, будь то в вербальной или физической форме*». Вслед за основоположником психоанализа авторы полагают, что

движущей силой личности являются ее потребности - стремление избежать наказания, желание поддерживать позитивное мнение окружающих о себе, стремление поддерживать гармонию своего внутреннего мира.

* Там же. С. 19.

Хотя работа была написана полвека тому назад и в последующие годы неоднократно подвергалась критике прежде всего методологического характера, она продолжает оказывать влияние на современных исследователей. Прежде всего заслуживает внимания теоретическая проработка самого понятия «авторитарный синдром», дающего инструмент для выявления и микроанализа макрополитических объектов. Эта задача остается для политической психологии чрезвычайно актуальной и в наше время.

После работы Т. Адорно и его соавторов понятие авторитарной личности получило развитие в трудах Г. Айзенка, М. Рокича, Ф. Тэтлока, Р. Кристи, Х. Гибениша, Б. Альтемейера, С. Макфарленда, В. Агеева и других политических психологов, которые подтвердили, что авторитарность — это особый синдром или связка качеств, которые возникают у личности в ходе ее социализации, преимущественно первичной.

Эти личностные качества проявляются и в форме **когнитивных** особенностей, в частности — в форме догматизма, стереотипности мышления, нетерпимости к инакомыслию, ригидности, и в **потребностно-эмоциональных характеристиках личности**: в авторитарном подчинении (потребности в подчинении властям), авторитарной агрессии, направленной против тех, кто нарушает общепринятые нормы, и **на уровне системы ценностей** в виде конвенционализма или высокой степени приверженности общераспространенным нормам и ценностям, которые воспринимаются как одобренные властью и обществом*.

* См.: Дьконова Н.А. Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов. Автореферат диссертации. — М: МГУ, психологический факультет, 2001.

Современные исследователи психологии авторитарности пришли к выводу не только о том, что авторитарность отражается на всех уровнях проявления личности, но и о том, что на ее основе складывается особый манипулятивный тип в политике, получивший название «маккиавеллиевского»*. Исследования также показали, что авторитарность представляет собой своего рода линзу, сквозь которую личность воспринимает власть и политиков**. При этом образы власти таких индивидов рассогласованы и противоречивы, имеют патерналистский характер.

* Christie R., Geis F. Studies in Machiavellianism. N.Y., 1970.

** См.: Преснякова Л.А. Влияние авторитарного синдрома на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы). Автореферат диссертации. — М.: МГУ, кафедра политической психологии философского факультета, 2001.

Таким образом, исследования авторитарности вносят свой вклад и в понимание психологических закономерностей становления личности, и в понимание процессов трансформации политических систем. Современная транзитология исходит из убеждения, что одной из наиболее значительных тенденций современной политики является переход большой группы стран от авторитарных к демократическим режимам — исследования по авторитарной личности показывают, что условием такого перехода являются не только создание и консолидация новых демократических институтов, но и трансформация психологии больших масс населения этих стран.

5.2. Авторитаризм и демократия — психологические измерения политических режимов

Итак, если принять за исходное положение, что Россия и другие восточноевропейские страны, как и многие другие страны до них, находятся сейчас в переходном периоде от авторитаризма к демократии, то следует в первую очередь определить, *откуда* они отправляются в этот путь. Именно это исходное положение вызывает немало вопросов и нуждается в критическом осмыслении. Одним из широко распространенных стереотипов последнего десятилетия, который в равной степени имел хождение и в России (особенно среди российских демократов), и за рубежом, является представление о том, что Советский Союз и другие социалистические страны представляют собой типичный пример авторитарных и даже тоталитарных режимов.

Если для периода сталинизма такое определение представляется вполне оправданным, то для более

поздних периодов оно вряд ли подходит. Во-первых, даже в годы наиболее жестоких репрессий и политической несвободы эти режимы не были монолитными и отличались друг от друга в зависимости от того, на фундаменте каких политических культур эти режимы насаждались и укоренялись. С этой точки зрения нельзя сравнивать Германию с Казахстаном, Албанию с Белоруссией, как это нередко делается в политологической литературе институционалистского толка. Коммунистические режимы сильно различались и в зависимости от того, какие факторы оказывали на них определяющее воздействие в каждом конкретном случае.

Прежде всего авторитаризм в этих странах различался на основании того, на какой *ступени экономического развития* находилась страна в момент установления политической системы советского типа. В странах с более развитой экономикой авторитарность режима воспринималась гражданами иначе, чем там, где экономика была на грани краха: в этих странах сопротивление авторитаризму было более выраженным, чем в бедных странах.

Другим важнейшим фактором, влияющим на формы авторитарности, является *национально-этническая структура населения*. В федерациях (СССР, Югославия) существовал дополнительный источник напряжений в обществе по сравнению с мононациональными странами, что, в свою очередь, вызывало у лидеров этих стран соблазн «раз и навсегда» решить не только экономический, политический, но и национальный вопрос авторитарными способами.

Третий фактор, влияющий на формирование авторитарных режимов, — это фактор *географический* или *геополитический*. Размер территории, ее статус как империи или колонии, несомненно наделял авторитарные режимы имперскими или колониальными характеристиками. Здесь же следует упомянуть и историческую судьбу нации. Например, тот факт, что Россия на протяжении **всей своей** истории была объектом завоеваний со стороны агрессоров, сформировал определенную настороженность и готовность нации отражать агрессию, использованные сталинским режимом, насаждавшим ксенофобию и закрытость, которые были приняты населением, так как опирались на его историческую память.

И, наконец, следует отметить влияние, которое оказывают на формы авторитаризма *культурно-психологические факторы*. Национальный характер, национальная психология каждого из народов, переживавших авторитаризм, придавал этим режимам весьма специфические особенности. Так, русская бесшабашность, украинская меланхолия или германский педантизм делали авторитарные формы правления весьма различными, что отражалось и в поведении правителей, и в восприятии этих режимов рядовыми гражданами.

Из сказанного можно сделать вывод, что, во-первых, единой формы авторитаризма не было в странах, принявших коммунистическую идеологию и построивших более или менее сходные политические системы; во-вторых, с психологической точки зрения этот авторитаризм также был весьма различным, как были различны и пути выхода из него: «Бархатная революция» в Чехословакии мало напоминает весьма жесткие формы перехода к демократии в Румынии, да и в рамках бывшего Советского Союза трудно сопоставлять даже психологически близкие Россию и Белоруссию, не говоря уже о Прибалтике и Средней Азии.

Все это означает, что само понятие авторитаризма как в политическом, так и в политико-психологическом смысле, сильно диверсифицировано, и пользоваться им довольно затруднительно. Примем в качестве рабочего понимания авторитаризма как ***политической системы или режима, при котором власть сосредоточена в руках одного человека или в одном ее органе и снижена роль других, прежде всего представительных институтов, а рядовые граждане лишены всей полноты прав.***

Считается, что для авторитаризма как политического понятия характерны три основных признака: *централизация власти; беспалляционно командный метод руководства; безусловное повиновение и подавление воли и свободы подчиненных лиц и общества в целом.*

Многие исследователи авторитаризма как политико-психологического феномена исходят из того, что такой режим влияет на отдельного индивида, у которого под влиянием авторитарной среды складывается определенный комплекс личностных качеств, который получил название «авторитарной личности». Этому типу личности присущ целый набор характеристик, среди которых следует выделить, **во-первых**, содержательную сторону, т.е. **политико-идеологические представления: национализм** (этноцентризм) — т.е. установки, направленные против чужаков, **политический конформизм** - установка в отношении своей группы, **консерватизм** — характеристика не только политическая, но и психологическая, **конвенционализм, милитаризм и религиозность.**

Во-вторых, в авторитарной личности необходимо выделить **психологические формы выражения:**

нетерпимость по отношению к инакомыслию, нетерпимость к неопределенности и беспорядку. Для авторитарной личности типичны особые способы мышления: *ригидность, стереотипность, закрытость, склонность все оценивать в черно-белых тонах.*

Указанные характеристики авторитаризма как политического и психологического феномена позволяет использовать определенные эмпирические индикаторы для исследования конкретных форм авторитарности, помня при этом о неоднозначности самого этого феномена, о чем уже упоминалось. Переход к демократии, по-видимому, должен осуществляться посредством не только институциональных реформ, но и изменения психологии в ходе длительного и весьма непростого процесса политической ресоциализации.

Теперь рассмотрим понятие **демократии**, к которой должен привести этот процесс трансформации. Данное понятие даже в теории столь же расплывчато, как и понятие авторитаризма. Когда речь идет о современной демократии как о форме правления, то исследователи приходят к согласию только в том вопросе, что это некая форма народовластия. Говоря о конкретных признаках демократии, исследователи указывают прежде всего на необходимые институциональные признаки:

- 1) высший политический законодательный орган избирается народом;
- 2) наряду с ним существуют избираемые органы власти и управления менее высоких уровней вплоть до самоуправления;
- 3) избиратели имеют равные права, а избирательное право должно быть всеобщим;
- 4) все избиратели имеют равное право голоса;
- 5) голосование должно быть свободным;
- 6) выбор из ряда альтернатив должен исключать голосование списком;
- 7) выборы совершаются на всех уровнях большинством голосов, хотя значение этого большинства может определяться различным способом;
- 8) решение большинства ограничивает права меньшинства;
- 9) орган власти должен пользоваться доверием других органов власти, прежде всего важных по отношению к нему и сотрудничающих с ним;
- 10) отношения общества и избираемых им органов власти должны быть взаимными и симметричными с гарантированными законом и реакцией избирателей ответственностью делегированных им носителей власти;
- 11) демократия существует под непрерывным и пристальным общественным контролем;
- 12) государство и общество вырабатывают действенные механизмы предотвращения и изживания конфликтов между большинством и меньшинством, социальными группами, нациями, городом и деревней и т.д.

Политический контекст проблемы

Как видим, демократия — это более сложная, чем авторитаризм, форма не только институтов, но и процедур правления, т.е. правил политической игры. Если попытаться вывести некие всеобщие правила демократического правления, то скорее всего нас постигнет разочарование, так как невозможно отвлечься как от культурно-исторического своеобразия каждой нации или региона, в которые эти правила вписываются с учетом региональных, национальных и локальных особенностей, так и от множественности самих моделей демократии. Так, представления о демократии даже в одной стране, скажем, в Германии, будут резко различаться у «зеленых», сторонников Геншера или сторонников Шредера. Западные политики (в меньшей степени это относится к политологам) в первые годы трансформации, происходящей в странах Восточной Европы и особенно в России, предложили следовать лишь одной из форм демократии — либеральной. Во всяком случае именно эту модель взяли на вооружение наши отечественные реформаторы. За 10 лет реформ стало совершенно очевидно, что она в наименьшей степени соответствует российским национальным особенностям.

Проблематика перехода от авторитаризма к демократии (а было, как минимум, три такие волны) поставила вопрос о соотношении ценностей демократии (ценностей либеральных и партиципаторных), национальных институтов и политических культур. Исследования ценностной динамики как в обществах стабильной демократии, так и в переходных обществах (Х. Линц, Р. Инглхарт, Х.-Д. Клингеманн*) приводят к выводу о том, что для понимания обеих форм правления недостаточно учитывать только жесткие институциональные факторы — необходимо учитывать также *поведенческие* и *социо-культурные* компоненты политических систем.

Таким образом, среди факторов можно выделить:

- собственно политические институты (см. выше);
- политические элиты;
- рядовых граждан.

Практика демократизации в России выявила ряд факторов, как препятствующих, так и способствующих укоренению демократических ценностей. Среди первых следует отметить, например, насаждение этих ценностей в нашей стране извне (со стороны Запада) и сверху (со стороны элит). При этом российские политические элиты за 10 лет так и не сумели консолидироваться. Старая система рекрутирования элит разрушена, а новая складывается медленно и стихийно. Гражданское общество в России, как и в странах бывшего СССР, находится на низкой ступени организации. Этим Россия отличается от ряда восточно-европейских стран.

К факторам, способствующим демократическим преобразованиям, следует отнести достаточно высокий к моменту начала преобразований в России экономический и образовательный уровень населения (особенно по сравнению со странами Латинской Америки или Азии), наличие в начале процесса преобразований готовности населения к этим реформам и его активная их политическая поддержка (которая быстро была растрачена российскими политическими элитами). Представляется, что последний фактор может рассматриваться как наиболее важный: в конечном счете демократизм преобразований определяется именно тем, как они проводятся: с участием граждан или без.

Возникает здесь и серьезный теоретический вопрос, касающийся того, как на личностном уровне происходит преобразование политических ценностей и формирование типа, аналога противоположного «авторитарной личности», только с противоположным политическим знаком, т.е. есть личности демократического типа. Много неясного пока и в том, какими должны быть доминирующие политические установки и ценности, составляющие ядро «*демократической личности*». Можно предположить, что психологически такой тип личности характеризуется терпимостью, незаинтересованностью в вопросах власти, гибкостью и нюансностью мышления, высоким уровнем локус-контроля и неконвенциональностью. По существу это описание подходит к самоактуализирующейся личности А. Маслоу. Р. Инглхарт примерно так же описывает тенденции постматериализма, которые он пытается разглядеть в 43 странах мира.

Так же, как применительно к авторитарной личности, следует выяснить и степень распространенности демократических ценностей в массовом сознании, что должно обеспечить поддержку демократических реформ в обществе. Трудно представить успешное становление демократических институтов в среде, где доминируют авторитарные модели поведения, а демократические ценности выглядят как чужеродные заимствования.

Именно акцент на сознании и поведении рядовых граждан отличает подход к исследованию демократии и авторитаризма, который утвердился в политической науке в результате «поведенческой революции»*. Для него характерно, **во-первых**, изучение ценностей, установок, мотивов граждан по отношению к власти; **во-вторых**, анализ поведенческих элементов, таких, как политическое участие, особенности электорального поведения; **в-третьих**, постановка вопроса о поиске личностью своей демократической идентичности. Последнее особенно характерно для политикопсихологических работ, в которых понятие авторитарности и демократичности переводится на уровень поведения и сознания конкретных индивидов, которые делают выбор, осваивая различные наборы политических ценностей.

* Eckhardt W. Authoritarianism // Political Psychology, 1991. Vol. 12. № 1. P. 100.

5.3. Можно ли отменить авторитаризм, или кое-что о политической терпимости

Если заглянуть в толковые словари, то мы узнаем, что *толерантность*, или *терпимость*, близка к таким человеческим качествам, как смирение, кротость, снисходительность и великодушие. Напротив, *нетерпимость* проявляется в запальчивости, опрометчивости, требовательности, непостоянстве и других действиях, которые имеют оттенок неядродумности, импульсивности и незрелости. В. Даль

объясняет, что такое терпимость, на примерах терпимости к личным убеждениям, терпимости к иной вере.

Поразительно, но в справочниках, словарях и энциклопедиях понятие толерантности в его политическом значении практически отсутствует. Зато о политической и иной *нетерпимости* написаны десятки трудов. Это можно объяснить только тем, что с нетерпимостью мы сталкиваемся значительно чаще, чем с проявлениями кротости и смирения, великодушия и снисходительности.

От нетерпимости страдают и конкретные люди, и целые народы. Даже наша совсем недавняя история полна примерами политической нетерпимости, которая приводит к серьезным конфликтам и даже войнам. Распад Советского Союза дал толчок проявлению *национальной нетерпимости*. Межэтнические конфликты азербайджанцев с армянами, грузин с абхазами, русских с чеченцами и множество других мелких и крупных столкновений между этническими группами формируют образ врага, терпимость к которому общество осуждает. *Религиозная нетерпимость* к представителям иной конфессии приводит к столь же страшным последствиям, о чем дает представление жестокость исламских фундаменталистов по отношению к «неверным».

И национальная, и религиозная нетерпимость, т.е. нежелание признавать право другого человека или народа на иные убеждения, имеет политические последствия. Однако в последние годы мы на каждом шагу сталкивались и с проявлением *политической нетерпимости*. Противостояние «демократов» и «патриотов» в 1992 — 1993 гг., приведшее к обстрелу Белого дома, было бы невозможным, если бы не существовало жесткого деления на «наших» и «не наших», неумения и нежелания, прежде всего, самих политиков договариваться между собой.

На памяти у всех ряд конфликтов между ветвями власти, причинами которых стали психологическая несовместимость Президента России и Председателя Верховного Совета, неадекватность восприятия представителей разных ветвей власти, основу которых составляет психологическая нетерпимость к политическим оппонентам.

Нетерпимость проявляется, прежде всего, на уровне межличностных отношений. Так, личная неприязнь Б. Ельцина и Р. Хасбулатова оказалась неотделима от конфликта между их ролями соответственно Президента и Председателя Верховного Совета. Но самое примечательное, что вслед за этим началась миграция сторонников Б. Ельцина из парламентских структур в структуры исполнительной власти: уходя из Верховного Совета, Б. Ельцин увел за собой своих сторонников. Оставшиеся в парламенте депутаты еще более консолидировались на антипрезидентской основе. Можно сказать, что создание из парламента образа «врага» было во многом делом рук самой исполнительной власти, которая не всегда сознавала это.

Психологическая несовместимость людей, входящих даже в одну политическую команду, стала отличительной чертой политики последних лет, не поддающейся объяснению с рациональных позиций. Это не означает, что рациональные расчеты полностью вытеснены эмоциями и мотивами, нередко плохо осознаваемыми самими политиками. Но несомненно, что последние представлены в нынешней российской политической жизни несравнимо больше, чем в стабильные времена.

Определение от противного: нетерпимость

Чтобы разобраться, что такое политическая толерантность и как можно ее достичь, пойдем от противного и обратимся к исследованиям в области политической психологии, которая давно заинтересовалась политической *нетерпимостью*. Начнем с понятий, которые описывают явления, сопутствующие политической нетерпимости. Этот феномен привлек внимание исследователей, изучающих авторитаризм, национализм, политический конформизм, консерватизм и политические предрассудки и стереотипы.

В известной книге Т. Адорно описывается психологический феномен, названный ими «**авторитарной личностью**»*. Со времен Адорно политические психологи, изучающие феномен авторитарной личности, подчеркивают, что этот сложный комплекс симптомов включает два вида составляющих: с одной стороны, это набор *идеологических представлений*: национализм или этноцентризм, консерватизм, милитаризм и религиозность; с другой стороны, *психологические особенности*: это крайняя нетерпимость к мнениям, не совпадающим с его собственными, нетерпимость к неопределенности, «непорядку», ригидность (застойность) психики, приверженность к стереотипам и закрытость для новых знаний, оценка мира в черно-белых тонах (хорошо-плохо, красиво-некрасиво), неприемлемость сложных понятий** (в тех случаях, когда авторитарная личность

вынуждена иметь дело со сложными и запутанными проблемами, она облекает их в упрощенные категории, игнорируя нюансы).

---

* Адорно Т. Исследование авторитарной личности. — М.: Академия исследований культуры, 2001.

** Среди характеристик когнитивного стиля политические психологи выделяют такие, как понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру. Так, одним людям свойственно восприятие политики в черно-белых тонах, а для других характерны большая понятийная сложность, большее разнообразие оттенков в политических позициях. Низкая интегративная сложность обычно отличает людей негибких, догматичных, невосприимчивых к новому. Ряд исследователей установил и связь такого когнитивного стиля с конкретными политическими ориентациями. Так, было доказано, что низкая понятийная сложность чаще встречается у право-консервативных, чем у либеральных политиков и их сторонников. Вообще радикалы и справа и слева более склонны делить людей на «наших» и «не наших».

Комплекс свойств авторитарной личности складывается в отношении власти. Так, авторитарного человека характеризует *авторитарная агрессия* и *авторитарное подчинение*, т.е. почитание тех, кто стоит выше во властной иерархии, и стремление подавить, унижить любого, кто находится ниже него. Такие люди вообще склонны *мыслить в терминах власти*, для них очень важно выяснить, кто главный, кто кому подчиняется. Для авторитарной личности характерно стремление ориентироваться на других людей и на те условия которые приняты в его группе*.

---

* Greenstein F. Personality and Politics. — Princeton: Princeton University Press, 1987. P. 103- 104.

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. В первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере, в развитых странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое. Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к возникновению этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Однако это явление имеет не только социальные корни, но и подчиняется определенным психологическим закономерностям. В частности, как уже упоминалось, была установлена зависимость между типом семейного воспитания и проявлениями авторитарности.

Мы уже отмечали, что проявления политической нетерпимости нередко сопутствуют таким феноменам, как *этноцентризм*. Раскрывая психологическую природу национальной нетерпимости, Адорно утверждал, что этноцентризм связан с противопоставлением «своих» и «чужих». «Чужие» — это объекты негативных оценок и враждебных установок, тогда как «свои» являются предметом позитивных установок, причем это одобрение имеет не критический характер. При этом «чужие» находятся социально ниже «своих»*.

---

* Адорно Т. Исследование авторитарной личности. — М.: Академия исследований культуры, 2001.

Признание безусловного превосходства своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами. Когда распался Советский Союз, одним из первых вооруженных конфликтов, вспыхнувших на его территории и до сих пор не нашедших своего разрешения, стал конфликт между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха. Каждая из конфликтующих сторон дает свое обоснование того, почему именно она должна владеть данной территорией. В ход идут и исторические аргументы, и апелляция к справедливости, и призывы к международному общественному мнению. Однако все рациональные аргументы сторон не могут скрыть главного: психологической почвой возникновения конфликта были националистические чувства, подогреты определенные политическими силами, которые использовали их для разжигания конфликта. Даже если объективно никто из его участников уже не будет заинтересован в продолжении военных действий, «выключить» националистические установки автоматически невозможно.

Изучая этноцентризм как частное проявление авторитарности уже в постперестроечные годы, американский ученый С. Макфарланд и российские психологи В. Агеев и М. Абалкина пришли к выводу, что этноцентризм у русских и американцев одинаково укоренены в авторитарной личности. И у американцев, и у русских национальные предрассудки направлены против всех видов культурных «чужаков» (будь это негры, мексиканцы в Америке или выходцы с Кавказа или евреи в России)*.

---

* McFarland S., Ageev V., Abalkina M. The Authoritarian Personality in the USA and USSR. Comparative Studies. In.: Strengths and Weaknesses: the Authoritarian Personality Today. Ed. by Stone W., Lederer G. — N.Y.: Springer, 1994.

Национализм и этноцентризм проявляются прежде всего в форме предрассудков по отношению к представителям иной этнической группы. В книге «Природа предрассудков» Гордон Оллпорт рассматривал предрассудок как социальную установку, приобретенную под влиянием внешних факторов и личностной структуры и выполняющую обычную психологическую функцию. Например, неприязнь к неграм и другим меньшинствам описывается им как иррациональное, извращенное и длительное чувство. Дискриминационное поведение в отношении меньшинств нередко является результатом приспособления индивида к определенным социальным привычкам и ситуационным требованиям, а не выражением впитанной с детства враждебности или глубоким убеждением*.

* Allport G. The Nature of Prejudice. Reading: Addison-Wesley, 1988.

Политический конформизм — еще одно явление, для которого характерна нетерпимость к «чужакам», людям из другой группы и одновременно терпимость по отношению к той группе, с которой индивид себя идентифицирует.

Существует связь между авторитаризмом и конформизмом. Так, западные исследования показали, что конвенционализм, т.е. жесткое следование определенным культурным нормам, является центральной чертой авторитаризма. Коммунистические взгляды в бывшем СССР были такой же конвенциональной нормой, как теперь в России — демократия. Агеев и Макфарланд показали, что в перестроечный и постперестроечный периоды авторитаризм привязан именно к конвенционализму. При этом смена коммунистических политических ориентиров на либеральные не приводит к уменьшению конвенциональности, хотя эта конвенциональность и не лишена содержательной окраски. Авторитаризм проявляется как лояльность разным культурным нормам, даже когда эти нормы противоречат друг другу.

Консерватизм

Еще в 30-е гг. были проведены первые психологические исследования консерватизма. Так, Лентц* предложил и апробировал шкалу консерватизма-радикализма, включавшую опросник из 60 пунктов. Он обнаружил, что по этой шкале женщины более консервативны, чем мужчины; консервативно настроенные респонденты чаще являются выходцами из слоев с невысоким образовательным и экономическим уровнем, они менее либеральны в своих политических и религиозных предпочтениях, менее активны в научных и прочих спорах. Лентц предложил респондентам выбрать наиболее близкие им по духу имена из списка 156 известных людей. Консерваторы отвели первые места в этом списке религиозным, военным лидерам, звездам шоу-бизнеса и спортсменам — в отличие от радикалов которые поставили в начало списка ученых, изобретателей, поэтов, писателей и исполнителей классической музыки.

* См. Eckhardt W. Authoritarianism // Political Psychology, 1991. Vol. 12. № 1. P. 100.

Лентц так суммирует свое исследование: «Работа в целом показывает, что в отличие от радикалов консерваторы:

- больше сопротивляются изменениям;
- больше предпочитают все условное, традиционное и рутинное;
- больше предпочитают церковь (не говоря о религии);
- больше отвергают науку, особенно ее будущие открытия;
- более щепетильны в вопросах секса;
- больше склонны к морализированию;
- в целом более застенчивы;
- чаще стремятся сгладить конфликты, как в личных, так и в публичных отношениях и не любят споров;
- менее терпимы к побежденной стороне и не склонны ей симпатизировать;
- больше поддерживают капитализм, хотя их экономический статус ниже, чем у радикалов;
- больше милитаристы и националисты;
- чаще склонны разделять расовые предрассудки;
- больше интересуются спортом;
- больше подвержены предрассудкам;

- меньше интересуются эстетическими темами и обладают меньшим воображением;
- реже разделяют идеи феминизма».

Таким образом, еще до второй мировой войны Лентц дал определение консерватизма, которое предваряет понятие авторитарной личности и сводится к таким ее проявлениям, как конвенциональность, религиозность, морализм, капитализм, милитаризм, национализм, расовые предрассудки и сексизм.

Позже эту линию продолжил Г. Айзенк, определивший консерватизм как «предпочтение патриотизма, посещение воскресных церковных служб, признание необходимости смертной казни, суровое наказание преступников, веру в неизбежность новой войны и в реальность Бога»*. Позже (1978 г.) Айзенк доработал свою двухфакторную шкалу социальных установок, в которой представлены два измерения: консерватизм — радикализм и жесткость - мягкость мышления.

---

* Eysenck H.J. The Psychology of Politics. — N.Y.: Praeger, 1955. P. 118— 119.

Милтон Рокич, другой известный психолог, занимавшийся проблемой нетерпимости, показал, что консерваторы существенно больше, чем радикалы, склонны к авторитарности, этноцентризму и ригидности. Он ввел еще одно измерение авторитарности, названное им **догматизмом**. Рокич считает, что нельзя путать авторитаризм, замешанный на правой идеологии, с обычной закрытостью мышления. Он предложил шкалу догматизма, которая призвана измерять «закрытость психической организации, веру в абсолютную власть... и проявления нетерпимости»*. Например, английские консерваторы и коммунисты имеют одинаково высокие показатели на этой шкале. Позже оказалось, что левые менее догматичны, чем правые, и не более догматичны, чем центристы.

---

* Rokeach M. The Open and the Closed Mind. - N.Y.: Basic Books, 1960. P. 3.

Вообще вопрос о том, связаны ли идеологические предпочтения с определенной психологической структурой личности, не получил достаточно достоверного ответа. С. Липсет проводил различие между политически и экономически левыми взглядами, показав, что хотя рабочий класс экономически высказывается в пользу левых взглядов, но средний класс является политически более левым в вопросе гражданских прав и демонстрирует большую толерантность*. Чуть позже С. Томкинс высказал предположение о связи между идеологическими предпочтениями и эмоциональным настроением респондентов. Так, радикалы чаще верят в изначальную доброту человека. Это убеждение коррелирует с предпочтением демократического правительства, эмпатией, нежесткой дисциплиной, верой в чувства и разнообразие. Консерваторы считают, что человек изначально плох. Это убеждение коррелирует с предпочтением жесткого правительства, которое может наказывать, отсутствием эмпатии, обязательностью дисциплины, страхом перед чувствами и иерархической избирательностью. Таким образом, «то, как человек научается ощущать самого себя и других людей, определяет и его общий идеологический выбор»**.

---

* Lipset S. Political Man. The Social Basis of Politics. — N.Y.: Doubleday, 1960. P. 102.

** Tomkins S. and Izard C. Affect, Cognition and Personality. — N.Y.: Springer, 1965. P. 97.

Таким образом, как идеологические, так и собственно психологические составляющие авторитарной личности оказываются связанными с проявлением нетерпимости к инакомыслию и неприятием плюрализма. Совершенно очевидно, что эти качества противоположны тем, которые необходимы для того, чтобы человек принял демократические ценности и следовал им. Между тем, понятие «демократической личности» в отличие от авторитарной не получило широкого распространения и встречается в единичных работах по политической психологии. Так, можно встретить в литературе гипотезу, согласно которой для установления демократии необходимо, чтобы определенный «демократический» тип личности приобрел достаточно широкое распространение, хотя о пропорциях «демократов» и «автократов» в разных политических системах нет никаких достоверных сведений. Демократический тип личности отличается открытостью мышления и терпимостью к инакомыслию, способностью к компромиссам и свободой от бессознательной тревоги, приоритетом рационального начала в выборе политической позиции, отсутствием стремления к подавлению других, признанием людей равными и активной жизненной позицией.

Очевидно, терпимость вообще и ее политическая разновидность являются неким желательным, идеальным качеством, стремление к которому декларируется как моральная норма, но достигается в

жизни достаточно редко. Особенно затрудняется достижение политической толерантности в ситуациях противостояния, раскола общества на враждующие партии и группы, каждая из которых добивается единства, прежде всего, за счет противопоставления своих членов противникам. Лозунг «Если враг не сдается — его уничтожают» мог появиться как раз в такие сложные времена.

И все же библейская максима, требующая от христианина подставить левую щеку, если тебя ударили по правой, тоже была высказана не в идиллические мирные времена. В ней содержится не просто призыв к терпению и прощению своих врагов, но еще более трудное требование: возлюбить своего врага. Это парадоксальное, не соответствующее здравому смыслу моральное требование, никогда не было простым и естественным. Для его осуществления нужно преодолеть инстинктивное стремление к отмщению за причиненный ущерб, за обиду. Но великая религиозная доктрина 2000 лет назад указала на терпимость как на инструмент подлинного решения конфликтов через любовь, смирение, прощение и отказ от насилия. Все эти качества не появляются сами собой - они являются плодом воспитания, осознанного преодоления нашей животной природы. Таким образом, проявления терпимости являются признаком моральной и социальной зрелости личности, которая, увы, присуща далеко не всем.

5.3. Психология демократии

Если в психологии авторитарности исследователи, похоже, разобрались и нашли ответы на вопрос о ее истоках и формах, то с психологией демократии дело обстоит гораздо сложнее. Известно лишь, что феномен «демократической личности» никак не поддается эмпирической проверке и гораздо хуже разработан теоретически. Это связано с тем, что сама природа демократии — феномен гораздо более сложный и многомерный. Не пытаясь дать готовых теоретических схем, постараемся все же приблизиться к пониманию связи психологии и демократии, а точнее демократизации, так как нас будет в первую очередь интересовать, как происходит этот процесс в России и какие психологические закономерности ему способствуют или мешают.

Прежде всего многочисленные исследования конца 90-х гг. свидетельствуют об определенном сдвиге в восприятии политической и социальной реальности в России со стороны ее граждан. Так, большинство из них в 1991 - 1995 гг. опасались гражданской войны, экономического краха и этнических конфликтов. Во второй половине 90-х гг. эти опасения сменились страхом перед безработицей, неспособностью оплатить образование детей и возможностью стать жертвой нападения*.

---

* Петухов В., Вызов П. Политические изменения в России // Независимая газета, НГ-сценарии, 1998, 10 июня. С. 1 — 3.

Второй момент касается эмоциональной стороны демократических перемен. Существуют эмпирические свидетельства того, что на эмоциональном уровне граждане к концу 90-х гг. практически приспособились к экономическим и политическим условиям жизни. Так, накануне кризиса 17 августа 1998 г. социологи зарегистрировали снижение чувства ощущения катастрофы: 16% опрошенных признали существующую ситуацию в стране нормальной -это максимальное значение за 8 предшествующих лет.

Описание эмоционального климата было бы неполным, без упоминания об общем негативном фоне отношения к власти, политическим лидерам, политической системе и режиму. Так, в нашем исследовании 1998 г. почти 92% опрошенных отметили, что они не удовлетворены существующей властью в России; более 59% той же выборки не доверяли ни одному социальному или политическому институту. Следует отметить также, что недоверие и неудовлетворенность граждан относятся ко всему политическому спектру — к официальным властям, оппозиции, левым и правым, ко всем ветвям власти.

Третья важная особенность российской политической реальности эпохи демократизации касается восприятие политико-идеологических явлений. К концу 90-х гг. прежнее политическое противостояние между «демократами» и «коммунистами», весьма явственное в первой половине 90-х гг., сошло на нет. Согласно данным исследования В. Петухова и П. Вызова крайне правые составляли не более 15 — 20%, а крайне левые — не более 10 -15% населения*. Наше собственное исследование показывает, что распределение политических предпочтений слева направо в 1996— 1998 гг. было довольно равномерным.

---

* Там же.

Таков фон политического развития. Этот фон отличался непостоянством и изменчивостью. Однако можно увидеть, что если старые (социалистические) политические ценности оказались разрушенными, то новые (демократические) ценности, а значит, и личностные идентичности, пока не сформированы. Новые ценностные кластеры выглядят размытыми, несвязными и противоречивыми. Примером тому может служить тот факт, что около 70% опрошенных в нашем исследовании убеждены в необходимости демократических институтов и примерно те же 70% являются приверженцами «сильной руки».

Картина, полученная разными исследователями, примерно одинакова. Однако ее интерпретации существенно различаются: одна группа исследователей полагает, что демократические (и особенно либеральные) ценности уже пустили корни в постсоветской ментальности; другие, напротив, считают эти ценности нерелевантными национальным традициям (коммунитарным по преимуществу) и предсказывают возврат к авторитарным привычкам. При этом предполагается, что коммуитаризм (в нашей старой терминологии чаще пишут о коллективизме) близок к авторитаризму.

Нередко ученые, исследующие электоральное поведение используют методологию, которая не позволяет за еженедельными или ежемесячными изменениями установок проследить логику более глубоких сдвигов сознания. Даже когда сдвиги фиксируются, для их объяснения не существует общепринятых концептуальных моделей. Во всех случаях, фиксируемые сдвиги общественного сознания оставляют открытыми следующие вопросы.

1. Каково соотношение прежних советских и новых демократических ценностей в представлении российских граждан?

2. Каков демократический потенциал на личностном уровне?

3. Укоренилась ли демократическая модель (в частности, либеральная) в российской ментальности или демократические институты противоречат традиционной политической культуре, которая характеризуется доминированием коллективистских (коммунитаристских) и авторитарных форм?

Чтобы ответить на эти вопросы, следует в первую очередь установить, что в России понимают под демократией, каково отношение к этой форме правления и какие поведенческие реакции характерны по отношению к ней. В психологии принято выделять эти три уровня установки: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Чтобы описать **когнитивный уровень** представлений о демократии, следует выяснить, что индивид знает о ней, правильно ли определяет ее важнейшие составляющие, имеет ли интерес к этому явлению. Что касается первого из названных аспектов, то почти все наши респонденты были более или менее осведомлены о том, что такое демократия. Другое дело, что разброс конкретного содержания этого понятия в их представлении был достаточно велик:

«Демократия — это гласность... и все остальное. Мы в школе учили, только я забыл.»

«Демократия — свобода там...свободно жить» (звучит, как заученный урок).

Демократия — это когда все равны; у каждого есть «мерседес» и три раба.

«Демократия — неизвестное для меня слово.»

«Я не знаю, что такое демократия, никогда не думал и меня это не интересует.»

Обращает на себя внимание ряд моментов, характеризующих когнитивные составляющие установок наших сограждан в отношении демократии. Во-первых, это понятие у них не отличается особой когнитивной сложностью. Демократия, как и другие политические понятия, достаточно далека от повседневного опыта опрошенных, а следовательно, их ответы мало детализированы. Во-вторых, респонденты, пытаясь разобраться в значении этого понятия, либо дают весьма размытое определение, либо вовсе не могут этого сделать:

• «Да и вообще этот термин используют сейчас все, так что я уже толком не знаю.»

• «Демократия — даже не знаю, что это. Раньше этого не было. Далее слова такого не было.»

Примечательно, что помимо неопределенности и размытости понятие демократии воспринимается как нечто совершенно нереальное, далекое от нашей действительности:

• «Демократия — это хорошо, это прекрасно, но неприменимо, к сожалению. Для этого надо, чтобы каждый был умным и активным, а так, к сожалению, не бывает.»

• « «Власть народа», недостижимая на практике.»

• «Демократия — это вроде бы как свобода, а ведь на самом деле ничего нет.»

Давая ответы на открытые вопросы о том, что они понимают под демократией, респонденты называли несколько ключевых ассоциаций:

1) **свобода**, которая понимается как набор политических, гражданских и социальных свобод: печати, совести, слова, взглядов, вероисповедания, мысли, мнения, передвижения, действия, личности, предпринимательства, как «свободный выбор»: *свобода в выборе путей, целей, личная ответственность за выбор*;

2) **закон**, с которым связана свобода: *«закон определяет степень свободы»; «свобода, которая не выходит за рамки закона»; «свобода при строгом соблюдении законов»; «свобода, помноженная на законы, нормы, правила», «ограничения», «контроль за соблюдением закона», «в демократии действуют законы».*

Демократия, по мнению наших респондентов, есть там, где есть *«свобода от коррупции», «не ущемляются интересы», есть «порядок, на основании согласия во взглядах»; «безопасность»; «справедливость, стабильность, уверенность в завтрашнем дне»;*

3) **власть**. Демократия — это власть народа. Но представления о власти в демократии намного шире. В демократии *«есть обратная связь: правительство — общество»; «учет интересов людей»; «максимальный учет интересов минимальных групп общества»; «те, кто управляют государством, учитывают мнение народа в распределении благ, управлении государством»; «парламент общается с населением».* В ответах преобладает представление о том, что демократическая власть должна быть подотчетной народу: *«Правительство, избранное большинством, отчитывается перед народом»; «отчитываются друг перед другом»; «власть отвечает... народ может переизбрать власть».*

В рамках демократии власть имеет особые моральные характеристики: *«глава государства — не единоличный правитель, а правительство людей, ратующих за Россию»; «справедливое правительство».* *«Управляют государством люди, имеющие высшее политическое, экономическое образование, честные, порядочные», «компетентные, умные, порядочные люди»; «достойны должны быть»; «если узурпируют для себя и для окружения — недостойны»; «порядочное, ответственное отношение к власти у тех, кто у власти»;*

4) **«государство»**, с которым непосредственно связано понятие власти: *«государство, власть обеспечивают счастливую, свободную жизнь». Государство связано с равенством и законом. У государства только одна функция - разрешено то, что не запрещено, государство должно следить, чтобы запрет действовал на всех, поскольку всегда бывает так, что все равны но одни равнее других»;*

5) **силовое измерение**, т.е. представление о демократии как о «сильном государстве, за которое не стыдно». *«Демократия - это сильная власть, основанная на согласии во взглядах»; «демократия — это сильная власть, единая и согласованная, забота о рядовых гражданах, малоимущих и среднем классе»;*

6) связь понятия демократии с **человеком** в противоположность государству. *«Давить не надо простого человека; человек ради себя, а не ради государства». «На первом месте человек. Чтобы наладить связи между правительством и обществом». В демократии «человек имеет все необходимое», каждый должен быть умным и активным».*

7) **права человека**, связанные со свободами. *«Право выбирать», «право на собственное мнение», «возможность осуществлять права, определенные законом», «право участвовать в общественной жизни».*

8) **равенство, мир** (данные ассоциации с демократией встречаются реже, чем перечисленные): *«Равенство в правах»; «равенство и обеспеченная жизнь»; «миролюбивое отношение друг к другу»; «мирное сосуществование»; «прекратить войну в Чечне. Это первое, если у нас в стране демократия».*

Среди семьи значений демократии респонденты отмечают те, которые отсутствуют в России, т.е. они определяют демократию как то, чего у нас нет, но есть на Западе : *«Нет у нас демократии. Америка — это демократическая страна, но опять же ... Там не демократия, там страх перед законом.» «На Западе другой народ... У нас народ привык жить так, что ему еще и на следующую зиму выжить надо... Какая тут демократия?» «Демократия... соблюдение Закона. Как в Америке!» «Демократия — это такой строй, который существует во всех странах на Западе ...а у нас — нет.*

Прослеживая изменение когнитивных элементов восприятия демократии, следует отметить, что в целом массовые представления о демократии все же становятся с годами более определенными и внятыми. Если сравнить наши данные 1998 г. с данными 1993 г., то становится очевидным, что респонденты легче определяют это понятие, так же, как более легко определяют, кого из политиков они могли бы назвать демократом. Если в начале 90-х демократом для них был тот, к кому они испытывали

симпатию и доверие (от Г. Явлинского до А. Лебеда и от Б. Ельцина до Г. Зюганова), то в 1998 г. демократом для них были только политики, действительно принадлежащие к либеральному спектру. Можно расценивать это как признак определенной когнитивной «зрелости» граждан.

В нашем исследовании мы просили респондентов проранжировать различные ценности демократии, среди которых были:

- свобода,
- равенство,
- права человека,
- индивидуальная автономия,
- ответственность,
- подчинение закону,
- активное участие в управлении,
- сильное государство.

Если в 1993 - 1995 гг. набор этих ценностей, составленный респондентами, был весьма противоречив, то в 1996 - 1998 гг. существовали уже некие кластеры понятий, которые гораздо меньше противоречили друг другу. Факторный анализ выявил два таких кластера ценностей.

Первый набор в основном включал *свободу, равенство и индивидуальную автономию*, которые занимали первостепенное место в трактовке демократии, данной респондентами. Условно можно назвать это либеральным определением демократии. Хотя в российском варианте в него входит и такая коммунитарная ценность как *равенство*.

Второй набор ценностей содержит *сильное государство, ответственность и подчинение закону*. Этот вариант явно отражает этатистское представление о демократии. Респонденты, составившие такой набор ценностей демократии, далеки от либеральных взглядов и склонны к более жестким авторитарным моделям поведения, хотя на вербальном уровне признают демократию в силу того, что она является официальной политической ценностью. Во всяком случае именно так они расшифровывают понятие демократии.

Все значения демократии, данные более чем 200 респондентами, распределяются между этими двумя полюсами: *либеральным* (фактор 1) и *авторитарным* (фактор 2). Факторные значения для каждого респондента были рассчитаны в пространстве двух выделенных факторов* (рис. 5.1).

* Исследование естественной группировки респондентов в пространстве двух факторов показывает, что имеется обратная пропорциональная зависимость между этими факторами: чем больше факторная нагрузка по одному фактору, тем меньше она по другому фактору. Другими словами, респонденты довольно равномерно распределяются от группы, отдающей предпочтение таким ценностям, как сильное государство и соблюдение законов и ставящей на последнее место свободу, равенство и личную независимость, до противоположной группы — ценящей свободу, равенство, права человека и личную независимость и ставящей на последнее место сильное государство и соблюдение законов.

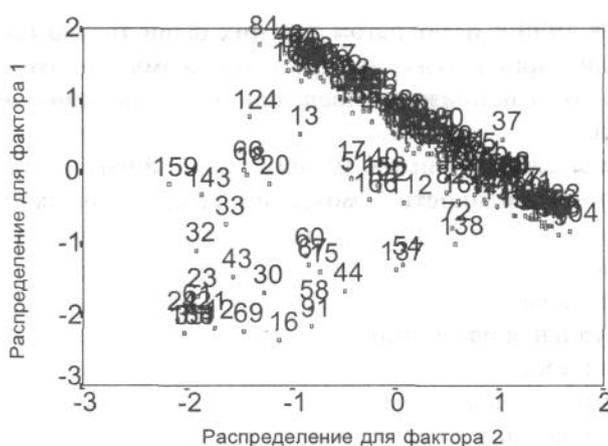

Рис. 5.1. Распределение ценностей демократии между фактором 1 и 2

Factor 1 — либеральные представления

Factor 2 — авторитарные представления

Как видно из Рис. 5.1., в конце 90-х «либералы» (*Factor 1*) и «авторитаристы», или «коммунитаристы» (*Factor 2*), не противостоят друг другу в виде компактных кластеров, как это было в

начале 90-х., — они постепенно «перетекают» друг в друга, что может рассматриваться как отсутствие противостояния, существованию на ранних этапах трансформации.

Более детальный анализ когнитивных картин демократии выявляет существенные различия между разными группами населения. Так, восприятие демократии женщинами отличается от восприятия ее мужчинами.

Женщины чаще отдают предпочтение равенству, активному участию в управлении государством, сильному государству.

Легко приписать это большей авторитарности российских женщин. Но следует оговориться, что среди отмеченных ими ценностей содержится ключевая ценность демократии — активизм. Однако следует признать, что либералы вряд ли могут особо рассчитывать на массовую поддержку женщин в силу того, что такие ценности демократии, как индивидуальная автономия и свобода малозначимы для них.

Мужчины чаще рассматривают демократию сквозь призму индивидуальной автономии и свободы и гораздо реже ассоциируют ее с сильным государством. Подчеркнем, что либерально-анархистский оттенок их понимания свободы носит достаточно спекулятивный характер: мужчины не горят желанием лично участвовать в политике, и их интерес к ней носит весьма пассивный характер. Однако русские мужчины достаточно амбициозны. Если уж они решают участвовать в политике, то хотят занимать в ней высокие позиции, например — стать депутатом Думы. К этому надо добавить мужскую доверчивость; они доверяют политическим партиям чаще, чем женщины.

Когнитивные элементы установок на демократию различаются и в зависимости от **возраста**, так, в нашем исследовании самые младшие респонденты (от 13 до 25 лет) значимо чаще отдают активному участию в политике 4 ранг, а ответственности — последний 8 ранг. Такая комбинация пассивности и безответственности весьма опасна тем, что она серьезно снижает значимость либеральных ценностей, которые эта возрастная группа хорошо усвоила на вербальном уровне.

Примечательно, что больше всего либералов мы обнаружили не среди тех, чья первичная социализация пришлась на конец 80-х — начало 90-х, а среди 45 — 55-летних. Эта группа ставит на 1-е место подчинение закону, на 2-е — права человека, на 3-е — ответственность.

Было бы естественно искать сосредоточие тех, кто исповедует авторитарно-коммунитарные ценности, среди людей старшего возраста. Но этот распространенный стереотип не нашел эмпирического подтверждения: люди 55 — 85 лет на 1-е место ставят ответственность, а сильное государство — лишь на 4-е место. Более пожилые из опрошенных доверяют политическим партиям и официальным властям больше, чем представители других возрастных групп, интересуются политикой.

Образование также коррелирует с некоторыми демократическими ценностями: оказалось, что люди с неоконченным средним и неоконченным высшим образованием чаще других ставят на последнее место такую ценность демократии, как ответственность. Этот парадокс имеет скорее психологическое, чем политическое, объяснение: очевидно, те, кто не сумел завершить свое образование, имеют более низкий уровень самоконтроля и не находят удовольствия от переживания чувства ответственности.

Обнаружилась и еще одна корреляция: между образованием и отношением к сильному государству. Респонденты со средним образованием значимо чаще ставят эту ценность на 1-е, а лица с высшим образованием — на 2-е место. Эти данные были для нас неожиданностью, так как во многих исследованиях, посвященных авторитаризму*, можно найти данные, свидетельствующие о связи между авторитаризмом и низким образовательным уровнем. В литературе обсуждается (хотя и весьма критично) понятие «рабочий авторитаризм», в котором этот тезис выступает уже как аксиома. В нашем исследовании мы столкнулись с гораздо менее однозначной ситуацией. В России, очевидно, люди с высоким уровнем образования стали первыми жертвами демократических реформ. Не исключено, что по этой причине их установка на либерализм, которая изначально была весьма позитивной, сменила свой знак на противоположный.

---

* Barber, Benjamin R. Strong Democracy. Partidpatory Politics for a new Age. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1984; Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Princeton: Princeton University Press, 1963; Altemeyer B. Right-wing Authoritarianism. - Winnipeg: University Of Manitoba Press, 1981; Greenstein F. Personality and Politics. — Princeton: Princeton University Press, 1987; Lipset S.M. Political Man: The Social Basis of Politics. — Baltimore: John Hopkins University Press, 1981.

Эмоциональный уровень установки на демократию проявляется в таких чувствах, как доверие к демократическим институтам, симпатия и доверие к демократическим лидерам. Но прежде всего в самом отношении к демократии встречаются и позитивно, и негативно окрашенные оценки. Так,

большинство наших респондентов само понятие демократии в отрыве от его российских политических проявлений, воспринимает весьма положительно:

- *«Демократия — это что-то такое приятное, из-за чего хочется утром просыпаться».*

Но гораздо чаще конкретные ассоциации связаны у опрошенных с той демократией, которую они могут наблюдать в своей собственной жизни, и это восприятие окрашено в иные тона:

- *«Если это то, что у нас, — то бардак. У нас, по-моему, лишь игра в демократию.»*
- *«Я сейчас, кроме хаоса, ничего не вижу, если брать наше государство. Может, это, конечно, не та демократия. Я на своем опыте не знаю, что это такое. Я не могу себе представить, как может называться наш режим.»*
- *«Демократия — глупость. Раньше мы жили, имея гарантии безопасности, работы, зарплаты. А сейчас выросла преступность, зарплату не платят, с работы сокращают. Что в ней хорошего? Не понимаю я ее.»*
- *«Я не воспринимаю слово «демократия», потому что каждая сволочь называет себя демократом.»*
- *«Ну, понятно, я не верю ни в какие там «демократии», о которых так модно на каждом углу болтать.»*

Помимо направленности или знака эмоциональной оценки демократии есть смысл проанализировать и ее соотношение с когнитивным аспектом. Оказалось, что есть определенная зависимость между отношением к демократии и интересом к политике. В нашем исследовании было установлено, что 15% тех, кто интересуется политикой, позитивно относятся к ней, а 17% — негативно. При этом из лиц, не интересующихся политикой, 34% относятся положительно и 34% — индифферентно к политике вообще, и демократии в частности.

Эти данные свидетельствуют о наличии двух тенденций: 1) меньшинство населения — люди, интересующиеся политикой, относятся к политике позитивно; 2) большинство населения - люди, политически апатичные — негативно воспринимают политику во всех ее видах, включая демократию. Сомнительно, что эта вторая группа может рассматриваться как социальная база либеральных реформ. Не следует недооценивать и потенциал протеста, который формируется именно среди этих граждан. До сих пор этот протест принимал форму пассивного сопротивления реформам и мотивировался чаще на эмоциональном уровне — около 59% опрошенных просто констатировали, что реформы им не нравятся, не приводя никаких особых аргументов. Но, как известно из психологии, путь от эмоций до поступков гораздо короче, чем путь от когнитивных представлений.

Поведенческий уровень

Намерения личности действовать базируются как на осознанных, так и на неосознаваемых ценностях и установках. Оба уровня важны для понимания поведения. Рациональный уровень установок на демократию в конце 90-х стал более явно выражен и играл более заметную роль в поведении граждан, чем в начале десятилетия. Если в 1991 - 1993 гг. российские избиратели доверяли одному политику, симпатизировали другому, а голосовали за третьего, то в 1995 — 1998 гг. их поведение стало больше соответствовать их взглядам, и они уже не приклеивали Г. Зюганову ярлык «демократа», но зато Г. Явлинского определяли как «либерала», что соответствовало программным заявлениям лидера «Яблока» того периода. Однако по-прежнему бессознательный уровень восприятия демократии дает более аутентичную картину их поведения, чем рациональный уровень.

Прежде всего поведенческий уровень восприятия демократии выявляется в ответах на вопрос о готовности участвовать в различных формах политической активности (табл. 5.1).

Таблица 5.1

ГОТОВЫ ЛИ ВЫ УЧАСТВОВАТЬ В...? УСРЕДНЕННЫЕ ДАННЫЕ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ 1993 — 1998 ГГ.

Формы участия	Да	Нет
---------------	----	-----

Голосование	79,2	20,8
Демонстрация	11,0	89,0
Забастовка	8,7	91,3
Участие в выборах как кандидат	11,0	89,0
Ни в чем не готов	2,9	97,1
Затрудняюсь ответить	6,4	93,6

Из таблицы видно, что установка в отношении политического участия (особенно в отношении голосования), свидетельствует в пользу того, что само участие как демократическая ценность достаточно глубоко укоренилась в сознании россиян. В то же время те формы политического поведения, которые требуют большей отдачи гражданских качеств, не столь популярны. Этот феномен можно рассматривать в контексте традиционной политической культуры, в которой неконвенциональные формы участия (забастовки или марши протеста) выглядят как «неправильные», несмотря на их широкую распространенность. Отметим, что забастовка является более значимой формой поведения для мужчин, молодых людей, коммунистов и лиц с низким уровнем образования.

Какие выводы можно сделать из приведенных данных?

1. Прежде всего следует отметить отсутствие жесткой дихотомии ценностей в политическом сознании российских граждан: либерализм не противостоит жестко коллективистским и коммунитаристским ценностям. Эти два полюса существуют, но не в оппозиции друг другу.

При этом российские *либералы* воспитаны в коллективистской политической культуре, благодаря чему в их сознании коммунитаристские ценности можно найти в имплицитной форме. Собственно либеральные взгляды являются чаще результатом влияния культурной среды, семейной социализации и образования, чем «рационального выбора», соответствующего политической ситуации. **Авторитарные коммунитаристы**, напротив, на вербальном уровне вполне лояльны официальным либеральным ценностям.

2. У российских демократов, как у автократов, есть общие проблемы — прежде всего, у тех и других политические взгляды непоследовательны и размыты. Чтобы прояснить и артикулировать их, индивид должен опираться на идеологию, вырабатываемую политическими партиями. Но у нас партийная система формируется медленно, ставя личность перед необходимостью в одиночку делать то, над чем должны работать партийные структуры.

Еще одна общая проблема у противоположных политических типов в России — это упадок таких ценностей, как ответственность и активизм, среди молодого поколения по сравнению со старшим.

3. Ни авторитарные, ни демократические ценности не встречаются в индивидуальном сознании в чистом виде. Структура личности вообще, и структура политических взглядов в частности, намного сложнее и многомернее, чем деление на демократические и авторитарные. Сам континуум авторитарность — демократизм является явным упрощением. В анализе политических ценностей в структуре личности можно выделить по крайней мере три измерения.

Первая шкала — это **этатизм — антиэтатизм**. Российская политическая культура всегда была государство-центричной. По нашим данным, более 80% респондентов убеждены, что государство должно заботиться о больных, стариках и детях, а также обеспечивать гражданам безопасность. Либеральная модель государства как «ночного сторожа» не соответствует ожиданиям большинства российских граждан, взгляды которых носят определенно *этатистскую* окраску.

Одновременно в России можно найти и *антиэтатистов*. Они не составляют некой однородной группы и делятся на «либералов» и «анархистов», число которых в совокупности не превышает 10% опрошенных. При этом отметим, что это деление, проведенное нами на основании анализа их ценностных предпочтений, не соответствует самоидентификации респондентов, среди которых определи себя как анархистов 9% и как либералов — 12%.

Вторая шкала — **сторонники свободы и сторонники равенства**. Наши данные не подтверждают гипотезы об их противостоянии в России. Опрошенные скорее склонны противопоставлять свободу сильному государству, выражая таким образом оппозицию демократии авторитаризму. Наши авторитаристы весьма специфичны в своих предпочтениях. Их авторитаризм базируется не столько на авторитарной агрессии, сколько на авторитарном подчинении, конвенционализме и традиционализме. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что среди сторонников сильного государства (авторитарных «ястребов») не было ни одного человека, готового участвовать в забастовках. В то же время среди сторонников свободы (демократических «голубей») более половины опрошенных

доверяют армии, милиции и другим силовым инструментам государства больше, чем иным институтам.

Третья шкала — это *этноцентризм* — *космополитизм*. Этноцентризм, являясь важной частью российского авторитаризма, чаще наблюдается среди сторонников авторитарно-коммунитарных взглядов, чем среди либералов. И опять же это какой-то нетипичный авторитаризм, поскольку между политическими ориентациями (демократ, коммунист, аполитичный) и этноцентрическими стереотипами нет явного соответствия. Наши предыдущие исследования показывают это на эмпирическом материале*. Более четкая корреляция прослеживается между высоким уровнем образования и отсутствием этноцентризма.

---

* См. Шестопап Е. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*, 1996. № 2.

Таким образом, современный российский авторитаризм выглядит скорее как своего рода психологическая защита, призванная компенсировать утрату политической и национальной идентичности. Парадоксально, но сегодня для судеб российской демократии скорее следует говорить о возврате некоторых коммунитарных ценностей, с исчезновением которых утрачено и чувство «мы», чем о насаждении либерального индивидуализма.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы основные трактовки феномена авторитаризма в политической науке и в психологии?
2. Как проявляется авторитаризм в поведении и сознании личности? На основании каких психологических индикаторов можно судить об авторитарности того или иного человека?
3. Что такое политическая толерантность и при каких условиях она формируется?
4. Какие психологические факторы способствуют установлению демократии?

Литература

1. Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. — М.: Академия исследований культуры, 2001.
2. Шестопап Е. Перспективы демократии в сознании россиян // ОНС, 1996. № 2.
3. Преснякова Л.А. Влияние авторитарного синдрома на индивидуальное восприятие политической власти в России (1990-е годы). Автореферат канд. диссертации. — М.: МГУ, кафедра политической психологии философского факультета, 2001.
4. Дилигенский Г. За что голосовала Россия // *Власть*, 1996. № 2. С. 32 — 37.
5. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // *Политические исследования*, 1994. № 1.
6. Левада Ю.А. Между авторитаризмом и анархией: российская демократия в глазах общественного мнения // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения ВЦИОМ*, 1995. № 2. С. 10.

Глава 6. Психологические особенности политических систем

6.1. Разделение властей и психологические аспекты их взаимодействия

Россия имеет более чем 1000-летнюю историю. Современная российская государственность начинает свой отсчет с 1991 г., когда новое руководство России декларировало, что им избрана демократическая модель развития. Этот короткий отрезок в российской государственности наполнен примерами непрекращающегося политического противоборства.

В ходе становления новой системы возникали самые различные конфликты: между сторонниками и противниками Президента Б. Ельцина, между реформаторами и традиционалистами, между сторонниками социалистической и либеральной моделей общественного устройства, между властью и обществом, между центром и провинциями. Одной из самых страшных страниц этой истории стали войны в Чечне. Постоянно нарушают политическое равновесие в стране сложные и даже драматические отношения между различными ветвями власти. В результате население, поддержавшее замысел реформаторов на первых этапах демократизации, разочаровалось в той форме демократии, которая ассоциируется с нынешней властью, и испытывает потребность в стабильности и порядке.

Транзитологи, изучающие различные модели перехода от авторитаризма к демократии, особенно в восточноевропейском и советском вариантах, свидетельствуют, что для этого периода, как правило, характерны неустойчивость политической системы, частые конфликты, и «хаос», т.е., согласно В. Бансу, неопределенность процедур и неопределенность результата*. Это касается и ситуации внутри

самой власти, отношений между ее различными ветвями. При этом теоретики демократии настаивают, что несмотря на наличие таких конфликтов, разделение властей является необходимым условием развития демократических режимов**. Оно, в первую очередь, призвано обеспечить защиту интересов рядовых граждан на всех уровнях — от национального до местного. Политологи повсеместно разделяют мысль о том, что разделение властей является своего рода гарантией против тирании***.

* Bunce V. *A transition to Democracy? // Contention*, 1993. Vol. 3. № 1. P. 35 — 47; O'Donnel G., Schmitter Ph. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies*. — Baltimore: John Hopkins University Press, 1986.

** Tocqueville, Alexis de. *Democracy in America*. N.Y.: Knopf, Vintage Books, 1945; Moore B. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press, 1966; Dahl R.A. *Poliarchy: Participation and Opposition*, — New Haven: Yale University Press, 1971.

*** Lowi T., Ginsberg B. *American Government*, Forth ed. — N.Y.: W.W. North & Company Inc, 1996. P. 50 - 51.

Опыт советского периода политической истории дает основания для выводов об иной роли, которую разделение властей может играть в политической системе. Подобное разделение имеет место и в странах с менее развитыми демократическими механизмами, где нередко имеет формальный характер, как это было, например, в бывшем Советском Союзе. Тот факт, что советская система не была эталоном демократии и права человека нарушались в ней сплошь и рядом, позволяет предположить, что при отсутствии реальных правовых и политических условий для развития демократии разделение ветвей может быть использовано властью для оптимизации управления государством и обеспечения стабильности политической системы, режима, государства, даже тогда, когда это делается не для блага граждан, а за их счет. Другой функцией разделение ветвей власти является согласование интересов различных групп истеблишмента посредством «правил игры», которые признаются и выполняются всеми «игроками», даже если их интересы противоречат друг другу.

Однако, если наличие системы сдержек и противовесов и является необходимым условием прочности политической системы, то назвать его достаточным нельзя. Советская политическая система оказалась нежизнеспособной. После распада СССР Россия приступила к модернизации, выбрав в качестве образца американскую модель и многое заимствовав из французского опыта. За прошедшие годы прогресс ощутим в таких сферах, как свобода слова, прессы, собраний, политических организаций; есть продвижение в области разделения властей и становления современного парламентаризма. Одним из важнейших положительных итогов постсоветского периода стало укоренение новой избирательной системы и проведение законных выборов. Выборы 1991, 1993, 1995, 1996, 1999 и 2000 гг. и избрания губернаторов в регионах постепенно сделали Федеральное собрание в целом, и Думу в особенности, центром публичной политики, которая отсутствовала в Советском Союзе. Правда, в последний период с появлением Госсовета и изменением способа формирования Совета Федерации роль верхней палаты резко снизилась.

Однако эти завоевания демократии нивелируются кризисом экономики, разрушением социальной инфраструктуры общества, падением морали и ростом преступности. На фоне системного кризиса возникают серьезнейшие противоречия и между различными ветвями власти, нередко достигающие такой интенсивности, что не только мешают управлять политическим процессом, но и способны разрушить государство, угрожают безопасности граждан. Назовем лишь некоторые события, связанные с конфликтом властей:

1991 год. Распад СССР и возникновение Российской Федерации во многом были результатом конфликта между двумя Верховными Советами: СССР и РСФСР и двумя лидерами: М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным.

- Октябрь 1993 г. Конфликт между Президентом России с одной стороны и спикером Верховного Совета Р.И. Хасбулатовым и Вице-президентом А. Руцким, с другой стороны, закончился расстрелом бывшего Верховного Совета и арестом побежденных. Это событие до сих пор сказывается на отношениях между законодательной, исполнительной и судебной властями, обуславливает снижение поддержки гражданами избранной ими власти, утрату доверия к этой власти и дискредитацию принципов демократического устройства.
- Декабрь 1996 г. Конфликт между Советом Федерации и Секретарем Совета Безопасности А. Лебедем, усмотревшим в действиях ряда лиц из Администрации Президента попытку государственного переворота, окончился отстранением от власти последнего.
- Январь-февраль 1997 г. Попытки депутатов от оппозиции добиться пересмотра Конституции по вопросу об импичменте Президента по состоянию здоровья оказались тщетными.
- Февраль 1997 г. Спикер Совета Федерации Е. Строев требует пересмотра Конституции и

перераспределения полномочий между Президентом и Парламентом...

Можно перечислять и далее.

Множество более мелких противоречий между ветвями российской власти (преимущественно законодательной и исполнительной) продолжают до сих пор. Следует отметить, что очень сходные процессы происходят и в других бывших советских республиках. Столкновение Президента Белоруссии А. Лукашенко с парламентом и Конституционным судом, завершившееся разгоном последних, проходило по той же схеме, как и в России, хотя и обошлось без танков; в 1994 г. подобные события намечались в Украине — между Президентом А. Кучмой и Верховной Радой; у Президента Казахстана Н. Назарбаева также был кризис в его отношениях с парламентом республики.

В странах стабильной демократии представители судебной, законодательной и исполнительной ветвей власти также находятся в отношениях конкуренции, а нередко и прямого противостояния, и обладают своего рода корпоративной солидарностью против других ветвей*. Но в государствах переходного типа есть специфические корни этих конфликтов, исследование которых и является главной целью данной работы.

---

* Thurber J.A. Divided Democracy Cooperation and Conflict Between the President and Congress. Washington: Congressional Quarterly Inc., 1991.

Процесс становления демократической системы в России идет медленно и болезненно. На пути становления современной демократической системы власти во всех ее ветвях стоят два важнейших типа препятствий: объективные (экономический кризис, несовершенство и незрелость политических институтов и законодательной базы) и субъективные (особенности национального менталитета, авторитарные традиции политической культуры).

Нас прежде всего интересует специфика взаимодействия между ветвями власти в России в постсоветский период, и особенно после 1993 г. Набор факторов, влияющих на это взаимодействие, весьма велик и разнообразен. Одни из них имеют ситуационный характер, другие уходят корнями глубоко в прошлое. Рассмотрим две группы таких факторов: 1) **политические факторы**, прежде всего институциональные (несовершенство конституции, нечеткость функций разных ветвей власти, борьба политических партий и пр.), и 2) **психологические факторы**. История недавнего времени дает большое число примеров конфликтов между ветвями власти, причинами которых стали личная психологическая несовместимость Президента и спикера парламента, неадекватность взаимного восприятия представителей разных ветвей власти, традиционная недооценка парламентской формы власти, патернализм представителей исполнительной власти, особенности политической культуры России в целом. Обе группы факторов тесно взаимосвязаны.

6.2. Особенности российской политической системы

Начнем с первой группы факторов. Ряд российских политологов видит причину сложных взаимоотношений внутри власти в постсоветский период, в первую очередь, в перекосах структуры этой власти, закреплённой в ее новых институтах, законодательстве. Так, А. Салмин высказывает убеждение, что «речь может идти о неадекватности легальных структур власти ее реальной основе и, возможно, об изначально неправильно сформулированном «техническом задании»»*.

---

* Салмин А.М. Российское президентство как институциональная проблема// Вестник фонда «Российский общественно-политический центр». Москва, 1996, май. С. 21 -33.

Наиболее важным элементом российской политической системы в постсоветский период стало **президентство** как основной элемент *исполнительной власти*. Мнения о том, какое в России президентство, расходятся: одни авторы считают его сильным (и даже слишком), другие — слабым. Но сейчас стал вполне очевидным тот факт, что как институт оно до конца не сформировано, многие нормы не прописаны, рамки закона зыбкие, общественная опора слабая. Одна из главных проблем сегодняшнего «сильного» по замыслу президентства состоит в том, что конституционные полномочия Президента в отношении других ветвей власти ограничены.

Высказанная А. Салминым оценка состояния президентства как института получила новые подтверждения с изменением тех структур, через которые призвана осуществляться президентская власть. Так, Конституция не определяет пределов полномочий таких органов при Президенте, как Совет

Безопасности, Президентский Совет, Совет по внешней политике, Госсовет и особенно Администрация Президента. Роль последней реально колебалась в последние годы от группы помощников до параллельного правительства. Особенно много говорили об Администрации президента, когда ее возглавлял А. Чубайс, которого упрекали в нелегитимности его полномочий и фактической подмене Президента. Во время частого отсутствия Президента Б. Ельцина по причине болезни это признавали не только политические противники, но и союзники Б. Ельцина. Однако с началом кадровых перемен в команде В. Путина функции Администрации Президента могут изрядно перемениться.

Еще важнее, что власть Президента в годы правления Ельцина не имела поддержки устойчивого большинства в парламенте и собственной партийно-политической опоры в стране. Назначаемые главы администраций в конце 1996 — начале 1997 г. стали избираться и оказались психологически и политически менее зависимыми от президента и более зависимыми от местной элиты и олигархов.

Такая ситуация вынуждала Президента Б.Н. Ельцина править страной посредством издания многочисленных указов. По сути, как отмечает А. Салмин, происходило своего рода раздвоение функций Президента, как бы разделение властей внутри президентства: в одних областях он действовал как законодательная, в других — как исполнительная власть.

Другая проблема состоит в том, что то, что нормы в отношении других ветвей власти (включая собственное правительство) были установлены под конкретное лицо — Б. Ельцина. Опасения многих политиков вызывает тот факт, что наделение Президента слишком обширными полномочиями сделала всю систему неустойчивой в случае недостаточной активности президента. Поэтому не случайным было требование перераспределения полномочий между Президентом и парламентом именно в период болезни Президента Б. Ельцина. Еще большую опасность представляет приход на пост Президента лидера с авторитарными замашками.

Правительство как важнейший элемент исполнительной власти так же находится в весьма неустойчивом положении. Председатель правительства не может проводить независимую от Президента политику, но при этом рискует оказаться «крайним» при возникновении социальной напряженности. Одновременно, распределяя реальные ценности, правительство оказывает наиболее серьезное влияние на федеральную и местную политику и становится все более привлекательным для тех политиков, которые хотят оказывать влияние, не проходя через выборы, сопровождающиеся стрессами и публичным разбором источников доходов кандидатов. С этим был связан приток в правительственные структуры в конце 90-х гг. целого ряда лиц, связанных как с финансовым, так и с промышленным капиталом. Эти две мощные группы рассматривали правительство как площадку для раздела сфер экономического и политического влияния. Та борьба, которую мы наблюдаем между ветвями власти, во многом определяется именно противоречиями между этими двумя группировками большого бизнеса.

Правда, сказанное о слабости исполнительной власти не означает, что более сильной ветвью является Федеральное Собрание. По сравнению с исполнительной властью возможности законодателя весьма скромны. В этом смысле Президент России находится в менее сложном положении, чем, скажем, Президент США, в случае, когда его не поддерживают большинство парламентариев. **Разделенное правительство**, конечно, создает ему определенные проблемы, но в отличие от ситуации 1993 г. противники Б. Ельцина в Думе, не говоря уже о более слабой оппозиции В. Путину, не доставляют Президенту особых проблем, даже когда они говорят об импичменте.

Сам факт преобладания в Думе и в Совете Федерации оппозиции исполнительной власти отражало массовые политические настроения 1995 - 1997 гг. Практически во всех случаях избрание «красных» депутатов и губернаторов было результатом протестного голосования в регионах, где отмечалось тяжелое экономическое положение. Даже либеральные депутаты, сторонники умеренного курса реформ (например, сторонники Г. Явлинского) потеряли свои округа, хотя обещания не выполнили скорее Президент и Премьер, чем Дума.

Вообще в ходе развития российского парламентаризма при всех его издержках следует отметить три важных момента:

1) «приручение» оппозиции и превращение ее в системную силу. Никто не заметил разницы в курсе правительства после включения в него двух ставленников КПРФ — министра юстиции и министра по связям с СНГ. Более того, начиная с 1993 г. само проведение выборов привело к тому, что электорат все меньше ориентируется на радикальных политиков. В результате в парламенте сегодня практически не представлены радикалы как слева, так и справа. Это делает оппозицию более чем умеренной, несмотря на обилие риторики;

2) нетипичность поведения оппозиции. Так, представители оппозиции почти не участвуют в митингах шахтеров, не находятся рядом с голодающими рабочими атомных электростанций. Более того, опросы общественного мнения показывают, что независимо от политических позиций всех депутатов, министров и губернаторов, люди воспринимают их в целом — как «начальство», которое о них забыло;

3) размывание собственно идеологических оснований для отбора кандидатов в парламент. То противостояние, которое наблюдалось в 1993 г., фактически исчерпало себя. Антикоммунизм команды Б. Ельцина столь же мало сработал на президентских выборах, как и коммунистические лозунги команды Г. Зюганова. Если парламентские и президентские выборы 1995 — 1996 гг. еще могли оставить впечатление идейного противоборства, то уже следующий раунд выборов требовал от народных избранников наличия совершенно иных достоинств — организационных, финансовых, хозяйственных, но не идеологических. Идеологические лозунги, если и воздействовали, то только на внутригрупповую консолидацию в каждой политической команде. Наиболее показательными стали губернаторские выборы: избиратели не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других городах России, голосовали не за идеи, а за людей, добившихся конкретных результатов.

Все эти процессы привели к тому, что после президентских выборов 1996 г. роль Федерального собрания начала значительно изменяться. И связано это было даже не столько с повторным избранием Б. Ельцина, сколько с последующей серией избрания губернаторов. Губернаторские выборы повлияли на структуру российской власти, де-факто перераспределив власть между ее ветвями. Это было перераспределение не только между законодательной и исполнительной властью, в пользу регионов, лидеры которых получили легитимацию в результате выборов и стали намного менее зависимыми и управляемыми со стороны федерального центра. Более того, избраны были те из действующих губернаторов, которые обещали избирателям защиту от Кремля. В ситуации неустойчивости и нестабильности исполнительной власти в центре губернаторы берут на себя практически всю полноту власти на местах, что приводит к нарушению баланса между ветвями на уровне региональной власти. В некоторых регионах роль законодательной и судебной власти сведена к минимуму. Можно предвидеть усиление авторитарных тенденций, так как местная власть выходит из-под контроля центра и граждане попадают к ней в почти феодальную зависимость. Именно с этим начал борьбу федеральный центр после избрания В. Путина Президентом России. Образование федеральных округов с полномочными представителями Президента преследовало цель выравнивания отношений центра с регионами в пользу первого.

Заслуживает внимания и положение российской судебной власти. Отсутствие важнейших законов, которые либо не проходят в парламенте, либо отклоняются Президентом, крайне низкий легализм граждан, неуважение к закону со стороны элит, которые ведут себя эгоистично и не желают считаться с правилами игры, — все это низводит роль судебной власти к минимуму. Этот перекокс в разделении властей приводит к небывалой в России криминализации, проникновению теневых структур буквально во все сферы социальной и политической жизни и делает управление крайне неэффективным, подрывая доверие населения ко всем ветвям власти. Неспособность судебной власти быть арбитром между властью и обществом, и между двумя другими ветвями власти делает всю систему сдержек и противовесов крайне неустойчивой. Отсюда — необходимость для власти искать неправовые балансиры для стабилизации общества, чтобы не дать ни одной политической или экономической группировке монополизировать власть.

Таким образом, структурная невыстроенность различных ветвей власти, их внутренняя неоднородность и противоречивость являются объективными основаниями для конфликтов между ветвями власти и явно не способствуют продвижению демократических реформ в России.

Вторая группа факторов включает в себя, как упоминалось, **психологические** факторы, которые играют в политической борьбе не менее важную роль, чем институты. Политика — игра командная. Эффективность властных структур во многом определяется способностями и умениями строить коллективные действия. Так, в начале 90-х гг. вокруг Б. Ельцина сложилась группа активных сторонников, из которой он начал строить свое окружение еще будучи главой Верховного Совета РСФСР. Но уже через пару лет, переместившись в Кремль, Президент Б. Ельцин начал резко конфликтовать с бывшими единомышленниками, в частности с Р. Хасбулатовым.

На последующих этапах события несколько раз развивались по сходному сценарию: консолидация одной из ветвей власти шла по пути противопоставления ее другой ветви. Так было в Думе, которая сплотилась против тогдашнего Секретаря Совета Безопасности А. Лебеда; Совет Федерации дружно

обиделся на Премьер-министра В. Черномырдина, проигнорировавшего их приглашение. Правда, такая консолидация бывает достаточно кратковременной и пока не привела к осознанию представителями той или иной ветви власти своего единства по долгосрочным вопросам национальной политики.

Гораздо чаще исполнительная, законодательная и судебная власти не только не могут договориться между собой, но и их представители не находят между собой общего языка. Особенно наглядно это проявилось в начале президентской избирательной кампании 1996 г.: красноречивым подтверждением отсутствия консолидации было наличие у Б. Ельцина 5 штабов по подготовке выборов, его сторонники не столько обеспечивали ему победу, сколько «подсигивали» друг друга, и если бы одна команда обыграла остальные четыре на неделю позже, то исход этих выборов был бы иным.

6.3. Политическая система в восприятии граждан

Не менее важным фактором, влияющим на взаимоотношения ветвей власти, является психология рядовых граждан. Нас в первую очередь интересует, как они воспринимают власть в целом и ее отдельные ветви в частности. Чувства, мнения и убеждения граждан, с одной стороны, определяются ценностями национальной политической культуры и моделями политической социализации, которые сильно различаются у разных поколений российских граждан; с другой стороны, они являются непосредственной реакцией на поведение властей. Но и ситуационные, и долгосрочные психологические факторы определяют тот фон, на котором происходит взаимодействие властей*.

* Шестопап Е. Перспективы демократии в сознании россиян // *Общественные науки и современность*, 1996. № 2. С. 45 — 62.

Какие же психологические элементы политической культуры оказывают влияние и на рядовых граждан, и на представителей политической элиты? Отношение граждан к государству как институту многие исследователи считают важным параметром политической культуры. Хотя последующий 70-летний советский период, казалось бы, «перепахал» политическую культуру до основания, но многие глубинные тенденции остались прежними, хотя форма их идеологического выражения стала существенно иной. Одно из наших исследований (осень 2000 г.) показывает, что, как и раньше, российские граждане ожидают от государства решения всех социальных проблем. Подавляющее большинство российских граждан (82,8%) и сейчас воспринимают как несправедливость тот факт, что государство перестало заботиться о престарелых, больных и детях.

В одном из наших исследований респонденты проявили редкостное единодушие выразив недовольство законом, который строго не наказывает опасных преступников (90,3% респондентов в 1995 г. и 82% в 2000 г.). Очевидно, для наших респондентов важно, чтобы власть выполняла эту функцию.

Кстати, упрек со стороны граждан в несовершенстве или непоследовательности наших законов не следует рассматривать с точки зрения того, что российские граждане так уж жаждут сами выполнять эти законы, - им психологически необходимо иметь некие рамочные соглашения с властью. Безопасность, которую призвана обеспечить власть, ассоциируется у опрошенных нами россиян с ее силой, дисциплиной и подконтрольностью закону. Сила власти ассоциируются у них чаще всего с образом идеальной власти, между тем как существующая власть кажется им «никакой». Наши сограждане предпочитают власть «жесткую» и даже «диктатуру», анархии и распаду страны. Хотя чаще требования порядка и жесткого закона звучат из уст людей старшего поколения, они же проявляют и большую озабоченность несоблюдением законов, т.е. отличаются большей законопослушностью. Однако и более молодые и демократически настроенные люди хотят, чтобы власть была способна их защитить.

Рассмотренные элементы политической культуры имеют достаточно глубинную природу. Их дополняют установки граждан на власть в целом и на отдельные ветви и институты, имеющие ситуационную природу и характеризующие именно тенденции последних постсоветских лет.

Менее глубокие пласты восприятия отдельных ветвей власти также представляют интерес. Так, данные опроса общественного мнения за июль 2001 г., проведенного Фондом «Общественное мнение», дают представление о динамике восприятия властей, степени их поддержки и удельном весе отдельных ветвей в сознании граждан* (табл. 6.1).

* Доминанты. Поле мнений. ФОМ, 2001. 12 июля

ОТНОШЕНИЕ К СТРУКТУРАМ ВЛАСТИ: КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ПРЕЗИДЕНТУ, ПРЕМЬЕР-МИНИСТРУ, ПАРЛАМЕНТУ, ПРАВИТЕЛЬСТВУ РОССИИ?

	К каким органам власти Вы относитесь с доверием, положительно?	К каким органам власти Вы относитесь отрицательно, с недоверием?
Администрация Президента	21	24
Администрация области, края	13	21
Правительство России	12	23
Администрация города, поселка, села	12	28
Государственная Дума	7	36
Совет Федерации	6	22
Полпреды в федеральных округах	5	23
Законодательное собрание области, края, республики	5	22

Прежде всего бросается в глаза, что и исполнительная (Администрация Президента, полпреды, Правительство и региональная и местная администрация), и законодательная ветви власти в основном вызывают у граждан недоверие. Отрицательные оценки **всех ветвей власти** явно превосходят положительные. При сравнении законодателей и исполнителей пропорции явно не в пользу первых. Число их сторонников столь мало, а число противников столь велико, что об авторитете законно избранных народных представителей говорить не приходится. К исполнительной власти в целом (включая Правительство и Премьер-министра) доверия несколько больше, хотя и здесь говорить о поддержке политики этой ветви власти со стороны большинства граждан не приходится.

Приведенные цифры подтверждают тенденцию персонифицированного восприятия власти — особенно это относится к личности Президента; именно он является в восприятии граждан центральной фигурой, олицетворяющей власть вообще, которой респонденты приписывают и все хорошее, и все дурное в нашей политике.

При этом при сравнении разных форм и ветвей власти, картина получается несколько более сложной. В табл. 6.2 приводятся данные исследования*, проведенного в Москве в июне 1996 г. и в октябре-ноябре 2000 г., с целью выявить степень доверия к государственным институтам.

* Исследование проведено на кафедре политической психологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством автора.

Таблица 6.2

КАКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ ВЫ ДОВЕРЯЕТЕ? (Можно подчеркнуть несколько вариантов)

	1996 г.	2000 г.
Президенту	19,7	78,7
Администрации Президента	-	58,6
Полпредам	-	28,9
Государственной Думе	11,6	24,7
Совету Федерации	10,4	17,6
Госсовету	-	10,5
Правительству	12,1	38,9
Муниципальным органам власти	-	25,5
Суду	8,7	20,1
Прокуратуре	13,9	28,0
Армии	24,9	15,5

Политическим партиям	15,6	9,6
----------------------	------	-----

Примечательна динамика как института Президентства, так и обслуживающей его структуры Администрации. В середине 90-х гг. влияние Администрации президента отмечалось экспертами, но оставалось малозаметным для широкой публики. Ныне его отмечают более половины опрошенных. Но и это не все. Среди тех лиц, которые, по мнению наших респондентов, оказывают существенное влияние на политику в России, называют как Администрацию Президента, так и главу Администрации лично А. Волошина, который занимает 4-е место среди тех, кого вспомнили респонденты.

Стоит отметить, что за прошедшие годы укрепили свое влияние и Правительство России, и Дума, и Совет Федерации. Оптимизм вызывают и цифры, свидетельствующие о росте влияния суда. Правда, говорить о развитии парламентаризма, очевидно, следует с осторожностью, если принять во внимание падение влияния политических партий. Очевидно, Кремль хорошо просчитал свою стратегию в отношении Закона о партиях, так как партии явно не находятся в поле политических приоритетов рядовых граждан. Более того, число тех, кто полагает, что оппозиция играет в российской политике конструктивную роль, за последние годы снизилось с 49,7% в 1996 г. до 36,3% в 2000 г. В свете последних событий (а опрос проходил задолго до известных «масок-шоу») особенно актуальным представляется рост влияния прокуратуры как института.

В ответ на наше предложение дополнить этот заведомо неполный список институтов власти респонденты ввели еще три основные группы: олигархов, финансовые группы; различные мафиозно-криминальные группировки; силовики (МВД, ФСБ и другие спецслужбы, среди которых армия не фигурирует).

Представленный обзор состояния различных ветвей власти, их взаимоотношения между собой и с гражданами носит импрессионистический характер. Отметим лишь некоторые важнейшие выводы:

- разделение властей как элемент процесса *демократизации* проходит в сложных условиях и наталкивается на препятствия как собственно политического, так и психологического характера. Формальное разделение властей закреплено конституционно, но система до конца не построена, остается много доработок в законодательстве, где детали взаимоотношений ветвей власти не прописаны. Это вызывает столкновения и приводит к дисфункциям в процессе управления;
- законодательные недоработки правил и норм взаимоотношения ветвей власти приводят к перекосу всей структуры: исполнительная власть нередко узурпирует prerogatives иных ветвей власти, подменяет собой законодательную власть. В результате страна живет не столько по законам, принятым парламентом, сколько по указам, изданным Президентом. Судебная власть оттеснена на периферию властных отношений и не выполняет положенной ей роли правового арбитра — роль арбитра вместо этого играет Президент, в отсутствие которого усиливаются конфликты во властных центрах.

Особую роль в системе разделения властей играет российский Президент. Эта роль была прописана Конституцией под конкретного исполнителя — Б. Ельцина, который получил дополнительные полномочия за счет других ветвей власти. Такая диспропорция подкрепляется не только конкретным раскладом политических сил, но и патерналистской традицией российской политической культуры. В то же время персонификация власти Президента Б. Ельцина вызвала передачу его функций во время его болезни трем другим представителям исполнительной власти: Правительству, Администрации Президента и Совету Безопасности. Две последние структуры (и особенно глава администрации) не имеют четких конституционных полномочий и воспринимаются общественным мнением и представителями законодательной власти как нелегитимные;

- недостроенность отдельных законодательных механизмов взаимодействия ветвей и самих этих властных структур ставит под вопрос управляемость государством, баланс реальных политических и экономических интересов разных центров власти. Отсутствие или дисфункции легитимных сдержек и противовесов заменяется разного рода неформальными связями, теневыми центрами принятия решений. С одной стороны, эти центры стабилизируют политическую ситуацию и позволяют выработать некие временные правила игры между разными группами. Это позволяет сдерживать амбиции тех политиков, которые стремятся монополизировать политический рынок. С другой стороны, кулуарность, закрытость принятия важнейших для всей страны решений питает коррупцию в высших эшелонах власти и разрушает потенциал демократических реформ;

- наряду с формальными линиями разделения властей появились и действуют другие структурообразующие факторы российской политической жизни, нередко оказывающие более серьезное влияние на взаимоотношение ветвей. Одним из наиболее серьезных разделителей власти стала линия «центр — регионы». Выборы губернаторов, составляющих верхнюю палату парламента, оформили новые центры власти, легитимно закрепив их права на власть на местах. Помимо этого, на взаимоотношение ветвей власти влияет борьба олигархических кланов, клик и группировок, включая криминальные структуры;
- на взаимоотношения властей и на осуществление властью в целом своего предназначения оказывает существенное влияние состояние гражданского общества, которое в постсоветский период не только не получило быстрого развития, но в некоторых секторах даже деградировало. Отсутствует местное самоуправление. Партийно-политическая система также складывается чрезвычайно медленно и не выполняет роли канала выражения политических интересов рядовых граждан;
- власть в целом и отдельные ее представители воспринимаются негативно, но это не ведет к росту активных форм протеста. Для последнего десятилетия были более характерны пассивные формы протеста: голодовки, самоубийства и т.д., — на которые власть научилась никак не реагировать. При этом хотя законодательная власть вызывает меньше доверия, чем исполнительная, в целом для большинства граждан власть — это все, «кто наверху»: и законодатели, и исполнители, и оппозиция. Оппозиция стала системной силой, но при этом потеряла интерес к своей массовой базе. Радикальные элементы были выведены из игры в ходе последних парламентских выборов.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы особенности взаимодействия ветвей власти на уровне вашего региона? Дайте психологический анализ этого взаимодействия.
2. Как сказывается выстраивание центром «вертикали власти» на взаимоотношениях центральной и региональных властей?
3. На основе данных социологических опросов о доверии разным институтам и ветвям власти проанализируйте психологические причины высокого и низкого уровня доверия к отдельным ветвям власти.

Литература

1. Салмин А.М. Российское президентство как институциональная проблема // Вестник фонда «Российский общественно-политический центр». — М., 1996, май. С. 21 — 33.
2. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
3. Брушлицкий А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал, 1996. № 5.
4. Егоров С.А. Политическая система, политическое развитие, право. — М.: Юридическая литература, 1983.
5. Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и лидерам // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М., 1999. № 1 (39). С. 24 — 28.
6. Марченко М.Н. Очерк теории политической системы. — М., 1986.

Глава 7. Психология массового электорального поведения

7.1. Психологический контекст выборов в постсоветской России

Что получили рядовые граждане и политики, входящие в российский истеблишмент, в ходе участия в электоральном процессе? Здесь явно просматриваются некоторые этапы, связанные с наиболее крупными событиями в российской электоральной истории. Представляется, что наиболее серьезные вехи, отметившие смену политических настроений избирателей и политической элиты, — это выборы 1993 г., выборы 1995 — 1996 гг. и кризис 17 августа 1998 г. Последний, не будучи напрямую связанным собственно с избирательным процессом, повлиял на психологический фон, на котором прошли выборы 1999 — 2000 гг.

Выборы 1993 г.

Выборы 1993 г., прошедшие в обстановке серьезного политического кризиса, были экстраординарными. Неожиданно для Кремля, который рассчитывал на победу сторонников Е. Гайдара, на политическую сцену мощно вырвалась Либерально-демократическая партия во главе с В.В. Жириновским, выражавшая настроения быстро маргинализировавшегося сектора электората. Другим неожиданным для власти событием тех выборов стал успех коммунистов. По сути именно выборы 1993 г. вывели на сцену КПРФ в качестве главной оппозиционной силы. Примечательно, что даже не участие в кровавых событиях октября 1993 г., а именно электоральная позиция КПРФ сделала ее системной оппозицией. Во всяком случае выборы 1993 г. открыли для коммунистов именно эту возможность. Оценивая **политико-психологический контекст выборов 1993 г.**, следует отметить его главную особенность **острый конфликт между властью и оппозицией**. Прямое столкновение, которое предшествовало выборам, открытое насилие с применением военной силы в октябре 1993 г. не могло не привести к нарастанию идеологической нетерпимости, расколовшей в этот период электорат. Все опросы общественного мнения, проведенные в 1993 - 1994 гг., фиксировали явное противостояние власти и поддержку оппозиции в лице коммунистов и жириновцев. Их соотношение свидетельствовало о том, что у власти после выборов оставался еще определенный резерв сторонников, но он быстро был растрачен в последующие после выборов годы.

Выборы в Думу в декабре 1995 г. и Президента в июне 1996 г.

Выборы в Думу в декабре 1995 г. и Президента в июне 1996 г. стали второй серьезной ступенью в развитии электорального процесса в России.

Главное, что получила страна в результате проведения выборов, — это гражданский мир. Этот мир, пусть и непрочный, пришел тогда в Чечню. Постепенно ослабело противостояние власти и оппозиции, которая фактически признала результаты выборов. Конечно, нельзя сказать, что с окончанием этих выборов наступили стабильность и всеобщее благоденствие. Но тот факт, что в стране, население которой было расколото в отношении к власти, где большая часть граждан этой властью была недовольна, борьба велась если не в цивилизованных, то хотя бы в относительно легальных формах, вполне может рассматриваться как успех. Плюрализм политических пристрастий постепенно стал приживаться и на российской политической почве. Гораздо труднее было научиться терпимому отношению к оппонентам.

Отношение разных политических группировок к идеологическим вопросам особенно ярко проявилось в поиске неуловимой «третьей силы». О ней говорили больше всего накануне и в ходе президентских выборов 1996 г. На самом деле такой «третьей силой», которая устроила большую часть избирателей, стал сам Б. Ельцин, когда в ходе избирательной кампании он объединился с А. Лебедем и отказался от радикальных элементов в своей программе. Тот факт, что его главный соперник Зюганов не сделал того же самого и не сумел вовремя отмежеваться от наиболее радикальных и одиозных союзников, привел его к поражению. Это наблюдение подтверждается и тем, что ставшая парламентской силой оппозиция вполне вписалась во власть и во многом утратила свой оппозиционный настрой в отношении правительства.

Еще один важный момент — значительное ослабление ощущения населением неопределенности и тревоги после выборов, несмотря на то, что объективно экономическая ситуация вовсе не улучшилась. Установки в отношении отдельных политиков, конечно, были различными. Скажем, А. Лебедь и отчасти Г. Зюганов по-прежнему являлись источниками тревоги для наших граждан. Но власть в целом и обновленный правящий режим в частности перестали вызывать бессознательные опасения, как это было до и во время парламентских и президентских выборов.

Отношение граждан к власти сильно изменилось за **годы, прошедшие после выборов 1995 — 1996 гг.** Их выбор стал более зрелым и рациональным — об этом свидетельствует прежде всего отказ в доверии разного рода радикалам, экстремистам и просто экстравагантным личностям. Можно говорить об этой тенденции применительно ко всем частям политического спектра: с политической авансцены были отодвинуты не только А. Баркашов и В. Анпилов, но и Е. Гайдар, В. Новодворская, А. Собчак.

Однако, отмечая более рациональное поведение российских избирателей, следует подчеркнуть:

- эта рациональность иного рода, чем рациональность политиков; она основана на иных целях, которые не совпадают с целями последних;

- эта рациональность отличается от рационального выбора американцев, немцев, японцев или французов. Наши избиратели по-прежнему голосовали в эти годы за президентов, губернаторов или депутатов, руководствуясь чувствами, а не только расчетом. Правда самые «чистые», «яркие» и «светлые» политики (в нашем исследовании этими словами респонденты характеризовали, например, С. Федорова и Г. Явлинского) получили голосов меньше, чем «темный» и «тусклый» Г. Зюганов (32% голосов). При этом расхождение между эмоциональными бессознательными элементами политических установок и рациональным выбором хотя и продолжает сохраняться, но было намного меньше того, которое характеризовало избирателей в 1993 г., когда они испытывали симпатию к одному политику, доверяли другому, а голосовали за третьего; эта рациональность не основана на примитивном прагматизме граждан, которые голосовали за действующего Президента России не потому, что он перед выборами позаботился о выплате им зарплаты и пенсии, — эти выплаты были восприняты как должное, а их задержка — как несправедливость. Вообще попытки прямого подкупа, как и более изощренные средства психологического воздействия, оказались в ходе тех выборов мало эффективны. Не с этим ли связано стремление ряда политиков, не испытывающих дефицита финансовых средств, напрямую войти в исполнительную власть, не обременяя себя участием в выборах? А. Чубайс, А. Березовский, В. Потанин — это лишь несколько политиков, которые предпочли прямое вхождение во власть, не опосредованное электоральной легитимизацией.

Отмеченные особенности политического сознания российских граждан позволяют усомниться в действенности манипулятивных избирательных технологий, о которых так много говорится в последнее время. Думается, не следует списывать на «промывание мозгов» решение избирателей голосовать за больного Б. Ельцина: никто из наших респондентов и до выборов не воспринимал его как молодого и здорового. Так что решение избрать именно его было результатом не столько массивной психологической обработки в ходе избирательной кампании, сколько трезвого рассуждения о том, что старый и больной Б. Ельцин все же предпочтительнее более молодого и здорового Г. Зюганова. Наши повторные исследования подтвердили, что несмотря на предстоящую ему хирургическую операцию, Президент Б. Ельцин осенью воспринимался как политически более сильный, чем до выборов. Нет никаких оснований считать это результатом усилий пропагандистских служб.

Период после выборов 1996 г. характеризуется ощущением конца столетия и тысячелетия. Тревоги и страхи этих лет, несомненно, были окрашены характерными для таких периодов эсхатологическими тонами. Но даже не задаваясь высокими целями историко-философского анализа и оставаясь в рамках прагматичного политологического анализа, нельзя не видеть, что в эти годы если и не произошло перелома, то наметился качественный рубеж в российской политической жизни. Из всего многообразия политических изменений хотелось бы коснуться только одного — изменения политической стилистики.

Весь описываемый период прошел под знаком выборов: избирали губернаторов, мэров крупных городов, проводились дополнительные выборы депутатов в Государственную думу. Выборы повлияли на стиль поведения лидеров и рядовых граждан.

Анализируя политический стиль, выделим несколько важных его особенностей. Прежде всего это изменение чисто *внешнего рисунка поведения*. За эти годы лидеры всех уровней власти — от президента до губернатора и глав местной администрации — прошли через мясорубку выборов, которые очень сильно изменили их поведение. Кроме ветеранов политической сцены, которые уже до этого накопили богатый опыт публичных выступлений на предыдущих этапах, в российском политическом «театре» выступили и многие новые «актеры». Общероссийский «зритель» познакомился со многими региональными лидерами, среди которых ему, несомненно, запомнились Президенты Татарстана М. Шаймиев и Башкортостана — М. Рахимов, дальневосточные политики Наздратенко и Черепков, питерский Яковлев, саратовский Аяцков, самарский Титов, Президент Ингушетии Р. Аушев и многие другие.

Вообще региональные политики после окончания президентских выборов сильно потеснили московский политический бомонд не только на экранах телевизоров, но, что гораздо важнее — в коридорах власти. Удельный вес региональной политики в общероссийской политической жизни в последнее время стал значительно выше, чем он был до того. Характерные для провинциальной политической элиты привычки, поведенческие особенности (от местных акцентов до неброской одежды) уже потеснили московскую политическую моду в коридорах Совета Федерации и уже диктуют многие правила в серьезных политических вопросах.

Кроме того, необходимо отметить, что ставший неактуальным жанр *политической буффонады*, широко представленный в «репертуарах» В. Жириновского, В. Брынцалова, В. Анпилова, В. Новодворской, А. Баркашова, «сошел со сцены». Им на смену пришли более серьезные «постановки». В моду, похоже, возвращается фигура солидного, может быть, даже немного скучного ответственного работника; Приход в политику Е. Примакова или Ю. Маслюкова, не говоря уже о В. Путине — лишнее тому подтверждение. Стилистика советской эпохи проглядывает сквозь современные публичные маски. Не случайно эти ностальгические мотивы были уловлены и использованы еще в предвыборной кампании Б. Ельцина 1996 г. Простота, характерная для времени бедной, но вполне достойной молодости поколений, выросших при советской власти, вызывает ностальгию прежде всего по честности и относительной справедливости нашей прежней жизни. По данным опросов, она особенно близка людям, живущим за пределами Московской кольцевой дороги.

Важной особенностью политического стиля является *политическая идеология и риторика*. Что касается речи наших политиков, то в последние годы мы услышали немало ярких ораторов: образный солдатский фольклор А. Лебеда (одно его «упал — отжался» чего стоит!), московский говорок Ю. Лужкова, афористичный язык Черномырдина («убью любого, кто посягнет на мои прерогативы», «хотели как лучше, а вышло как всегда»). Публике запомнились яркие выступления Г. Явлинского, С. Федорова, И. Хакамады — всех не перечислишь. Правда, у всех наших политиков была и остается одна трудность: у всех неважно обстоит дело с тем, о чем они говорят, — с идеями. Не ясно, от чьего имени они выступают, кто за ними стоит, что за партии они создали.

Одним из самых серьезных изменений в стиле российской политики между выборами стало *размывание старых идеологических клише*, просуществовавших почти целое десятилетие. В чистом виде почти невозможно встретить ни «коммуно-патриотов», ни «демократов». Даже коммунисты во многом отказались от традиционной риторики и в целом перестали пугать население возвратом к очередям и цензуре. Но сегодня их социалистические идеи не находят серьезной поддержки, особенно у молодых, и начинают всерьез уступать социализму, представленному партиями «новых» или «хороших» левых.

Такая идеологическая размытость, может быть, и не вызвала бы беспокойства, если бы не одно «но». Перестановки фигур на политической сцене не помогли решению ни одной из ключевых задач развития страны — выход из экономического кризиса, технологическая и политическая модернизация, национальное и территориальное единство страны. Самое печальное заключается в том, что, хотя и наступила определенная стабилизация, связанная с тем, что выборы «расставили фигуры на поле», но политическая элита не торопится начать выполнять данные ею избирателям обещания, расценивая свое избрание как индульгенцию старых и новых грехов. Между тем, повседневные проблемы накапливаются, а интересы «политического класса» все больше расходятся с интересами граждан.

Самые главные стилевые особенности можно заметить, конечно, в *поведении собственно политиков и граждан*. Что касается *политиков*, то «новый стиль» выявляется в первую очередь не в появлении у них мобильных телефонов и «мерседесов», по которым мы можем отличить их от простых смертных, а в монополизации власти первыми лицами. Время, видимо, диктует большую жесткость и централизацию принятия решений. Особенно это заметно на периферии, где местную власть все меньше уравнивает центр.

Российский политический кризис 17 августа 1998 г.

Политологи в России и за рубежом еще долго будут дискутировать по поводу того, что же произошло в России 17 августа 1998 г. Самое простое объяснение — страна обанкротилась. Существовала система так называемых ГКО -- Государственных краткосрочных облигаций, по которым 17 августа правительство заявило, что оно более не может выплачивать деньги.

Примечательно, что будучи достаточно хорошими профессионалами в области экономики, премьер С. Кириенко и глава президентской администрации А. Чубайс продемонстрировали себя как не очень хорошие политики. Не проинформировав Президента, они поставили под сомнение самое главное: кто управляет страной? — Президент, роль которого во всей постсоветской истории была чрезвычайно велика, или группа политиков, которая действует за его спиной, не всегда его при этом полностью информируя?

Могло ли так случиться, что заявление о фактическом банкротстве страны было сделано без ведома Президента, — об этом можно только строить догадки. Но есть определенная логика в том, что когда

Президент много болеет, то его функции вынужденно берет на себя его окружение. Наша власть в последние годы, после избрания Б. Ельцина на второй срок, становилась все менее и менее «прозрачной», что заставляет нас гадать, кто на самом деле принимал решение. Уже после отставки А. Чубайса было опубликовано его большое интервью, в котором он говорит о том, что на самом деле они все делали правильно, но допустили «маленькую ошибочку» — недооценили психологический фактор.

В этой связи стоит упомянуть тот факт, что смена правительства «молодых реформаторов» политиками более старшего поколения вовсе не привела к возврату страны на прежние позиции — 10, 20-летней давности. Ни правительство Е. Примакова, ни последующие правительства Степашина или В. Путина к смене политики не привели. Думается, что такой возврат, даже если бы его кто-то и хотел произвести (ну, например, Коммунистическая партия) невозможен. Более того, он был для нее и нежелателен.

Внимания политического психолога заслуживает тот факт, что многие политики отказались войти в правительство после ухода молодых реформаторов. Это не удивительно, если понять, что на что они меняют. Ведь политика это — некий торг, в котором, скажем, политические взгляды, политические позиции меняются на политическую власть, или, например, деньги меняются на политическую власть, или, наоборот, политическая власть меняется на деньги. Почему, например, лидер фракции НДР Шохин или молодой перспективный политик из той же партии — В. Рыжков идут в правительство, а потом отказываются от участия в исполнительной власти? Ведь они могут приобрести некий опыт, некую строчку в биографии, которую позже смогут предъявить как доказательство наличия опыта работы в исполнительной власти.

Так что же произошло за это время? Почему люди вполне ответственные, вполне достойные занять эти посты не захотели брать власть? При этом от власти отказывались не только политики либерального спектра или центристы, но и коммунисты. Ведь, по существу, ни один коммунист из фракции компартии, кроме Маслюкова, не вошел в правительство и фракция не была по этому поводу в набат, не кричала, что ее обманули. Представляется, что коммунисты оказались не готовы взять власть. Более того, если бы им даже ее не просто предлагали, а навязывали, они бы от нее всячески постарались отказаться так же, как это сделали другие фракции.

Выборы 1999 и 2000 гг.

Президентские выборы 2000 г. в отличие от предшествовавших им парламентских выборов, не вызвали ни массового энтузиазма, ни видимой борьбы разных политических сил. По стилистике они кажутся довольно скучными и вялыми. Но если отвлечься от поверхностных деталей предвыборной кампании, то следует признать, что эти выборы играют в политической истории России особую роль. Они зримо подводят черту под ее предшествовавшим развитием и открывают новую страницу, выводя с политической сцены целое поколение политиков, находившихся в последнее десятилетие в центре принятия решений.

Но дело даже не в смене состава истеблишмента. Главное - назрела смена политических приоритетов, а вернее, пришла пора их определить.

Сдвиги в политическом сознании проявляются и в том, что внимание граждан привлекают иные теперь политики, которых они признают влиятельными. В середине - конце 90-х гг. это были публичные политики — лидеры фракций, лидеры партий, известные публичные политики преимущественно федерального уровня. В одном из наших последних исследований массового политического сознания (осень 2000 г.) из поля внимания граждан исчезли практически все известные публичные политики, кроме президента, который заменил респондентам всех остальных. В ответах на вопрос о том, кто сейчас оказывает влияние в российской политике, кроме президента, опрошенные назвали лишь Ю. Лужкова, Г. Зюганова и Г. Явлинского.

Зато место публичных политиков в когнитивном поле заняли либо люди из исполнительной власти (А. Волошин, В. Сурков, М. Касьянов), из так называемой семьи, либо олигархи — Б. Березовский, А. Чубайс, Р. Вяхирев, Р. Абрамович, В. Гусинский.

Дополняет эту картину нынешнего политического процесса еще одна особенность восприятия политиков массовым сознанием. Среди мотивов власти, которые респонденты приписывают политикам, все более значимое место занимает такой: «Власть ему не нужна, он марионетка». Это свидетельствует о том, что власть вообще, и образы политиков в частности, становятся все менее прозрачными и ясными. Людям не понятно, что представляют собой те люди, которые находятся у власти, их мотивы и

цели.

Все эти данные имеют очень большое значение для анализа политического процесса в России. Если мы хотим понять, что происходит в стране, мы должны, прежде всего, понять, кто авторы этой политики, какие между «ними» и «нами» отношения? Тот факт, что мы их либо воспринимаем неправильно, либо вовсе не замечаем, — важная характеристика стиля политических отношений. Зафиксированные нами обобщенные образы власти характеризуют и самих политиков, и плоды их труда, и сдвиги в конструкциях политической системы.

Столь неустойчивое состояние общества, с одной стороны, позволяет легко манипулировать избирателями, о чем свидетельствует широкое распространение разного рода «грязных технологий». С другой стороны, ценностная «невыстроенность», неструктурированность массового сознания является признаком аномии*, грозящей подорвать духовное здоровье нации на долгие годы; она проявляется в политической апатии, отказе от политической активности большинства населения. Высокие проценты участия населения в выборах не могут заслонить того факта, что власть в целом, правящие группы и конкретные политики рассматриваются гражданами как не только не заслуживающие доверия или симпатии, но и чуждые, противостоящие обществу.

---

* Аномия — «состояние общества, в котором заметная часть его членов, зная о существовании обязывающих их норм, относится к ним негативно или равнодушно» — см. Современная западная социология. Словарь. — М.: Политиздат, 1990. С. 17.

Подводя итог анализу того психологического фона, на котором проходили предыдущие выборы и готовились выборы 1999 - 2000 гг. в России, отметим, что результаты выборов характеризуют прежде всего сдвиги в общественном сознании, которое реагирует на поведение политических деятелей, меняя его оценки как на рациональном уровне, которое, собственно, и является тем, что принято называть «общественным мнением», так и на эмоциональном уровне. Эти эмоциональные оценки оказывают самое непосредственное влияние на поведение избирателей, которые не проголосуют за политика, предъявляющего только одну разумную программу действий. Сегодня лидеры вынуждены соответствовать возросшим стандартам публичного поведения и стремиться завоевать симпатии избирателей.

В свою очередь, граждане также соответствующим образом реагируют на изменяющийся стиль поведения политиков: если власть перестает в них нуждаться, они тоже теряют к ней интерес; но если проблемы страны не находят разрешения, ответом может стать тот самый русский бунт, которого пока России удавалось избежать. Остается надеяться на то, что политическая элита сумеет пойти на известное самоограничение и найдет такие решения, которые учитывают не узкокорпоративный интерес, но и интерес подлинно национальный.

7.2. Национальная идеология или «черный пиар?»

Последнее десятилетие в российской политике можно смело назвать десятилетием пиар-технологий. Увлечение ими в начале 90-х было уделом немногих продвинутых политиков. В конце 90-х эта идея уже овладела массами политиков всех уровней — от Москвы до самых до окраин. Профессия политтехнолога стала столь же популярной, как в свое время профессия юриста или экономиста. Злые языки утверждают, что по доходности она может уже поспорить с рэкетом.

Хотя политическая история 90-х еще ждет своих исследователей, но уже сейчас можно утверждать, что роль «промывания мозгов» и других манипулятивных приемов — от простой скупки голосов за бутылку водки до «клонирования» депутатов-двойников — неуклонно росла. Пиком применения черных технологий стала парламентская кампания 1999 г. Избиратели понимали, что ужасные рассказы, компрометирующие Ю. Лужкова и Е. Примакова, — ложь, однако и голосовать за ОВР не стали.

Фокус с «промывкой мозгов» удался, однако отвращение к этим манипуляциям, испытанное людьми, оказалось столь сильно, что вновь провести себя на той же мякине они не дадут. Сегодня вряд ли удастся снова легко манипулировать общественным сознанием с помощью телевидения и других СМИ. Это затруднительно технологически и невыгодно для новой команды политически, так как роднит ее с предшественниками. Правда, власть, похоже, не до конца осознает это и рефлекторно пытается прибрать к рукам телеканалы. Вероятно, и в Кремле знают, что ресурс телекиллеров ограничен. Выход один: для самосохранения власти придется заняться созданием более сложных идеологических конструктов, например — национальной идеи.

Напомним, к сентябрю 1999 г. негативные настроения в обществе достигли пика. Речь уже не шла о доверии или недоверии к власти, люди потеряли всякую мотивацию, чтобы хоть в чем-то ее поддерживать. Появление Владимира Путина позволило радикально изменить ситуацию. Вероятно, он понял, что эту огромную махину под названием Россия нельзя дальше удерживать ни страхом, ни силой. Поэтому на первом этапе была использована грамотная информационная политика, позволившая создать в представлении людей некий положительный образ Президента.

Хочу оговориться. Я понимаю роль грамотной информационной политики и ни в коем случае не ставлю под сомнение необходимость профессионального пиаровского сопровождения политических решений. Но мне представляется, что власть уже не может обойтись одним пиаром. Пришло время всерьез проработать политическую стратегию и затем уже искать у населения поддержки этой стратегии.

Возникает вопрос: что может стать содержанием такой национальной идеи, а точнее, идеологии, и откуда она может появиться?

Начну со второго — кто может стать инициатором этой идеи? Пока можно констатировать, что задача создания идеологии не занимает умы отечественного политбонда: у политиков-практиков нет потребности в теоретической проработке своих решений. Экономическая программа правительства обошлась без такого «декоративного элемента», как глава о целях и ценностях. Да и не дело экономистов обсуждать столь далекий от экономической реальности вопрос. Это — скорее дело не политиков-практиков, а политологов, гуманитариев-теоретиков. На мой взгляд, можно было бы активнее задействовать интеллектуальные ресурсы, которые есть в стране. Они бродят неприкаянно от одной партии к другой, но наверху пока не осознали необходимость теоретической деятельности. Опыт работы Центра стратегических разработок показал, что такие интеллектуальные ресурсы в стране есть.

Последний всплеск интереса к созданию национальной идеологии был вызван, как ни парадоксально, вовсе не политиками, а российскими спортсменами, участвовавшими в летних Олимпийских играх в Сиднее*. На встрече с президентом В. Путиным олимпийцы завели разговор о том, что Россия до сих пор не имеет текста государственного гимна — атрибута, совершенно необходимого для национального самосознания. И, надо сказать, власть удачно отреагировала на этот заказ. В результате мы вступаем в новый век с официальной символикой, хотя и без детально проработанной политики в отношении ключевых целей и ценностей развития страны.

---

* Зимние Олимпийские игры в Солт-Лейк Сити лишь подтвердили ту же тенденцию. Наше национальное самосознание сильно реагирует и на победы, и особенно — на неудачи.

Сейчас ее необходимость стала особенно явственной. Новая команда не может обойтись без новой стратегии. И дело здесь не только в том, что любая власть что-то *должна обещать* народу. Речь идет о выборе направления движения, а значит, и о выборе определенных ценностных ориентиров, которые должны по основным своим параметрам соответствовать ожиданиям людей.

В роли инициаторов поиска согласия могут выступить лидеры ряда общественных организаций. Скорее всего, у нас появится социал-демократический или даже коммунистический вариант. Может возникнуть и либеральная идея.

Но главным инициатором должна стать исполнительная власть, а точнее, сам президент и его команда. Хорошо, если В. Путина будет поддерживать «партия власти», ведь многие россияне по привычке ожидают появления некоего указующего перста, который подскажет, что им делать, когда и как. На эту аудиторию большинства и ориентировался В. Путин в марте 2000 г. Он подавал сигналы и тем, кто правее, и тем, кто левее центра. Сигналы были намеренно слегка приглушены и размыты — в итоге их услышали многие. Сказанное вовсе не означает, что именно «Единство» станет исполнителем данного заказа. Все зависит от того, достаточно ли у этой партии теоретических кадров. По существу, речь идет не о партийном строительстве. Сегодня нужна **не массовая партия, а идеология**, способная объединить тех, кто жаждет покоя, защиты, гарантированного будущего. Люди ищут, к чему бы прислониться, у кого бы получить поддержку. Судя по Конституции, наша официальная идеология — либерализм, но на практике картина складывается совсем иная.

Пока у президента достаточно широкий спектр возможностей. О крайних радикалах говорить нет смысла, поскольку их потенциал очевиден. Левый электорат стабилен, правые, к сожалению, не демонстрируют идей, которые могли бы привлечь под их знамена новые силы. Им остается опираться на тех, кто уже принял утрированный западнический вариант либеральных реформ. Что остается? — Центр. Здесь будут те, кто устал от любых перемен, — консерваторы, традиционалисты. Чтобы эти

люди пошли за президентом, В. Путин должен олицетворять стабильность, незыблемость неких устоев. Он человек системы, играет по правилам, а народ это любит. Конечно, населением будет принято не все. Скажем, диктатура сегодня не найдет поддержки в обществе, и это Путин понимает. Однако и от демократии без границ, которой нет ни в одной стране мира, народ утомился донельзя. Нужно что-то третье, срединное. А раз так, то именно в этом направлении и нужно искать почву для формулирования будущей национальной идеологии.

Не вижу ничего страшного, если в чем-то будет позаимствован опыт других стран. Консерваторы — будь это английские тори, христианские демократы из Германии или республиканцы в США — объединяют в своих рядах людей, которые не только довольствуются соблюдением заветов предков, но идут в ногу с современными процессами. Иными словами — союз традиционализма и модерна. Для России такой синтез подходит идеально: с одной стороны, нам нельзя разрушать то, что было построено прежними поколениями, с другой — необходимо двигаться вперед и модернизировать все стороны жизни.

Перед строителями национальной идеологии стоит задача учесть те ценности, которые есть в массовом сознании. В принципе, эти ценности находят место в программах многих партий: уважение к закону, укрепление семьи, соблюдение гражданских свобод... Но одно дело — декларировать и другое — выполнять. Здесь нужны определенные гарантии. Но первый толчок может и должна дать действующая власть. Пока у нее есть шанс повести народ за собой, но время идет, и если упустить этот шанс, то не останется ничего другого, кроме «черных» PR-технологий, или, того хуже, — закручивания гаек и ужесточения режима. Все это мы уже «проходили» и не стоит испытывать судьбу, повторно наступая на знакомые грабли.

7.3. Рейтинги политиков, или Почему у нас так плохо с прогнозами?

Изучение психологии электорального процесса предполагает анализ смены предпочтений, происходящих в массовом сознании избирателей. Объекты этих предпочтений — политики, особенно те, кто стремится занять место в законодательной ветви власти. Кандидаты в депутаты по-разному воспринимаются избирателями на разных этапах электорального процесса. В начале кампании многие из них (за исключением наиболее «раскрученных») едва узнаваемы — к концу кампании их образы входят в наше сознание столь же прочно, как, например, кофе «Чибо». Телевидение, визуальная и аудиальная реклама делают кандидатов если не популярными, то значительно более узнаваемыми к моменту, когда гражданам предстоит выбрать среди претендентов того, кто будет представлять их интересы.

Одной из наиболее распространенных процедур учета процессов, происходящих в общественном мнении, является измерение рейтингов политиков, или их места среди политических приоритетов в сознании избирателей. С точки зрения *политика*, замер его рейтинга на каждом этапе кампании — это некий инструмент, с которым он может сверять, нравятся ли избирателям его действия или нет. Для *избирателя* рейтинги также являются неким мерилем относительного успеха одного политика по сравнению с другим. С точки зрения *политического аналитика*, эти рейтинги могут рассматриваться как один из инструментов прогноза. Однако с прогнозами, построенными на основании измерения рейтингов, дело обстоит весьма не просто.

Попробуем разобраться в том, почему высокий рейтинг политика в ходе избирательной кампании отнюдь не всегда гарантирует ему победу на выборах. Это вопрос важен и практически. Многим политическим консультантам приходится после выборов объясняться со своими клиентами, оказавшимися в числе проигравших, вопреки прогнозам, полученным в ходе опросов общественного мнения. Но важен этот вопрос и теоретически. До сих пор нет ясности, почему и когда установка на политика, его рейтинг среди других претендентов соответствуют или не соответствуют поведению избирателей в момент голосования.

В ходе политической социализации формируется весь набор установок, который становится для личности источником последующего поведения. Чем интенсивнее, стабильнее и информативнее установка, тем вероятнее, что личность будет действовать в соответствии с ней. Однако прогнозы, основанные на анализе установок (особенно мнений), далеко не всегда совпадают с реальным политическим поведением. Довольно точными получаются предсказания о простых и рутинных формах политического поведения, особенно в условиях стабильного политического процесса. Например, в Великобритании выборка из 1500 человек дает прогноз голосования на выборах с ошибкой, не

превышающей 3%.

Однако объяснительная способность исследований такого рода также ограничена. Так, в США опрос общественного мнения в округе Нью-Гемпшир в 1966 г. показал, что рейтинг сенатора Юджина Маккартни опережает рейтинг Линдона Джонсона. Было известно, что Маккартни является главной фигурой оппозиции вьетнамской войне. Многие наблюдатели интерпретировали его первенство в глазах общественного мнения как торжество левых убеждений. Однако дальнейшие события показали, что большая часть сторонников Маккартни — это «ястребы», разочаровавшиеся в политике Л. Джонсона и ожидающие более энергичных военных действий*.

---

* Convers P., Mille W., Rysk I., Wolf. F. Continuity and Change in American Politics. APSR. Vol. 63. № 4. P. 1083 - 1105.

В российской политике точность предсказаний электорального поведения, основанная на измерении политических установок в форме мнений, оказалась весьма низкой. Так, не оправдались прогнозы выборов 1993 г. Политологи жаловались, что замеры установок в день выборов не совпадали с данными голосования: в ходе опросов респонденты говорили, что им нравятся демократы — а голосовали за Жириновского.

Это явление объясняется рядом причин. Во-первых, с внутренним противоречием между разными компонентами установки: между эмоциональным и когнитивным, когнитивным и поведенческим. Так, опрошенные могли критически отозваться о том или ином политике и одновременно симпатизировать ему. Поведенческие реакции при этом оказались ближе к бессознательно-эмоциональным компонентам установки, чем к рационально-когнитивным.

Вторая причина неэффективности прогнозов — так называемая спираль умолчания — термин, введенный известным исследователем общественного мнения Э. Ноэль-Наойанн*. В своих работах она доказывает, что если мнение респондента отличается от мнений людей его социального круга, то он старается не высказывать публично свои взгляды. Более того, когда дело дойдет до реального поведения, он вполне может поступить в соответствии не со своими установками, а в соответствии с мнением большинства, как он себе его представляет. Поэтому столь важно учитывать разницу между ожиданиями респондентов в отношении той или иной партии или лидера и их собственным намерением за них голосовать. Так, согласно опросам, проведенным перед выборами 1995 г., успеха коммунистической партии Российской Федерации ожидали 30%, что на 5% превышает числа избирателей, которые собирались голосовать за эту партию; 19% считают, что может победить партия Жириновского, что на 8% превышает число тех, кто собирается проголосовать за ЛДПР**.

---

* Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin. — Chicago, 1994.

** Shlapentokh. V. The 1993 Russian Election Polls // Public Opinion Quarterly, 1994. Vol. 58. P. 579-602.

Третья причина, объясняющая несоответствие установок и реальным поведением — сам тип политического поведения. Известно, что формы политического поведения, имеющие более сильную эмоциональную окраску (террористические, экстремистские, расовые, националистические выступления, бунты и т.п.), плохо поддаются прогнозированию с помощью исследования установок. По данным С. Макфейла в исследовании расовых беспорядков соответствие между установками и реальным поведением составляло всего 8 — 9% выборки*.

---

* McFail C. Civil Disorder Participation // American Sociological Review, 1971. № 36. P. 105.

Политологи и социологи постоянно ищут инструменты для более адекватного диагноза и прогноза политического поведения российских избирателей, особенно в момент предвыборной гонки. До сих пор измерение политических установок на партии, лидеров, политические события и т.п. давали результат, позволяющий весьма приблизительно предсказывать, как эти установки воплотятся в собственно поведение, т.е. выбор избирателя. Жесткие социологические методы замера мнений, предусматривающие прямые вопросы респондентам, как правило, дают хороший результат лишь в случае наличия достаточно устоявшегося мнения, рационального осознания респондентами своих политических интересов и устойчивого расклада политических сил, который позволяет гражданину идентифицировать себя с той или иной партией, движением, лидером.

Все эти условия не соблюдаются в нынешнем политическом процессе. Устойчивых предпочтений у избирателей пока практически нет — они только складываются и за последние несколько лет многократно менялись. Политической идентификации с партиями и движениями не возникает в силу неразвитости самих партий и их полной неспособности быть каналом выражения рациональных

интересов граждан. Мелькание лидеров на национальной политической сцене также не позволяет говорить об устойчивости политического процесса. Исследования многих политологов последнего времени свидетельствуют о падении интереса к политике и росте негативных оценок всех политических деятелей. Правда и то, что компетентность наших граждан не всегда высока.

В этой ситуации следует прежде всего задаться вопросом: на основании чего избиратели делают свой политический выбор? В какой мере их решение является результатом скорее веры, а в какой — диктуется рациональным выбором? Каковы пределы доверчивости избирателей по отношению к политической рекламе, которую кандидаты используют как метод манипуляции избирателями во время выборов? Сохранилась ли та открытость российских граждан для политической манипуляции, которая досталась в наследство от старой политической системы в виде привычки верить радио- и телепередачам, газетам и высокопоставленным государственным деятелям?

Вопрос о том, соответствуют ли публикуемые рейтинги, полученные в результате опросов общественного мнения, действительному положению вещей, должен волновать не столько избирателей, сколько самих политиков. Это инструмент предназначен для контроля кандидатов и их штабов эффективности своей работы.

Правдивость рейтингов зачастую зависит от того, проводят ли их независимые исследовательские центры или «свои» специалисты, нередко зависящие от реакции «хозяина». Умышленный обман и подтасовка встречаются, о чем свидетельствует опыт предыдущих кампаний. Один из кандидатов в президенты, проигравший выборы и набравший ~ 1% недавно во всеуслышание заявлял, что согласно его данным, у него — 20% голосов. Неоднократно сомневался в достоверности опросов общественного мнения и М.С. Горбачев.

Искажение реальной расстановки сил возможно как в результате недобросовестности или некомпетентности социологов, так и в результате своего рода самообмана и самих политиков, и работающих с ними специалистов. Поражает упорное нежелание многих политиков видеть очевидное. На парламентских выборах 1995 и 1999 гг. многие из них до последней минуты верили прогнозам своих штабов о том, что они перешагнут 5%-ный барьер.

Еще одна проблема — ангажированность социологов; некоторые из них путают две разные роли: независимых экспертов и членов той или иной команды. Мы уже слышали весьма тенденциозные комментарии рейтингов претендентов, данные их политическими консультантами. Это уже настоящая манипуляция общественным мнением. Надо сказать, что социологи также становятся жертвами собственной ангажированности. Так, во время выборов 1995 г. одна из наиболее авторитетных организаций, проводящая опросы потеряла в своей выборке избирателей, голосовавших за Анпилова, составлявших почти 5% электората. Произошло это не по технической небрежности, а в силу политической установки тех, кто проводил опрос: они были сторонниками демократов.

Думается, что общественность сейчас нуждается не столько в рейтингах, сколько в толковой просветительской работе, предусматривающей объяснение политических и правовых аспектов выборов.

Другой вопрос — что отражают рейтинги, как их «читать»? Действительно ли повышается рейтинг Б. Немцова или В. Путина и снижается рейтинг Г. Зюганова? Как будет изменяться рейтинг в оставшееся до следующих выборов время? И главное, означает ли это возможность того, что те люди, которые уверенно называют избранного ими кандидата, действительно проголосуют за него в день выборов?

Следует учитывать, что опросы фиксируют ситуацию на данный момент и не могут быть единственным инструментом прогноза. Они «цепляют» наиболее поверхностный слой установок электората. К тому же, решение человека о том, за кого он будет голосовать, основано на двух «китах»: на наших осознанных интересах и на чувствах. Надо сказать, что последнее — область не столько социологии, сколько политической психологии. Опросы — слишком грубый инструмент, чтобы определить подлинные мотивы голосования. Во всяком случае их явно недостаточно, чтобы получить объемное представление об общественном сознании.

Так, как показывают наши исследования, за последние годы вопреки всем разговорам о деполитизации, оценки наших избирателей стали более зрелыми и компетентными. Они очень квалифицированно судят о моральных и психологических качествах, политических взглядах и внешности кандидатов. В отличие от 1993 и 1995 - 1996 гг. их выбор в конце десятилетия имел более рациональную основу: избиратели склонны реагировать не столько на внешность, знакомое лицо или риторику претендента, на политический пост, а на его позицию и дела. Конечно, разрыв между осознанным интересом и бессознательными эмоциями сохраняется. Но острота «политического зрения» повысилась.

7.4. Профессия — выборы

История демократических выборов в современной России дает основание утверждать, что именно этот институт оказал решающее воздействие на трансформацию политической системы и формирование гражданского общества. Гарантия проведения законных выборов органов власти — политический фактор, от которого будет зависеть и стабильность, и само существование власти.

Практика проведения выборов, однако, показывает, что возможность граждан воздействовать на механизм избрания власти обуславливается не только формальными правом избирать и быть избранным в соответствии с законом, но и рядом других важных факторов, в частности уровнем профессионализма тех, кто в них участвует: самих политиков, аналитиков, консультантов, журналистов и, конечно, избирателей, способных сделать свой гражданский выбор осознанно и со знанием дела. Попробуем оценить уровень профессиональной зрелости всех участников избирательного процесса, достигнутой за последнее десятилетие.

Политика за последнее десятилетие стала профессией для слоя людей, ставших, по существу, новым политическим классом. Среди них есть и новое поколение представителей исполнительной власти, научившихся действовать в новых политических условиях, и несколько поколений законодателей, получивших уже немалый опыт парламентской деятельности, прошедших сквозь выборы разного уровня. Последних можно условно разбить на два типа. Первый — это *политики-одиночки*, не связанные с партийной машиной или получающие от нее минимальную поддержку, действующие на свой страх и риск. Если на выборах 1993 — 1995 гг. они составляли большинство, так как были неразвиты партийные или групповые механизмы поддержки, то в последние годы их шансы становятся все меньше, хотя среди них есть весьма опытные люди, научившиеся весьма успешно использовать профессиональную помощь на выборах. Следует отметить и то, что за годы работы в Думе большинство из них приобрело профессиональный опыт, в частности опыт законотворчества и опыт публичных выступлений. Они научились разговаривать со своими избирателями.

Второй тип политиков предпочитает *групповую игру*, когда вхождение в партийный список не требует особых личных качеств или заслуг, кроме умения договариваться с партийным руководством. Не случайно поэтому широкая публика не знает большинства депутатов Думы и не знакома с их деятельностью. Уровень профессионализма этих политиков, хотя и повысился, но для большинства из них политика оказалась лишь синекурой, а отнюдь не профессией. Для одних депутатов место в Думе является гарантией неприкосновенности, для других — доходным местом, для третьих — средством удовлетворения амбиций. Исключение составляют лишь руководители фракций и несколько наиболее ярких депутатов, которые еще раз демонстрируют, что они — исключение из правила.

Термином «**аналитики**» могут обозначаться совершенно различные профессиональные группы. Так, есть политические партии, движения и отдельные команды, где в аналитическую группу включаются *спичрайтеры*, на долю которых приходится составление речей и текстов для размещения в СМИ. В других командах работа аналитиков строится на данных *социологов*, которых, как правило, привлекают на этапе непосредственной подготовки к выборам. Реже в аналитическую группу входят *политологи-теоретики*, способные создать политическую программу и дать систематический анализ политического процесса. В некоторых политических командах в роли аналитиков выступают специалисты по связям с общественностью, которые занимаются креативной работой, связанной с разработкой «интриги» кампании, слоганов и других технологических средств. Нередко к числу аналитиков относят и *психологов*, обеспечивающих психологическое сопровождение политика в ходе кампании, и *консультантов по имиджу*. Тот факт, что в большинстве политических организаций все эти функции выполняют одни и те же люди, свидетельствует о низком уровне разделения труда.

Очевидно, что каждая из перечисленных профессиональных групп, необходима для обеспечения нормальной работы кандидата, но уровень эффективности этих специалистов зависит не только от их опыта и знаний, но и от степени их востребованности политиком, от умения менеджера кампании организовать их совместную работу. Как показывает опыт, за единичными исключениями, политики (не говоря об их спонсорах) не осознают важности каждой из выполняемых разными специалистами функций и их сочетания в ходе кампании, а нередко и просто не знают, что необходимо делать для привлечения внимания избирателей. Этим нередко пользуются недобросовестные консультанты, предлагая кампанию «под ключ», но реально обеспечивая лишь самый примитивный набор услуг.

Если говорить об аналитической работе в узком смысле слова как об анализе тенденций

политического развития и прогнозе поведения различных участников политического (в том числе и избирательного) процесса, то за последнее десятилетие прогресс здесь оказался не слишком значительным. Прежде всего каждая партия и движение, каждый крупный политик стремится обзавестись собственной аналитической службой. Собственные аналитические центры сегодня есть у крупных газет, государственных структур, финансовых магнатов и у крупных организаций (Сбербанк, Газпром и др.) Это связано с желанием иметь собственные (и желательнее дешевые) источники информации.

Все ведомственные аналитические структуры страдают одним и тем же недугом: они стремятся угодить начальству и вольно или невольно искажают информацию. Известно, что, например, Б. Ельцину не докладывали неприятную информацию. К тому же нередко аналитические записки нужны не столько для того, чтобы лица, принимающие решения, действительно могли опереться на серьезные разработки исследователей, сколько для того, чтобы «оправдать» то или иное уже принятое решение. Независимая аналитическая экспертиза как была, так и остается в России чрезвычайно мало востребованной.

Возникшие в последние годы частные аналитические центры, будучи поначалу независимыми, очень скоро стали обслуживать те или иные крупные политические группы. Выступая в СМИ в роли независимых экспертов, сотрудники этих центров на самом деле возвращаются к старой советской практике пропаганды в ее самом примитивном виде, давая весьма пристрастные оценки политической ситуации и все больше подрывая доверие к профессии политолога.

Между тем в обществе существует настоятельная потребность не только в получении точной и достоверной информации о подготовке к выборам и расстановке политических сил, но и осознании значения и смысла происходящего. Эта потребность удовлетворяется не полностью, что ограничивает гражданскую активность и препятствует «профессионализации» еще одного участника избирательного процесса — собственно *граждан*. Правда, следует подчеркнуть, что участие в выборах на протяжении последнего десятилетия лишило наших избирателей политической «невинности» и укрепило рациональность их выбора. За последние годы они стали меньше поддаваться на маккиавелиевские приемы черного PR и точнее определять соответствие политических ярлыков предлагаемому «товару».

Одновременно с позитивными процессами гражданского созревания и более точного восприятия политической информации нарастают и негативные тенденции. «Непрозрачность» российской политики, отсутствие заинтересованности власти в реальном волеизъявлении народа, грязные выборные технологии, — все это резко снизило и политический интерес и гражданскую активность. Результатом непосредственного знакомства избирателей с политикой оказалось катастрофическое падение доверия к власти и ее представителям, разочарование в политиках всех цветов политического спектра, пассивность. «Мелькание» одной и той же небольшой группы лидеров (по нашим данным, в массовом сознании число политиков, известных избирателям, не превышает в последние годы 40 имен) вызывало психологическую усталость и ощущение отсутствия реального выбора. Отсюда потребность в новых именах и свежих политических идеях, которую известные политические деятели и партии пока удовлетворить не могут.

Если подвести итог развития политики как все более профессионализирующейся сферы деятельности, то следует отметить, что все три группы акторов избирательного процесса прошли за эти годы немалый путь развития. **Политики**, без сомнения, стали превращаться в особую страту, обретающую все черты профессии, хотя по-прежнему плохо осознающую общность своих групповых интересов. Политологи-аналитики, по крайней мере та их часть, которая занимается прикладными проблемами, быстро оформляются в профессиональный клан, в котором ценятся не столько профессиональные знания, сколько практический опыт участия в кампаниях и деловая хватка. По существу у нас на глазах происходит становление новой профессии — профессии **политических технологов**, спрос на услуги которых постоянно растет, так как в стране постоянно один раз в 4 года проводятся выборы в органы власти разного уровня, в которых участвуют, по разным оценкам, от 17 000 до 200 000 специалистов. По неофициальным данным объем рынка подобного рода услуг оценивается примерно 1 млрд долл. И, наконец, **избиратели** быстро освоили свою роль в новой политической системе, несмотря на известное разочарование в результатах участия в выборах. Как показывают опросы, российские избиратели не готовы полностью устраниваться из этого процесса и предоставить решать свою судьбу «начальству». Выборы стали не формальной, а действительно существенной демократической процедурой, угроза отмены которой вызывает протест.

Вопросы для обсуждения

1. Опишите психологический контекст последних выборов в вашем регионе.
2. В какой степени в этих выборах был использован «черный PR»? Оказал ли он воздействие на избирателей?
3. Что такое политический рейтинг и как его измеряют?
4. Представители каких психологических специальностей участвуют в избирательной кампании?

Литература

1. Амелин В.Н., Левчик Д.А., Устименко С.В. Воюют надписи. Имидж кандидата и способы его актуализации. — М., 1995.
2. Базаров Т.Ю., Аксенова Е.А. Рекомендации по планированию избирательной кампании // Вестник Госслужбы, 1993, № 10. С. 20 — 33.
3. Бирюков Н.И. Возможно ли в современной России прогнозировать массовое электоральное поведение? / Проблемы консолидации российской политики (круглый стол) // Полис, 1997. № 1. С. 109 — 128.
4. Горяинов В.П. Динамика и прогнозирование рейтинга доверия к политическим лидерам России // Полис, 1997. № 4. С. 57 — 77.
5. Дилигенский Г. За что голосовала Россия? // Власть, 1996. № 2. С. 32 — 37.
6. Охотский Е.В. Столичные власти в восприятии служащих и населения // Социс, 1996. № 4.
7. Сатаров Г.А. Политическая жизнь сквозь призму установок населения: структурные рейтинги // Российский монитор. Архив современной политики, 1992. Вып. 1. С. 149 — 166.

Глава 8. Политическая культура

Наверное, для каждой науки характерен поиск своих пределов. Политическая наука не является в этом плане исключением. Пытаясь исследовать феномен политики, она сталкивается с необходимостью выйти за его границы и найти корни и причинные основания вне самой политики. Одни ищут эти основания в экономике, другие - в социальном укладе общества, третьи - в культуре. При этом собственно культурные основания политики, ее культурный субстрат — это уже не сама политика. На стыке политики и культуры и возникает понятие «политическая культура», исследование которой во многом обусловило возникновение нового движения в политологии, получившее название «поведенческой революции».

Попробуем исследовать это явление в контексте политической психологии, где политическая культура изучается, прежде всего, для лучшего понимания связи политического поведения и сознания отдельного человека с массовым политическим поведением и сознанием. Это понятие стало удобным переходом от микро - к макрополитическому уровню исследования.

Для российской политической науки анализ политики сквозь призму политической культуры является одним из наиболее перспективных подходов в силу неразвитости многих политических институтов и той огромной роли, которую сыграло культурное своеобразие в историческом развитии российского государства. Переходный период, переживаемый нашей страной в 90-е гг., вновь обратил внимание исследователей на политическую культуру как важный инструмент расширения знания политологии.

8.1. Теоретические подходы к исследованию политической культуры

Интерес к политической культуре обусловлен не только теоретическими поисками. Одной из причин резко усилившегося интереса к политической культуре стали собственно политические проблемы, возникавшие на протяжении всего XX в.

Можно выделить 3 периода наибольшего интереса к политической культуре: 20 — 30 гг., когда ведущей была тема достижения социальной стабильности; 60-е гг., поставившие в повестку дня реформу политической системы в соответствии с произошедшей социальной перестройкой; конец 80-х гг. — начало 90-х — распад СССР и «бархатные революции» в Восточной и Центральной Европе.

Первый этап развития концепции политической культуры связан с поиском путей предотвращения социальных катаклизмов и стабильного и бесконфликтного развития. Исследование политических

систем не давало нужных результатов, и политологи обратились к исследованию психологических и социологических аспектов политического поведения. Одним из первых по этому пути пошел американский ученый Ч. Мерриам. В 1928 - 1938 гг. он провел серию сравнительных исследований политической культуры и социализации в различных странах под общим названием «Формирование граждан».

Вторая волна интереса к политической культуре была вызвана процессами деколонизации и ростом демократических настроений в странах третьего мира в 50 — 60-е годы нашего столетия. Вопрос тогда стоял примерно так же, как сейчас в отношении проблемы демократизации в России и других пост-коммунистических странах: что необходимо сделать, чтобы закрепить процессы модернизации и создать почву для устойчивых политических процессов? Политическая культура оказалась в числе наиболее популярных инструментов анализа.

Наконец, начиная с середины-конца 80-х пристальное внимание ученых было сосредоточено на процессах демократизации в странах Восточной Европы, и в особенности в странах бывшего Советского Союза. Пробуксовка реформ, многие из которых были скопированы с развитых стран Запада, позволяет предположить, что одни и те же политические институты дают разные результаты в условиях иных культур с их уникальными наборами ценностей и установок.

Необходимо отметить и то, что интерес к процессам социальных изменений и в развитых странах Запада вновь побуждает обратиться к проблематике политической культуры, так как и там происходят важные процессы, не укладывающиеся в рамки институционального объяснения, появляются новые формы политики, требующие по-новому определять природу демократии и гражданской культуры в индустриально развитых странах*. Для этого периода было характерно внимание к проблеме культуры в контексте власти и к роли культуры в процессе политических изменений**. Изучение политической культуры привело также к пониманию того, что она включает такой феномен, как стиль жизни. Так, А. Вильдавски*** предложил выделить четыре стиля жизни, основанные на общественных отношениях и ценностях, характерных для данной политической культуры. Правда, уже в середине 90-х годов наступило определенное разочарование в концепции политической культуры. Так, один из ведущих немецких политологов Макс Каазе, проводивший многочисленные исследования политической культуры в европейских странах, признался, что использовать понятие политической культуры, — занятие столь же бесплодное, как попытка приколотить к стене гвоздями желе: оно расплывается и растекается****. В самые последние годы, однако, появились некоторые признаки возрождения интереса политологов к политической культуре. Об этом свидетельствуют, например, наиболее удачные работы Р. Инглхарта*****, который использует понятие политической культуры для своих сравнительных исследований, и Р. Патнэма, который сравнивает субкультуры в рамках одной национальной политической культуры*****. Тот факт, что Р. Далтон в главе, посвященной сравнительной демократизации во влиятельной книге «Политическая наука: новые направления»***** в центр своего анализа ставит понятие политической культуры, также показывает, что необходимость связать «мягкий» неинституциональный анализ с политическими институтами по-прежнему стоит на повестке дня.

---

* Гражданская культура в современной России. Научные доклады под ред. Е.Б. Шестопаля. — М.: Московский общественно-научный фонд, 1999. Вып. 83.

** Eckstein H. Political Culture and Political Change // American Political Science Review, 1990, Vol. 84. P. 253 - 258.

*** Wildavsky A. Choosing Preferences by Constructing Institutions // American Political Science Review, 1987. Vol. 81. P. 3 - 23.

**** Kaase M. Sinn oder Unsinn des Konzepts «Politische Kultur» für die vergleichende Politilforschung // Wahlen und politisches System / Ed. By M. Kaase, H.-D. Klingemann. Opladen» Westdeutscher Verlag, 1983. S. 144- 172.

***** Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press, 1997.

***** Putnam R. Making Democracy Work. — Princeton: Princeton University Press, 1993.

***** Политическая наука: новые направления. — М.: Вече, 1999. Гл. 13.

Термин «политическая культура» начали систематически употреблять в 50-х годах нашего века. Этот относительно новый термин был использован политологами для обозначения весьма привычного явления. Понятие культуры, духа, настроения или набора ценностей, влияющих на проведение политики нации, государства или правящей клики, используется, наверное, столько же, сколько существует сама политика. Аристотель писал о «состоянии ума», которое порождает стабильность или революцию. Э. Берк славил «сладость привычки», которая заставляет работать политические институты. А. Токвиль, А. Дисей, У. Бэдждот использовали в своих теориях понятия «ценностей» и

«чувств» для объяснения как стабильности, так и изменения в политических процессах. До последнего времени историки и антропологи писали о национальном характере или традиции как о факторах, определяющих политические события.

Именно «национальный характер» стал непосредственным предшественником термина «политическая культура». Вообще о национальном характере написано громадное количество исследований и психологами, и антропологами, и писателями. Главной задачей выявления национальных особенностей всегда был поиск различий в поведении, традициях, культурных стереотипах представителей разных народов.

В новейшее время и антропологи, и психологи стали определять задачу изучения национального характера несколько более четко, хотя само понятие сохранило изрядную расплывчатость. Исследования этого феномена в 40 — 50-е гг. были нацелены уже на такой объект, как **ценностные ориентации и установки** разных народов, которые в сумме и должны были дать психологический портрет нации*. Идея «национального характера» трактовалась как комплекс нравственных, культурных, политических и иных представлений, свойственных определенной нации и закрепленных в ее традициях.

---

* Pye L. Political Culture and National Character// Social Psychology and Political Behaviour. Columbus, Ohio, 1971.

Первые эмпирические исследования национального характера проводились американскими психологами в конце второй мировой войны. Их объектом были «враги» — немцы и японцы. Задачей исследователей был поиск связей между особенностями национальной психологии, в частности, авторитаризмом, и распространением фашизма. В тот же период была создана специальная комиссия по «денацификации» Германии. В ее состав входили английские и американские психологи и психиатры. Комиссия должна была дать рекомендации по подбору возможных кандидатур для будущего немецкого руководства. Рекомендации основывались на анализе (преимущественно психоаналитически ориентированном) политической социализации немцев*.

---

* R.E. Money-Kyrle. Psychoanalysis and Politics. — L., 1951.

В годы «холодной войны» объектом изучения стал «русский характер». Ставшие классикой политической психологии тех лет работы Дж. Горера, Г. Дикса, Н. Лейтеса* были посвящены интерпретации феномена большевизма как порождения русского характера. Сам же русский национальный характер эти авторы трактуют как покорный, пассивный, склонный к безропотному подчинению элите. Происхождение указанных качеств русской нации выводилось ими из факта тугого пленения младенцев традиционного для России. Г. Дике приходит к выводу о том, что русским в целом свойственна «оральная культура», проявляющаяся в неумеренной склонности к еде, питью и пению**. Элита же, согласно этому автору, не является русской по своему происхождению и психологии (речь шла о дореволюционной России). Благодаря иностранному влиянию, она принимала иные культурные нормы и характеризовалась сильной волей, умением контролировать свои эмоции.

---

* N. Leites. Operational Code of Politburo. - N.Y.: The Free Press, 1951.

** Dicks H. Observations on Contemporary Russian Behaviour. Human Relations, 1952. №5. P. 111-175.

Конечно, уже следующее поколение исследователей отказалось и от примитивной методологии ранних политико-психологических работ, выведивших сложные политико-культурные явления непосредственно из способов вскармливания младенцев, и от откровенной идеологической ангажированности. Но тот факт, что книгу Н. Лейтеса об особенностях политического мышления коммунистов, американцы раздавали своим дипломатам в годы корейской и вьетнамской войн, что военных инструктировали эксперты по проблемам «национального характера», дискредитировал это направление исследователей в глазах широкой общественности. Критики из числа политологов видели причину неудач с «национальным характером» не только в моральных изъянах исследований, но и в том, что они не справились с проблемой измерения национального характера (Л. Пай), в незнании сферы политики (С. Верба), в политической конъюнктурности и недостатке реализма (С. Уайт).

В 60-е годы, когда неудовлетворенность исследованиями национального характера стала очевидной, возникла потребность в новой инструментальной для понимания политики, который позволил бы ответить на вопрос: почему модели политических реформ, модели модернизации, разработанные в одних странах, не удается эффективно применить в других. Именно тогда в центре внимания политологов оказался культурный контекст предпринимаемых политических изменений.

Основные концептуальные представления о политической культуре были разработаны американскими политологами С. Вербой, Л. Паем, Г. Алмондом, Р. Такером, С. Липсетом, и другими теоретиками, принадлежавшими по преимуществу к функционалистскому направлению. Политическую культуру эти авторы представляют себе как определенный набор ценностей, внутри которого действует политическая система, что-то вроде историко-психологического фона, на котором разворачиваются политические события, он же — дух, он же — культура. В своем первом исследовании Г. Алмонд определил ее как особый тип ориентации на политические объекты, в число которых включена и политическая система*. Его соратники Л. Пай и С. Верба добавили к этому определению, трактовку политической культуры как «субъективного потока политики, который наделяет значением политические решения, упорядочивает институты и придает социальный смысл индивидуальным действиям»**. Работы начала 60-х, подводили читателя к главному выводу: политические институты демократии должны соответствовать политической культуре данной нации. Используя инструменты социологии и психологии в политологическом анализе, исследователи прежде всего вели поиск специфичных для каждой политической культуры *норм и ценностей*, выступавших в качестве независимых переменных в их анализе.

---

* Almond G. Comparative Political System //Journal of Politics, 1956. Vol. 18.№3.

** Almond G., Verba S. The Civil Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Princeton, 1963. P. 14.

Понятие политической культуры оказалось очень привлекательным в силу многозначности и многогранности его значений. Так, с одной стороны, оно представляется результатом личного опыта человека. С другой — в нем отражается история политической системы, которая уходит корнями в общественные события. Было очень заманчиво перебросить мостик от психологического исследования поведения индивида к макрополитическим и историческим исследованиям. Следует добавить, что уже первые работы по изучению политической культуры сформировали новые подходы к пониманию политики в целом как области, которая не сводится к институционализированным формам. Интерес к трудноуловимым культурным оболочкам политики проявился в поиске глубинных психологических составляющих политики. Их обнаруживали в произведениях литературы и кино, в слухах и юморе, поп-музыке и фольклоре*. Использовались такие методы изучения, которые позволили зафиксировать качественные характеристики культуры, ее уникальность и неповторимость в индивидуальном проявлении и в массовых стереотипах, переходящих из поколения в поколение: глубинные интервью, фокус-группы, контент-анализ мемуаров, изучение политического дискурса и др.

---

* Большой интерес для самостоятельного изучения проблемы политической культуры представляет хрестоматия под редакцией А.Л. Доброхотова, изданная в МГУ, «Белый царь. Метафизика власти в русской мысли». — М.: МАКС Пресс, 2001, где собраны тексты русских философов, религиозных деятелей и деятелей культуры. В которых прослеживается развитие российской политической культуры на протяжении веков.

Классическое **определение** политической культуры, данное Алмондом и Вербой, сводит ее к определенному образу ориентации, системе ценностей, символам, верованиям, установкам на политическое действие: «Когда мы говорим о политической культуре общества, мы имеем в виду политическую систему, интернализированную в знании, чувствах и оценках его членов»*. Л. Пай также подчеркивает, что политическая культура — это **психологическое** измерение политики, выраженное в обобщенной форме. Для психоаналитика Л. Пая понятие политической культуры необходимо для того, чтобы уйти от вопроса о том, что первично — личность или ролевая структура политики. Для него политическая культура — это двуликий Янус. Подобно тому, как в социологии культура и личность рассматриваются как две стороны одной медали, так и политическая культура помогает увидеть индивидуальное и коллективное политическое поведение как проявление общего феномена. Конечно, в идеале следует стремиться к учету и социологических и психологических переменных. На практике же акцент делается на психологии**.

---

* Pie L, Verba S. (eds.). Political Culture and Political Development — Princeton 1965. P. 7.

** Pye L. Political Culture and National Character // Social Psychology and Political Behaviour. Columbus, Ohio, 1971. P. 86.

Другая сторона политической культуры касается не столько механизмов ее передачи, сколько собственно политического содержания ценностей и ориентации. Действительно, каждый народ вправе выдвигать свои идеалы политического устройства и считать их **для себя** наиболее приемлемыми. Наш недавний опыт, как и опыт ряда других стран, ищущих пути политической модернизации, показывает, что усвоение самых лучших мировых образцов не бывает эффективным, если оно не учитывает

национальных особенностей **своей** политической культуры. В таких случаях возникает отторжение заимствованных образцов, ведущее к дискредитации таких понятий, как демократия, прогресс и пр. Этот феномен зафиксирован опросами общественного мнения россиян в 1993 – 1994 гг.*

* Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. — М., ВЦИОМ, 1995. № 2. С. 26 — 29.

Таблица 8.1

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С ТЕМ, ЧТО ПРИНЦИПЫ ЗАПАДНОЙ ДЕМОКРАТИИ НЕСОВМЕСТИМЫ С РОССИЙСКИМИ ТРАДИЦИЯМИ?

(В % к числу опрошенных. Каждый раз опрашивалось по 1600 человек)

Варианты ответов	Июль 1993 г.	Октябрь 1994 г.
Вполне согласен	24	23
Скорее, согласен	21	25
Скорее, не согласен	18	19
Совершенно не согласен	11	8
Затрудняюсь ответить	26	25
«Удельный вес» (соотношение согласных и несогласных)	45:29	48:27

В 1995 г. по данным ВЦИОМ, соотношение тех, кто считает западную демократию единственно приемлемым для России путем составляло 27% против 37% тех, кто так не думает. Как видно из приведенных данных, соотношение согласных и несогласных с тем, что России не подходят принципы западной демократии, за полтора года российской истории, наполненных серьезными политическими сдвигами, изменилось не значительно. Как полагают авторы исследования, это не мимолетное настроение, а более глубокая установка, *традиционная* по своему происхождению. Правда, объяснение происхождения этой установки традиционным «советским» изоляционизмом и соответствующим комплексом неполноценности выглядит не слишком убедительным. Традиция эта насчитывает явно больше 70 лет и входит существенной своей частью в набор установок российской политической культуры, о которых мы поговорим подробнее чуть позже.

Другая опасность кроится в том, чтобы трактовать политическую культуру в оценочном ключе. Она возникает тогда, когда эти оценки относятся к уровню усвоения национальной культуры или ее частей отдельным индивидом. Еще в 70-е годы западные исследователи политической культуры и политической социализации дискутировали по вопросу о том, кого можно считать зрелым гражданином. Тогда господствовала точка зрения, что гражданином можно считать лишь того, кто усвоил доминирующие ценности **существующей** политической культуры. Следовательно, всех тех граждан, которые не согласны с официальными политическими целями или находятся в оппозиции, — следует отнести к маргиналам и они должны пройти дальнейшую социализацию.

Не вызывает сомнения, что любая политическая система заинтересована в трансляции своих базовых ценностей и идей от старших поколений к младшим. Вопрос лишь в том, кто имеет право судить о мере их усвоения и какими политическими последствиями обернется для «недосоциализированных» их политическая незрелость? Вопрос не только в формах реакции системы на этот дефект: будут ли это полицейские, разгоняющие движения протеста, психиатрические лечебницы и тюрьмы для «перевоспитания» инакомыслящих или «мягкие» формы — дискриминация при приеме на работу. Объективный исследователь политической культуры не вправе в принципе, выносить приговор тем, кто «вписался» и кто не «вписался» в доминирующую политическую культуру.

Для политолога в отличие от политика все разновидности политической культуры, равно как и индивиды, усвоившие или не впитавшие их, не могут быть объектом оценки, но лишь объектом изучения. На этом сегодня настаивает и устав Международной ассоциации политических наук. Международное сообщество политологов, столкнувшись со сложными этическими проблемами, выработал строгие принципы, среди которых важное место занимает отказ от оценочных суждений по изучаемым вопросам.

Подводя итог сказанному о политической культуре, отметим главное. Указанные различия точек зрения на политическую культуру касаются скорее тактики исследований, чем существа понимания самого феномена политической культуры как «субъективной стороны системы», ее «социально-психологического момента»*. В таком качестве она не является конечной, глубинной детерминантой

политического процесса. Однако, будучи вторичным образованием, политическая культура оказывает влияние на объективный ход событий в политике, становясь либо их катализатором, либо тормозом.

* Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Часть 2. — М: Ин-т молодежи, 1991. С. 110.

8.2. Функции политической культуры

Формирование и эволюция политической культуры

Представим себе на минуту политическую жизнь России времен Алексея Михайловича, Петра Великого или Николая II. При всех отличиях, исторических предшественников роднит с современными политиками одна странная особенность: необычайно длительные «сидения». Боярская Дума заседала так же невыносимо долго, как и нынешняя Государственная Дума РФ. Русские цари выстаивали богослужения по 6 часов и более. Казалось бы какое значение эти исторические детали имеют для понимания русского национального характера и политической культуры? На деле — самое прямое. Ритуалы политической жизни, будь то монархическое правление, правление КПСС или правление народных избранников в Государственной Думе РФ, — принимает форму, наиболее естественную для данного народа. Ритуалы — это лишь одна из частичек мозаики политической культуры.

Характер человека складывается в процессе его социализации, — так и национальная политическая культура складывается под влиянием **факторов**, в чем-то сходных с факторами социализации индивида. «Политическая физиономия» страны, народа или партии формируется прежде всего под влиянием *внешних* для них условий. Так, то, как воспринимают нацию ее соседи (близкие и далекие), формируют такие особенности ее политической культуры, как агрессивность или пацифизм. Например, тот факт, что за последние полтора-два века шведы не участвовали в войнах, сформировало довольно миролюбивую политическую культуру. И, наверное, не случайно в Швеции развиты многие пацифистские движения, движения за охрану окружающей среды.

Очевидно и то, что постоянные угрозы целостности России на протяжении всей ее истории выработали в нашей политической культуре определенную закрытость. Одной из фундаментальных характеристик «человека советского»* было его представление о собственной исключительности, отличия от других, сознание собственного превосходства. Чувство «особенности» возникло и из-за типично марксистской классовой обособленности (это проявляется и в том, что своеобразной точкой отсчета считался октябрь 1917 г.) и апелляции к традиционному русскому «особому пути». В результате этих влияний возникло достаточно устойчиво воспроизводимое в массовом сознании противопоставление «свой — чужой». В то же время у соседей, которые были объектом имперской политики России, опасения, связанные с намерениями в их адрес, существуют даже тогда, когда у российского правительства нет не только гегемонистских устремлений, но и экономических возможностей для экспансии.

* Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. — М., 1993 и Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989 — 1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Экономические и социальные проблемы. Мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ, 1995. № 1. С. 13-33.

Вторым важным фактором, влияющим на формирование политической культуры, является сама **внутриполитическая** жизнь страны, а точнее — определенные **события**, оставляющие след в национальной памяти, придающие смысл всему текущему процессу. Скажем убийство Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга стали событиями, отметившими не только политическое созревание целого поколения современников, они наложили отпечаток на политическую культуру США, в которой насильственные элементы приобрели новое звучание. Такие события отечественной истории, как Куликовская битва, война 1812 г., революция 1917 г., Великая Отечественная война и распад СССР — не просто исторические происшествия в ряду многих других. Это те зарубки, по которым можно реконструировать развитие национального политического самосознания. Можно найти и гораздо более мелкие по масштабу события, которые создают четкие ассоциации у населения между, скажем, правлением того или иного политического деятеля и тем или иным событием. Так, правление М. Горбачева в нашей стране запомнится тем, что в эти годы велась не очень умная борьба с пьянством и вырубка виноградников, а жителям Свердловска Б. Ельцин запомнился вовсе не демократическими реформами, а тем, что в его правление в свободной продаже появились куры.

Государство как институт многие исследователи считают одной из важных детерминант политической культуры. Будучи само результатом исторического развития нации, государство в свою очередь может затормозить или ускорить тенденции формирования политической культуры. Следует прежде всего выяснить, какое место занимает государство в культуре страны: оно довлеет или имеет периферийное значение. Скажем, российская политическая культура на протяжении всего существования страны была «государство-центрической».

Это означает, что, с одной стороны, именно государство сосредотачивает в своих руках все нити управления жизнью обществом, вплоть до мелочей. Например, в последние годы жизни А.С. Пушкин пытался добиться у царя разрешения на выезд за границу для поправки своих дел. Царь лично решал вопрос о выезде поэта и так и не выпустил его. Ничто не изменилось в этом отношении и в советской системе, когда вопрос о выезде диссидентствующих деятелей литературы и искусства решался на самом «верху». Англичанину, французу или голландцу трудно понять эту особенность нашей политической культуры: у граждан этих государств давно нет внутренних паспортов, и вопрос выезда за рубеж решает не президент или премьер, а местное отделение полиции.

С другой стороны, и граждане ожидают от государства, чтобы оно брало на себя всю ответственность за жизнь и благополучие своего народа. Так, например, по данным Фонда «Общественное мнение» в марте 1998 г. 75% респондентов считали, что им и их семьям нужна помощь со стороны государства (в обратном были уверены лишь 21%).

Один из государственных институтов имеет особое значение в формировании политической культуры, это — **армия**. В разных странах и на разных исторических ступенях становления нации, этот фактор играет важную роль в формировании политической культуры. Известно, что в периоды кризисов, политической неустойчивости и, конечно же, войн армия становится средоточием порядка и опорой режима. Но есть политические культуры, в которых армия берет на себя и более широкие полномочия в политической жизни. Скажем, в ряде стран Латинской Америки перевороты и установление новых режимов нередко **инициируются** военными. Между тем, как в таких разных политических культурах, как китайская, российская или французская, военные играют совершенно иную, намного более скромную роль в подобных событиях. Поэтому, когда накануне выборов 1995 г. военные решили выставить своих кандидатов на выборы в «организованном» порядке, то первый же их опыт в Волгограде оказался неудачным: население, сохранившее в целом доверие к армии (среди немногочисленных государственных институтов), не видит в ней политически активного субъекта, потому что это не соответствует традициям нашей политической культуры.

Среди других факторов, формирующих политическую культуру, разные авторы называют такие институты, как **церковь**, **деловые** (промышленные и финансовые) **круги**, **университеты**, **средства массовой информации**. В политической жизни таких стран, как Филиппины, Польша или Италия католическая церковь играет огромную роль, между тем как в католических странах Латинской Америки ее роль, хотя и очень велика, но сама церковь там занимает существенно иную политическую позицию (более радикальную).

Деловые круги в одних национальных культурах работают на интеграцию политической системы, в других — скорее создают условия для ее распада. Так, на Тайване политики жалуются, что эгоистические интересы бизнесменов привели к тому, что страна постепенно становится экономически зависимой от Китая, с которым выгодно сотрудничать деловым людям. Но стратегически в 1997 г. это не отвечало задаче сохранения национального суверенитета Тайвана.

Университетская среда в США или Франции играет роль, не сравнимую с Южной Кореей. В этой стране университетская профессура (особенно политологи) является также частью политической элиты. Сегодня — профессор, завтра — Президент страны, а послезавтра — снова профессор. В европейских политических культурах университеты готовят будущую политическую элиту, но стараются сохранить дистанцию от практической политики.

Вообще интеллектуалы, как их называют за рубежом, или интеллигенция (что значительно шире), как говорят в России, это тоже своеобразный фактор формирования политической культуры. В XX в. эта социальная группа была в большей своей части сориентирована на левые политические ценности. Именно интеллигенция поддержала революцию 1917 г., да и способствовала формированию того политического климата в России и Европе, где доминировали левые, социал-демократические идеи. Интеллигенция поддерживала борьбу против фашизма сначала в Испании 1936 г., а затем в мире в целом. Представители именно этого слоя помогали чилийским беженцам, спасавшимся от Пиночета по всему миру.

О роли интеллигенции в российской политической культуре следует говорить особо. В отличие от других политических слоев эта социальная страта играла в нашей стране несопоставимо большую роль по сравнению с факторами, перечисленными выше. «Поэт в России больше, чем поэт» — эта строка понятна любому из нас: ведь при неразвитой публичной политике — и в дореволюционной и в послереволюционной России — именно в области культуры происходило осознание национальных политических ценностей и приоритетов. Интеллигенция определяла моральные границы политики, даже если в политической форме они не были ясно выражены. При переходе к публичным формам политики писатели, музыканты и художники стали менее заметными. Сегодня их имена сохранились в виде декоративных элементов в списках той или иной партии, но уже лишь в своей публичной, а не собственно политической роли. Правда, это не мешает отдельным известным деятелям искусства попытаться играть политическую роль. Так, немало политологов всерьез обсуждали возможное участие Никиты Михалкова в президентской избирательной кампании, полагая, что если такая карьера удалась актеру Рейгану, то ничто не мешает режиссеру Михалкову «поставить» собственные выборы.

В современном мире одним из наиболее заметных факторов, воздействующих на политическую культуру являются средства массовой информации. Не случайно их называют «четвертой властью». Журналисты не просто транслируют государственные установки, но СМИ являются самостоятельным, нередко отличным от официального, каналом выражения определенных политических установок. Так, независимость и неподкупность «четвертой власти» поддерживает демократические политические культуры. Между тем без совершенно «ручной» прессы авторитарные режимы не могут сегодня рассчитывать на сохранение. Тот факт, что в нашей стране многие годы не было альтернативных официальным средств массовой информации привел к тому, что **читатели и зрители** научились читать «между строк». Это подточило прежний режим, доверие которому резко ослабло благодаря быстро радикализировавшимся средствам массовой информации в первые годы перестройки. В настоящее время возможности прессы как элемента политической культуры серьезно снижены в силу ее коммерциализации. Сегодня читатели уже не испытывают столь однозначного доверия к прессе, поскольку вынуждены производить в уме сложные подсчеты, выясняя, кто и сколько заплатил журналистам за ту или иную информацию.

Политическую культуру характеризуют как **постоянство**, так и **изменчивость**. Когда политическая культура сформировалась, она становится достаточно устойчивым образованием, своего рода ядром политической жизни страны. Ее важнейшей функцией, собственно, и является обеспечение преемственности политической жизни. Те ключевые ценности, которые становятся частью политического уклада народа, служат заслоном против разрушительных тенденций, возникающих при смене очередного кабинета министров, режима, а то и целой эпохи в политической истории. Такую же роль хранителя политической памяти нации играет политическая культура и при смене поколений.

Однако даже при наличии разрывов в политической истории — войн и гражданских войн, революций и иноземных захватов — распавшаяся «связь времен» не абсолютна. Конечно, есть целые цивилизации, опустившиеся в пучину времени без остатка, как Атлантида. Но в Новое время изменения в политических культурах различных народов не имели столь однозначного характера. Уходя, они все равно оставались. Как гласит итальянская поговорка: чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему.

Царская Россия исчезла навсегда в 1917г. Интересны свидетельства очевидцев и современников происходивших катаклизмов. Такие тонкие наблюдатели, как Зинаида Гиппиус, Питирим Сорокин, Алексей Толстой и многие другие мемуаристы были поражены тем, как резко революция изменила не только повседневный быт, но и казавшиеся незыблемыми понятия, в том числе и политические.

Последующий семидесятилетний период, казалось бы, перепахал политическую культуру «до основания». Но это и так, и не так. Россия сохранила определенные геополитические приоритеты. Многие глубинные тенденции политической культуры также остались прежними, хотя форма их идеологического выражения стала существенно иной. В частности, ориентации граждан новой России на единоначалие, вне зависимости от того, кто этот лидер — царь, Генеральный секретарь или Президент, — остались прежними.

Распад Советского Союза, казалось бы, также привел к глобальным, не только для одной нашей страны значимым переменам. Но исследования показали, что и объективные политические изменения (политической системы, режима, элит) и субъективное восприятие их гражданами, на деле вписываются в долгосрочные тенденции политической культуры России. Произошел возврат к ряду представлений, от которых, казалось, мы ушли навсегда еще в начале века.

В интересном исследовании социолога А.Г. Левинсона была поставлена задача выявить динамику изменения значимых исторических имен в массовом сознании за период 1989 — 1994 гг. За этот короткий отрезок нашей истории существенно изменилась картина мира. Имена выдающихся деятелей служат своего рода символами-метками, которые обозначают ключевые для личности ценности. Среди считавшихся выдающимися в 1989 г. В. Ленина назвали 75%, К. Маркса — 37%, Ф. Энгельса — 16%, а И. Сталина — 12%. В 1999 г. В. Ленина вспомнили 46%, то есть около половины, К. Маркса — 4%, Ф. Энгельса — 2%, а И. Сталина - 35%. Рост поклонников И. Сталина не покажется удивительным, несмотря на разоблачительный пафос перестроечной пропаганды, имевшей, как водится, «эффект бумеранга».

Исследователи выявили интересную тенденцию, характеризующую скорее живучесть более древних ее пластов. Так, оказалось, что первое место среди значимых людей держит царь Петр Великий. Его «рейтинг» практически не изменился с 1989 по 1999 гг. (41% и 46% соответственно), но ранг повысился — со второго места он переместился на первое среди значимых людей всех времен и народов. Возникает вопрос: почему именно Петр выдвинулся среди других значимых для российской культуры личностей? Обращает на себя внимание, что Петр становится первым российским императором, что знаменует замену патриархальных отношений отца-государя к своим детям-народу*, кроме того, в Петре окончательно проявила себя уверенность высшей российской власти в своем праве манипулирования всем тем, что традиционно считалось принадлежащим личности, природе или Богу. Таким образом в этом выдвижении Петра на особое место в массовом политическом сознании российских граждан конца XX — начала XXI века можно увидеть и запрос на реформаторство власти и указание на готовность принять ее деспотизм. За последние годы действительно произошло оживление имперских образов, которая, оттеснив коммунистические символы, стала все более явно присутствовать в нашей политической жизни**.

* Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия под ред. Доброхотова А.Л. — М.: МАКС Пресс, 2001. Комментарий. С. 547.

** Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ, 1995. № 1. С. 28.

Таблица 8.2

ИЗМЕНЕНИЕ ПОПУЛЯРНОСТИ «ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ» (в % к числу опрошенных)

1989 г.	%	1999 г.	%
Ленин	75	Петр I	46
Петр I	42	Ленин	42
Пушкин	27	Пушкин	42
Ломоносов	22	Сталин	35
Суворов	18	Суворов	26
Жуков	18	Наполеон	20
Толстой	15	Жуков	19
Менделеев	14	Сахаров	18
Циолковский	14	Ломоносов	18
Сталин	12	Кутузов	12

Связывая распавшиеся времена, политическая культура осуществляет различные функции. Она и утешает уязвленное самолюбие потерпевших поражение, и мобилизует новые политические группы на победу. Средством для этого нередко служат политические мифы, которые «на всякий случай» хранятся в бабушкиных сундуках. Многие из этих мифов, совершенно не отражая реальность, тем не менее, воздействуют на поведение нации, ее правительства и граждан. Так, уже давно потеряв свои колонии, Великобритания по-прежнему считает себя великой империей, диктующей другим странам правила международного поведения. Травма от столкновения с реальностью дала себя знать довольно остро при принятии решения о присоединении к единой Европе и стоила поста премьер-министра М. Тэтчер, которая до конца сопротивлялась этому присоединению.

В периоды кризисов, неполадок в системе политическая культура играет роль стабилизатора, не дающего утратить накопленный политический опыт многих поколений. Однако она не остается

полностью неизменной. Изменчивость — такое же свойство этого феномена, как и устойчивость. В первые годы перестройки многие политологи, как отечественные, так и зарубежные задавались вопросом: позволит ли российская политическая культура, в которой всегда были сильны патриархально-авторитарные элементы, развиться новым, демократическим тенденциям. Теоретически этот вопрос может быть сформулирован как вопрос о границах изменчивости политической культуры.

8.3. Основные элементы и типы политической культуры

При знакомстве с проблематикой политической культуры бросается в глаза одна ее особенность: ее необычайно трудно выделить среди других политико-психологических феноменов, трудно исследовать традиционными политологическими методами. Это связано с тем, что большая часть ее проявлений имеет не материальный характер. Правда, о существовании ценностей политической культуры свидетельствуют и некоторые приметы, закрепленные в **институциональной** форме.

Политическая культура отливается и в форме **правовых установлений**, которые существуют длительное время. Так важнейшие принципы римского права до сих пор считаются эталоном и включены в качестве существенных элементов в ряд политических культур. Другой институционализированной составляющей политической культуры является **форма государственного устройства**, передаваемая от поколения к поколению: будь то монархия или республика. Великобритания считается классическим примером подданнической культуры, центральным элементом которой является приверженность монархической форме правления. Королева пользуется любовью и доверием большинства населения страны, независимо от их политических пристрастий. Так же как английская культура нуждается в фигуре королевы, французская традиция последних полутора столетий продемонстрировала приверженность республиканской форме государственного устройства.

Здесь следует отметить, что даже когда меняется форма правления, как это произошло в России в 1917 г., то это не означает, что приверженность единоличной власти, просто уходит в песок. Она остается, но уже не форме самих институтов, а как предрасположенность к определенной традиции. Не случайно, все советские и постсоветские формы правления так или иначе воспроизводили единоначалие, несмотря на то, что официально монархия была предана анафеме.

Видимыми символами тех или иных форм власти служат государственные флаги и здания парламентов, президентские дворцы и царские палаты. Дальновидные политические деятели, обладающие государственным мышлением, стремятся воплотить идею государства в камне, будь это скульптура или архитектура. Сделанная на века, работа строителей и художников донесет до следующих поколений воплощение национального политического идеала и, заодно, имена благословивших строительство политиков. Не случайно, от египетских фараонов до Сталина, правители придавали такое значение материализации идеи государства, не считаясь с тем, сколько египетских рабов и советских заключенных погибло на строительстве пирамид или высотных зданий в Москве. Современные российские правители мало уделяют внимание этим видимым символам государственности. Одним из немногих политиков, который является исключением из этого правила, является московский градоначальник, уже запечатлевший свое правление в бронзе и камне. О нашем эклектичном политическом стиле потомки будут судить по восстановленному храму Христа Спасителя и лубочным фигуркам на Манежной площади, по странному Пушкину, появившемуся в дни празднования 200-летия поэта и многочисленным новым зданиям, увенчанным башнями и башенками. Одно из этих сочетаний довольно, чтобы понять, что 90-е годы XX в. российские правящие круги имели и грандиозные замыслы и, в то же время, отличались инфантилизмом их воплощения.

Однако в структуре политической культуры преобладают **нематериальные и неинституциональные** элементы. **Традиция** в политике имеет далеко не всегда вид писанных норм и тем более — законов. В ряде культур, скажем, в английской, именно традиция скрепляет ткань политической жизни, хотя ее прочности могут позавидовать и страны с красивыми конституциями. Известно, что в ряде стран, далеких от демократических идеалов, конституции представляют собой свод наиболее замечательных демократических норм. Но эти нормы служат не более чем декоративным элементом политической культуры, а политическая жизнь идет как бы параллельным курсом. Даже сталинская конституция 1936 г. для своего времени была более прогрессивной, чем конституции многих демократических стран. Это не помешало в 1937 г. провести массовые репрессии. Точно так же конституции ряда диктаторских режимов, например, диктаторские режимы в Латинской Америке, в Португалии до революции 1975 г. не мешают их лидерам в соответствии с неписаными правилами

своих политических культур скармливать политических оппонентов крокодилам. Поразительно, что, например, в ряде стран Латинской Америки, отличающихся политической неустойчивостью, существует неписаное правило, ограничивающее место проведения политической жизни определенным кварталом города, скажем, кварталом, прилегающим к президентскому дворцу. Этот квартал подвергается разграблению толпой, дворец сжигают, но дальше этого, как правило, мятежники не заходят. Участники их (с разных сторон) после окончания политических баталий возвращаются в свои дома, которые по традиции не принято крушить. К сожалению, российская традиция не такова. Принцип разрушения «до основания» оказался очень созвучен нашей традиции, согласно которой сооружаются и снимаются памятники, переписывается не только книжная, но и архитектурная история страны.

Традицией однако руководствуются не только те, кто правит. Она имеет огромное значение и для рядовых членов общества. Их ожидания, представления о должном в политике, формы политических выступлений (будь то протест или поддержка) регулируются во многом именно традициями. Так, традиционное уважение к властям в германской, американской или британской политической культуре трудно сравнить с низким уровнем легализма в российской политической культуре, где закон существует лишь для того, чтобы его обходить. Неуважение к власти, к закону — это неписаное правило, которое регулирует поведение пешехода, не ждущего зеленого света и бегущего через улицу тогда и на том месте, где ему вздумается. Но эта же особенность нашей политической культуры наглядно проявляется и в словах бывшего министра внутренних дел — О. Куликова, который может назвать суд «судилищем» и отказаться прийти на заседания суда, им же назначенного. Не должен вводить в заблуждение и тот факт, что 42% опрошенных полностью согласны с утверждением, что граждане должны уважать власть и еще 40,5% согласны с этим утверждением частично*. В своем реальном поведении они демонстрируют как раз неуважение власти и закона, хотя в этом, как правило, виновата сама власть.

---

* Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. ВЦИОМ. - М., 1998. № 4. С. 80.

Одним из нематериальных составляющих политической культуры является *харизма вождей*. Это понятие, введенное в политологию М. Вебером, особенно важно для определенных политических культур, где фигура вождя не просто символизирует национальное величие или иные политические ценности, но реально служит элементом, скрепляющим политическое единство системы. Скажем, фигура Фиделя Кастро, который уже более трех десятков лет правит Кубой, сохраняет свое харизматическое звучание и на самой Кубе и за ее пределами, и является, пожалуй, важнейшим фактором, позволяющим поддержать патриархальные элементы политической культуры этой страны (Фидель — отец нации). В российской политической культуре влияние харизматических лидеров также всегда было чрезвычайно велико, особенно в периоды нестабильности, войн, конфликтов и революций. Примечательно, что даже тогда, когда с этими вождями боролся режим Б. Ельцина (как, например, реформаторы 90-х боролись со Сталиным), образ вождя оставался тем не менее важнейшим системообразующим элементом политической культуры.

Многие исследователи политической культуры выделяют в ней такой компонент, как *способы разрешения конфликтов*, характерные именно для данного типа национальной культуры. Примерами могут служить внутри- и внешнеполитические конфликты. Скажем, когда американские граждане попадают в кризисную ситуацию за рубежом, правительство США не колеблясь посылает войска в эти «горячие» точки. Американских политиков, независимо от их убеждений, не смущает реакция международного общественного мнения, как это было с Кубинским кризисом, вводом войск на Гренаду, операцией освобождения заложников в Иране, применением бомбовых ударов в Боснии или в Афганистане после нападения террористов на Нью-Йорк и Вашингтон и др. В американской политической культуре и отношении к конфликтам сложилось на основе убеждения в их нормальности и приемлемости. В основе этого представления лежит тезис о естественности конкуренции и внутри страны, и в международных делах.

Для отечественных политиков характерно иное отношение к конфликтам и конкуренции, фундаментом которой является централистская тенденция. Любой лидер, руководитель организации или партии, получив доступ к рычагам власти, стремится первым делом подавить соперников и установить единоначалие, будь он коммунист или либерал. Эта особенность нашей политической культуры объясняет неспособность людей близких политических взглядов объединяться в блоки, находить общий язык между собой. Наши политики чрезвычайно тяжело психологически переносят

конфликты внутри организации. У нас, правда, появились первые навыки установления консенсуса в парламентской работе, но в целом нахождение общего языка между теми, кто мыслит по-разному, дается с большим трудом. Все стремятся установить единомыслие, либо подавить соперника. Плюрализм трудно приживается на почве российской политической культуры.

Для более детального анализа элементов политической культуры выделим важнейшие культурные тенденции и операционализируем их — это необходимо для эмпирического изучения различных образцов. Вслед за пионерами исследования политической культуры Алмондом и Вербой, политологи используют следующую схему элементов политической культуры:

субъект → установка → действие → объект

При этом под **субъектом** политической культуры может подразумеваться индивид, группа, партия, регион и население страны в целом и т. д. Среди **объектов**, на которые направлена **установка** субъектов принято выделять: политическую систему в целом, текущий политический процесс, режим, отдельные партии, политических лидеров, политические ценности, сам субъект (идентификация его с теми или иными политическими единицами). Следует отметить, что среди проявлений политической культуры есть и такие, которые относятся к сфере *политического сознания*, и такие, которые лежат в сфере *политического действия (поведения)*. В литературе дискутируется вопрос о том, следует ли последние (т.е. действия) включать в орбиту политической культуры*. Нам представляется, что оба типа явлений в равной мере входят в ее структуру.

---

* Об английской политической культуре см.: Шестопап. Е. Личность и политика. - М.: Мысль, 1988. С. 88 - 97.

Итак, среди феноменов, входящих в структуру *политического сознания*, нас будут интересовать, прежде всего, те, которые характеризуют систему устойчивых ориентации субъекта в отношении **политической системы**. Так, есть политические культуры с устойчиво позитивным отношением граждан к своей политической системе. Это выражается в наличии интереса к политике, информированности о ней, одобрении своей системы, режима, флага, гимна и т.п. Например, привычка американцев выражать свою лояльность в отношении национальной политической системы проявляется в поклонении флагу, который можно увидеть в самых разных учреждениях, причем не только в государственных. Американский патриотизм отличается от аналогичных чувств француза, шведа или русского. Дело не в отсутствии национальной гордости у указанных народов, а именно в ее подчеркнутом выражении в американской политической культуре.

В российской политической культуре отношение к системе со стороны рядовых граждан двояко: с одной стороны, наша национальная политическая культура замешена на особой роли государства. Оно находится в центре их жизни. От государства, которое ассоциируется с системой, властью, граждане ожидают заботы, интереса к их жизни, защиты и даже любви. Эти и другие проявления патерналистской психологии являются важной частью российской культуры.

С другой стороны, для российской политической культуры характерно дистанцирование от государства, отчуждение от него и рядовых граждан и представителей самой власти. Феномен отчуждения от власти у рядовых граждан, как, впрочем, и у тех законодателей, которые были нами опрошены, проявлялся и в том, что даже политики, говоря о власти, предъявляли к ней претензии, как сторонние наблюдатели («не соблюдаются законы», «власть действует непрофессионально», «власть непредсказуема, не соблюдаются правила игры» и так далее.) Различие между политиками и обычными гражданами, пожалуй, сказывается лишь в большей резкости оценок у рядовых людей.

Если установки в отношении политической системы как объекта отличаются изрядной отвлеченностью и одновременно устойчивостью, то другое измерение политической культуры, связанное с установками на режим, на правительство, на конкретные политические партии и лидеров, дело обстоит сложнее. Одномоментные замеры этих показателей и наблюдение в динамике дает достаточно изменчивый слой политического сознания. Между тем, как политическая культура состоит из наиболее устойчивых ориентации.

Проблема заключается, следовательно, в том, чтобы из установок на сегодняшние партии, лидеров и правящий кабинет, вычленил более устойчивые, характеризующие длительно существующие культурные модели. Приведем образцы некоторых установок российских граждан на правительство, политических лидеров и такие институты, как парламент и президентство*.

---

* См. Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ. - М., 1995. № 4. С. 55; Там

В КАКОЙ МЕРЕ ЗАСЛУЖИВАЮТ ДОВЕРИЯ ПРЕЗИДЕНТ, ПАРЛАМЕНТ, ПРАВИТЕЛЬСТВО

Оценки	Май 1994 г.	Май 2000 г.
Президент		
вполне заслуживает	3,9	47,9
не вполне заслуживает	22,5	28,5
совсем не заслуживает	28,3	8,7
затрудняюсь ответить	44,8	14,9
Федеральное собрание (парламент) России		
вполне заслуживает	3,9	13,1
не вполне заслуживает	22,5	41,9
совсем не заслуживает	28,3	17,6
затрудняюсь ответить	44,8	27,4
Правительство России		
вполне заслуживает	3,8	20,3
не вполне заслуживает	30,4	42,9
совсем не заслуживает	27,1	18,0
затрудняюсь ответить	38,5	18,9

Совершенно очевидно, что эти установки в отношении важнейших институтов политической системы характеризуют не глубинные пласты политической культуры, а лишь ее конкретные проявления. Но даже в этих «пробах» политической почвы обращают на себя внимание не абсолютные показатели, а их соотношение. Число опрошенных, имеющих позитивное отношение к правительству и президенту, превосходит число тех, кто положительно относится к парламентской форме власти. Это можно считать более глубокой тенденцией, характеризующей неразвитость парламентаризма и ориентацию граждан на центральные фигуры государства, как бы они не назывались: президент, правительство или ЦК КПСС.

И, наконец, нельзя не сказать об **установках человека на самого себя**, как на часть политической системы. В одних культурах человек может воспринимать себя как главную ценность. В других — наоборот, видеть себя винтиком, от которого — голосует он или нет — все равно ничего не зависит.

Помимо собственно **установок**, как элементов политического сознания, политическая культура содержит и характерные наборы *политических действий*. Мы уже говорили о различных национальных традициях разрешения политических конфликтов. Другой особенностью национальных политических культур является реакция населения в целом и отдельных политических сил на обострение кризиса. Так, наблюдатели отмечают, что в Аргентине хорошим барометром грядущей политической бури является привычка служащих накануне начала массовых действий выбрасывать из окон деловые бумаги и даже пишущие машинки. В прежние времена в российской политической жизни предвестником всякого рода политической нестабильности служило исчезновение из продажи спичек, соли и других предметов первой необходимости, которыми граждане запасались, наученные горьким опытом прошлого. В политической жизни России последний такой эпизод наблюдался в 1991—1992 гг., когда катастрофические ожидания заставляли людей скупать соль, сахар, консервы и печки-буржуйки.

8.4. Типы политических культур

На пересечении характеристик субъекта и объекта вырисовывается личный профиль политических ориентации опрашиваемого человека. Во всяком случае, такой методикой пользовались известные исследователи политической культуры Г. Алмонд и С. Верба. Массовое изучение таких психологических профилей должно, по их мнению, дать тип национальной политической культуры. Накануне президентских выборов 1995 г. во Франции политологи Французского национального фонда политических наук провели опрос более 4000 человек и сравнили эти данные с итогами аналогичного

исследования в 1996 г., накануне президентских выборов в США. Такие масштабные проекты позволяют наблюдать развитие глубинных тенденций, выявленных в исследованиях 60-х годов Г. Алмондом и С. Вербой.

Уже на основании первых исследований были высказаны гипотезы относительно важнейших типов политических культур. Предложенная американскими политологами классификация трех основных и нескольких смешанных типов политических культур сейчас признается классической. Первый основной тип — **патриархальный**. Система с таким типом культуры единовластно управляется вождями и характеризуется полным отсутствием у граждан какого-либо интереса к политической системе, поскольку она требует от них слепого подчинения. Этот тип культуры встречается у отсталых племен, но его проявления продолжают влиять и на вполне современные общества. Современная китайская политическая культура, например, содержит немало элементов патриархального типа.

Второй тип — **подданнический**. Он отличается сильной позитивной ориентацией граждан на политическую систему и слабой степенью личного участия. Он сформировался в условиях феодального общества с выраженной иерархичностью отношений между разными «этажами» политической системы. Нижестоящие подданные, согласно традиции, должны с почтением относиться к своему сеньору. «Почитательная» модель отношений и до сих пор ясно видна во многих политических культурах. Она проявляется в том, что лидеры ожидают от своих последователей не преданности делу, а личной лояльности лидеру, которая и становится главной добродетелью тех, кто стремится сделать карьеру в политике. Следует отметить, что в подданнической культуре почтение к лидеру может сочетаться и с высоким гражданским сознанием и личным политическим участием.

Третий чистый тип — **активистский**. Он отличается стремлением граждан играть существенную роль в политических делах и их компетентностью в делах государства, что предполагает и высокий интерес и собственно активность, позитивное отношение к политике.

В реальности в «чистом» виде типы не встречаются. Их различные сочетания дают смешанные типы: патриархально-подданнический, подданнически-активистский и т.д. Один из этих смешанных типов, получивший название «гражданской культуры» и представляющий смесь подданнических и активистских элементов, по мнению Алмонда и Вербы, характерен для английской и американской культур.

Для изучения типов политических культур важное значение имело выделение понятия **субкультуры**. Оказалось, что одни национальные культуры были внутренне монолитными, а другие, получившие название фрагментарных, состояли из весьма разнородных частей. Эти «вкрапления» и были названы субкультурами. В политологии принято, говоря о национальной политической культуре, понимать под этим термином не политическую культуру того или иного этноса, а государственное образование. В небольших и мононациональных странах, например, в Армении, эти понятия могут совпадать. В многонациональных же государствах (например, в Индии, США, России и других) каждая национальная культура имеет и ряд **этнических** субкультур. Так, в современной России политические субкультуры кавказских народов сильно отличаются от татарской, якутской или центрально-российской субкультур. Не всегда политики понимают, что их решения об экономической помощи разрушенным чеченской войной районам не могут перевесить антироссийские настроения, ожившие под влиянием традиций горских народов, сложившихся в ходе столетней войны с Россией.

Помимо этнических оснований для выделения субкультур, используют и **региональный** принцип. В современной политической жизни все большее значение приобретают региональные особенности, в том числе и культурные. В России 90-х гг. проявилось углубляющееся противоречие между политической культурой 1) мегаполисов, 2) средних и малых городов и 3) сельских районов. Эти три субкультуры отличаются не только по тому, как в них функционируют политические институты, но и по субъективным характеристикам политической культуры: по установкам граждан на власть, порядок, политические институты и лидеров. Если же учесть, какую роль в жизни россиян играет фактор «малой родины», то становится понятным и то, какую роль она играет в их региональной самоидентификации, в формировании «регионального самосознания» населения тех или иных субъектов Российской Федерации*.

---

* См. ст. Шатилова А. Политике - культурное измерение жизни российских регионов («провинция» и «мегаполисы»). В кн.: Гражданская культура в современной России. — М, 1999. С. 149 — 166.

Третий тип субкультур, на который обратили внимание исследователи, был назван субкультурами протеста или «враждебными» субкультурами (термин Д. Белла). Движения протеста, возникшие в 80-е

годы, обратили на себя внимание тем, что в них концентрировались новые политические ценности, не совпадавшие с официальными. Примером такого движения стало движение борцов за чистоту окружающей среды. Сторонники только одной организации Гринпис собирают миллионы людей в поддержку своих акций. Последние выступления против ядерных испытаний Франции вызвали небывалый взрыв массовой активности практически во всем мире. В США для многих оказался неожиданным «марш миллиона черных мужчин» в октябре 1995 г. Потенциал протеста, который внимательно изучают политологи, подчиняется не только ситуативным факторам, но и складывается в достаточно устойчивую среду, в которой вызревают новые политические культуры. Российские «враждебные» субкультуры 90-х пока слабо изучены. Среди них есть и радикальные левые и правые движения, и националистические, фашиствующие группировки, и экологические, правозащитные и другие политические организации, для которых характерны деструктивные формы протеста.

Четвертой субкультурой, на которую обратили внимание еще в 60-е годы, стала молодежная субкультура. Она не однородна ни по своей политической направленности, ни по ценностям иного порядка. Но объединяющим ее моментом является демографический фактор — возрастная группа, ставшая ее социальной базой — молодежь. Тот факт, что в России 90-х годов в отличие от других посткоммунистических стран не сложилось мощного молодежного движения как части реформируемой политической системы заслуживает специального исследования. Но это не означает, что не сложилась молодежная субкультура и даже ряд субкультур.

* * *

Традиция исследования политической культуры, существующая в политической науке, показывает, что эта категория становится особенно полезной в то время, когда политическая система переживает кризис и традиционные институты перестают быть надежным инструментом анализа и прогноза. Тогда субъективные компоненты системы, к числу которых относится и политическая культура, становятся более надежным источником для понимания происходящего. Российской политической науке предстоит еще использовать те возможности, которые дает учет собственных исторических традиций в становлении новой политической системы.

Вопросы для обсуждения

1. Чем «национальный характер» отличается от «политической культуры»?
2. Каковы особенности российской политической культуры?
3. Перечислите чистые и смешанные типы политических культур и субкультур.

Литература

1. Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII, часть 2.
2. Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия. М., 2000. Комментарий.
3. Гаждиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. 1991. № 6. С. 69—83.
4. Грунт З.А., Кертман Г.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления // Полис, 1996. № 4. С. 56—72.
5. Рукавишников В.О., Холмэн Н., Эстер П., Рукавишникова Т.П. Россия между прошлым и будущим. Сравнительные показатели политической культуры 22 стран Европы и Северной Америки // Социологические исследования, 1995. № 5.
6. Шатилов А. Политико-культурное измерение жизни российских регионов («провинция» и «мегаполисы»). В кн.: Гражданская культура в современной России. М., 1999. С. 149—166.
7. Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. — Princeton, 1963.

Глава 9. Психология власти

В современной политологической литературе понятие власти относится к числу основополагающих и одновременно «сущностно оспариваемых»*. Не ставя своей задачей специальный теоретический анализ категории власти, примем как аксиому, предваряющую наш анализ, два довольно распространенных положения. Первое было сформулировано Р. Далем и определяло сущность власти

как возможность одного человека заставить другого делать то, что тот по своей воле не сделал бы**. Другое акцентирует коммуникативный аспект властных отношений, определяя власть в терминах взаимодействия, предполагающего, что подчиняющийся власти признает приказ***.

---

* Gallie W.B. Essentially Contested Concept // Proceedings of the Aristotelian Society, 1956. № 56. P. 167 - 198.

** Dahl R. The Concept of Power// Behavioural Sciences, 1957. № 2. Pp. 201—215.

*** Simon H. Models of Man. 1957. P. 7.

Оба определения включают признание того, что **власть** вообще, а не только политическая, — это **разновидность психологического воздействия**, средства которого варьируются от мягкого увещевания до открытого насилия. Но помимо *воздействия* одного человека на другого между ними происходит и *взаимодействие*, обе стороны которого способны влиять на партнера, хотя и не соразмерно. Эти процессы возможны только при условии, что властвующие имеют с управляемыми **общий язык, на котором можно договариваться, приходиться к соглашениям***.

---

* Болл Т. Власть // Полис, 1993. № 5. С. 39.

В том же ключе трактует власть и **концепция политической поддержки**, согласно которой политическая система функционирует эффективно только тогда, когда граждане позитивно воспринимают власть и оказывают ей психологическое содействие, идентифицируют себя с этой властью*. Резервуар же положительных образов власть предержащих формируется в детстве под влиянием особенностей властных отношений, прежде всего, в семье. Политическая поддержка проявляется в том числе и в таких психологических показателях, как доверие, симпатия, готовность выступить в защиту того или иного лидера, института власти и т.д.

---

* Easton D., Dennis J. Children and Political System. - N.Y., 1969.

Последнее положение особенно важно в контексте политико-психологического анализа власти. Наличие общего языка у простых граждан и политических деятелей является если и не достаточным, то необходимым условием создания устойчивой, эффективной политической системы. Это положение получило эмпирическое подтверждение в самом функционировании стабильных режимов с развитыми традициями демократии.

В быстро изменяющейся российской политической жизни нет надежных свидетельств *психологической подоплеку* той поддержки, которую граждане до сих пор оказывали (с теми или иными оговорками) новой системе власти. Отсюда и разночтения в трактовке рейтингов отдельных политиков и партий как выражение поддержки или оппозиции власти. Думается, что для того, чтобы понять, как складываются отношения граждан с властью в условиях российской политики, следует, прежде всего, выяснить, что в этих отношениях уникально и сформировано контекстом нашей специфической политической культуры, а что подчиняется общим законам развития политической системы.

Опросы общественного мнения дают картину поверхностных настроений, фиксация которых слабо отражает глубинные причины отношений, складывающихся между властью и гражданами и, на первый взгляд, производящих впечатление хаоса и иррациональности. Может быть, прав был К. Аксаков, полагавший, что русский народ — в принципе народ неполитический. Он добровольно призывает внешнюю власть, и с властью в лице «царя он связан любовью и взаимной верностью», а не законом*? Полезно выяснить, чем сегодня связаны народ и власть, есть ли общий язык у российских граждан с политиками? Какими образами политики, демократии и власти руководствуются они в своих действиях? Как формируются эти образы и какими психологическими факторами определяются? Ответы на эти вопросы нам поможет найти знакомство с материалами исследования по восприятию образов власти, которое проводилось нами с 1993 по 2000 гг. В них содержится большой объем информации об отношении российских граждан к власти**.

---

* См. Белый царь. С. 553.

** Описание этого исследования дано в главе 12. Исследование имело преимущественно качественный характер, хотя нами были получены и интересные количественные результаты. Помимо анкеты, ставящей своей целью выяснить нынешние политические ценности, предпочтения и убеждения наших респондентов, с ними были проведены глубинные интервью и тестирование на уровень субъективного контроля (адаптированный тест Роттера).

В исследовании были поставлены две задачи. *Первая* — выявить образы власти как таковой, ее отдельных институтов и политических лидеров в сознании наших респондентов. Используемые методы психологического анализа позволили вычленивать как осознаваемые представления, так и

бессознательные образы, выраженные в вербальной форме. *Вторая* задача состояла в поиске факторов, повлиявших на становление этих образов. Главным направлением в нашей работе стало исследование связи между образами реальной и идеальной власти — с одной стороны и типом первичной политической социализации наших респондентов — с другой.

Наибольший интерес с нашей точки зрения представил анализ текстового материала, полученного с помощью открытых вопросов анкеты и глубинных интервью для выявления как осознаваемых, так и бессознательных представлений, из которых складываются образы власти у наших респондентов. Исследование текстов интервью предваряется результатами, полученными с помощью опроса. Для иллюстрации нашей теоретической модели мы отобрали два интервью, сопроводив их своими комментариями (см. последний подраздел данной главы).

9.1. Властвовать или подчиняться

Прежде всего мы попытались представить общую картину взглядов наших респондентов на сущность власти в России, на ее политических носителей. Нас интересовало, **в какой мере** наши граждане готовы *признать над собой власть*, а в какой — сами стремятся *властвовать* (табл. 9.1).

Таблица 9.1

ЧТО ВАМ БОЛЬШЕ НРАВИТСЯ: (%)

Варианты ответов	1996 г.	2000 г.
Подчиняться	11,0	4,7
Управлять	35,5	22,0
Ни то, ни другое	25,6	42,4
И то, и другое	21,5	30,9
Не ответили	6,4	—

Удивительно, что число желающих управлять намного превосходит число тех, кому больше нравится подчиняться. Здесь странно все: и то, что число готовых подчиняться за десятилетие демократических реформ столь значительно сократилось. Это, несомненно, ненормально и говорит о том, что во власти явно какой-то неурядок. Обращает на себя внимание и тот факт, что выросло и число тех граждан, кто вообще хочет держаться от власти подальше: им не нужно ни подчинение, ни доминирование. Нормально относятся к власти те, кто готов подчиняться и брать на себя ответственность: это всего лишь каждый третий. Конечно, говорить о норме и отклонении можно лишь условно, но все же...

Вместе с тем, когда мы спросили этих же людей, какого типа отношения они хотели бы иметь со своими детьми, то число тех, кто предпочел отношения типа «учитель - ученик» в 1996 г. составило лишь 18,2%, но 79,4% хотели иметь с детьми скорее отношения равных, партнеров. В 2000 г. это соотношение изменилось в сторону большей авторитарности, что возможно свидетельствует о нарастании авторитарных тенденций и усталости от слабой власти. Возможно, такое рассогласование между «демократически» и «патриархально» ориентированными ответами одних и тех же респондентов можно объяснить существующим в их сознании образом идеальной власти — идеальному родителю (властвующему) положено быть своему ребенку другом. Другая гипотеза: демократию наши респонденты распространяют на тех, кто им близок (свои дети), и на тех, кто ниже по социальному статусу (табл. 9.2).

Таблица 9.2

КАКИЕ ОТНОШЕНИЯ ХОТЕЛИ БЫ ВЫ ИМЕТЬ СО СВОИМИ ДЕТЬМИ, %

Варианты ответа	1996 г.	2000 г.
отношения партнеров, равных	79,4	67,8
отношения типа «учитель-ученик»	18,2	28,5

Однако при всех расхождениях в понимании власти у тех, кто готов иметь с ней дело, между ними есть нечто общее: власть является для них эмоционально значимой, независимо от знака их к ней отношения (те, кто желает подчиняться, управлять, и делать и то, и другое) вместе составляют более половины.

Как показывает анализ распределения ответов на вопросы анкеты, в зависимости от склонности респондента к доминированию или подчинению, образуется 5 групп респондентов:

- 1 — нравится подчиняться, и с детьми — партнерские отношения;
- 2 — нравится управлять, но с детьми — партнерские отношения;
- 3 — нравится работать самостоятельно, с детьми — партнерство;
- 4 — не нравится ни подчиняться, ни управлять, с детьми — партнерские отношения;
- 5 — нравится управлять, с детьми — назидательные отношения.

Довольно трудно из этих пяти групп выбрать ту, которая бы однозначно могла быть отнесена к сторонникам демократии. В первой группе собрались скорее пассивные демократы. Во второй — активные. Третья группа может быть названа демократической, но с изоляционистскими настроениями. В целом под определение сторонников демократии подходят первые три группы. По политической самоидентификации — либералов и анархистов больше всего во второй группе; анархистов — во второй группе; демократов больше всего — в четвертой группе; коммунисты распределились более менее равномерно; аполитичных больше всего во второй группе. Между тем, в соответствии с нашей схемой, достаточно явно выделяются авторитарные наборы установок в группе 5. Кстати, в отношении этой группы респондентов мы получили максимальное число значимых корреляций. Это говорит о том, что среди всех граждан именно авторитарный тип выявлен наиболее явно по всем вопросам, связанным с властью. Между тем «демократическая личность» проявляется более вяло и выглядит менее определенно.

Проанализируем данные 1996 г. В пятой группе наблюдалась самая высокая доля довольных властью — 26%, в остальных группах таких граждан значительно меньше — около 6%. Среди них также значимо большая часть по сравнению с другими доверяет Президенту: 40% против приблизительно 17% в остальных группах. Видимо, не случайно Президент Б. Ельцин так не любил парламент. Как показывают наши данные, именно среди авторитарных избирателей процент доверяющих законодательной власти немного выше — 27% против 17% в других группах.

В пятой группе значимо большее число респондентов готово участвовать в митингах — 27%, в остальных группах — только 17% и ниже. Больше всего респондентов, готовых участвовать в забастовках, также находится в этой группе — 27%. Правда, и в первой группе таких нашлось 25%. Тут — явная аномалия. Если мы определили тех, кто готов подчиняться, и хочет иметь с детьми партнерские отношения как демократов, то участие в забастовках — нормальная форма протеста. Но как быть с авторитарными респондентами, в принципе власть принимающими? Управлять они готовы. Но подчиняться — нет. Отсюда и их потенциал протеста. Сравним: в остальных группах — только около 5%.

Вопреки нашим гипотезам среди разных групп респондентов не было обнаружено значимых различий в ответах на вопрос, касающийся необходимости ужесточить законы относительно лиц других национальностей. Однако, наибольший процент респондентов все же именно среди авторитарного типа граждан в пятой группе — 67%; далее идут: в третьей группе — 62%, в четвертой — 58%, первой — 44% и второй — 36%.

В пятой группе значимо большое число респондентов положительно относятся к политике и интересуются ею — 40%; в третьей группе значимо большое число либо безразлично относятся к политике, либо вообще не ответили на этот вопрос. Так что получается, что если наша демократическая политическая система и может на кого опереться, так только на активных граждан, принадлежащих отнюдь не к демократическому типу. Они власть и любят, интересуются ею, и даже действовать готовы. А что же их антиподы: новые демократы?

В третьей и четвертой группах около 40% респондентов признают над собой все виды власти, кроме власти отдельных людей; в пятой группе — таких приблизительно 27%.

Во второй группе значимо большое число респондентов не доверяет силовым структурам — 84%

(1,7), одновременно значимое число респондентов в четвертой группе доверяют силовикам — 56%. Не удивительно, что среди демократов значимо большее число желающих быть кандидатами в депутаты — 25%. В остальных группах таких — 15% и ниже. Не удивительно и то, что значимо большой процент демократически ориентированных респондентов не считают нужным ужесточать меры по отношению к нарушителям закона — 23%. Правовое сознание всех наших граждан еще слабо сформировано, и «демократы» — не исключение. Но вот если речь заходит о следовании нормам нравственности, то здесь они ведут себя гораздо жестче. Наиболее строго судят нарушителей морали представители третьей и четвертой групп. 80% из них считают необходимым ввести против нарушителей более жесткие законы.

В самой «демократической», четвертой группе довольно большое число респондентов готово быть только избирателями -83,9%. При этом самое парадоксальное, что **представители именно третьей и четвертой групп меньше всех верят в демократию.**

Если уж все-таки опрошенным гражданам придется самим подчиниться власти, то они проявляют изрядную избирательность в определении того, кому они «подставят шею». Оказалось, что 86,7% опрошенных готовы признать над собой власть закона, 72,8% — власть государства. Показательно, что менее трети респондентов соглашается принять над собой власть отдельных людей, хотя вдвое больше согласятся на это, если этими людьми будут их конкретные начальники. Значит, правовое сознание в нашей стране имеет не столь плохие перспективы, как это принято думать. Власть в гораздо большей мере ассоциируется с законом, правилами политической игры, чем обычно думают. Это же указывает на развитие тенденции к индивидуализации самосознания, повышению статуса такой ценности, как свобода.

Таблица 9.3

ПРИЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ НАД СОБОЙ

	1996 г.	2000 г.
Власть государства?	72,8	77,8
Власть закона?	86,7	83,0
Власть начальства?	62,4	76,5
Власть отдельных лиц?	31,2	24,4

Итак, приведенные цифры показывают, что за последние годы государство все же укрепило свой авторитет, хотя при этом легализм сознания несколько снизился. Повседневная практика приучила граждан подчиняться своему начальству, отвергая при этом власть отдельных лиц, не имеющих на нее формального права. Наши данные в целом не подтверждают расхожее мнение о готовности россиян безропотно подчиняться властям, однако получило дополнительное подтверждение другое распространенное представление — о традиционном терпении российских граждан. Похоже, многие трудности наши сограждане стерпеть готовы, но при условии, что власть они считают справедливой. Что же наши респонденты вообще считают справедливым? Чуть больше пятой части опрошенных полагает справедливым, что богатством владеют немногие, а подавляющее большинство пребывает в бедности. Что же касается остальной части опрошенных, то они не считают справедливым столь резкое имущественное расслоение и стоят на позициях экономического эгалитаризма.

За пять последних лет изменения в этих представлениях оказались минимальными. Это говорит о том, что такие представления имеют не ситуативный, а сущностный характер и соответствуют базовым характеристикам национальной политической культуры. Наши респонденты были довольно единодушны и в осуждении закона, который не наказывает строго тех, кто угрожает нашей жизни. Очевидно, для респондентов важно, чтобы власть выполняла защитную функцию, как, впрочем, и чтобы она не бросала на произвол судьбы старых, малых и больных членов нашего общества. Это несомненное проявление широко распространенного патерналистского отношения к государству — оно воспринимается как отец-покровитель. В контексте формирования образа власти важна еще одна характеристика мировоззрения наших граждан: 65,9% из них не считают себя обиженными оттого, что большинством управляет меньшинство. Здесь налицо серьезный сдвиг уже в сторону новых, официально провозглашенных ценностей либерально-демократического свойства.

Мы выясняли также отношение опрошенных к конкретным носителям власти, которые вызывают у

респондентов доверие, симпатию, способны выиграть выборы, являются, ли они по их мнению, «демократами». Вопросы носили открытый характер, и названные имена не были нами подсказаны. Надо отметить, что и с доверием, и с симпатией к нашим политическим лидерам дела обстоят не блестяще. Так, например в исследовании 1995 г. респондентами было названо всего 52 политика, чьи имена вспомнили опрошенные при ответе на вопрос о том, к кому из политиков испытывают доверие, симпатию. В 2000 г. их осталось уже около 40, в 1996 г. 15,4% от общего числа опрошенных доверяли Б. Ельцину, 12,8% — Г. Явлинскому, 10,3% — Г. Зюганову. Все остальные политики получили менее 10% голосов своих потенциальных избирателей. Из политиков, заслуживших доверие более чем 5% респондентов, стоит упомянуть В. Жириновского (7,7%), С. Шахрая и А. Руцкого (по 5,1 %).

Прежде всего может показаться странным, что в середине 90-х годов среди вроде бы идейного многообразия российских политиков только 12 человек удостоились быть названными «демократами». Первым среди них оказался Е. Гайдар (29% опрошенных). Ельцин по числу признавших его демократом был наравне с Явлинским (12,7%), а Жириновский — с Зюгановым (7%). Остальные политики, набравшие мизерное число тех, кто уверен в их демократических взглядах, составляют странную компанию. По своей воле они сами вряд ли были бы рады оказаться рядом, так, в этом списке «демократов» Б. Федоров соседствует с С. Бабуриным, А. Лебедь с Б. Немцовым, И. Хакамада с А. Казанником и А. Чубайсом. При этом, как показал дальнейший анализ понятия «демократ», наши респонденты любых политических взглядов в начале и середине 90-х годов трактовали его исключительно позитивно. Если Бабурина или Лебеда, Зюганова или Чубайса их сторонники называют демократами, то только от хорошего к ним отношения.

Если попробовать обобщить отношение наших респондентов к власти на протяжении 90-х годов вплоть до прихода во власть В.В. Путина, то следует в первую очередь обратить внимание на два обстоятельства. **Во-первых**, подавляющее большинство респондентов (91,9%) были недовольны действиями властей в России. Частично это объясняется тем, по их мнению, что власть дает возможность удовлетворить эгоистические стремления: больше всего опрошенных уверены, что политики стремятся к власти для улучшения своего материального положения, почти половина — что политики намерены самоутвердиться, а более 40% думают, что власть им нужна для того, чтобы командовать другими. Меньше всего наши граждане верят, что политики хотят принести пользу обществу. (Ответы в сумме составляют более 100%.)

Как Вам кажется, почему люди стремятся к власти? (Может быть больше, чем один ответ).

	1996г.	2000г.
Улучшить свое материальное положение	65,9	76,6
Самоутвердиться	48,0	46,4
Командовать другими	43,9	41,8
Принести большую пользу обществу	24,9	14,2

Во-вторых, не может не удивлять оптимизм наших респондентов в отношении власти. Поразителен, например, такой феномен: наши респонденты в своих ответах эмоционально доказывали, что «так жить нельзя», и в то же время более половины (56,6%) удовлетворены своей жизнью! Чтобы разобраться с этими странностями любви/нелюви между властью и народом, попытаемся взглянуть в некоторые психологические нюансы этих отношений.

9.2. Психологический портрет российской власти середины 90-х годов*

* Данный портрет написан по материалам исследования 1996 г.

Если попытаться нарисовать психологический портрет власти, увиденный глазами наших респондентов, то можно поместить эту схему в поле действия двух психологических переменных: сила — слабость и симпатия - антипатия. Специально предпринятый нами семантический анализ показывает, что образ *реальной политической власти* всех уровней, ее институтов и персоналий очерчен определениями власти как по преимуществу слабой и не вызывающей симпатий у подавляющего большинства респондентов. Правда, на наш вопрос об *идеальной* власти один из респондентов резонно заметил, что идеальной власти представить себе не может, так как властью в России всегда недовольны.

Какие же все-таки претензии высказываются к власти нынешней? В первую очередь ее упрекают за

слабость или просто за отсутствие властных проявлений. Наши респонденты хотят ощущать присутствие сильной власти в повседневной жизни. Пока не будем касаться психологических причин этой потребности, — констатируем лишь феномен отчуждения от власти у рядовых граждан, равно, впрочем, и у тех законодателей, которые были нами опрошены. Наши респонденты-политики, говоря о власти, предъявляли к ней претензии как сторонние наблюдатели («не соблюдаются законы», «власть действует непрофессионально», «власть непредсказуема, не соблюдаются правила игры» и т.д.). Различие между политиками и обычными гражданами, пожалуй, сказывается лишь в большей резкости оценок у последних. Возможно, представители исполнительной или судебной структур несколько иначе воспринимают власть, однако у 15 опрошенных нами законодателей (кроме самого известного по производимому им шуму) власть вызывает те же негативные эмоции и воспринимается как слабая. В этом они абсолютно едины со своими избирателями.

Второй психологической характеристикой власти является ее *размытость*. Попросту говоря, наши граждане не чувствуют власть не только потому, что она слабая, нетвердая, но она — неопределенная. Они не знают, чего от нее ожидать. Многие респонденты указывают на ее непоследовательность, нерешительность, неустойчивость политической линии. Дискомфорт от отсутствия или непонимания правил, по которым взаимодействует с обществом власть, пожалуй, раздражает людей не меньше, чем то, что власть «самодурствует». Кстати, упрек в несоблюдении законов или в непоследовательности действий властей следует рассматривать не с точки зрения того, что наши граждане не жаждут сами эти законы выполнять. Но им психологически необходимо иметь некие рамочные соглашения с властью. В общем получается портрет этакой то истеричной, то вялой и довольно взбалмошной «особы». Она не может или не умеет работать, зато много болтает. Граждане не понимают, в чьих интересах она действует, высказывая подозрение, что национально-государственные интересы власть не слишком заботят; не принимает она в расчет и интересы граждан, кроме собственных интересов и прав.

Ожидания респондентов в отношении *реальной* власти распадаются на три категории: собственно политические, деловые и *морально-психологические*. Вопреки распространенным представлениям о политике как о «грязной» сфере, морально-психологические оценки власти со стороны наших респондентов стоят на первом месте как в отношении действующей власти (40,7%), так и в отношении «идеальной» власти (39,8%). Эти оценки чаще бывают отрицательными, чем положительными. Действующая власть представляется нашим гражданам несправедливой, лицемерной, лживой (нечестной), коррумпированной, безразличной к своему народу. Один респондент дал такую лаконичную моральную оценку власти: «Воруют. Не думают. Не соблюдают законы». Другой так высказался о носителях власти: «Эти люди обычно глупы, необразованны и не умеют себя достойно держать».

Между тем претензии к политике и деловым качествам действующей власти высказало примерно одинаковое число опрошенных (17,1% и 21,8% ответивших, каждый из которых давал более одного ответа). Среди *политических* ожиданий отчетливые формулировки встречаются редко, кроме указаний на демократию, патриотизм, диктатуру или коммунизм. Один респондент дал четкий диагноз власти: «Царизм плюс анархия в аппарате управления». Остальные говорили о желательности ускорения реформ, о том, что раньше уровень жизни был выше и т.п., но все — очень неопределенно.

Если рассмотреть конкретные *психологические* характеристики *реальной власти*, то мы прежде всего должны обратить внимание на то, что в глазах наших респондентов ее представители — эгоцентричны, «склочны», заботятся только о собственном благополучии. За этими оценками следует видеть одновременно и моральное осуждение недостойного поведения представителей власти, и стремление быть ближе к этой власти, быть ею замеченными, преодолеть отчуждение. Власть в этом случае напоминает непутевую мать, не заботящуюся о своих детях, которые не перестают мечтать о ее внимании и любви.

Психологический профиль *идеальной власти* выглядит как негатив снимка реальной власти и включает следующие черты. Власть хотят видеть твердой, сильной и даже жесткой. Она должна *быть дееспособной, безразличной к своим гражданам, независимой и сплоченной*. Несколько раз повторялось требование, чтобы власть была более молодой и обновленной, не замешанной в прежних политических «играх». Неоднократно описывая образ идеальной власти, респонденты высказывали пожелания видеть власть умной, компетентной, профессиональной, способной четко формулировать цели развития страны и обладающей стратегическим мышлением.

Приведенные данные указывают на весьма противоречивые требования к власти со стороны опрошенных. С одной стороны, они корят ее за рыхлость, неопределенность, непоследовательность и

ненадежность, корыстолюбие и эгоизм, с другой — неосознанно тянутся к этой слабой, неумной, лицемерной и продажной «особе». В ответах были замечательные догадки: один из опрошенных заподозрил, что на Руси к власти всегда так относились негативно, другой отметил, что заботливая и добрая власть невозможна «по определению». Но большинство продолжает упорно стоять на своем: власть должна заботиться о народе, должна быть более ответственной, зрелой, опытной, предсказуемой.

Какие же реальные психологические причины стоят за этими требованиями к власти? Рассмотрим прежде всего те *потребности*, которые стоят за приведенными оценками наших респондентов и определяют их недовольство нынешней властью. Воспользуемся здесь психологической классификацией потребностей известного американского ученого А. Маслоу*. Все потребности он предложил разделить на пять уровней, расположенных иерархически: материального существования, безопасности, любви, самореализации и на самой вершине — потребность в самоактуализации. Количественный анализ высказываний наших респондентов в открытых вопросах анкеты позволил выявить следующие соотношения.

* Маслоу А.Г. Мотивация и личность. — СПб.: Евразия, 1999.

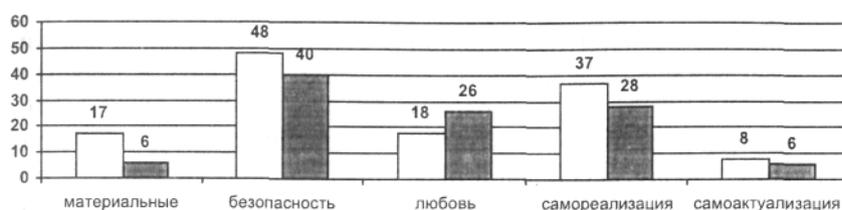

Рис. 9.1. Соотношение уровней потребностей

Каждая из пяти уровней потребностей по-своему воздействует на формирование того или иного совокупного образа власти (реального и идеального). В психологической литературе есть данные о том, что когда потребность не удовлетворена, она оказывает мотивирующее воздействие на поведение человека. Картина мира человека также формируется под влиянием неудовлетворенных потребностей. Относится это и к интересующим нас образам власти.

Материальные потребности занимают нижнюю ступень в иерархии Маслоу. Первое знакомство с текстами интервью и анкетой позволило сформулировать гипотезу о выраженности материальных потребностей в сознании наших респондентов. Однако дальнейший анализ не подтвердил полностью эту гипотезу. Хотя опрошенные и высказывали претензии к власти, так или иначе мотивированные неудовлетворенными материальными потребностями (резкое имущественное расслоение, высокая инфляция, несправедливая оплата труда, маленькая пенсия), эта потребность занимает лишь четвертое место по степени влияния на образы власти. При этом в ходе реформ острота этих проблем в сознании граждан, несмотря на реальное ухудшение экономического положения многих из них, снижалась.

Примечательно, что образ идеальной власти ассоциируется с представлениями о том, что политики не только должны быть не запачканы подозрением в коррупции, но и «не зависимы от своих окладов». Вообще вопросы, связанные с удовлетворением материальных потребностей, больше волнуют людей старшего возраста и меньше — граждан помоложе и самих политиков. Исключение — политик левых взглядов, который хотел бы видеть власть прежде всего «неалчной».

Второй в использованной нами схеме выступает потребность в *безопасности*. У наших респондентов эта потребность занимает ведущее место. У 48% неудовлетворенность своей безопасностью диктует восприятие реальной и у 40% — идеальной власти, создавая фон неопределенности, тревожности и страха, — чувства, которые в свою очередь окрашивают и их отношение к власти. Восприятие власти как неустойчивой, нерешительной, неподконтрольной народу, бессильной перед преступившими закон — все эти характеристики коренятся в ощущении нашими респондентами неспособности власти выполнить свою важнейшую функцию: защитить граждан с помощью закона, навести порядок. Больше всего их тревогу вызывают именно отсутствие правил игры, несоблюдение законов и вседозволенность.

Безопасность, которую призвана обеспечить власть, ассоциируется у опрошенных нами россиян с силой, дисциплинированностью и подконтрольностью власти закону. Указания на силу власти встречаются чаще всего в образе идеальной власти, между тем как существующая власть кажется людям «никакой». Наши сограждане скорее предпочтут власть «жесткую» и даже «диктатуру», чем будут наблюдать анархию и распад страны, которые они описывают, используя подчас ненормативную лексику. Хотя требования порядка и жесткого применения закона чаще звучат из уст людей старшего

поколения, однако и более молодые, демократически настроенные люди хотят видеть власть способной их защитить.

Потребность в *любви*, причем как со знаком плюс так и со знаком минус*, стоит на третьем месте у наших респондентов. Это одна из тех мощнейших психологических потребностей, которые образуют конфигурацию взаимоотношений власти и народа. Обращает на себя внимание разница между значениями этой потребности в образах реальной и идеальной власти: в идеальной власти она более выражена, чем в отношении власти реальной. Люди ожидают от тех, кто олицетворяет власть, подтверждение своей значимости, а не только удовлетворение их политических или материальных интересов. Власть должна служить народу, думать о народе, быть небезразличной к нему и заботиться о нем.

---

* Власть вызывает у наших респондентов как приязнь, так и противоположные чувства (например, недовольство тем, что она их не замечает), но при этом и позитивные, и негативные чувства имеют одну и ту же эмоциональную подоплеку — потребность в любви.

Потребность в *самореализации* описывается в психологии как стремление добиться более высокого социального статуса, признания в обществе. Очевидно, что эта потребность весьма значима для наших респондентов: около 37% опрошенных в оценках реальной и 28% — идеальной власти указывали на потребности данного уровня. При этом их восприятие реальной власти в большей степени зависело от этой потребности, чем представление об идеальной власти. С самореализацией связаны такие требования к власти, как дееспособность, последовательность, решительность, умение себя поставить, «умение себя держать». Один из респондентов сформулировал это так: «Делом надо заниматься! Делом!»

Высший уровень в иерархии потребностей по Маслоу занимает потребность в *самоактуализации*. Она проявляется в реализации высших духовных начал личности, ее свободы и творческого потенциала. Наше исследование показало, что в отношении власти, особенно идеальной, респонденты высказывают немало пожеланий, истоки которых лежат в неосуществленной потребности в самоактуализации. Они верят в то, что власть должна обеспечить свободу и права человека, заботиться о культуре, науке и образовании, следить за экологией, а не только способствовать решению материальных проблем.

9.3. Образ российской власти в России в начале XXI в.

Власть позавчера, вчера, сегодня

За десятилетие 1991 — 2001 гг. произошла смена эпох. И, похоже, что в 1999 г. в массовом сознании мы преодолели еще один серьезный рубеж, который если и не сопоставим с «извержением» 1991 г., то сильно изменил видение гражданами политики, лидеров, отношение к государству, законам и другим важнейшим политическим явлениям. Чтобы понять, хотя бы ближайшие перспективы, надо внимательно проанализировать то, что случилось с нами в последние годы. Попробуем провести такой анализ, сравнивая данные нашего исследования образов власти, полученные в 1996 и 2000 гг.

Первое исследование 1996 г. было проведено накануне президентских выборов и зафиксировало изменения в восприятии власти уже после завершения «шокового» периода. То, что Б. Грушин любит называть «социотрясением» уже случилось. Но наша психика приняла это не сразу и замеры массового сознания середины 90-х годов показывают очень слабую адаптацию к произошедшим переменам. По всем показателям политическое сознание российских граждан в середине 90-х годов отличала рассогласованность и растерянность.

Второе исследование было проведено в ноябре — декабре 2000 г. Похоже, массовое сознание к этому времени начало адаптироваться. Граждане приняли многие официальные политические ценности, хотя и не в той форме, как это предполагали политологи, писавшие о демократизации и трансформации социализма в либерализм. Прошла эйфория и у тех, кто питал надежды на быстрое преодоление кризиса.

Из многих данных, которые характеризуют изменившееся психологическое состояние общества, приведем лишь те, которые говорят об изменении отношения граждан к власти. Мы просили наших респондентов охарактеризовать власть в советское время, в годы правления Б. Ельцина и в настоящее время.

Считается, что собственное прошлое люди склонны приукрашивать. Однако только *чуть более трети опрошенных дали положительные оценки власти советского периода*. При этом образ

власти того времени видится нашим гражданам довольно расплывчатым: «хорошая», «сильная», «порядочная», «нормальная», «справедливая». В воспоминаниях осталось мало деталей. Исключения составляют такие высказывания о власти, как: «Хорошая (я всегда ела шоколадные конфеты)» или «Это было время коммунизма, жила — как в раю». В памяти большинства из нас, как тех, кто сейчас оценивает советскую власть как хорошую, так и тех, кто изменил к ней отношение за последние десять лет на отрицательное под влиянием официальной пропаганды, сам образ власти «размылся», стал тусклым и нежизненным. Это говорит о том, что насаждаемый нынешними коммунистами миф о золотом веке СССР не прижился в массовом сознании, несмотря на естественную ностальгию по временам ушедшей молодости. Можно сделать и такой вывод: насаждаемая постсоветской властью негативная картина советского прошлого была воспринята большинством населения.

Период правления Б. Ельцина, очевидно, можно занести в книгу рекордов Гиннеса по числу недовольных властью. Остается только удивляться, как мог десять лет продержаться режим, который практически никто не поддерживал. Сегодня для политической психологии особенно интересны именно те, кто был сторонником власти в тот период. Они описывают власть этого периода как «переходную», как «демократизацию, не понятую народом», отмечали «некоторые сдвиги к лучшему», как «начало демократии». Следует отметить, что среди опрошенных в 2000 *сторонников власти Ельцина оказалось чуть более 10%. В 1996 г. их было несколько менее.*

Те же, кто не жалеет черной краски для оценки этого периода, ставят власти в упрек слабость, воровство, расхлябанность, отсутствие порядка и наплевательское отношение к собственным гражданам. Формула отношения к власти 90-х годов звучит в устах граждан так: «беззаконие, беспредел, анархия». В лучшем случае граждане признают правоту В.С. Черномырдина в отношении намерений власти: «хотели как лучше, а вышло как всегда». Но в целом, власть в 90-е годы — по оценке наших респондентов - выглядит хуже, чем и в советское время, и при Путине.

Полученные нами на конец 2000 г. данные об отношении граждан к государству, власти, режиму свидетельствуют о том, что произошел *сдвиг в лучшую сторону. Такое ощущение испытывает около трети опрошенных.* Власть все еще скорее непонятна, как и символизирующий ее Президент. Но вновь появились надежды (возможно, и иллюзорные, так как никаких доказательств своим эмоциям респонденты, как правило, не приводят). Но новая власть кажется гражданам более сильной, способной навести порядок, стремящейся к стабильности и «собираанию земель».

Такое настроение пока не очень устойчиво. *Пятая часть опрошенных не видит никакого реального улучшения* по сравнению с тем, что было при Ельцине: тот же беспредел власти, воровство чиновников, «тайное правление», равнодушие к людям и бездарность правителей. Режим по мнению этой группы респондентов по сути остался прежним. Среди тех, кто так оценивает нынешнюю власть, есть и сторонники советской модели, и демократы первой волны, и просто люди, не почувствовавшие в своей жизни реального улучшения. Есть и такие граждане, которые отрицательно относятся к власти «по определению». Они негативно характеризуют власть и в советское время, и в период ельцинского правления, и при Путине.

Показательно, что, наряду с теми, кто не почувствовал пока существенных перемен в лучшую сторону, есть и группа людей (*их 23%*), которые оценивают новый режим как *ухудшение по сравнению с годами правления первого Президента России.* Это, как правило, — не жалующие советскую власть «правые», «либералы». Для этой группы характерен страх перед возвратом к авторитаризму. Их упреки в адрес нынешней власти имеют вполне конкретный, «идеологический» характер: «отсутствие твердых принципов и целей», «ленинградское землячество», «кэзбэшный разбой, кретинизм», «ужесточение в отношении прессы», «власть Администрации Президента», «власть стала военизированной».

И, наконец, *около 17% опрошенных не могут разобраться в том, что происходит —ухудшение или улучшение власти.* Их эмоции характеризуются такими высказываниями в адрес нынешней власти, как «неизвестность», «болото», «не понимаю».

Таким образом перед нами несколько типов отношения к власти и ее трансформации на протяжении десятилетия. Первый тип - условно назовем их **«правоверными коммунистами»**. Для них советская власть - «золотой век», который безвозвратно ушел, и ни ельцинский режим, ни команда В. Путина не могут его вернуть. «При советской власти было хорошо, при Б. Ельцине - ужас. Сейчас — продолжение этого ужаса». Надо сказать, что число представителей этого типа с 1996 г. значительно уменьшилось. Тех, кто прямо отождествляет себя с коммунистической идеологией среди опрошенных нами в 1996 г. было 14,5%; в 2000 г. их осталось 7,1%. Уменьшилось и число социалистов (с 9,3% до 8,4% — соответственно).

Наряду с «правоверными», можно выделить еще один тип, обозначим его как **«безыдейные коммунисты»**. Эта группа определяет свое отношение к власти так: «в советское время — верил», «при Ельцине — «ненавидел», «сейчас — «не понимаю». Для этих респондентов коммунистическая идея не была догмой. Да, они верили в нее, но до тех пор, пока с этой идеей была связана более или менее нормальная жизнь. Когда жизнь изменилась, их позитивный образ власти сменился негативным.

Представители этого типа готовы сейчас поддерживать преобразования В. Путина, надеясь, что он наведет порядок и вернет жизнь в нормальное русло. Для человека с подобной психологией у власти важны такие измерения, как сила и стабильность, поэтому они позитивно оценивали власть в советские годы. При Б. Ельцине власть воспринималась ими как «неуравновешенная», «шаткая», «сумбурная», «хаотичная». Нынешний режим для них хорош в той мере, в какой есть надежда на возвращение к «норме», которую они понимают, прежде всего, как «укрепление властной вертикали», хотя и видят, что пока она лишь делает «тяжкие попытки нормализации».

Особый психологический тип стоит на противоположных коммунистическим идейных позициях - это **«либералы» либо «анархисты»**. Для них советская власть — власть тоталитарная, душившая свободу, закрывшаяся от мира железным занавесом, геронтократическая; ее сменила подлинно демократическая реформа периода раннего Б. Ельцина (1991 - 1994 гг.). Нынешнее время они рассматривают как движение в сторону от демократии, возврат к угнетению государством личности. Для них — главный критерий удовлетворенности властью является ее отсутствие. В количественном отношении по сравнению с серединой 90-х годов число либералов в 2000 г. незначительно возросло (с 11% до 13,4%). Анархисты же, число которых в целом было невелико по сравнению с другими политическими ориентациями в середине 90-х годов, относительно выросло с 0,6% до 2,5%.

И, наконец, тип **«адаптированного оптимиста»**. Он и советское время не видит в черном свете, и нынешний режим оценивает оптимистично. Единственный промежуток — ельцинское правление — не вызывает у него теплых чувств, но он считает его «обычным переходным периодом», от которого этот тип успел оправиться.

Общий вывод относительно развития образов власти во времени, как он видится нашим респондентам, состоит в том, что число оптимистов на сегодняшний период превосходит число пессимистов, хотя удовлетворенность собственной жизнью за этот период несколько снизилась. При этом основные параметры образов власти можно расположить по трем осям. Первая ось — ее силовое измерение. И в советское время и при Б. Ельцине, и в настоящее время власть рассматривается с точки зрения того, насколько она сильная или слабая. Оценки идеальной власти, как и реальных правителей находятся именно в этом смысловом поле.

На второй оси расположены моральные характеристики (ответственность, справедливость, честность — либо, напротив, — лицемерие, безответственность, эгоизм и т.д.). Примечательно, что при оценках действующей власти в 2000 г. значимость этих параметров несколько отступила по сравнению с 1996 г. Нынешнюю власть чаще оценивают по иным критериям. Но как только мы спрашиваем, какой властью должна быть, незамедлительно возникают моральные требования: власть должна быть заботливой, близкой народу, ответственной, нежадной, строгой, и прочая и прочая. Такие характеристики говорят о том, что действующая власть пока далека от народной мечты. И разрыв между народом и властью сохраняется.

Третье измерение образов власти связано с восприятием ее стабильности. Десять лет жизни в беспокойной, непредсказуемой и ненадежной атмосфере психологически утомило граждан. Это не значит, что они хотят консервации власти со всеми ее пороками. Одновременно тот факт, что число тех, кто определил свои политические ориентации как «радикальные», уменьшилось с 1996 г. вдвое, в то время, как число «консерваторов» выросло, хотя и не столь значительно.

Кто есть власть в России?

Этот, казалось бы простой вопрос, вызывает у наших политологов и политических социологов немало разногласий, даже в отношении властных институтов, не говоря уже о персоналиях и их рейтингах.

Начнем с того, как изменилась расстановка сил за последние годы не столько в политике, а сколько в ее отражении в массовом сознании. Накануне второго срока президентства Б.Н. Ельцина только пятая часть опрошенных в нашем исследовании полагала, что у этого института есть реальная власть. Опрошенные полагали, что больше власти — у армии (табл. 9.4).

У КАКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ ЕСТЬ РЕАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ?

Институты	1996 г.	2000 г.
Президент	19,7	78,7
Администрация Президента	—	58,6
Представители Президента в округах	—	28,9
Государственная Дума	11,6	24,7
Совет Федерации	10,4	17,6
Госсовет	—	10,5
Правительство	12,1	38,9
Муниципальный уровень власти	—	25,5
Суд	8,7	20,1
Прокуратура	13,9	28,0
Армия	24,9	15,5
Политические партии	15,6	9,6
Что-то еще		

Примечательна динамика оценок как института президентства, так и обслуживающей его администрации. В середине 90-х годов влияние Администрации Президента отмечалось экспертами, но оставалось мало заметным для широкой публики. В 2000 г. это влияние отмечает более половины опрошенных. Но и это не все. Среди тех кто, по мнению наших респондентов, оказывает существенное влияние на политику в России, респонденты называют как Администрацию Президента в целом, так и лично А. Волошина, который занимал четвертое место среди тех, кого вспомнили респонденты.

Стоит отметить, что за прошедшие годы укрепилось влияние и правительства, и Думы, и Совета Федерации. Оптимистично выглядят цифры, свидетельствующие о росте влияния суда. Правда, говорить о развитии парламентаризма следует с осторожностью, если принять во внимание падение влияния политических партий. Очевидно, Кремль хорошо просчитал свою стратегию в отношении «Закона о партиях», так как общественное мнение не слишком озабочено их дальнейшим угасанием: партии явно не находятся в поле политических приоритетов рядовых граждан. Более того, число тех, кто полагает, что оппозиция играет в российской политике конструктивную роль за последние годы снизилось с 49,7% (в 1996 г.) до 36,3% (в 2000 г.). Особенно актуальным представляется рост влияния прокуратуры как института.

В нашем опросе содержалось предложение дополнить список институтов власти, имеющих влияние в России. Респонденты ввели еще три основные группы дополнений. По их мнению, это - во-первых, олигархи и финансовые группы, во-вторых, — различные мафиозно-криминальные группировки, и, в-третьих, — «силовики» (МВД, ФСБ и другие спецслужбы, среди которых армия не фигурирует).

Описанные выше тенденции представляются достаточно противоречивыми с точки зрения отношения граждан к власти в целом. Это и понятно, так как власть для нас традиционно персонифицирована. Поэтому есть смысл более пристально взглянуть в «лица власти», проанализировать, кого мы числим во власти, кто ей противостоит, кому из политиков доверяем, кому симпатизируем, кого считаем влиятельным.

Первое, что следует отметить, это удивительную «узость круга» названных опрошенными политиков. Из всей российской политической элиты набралось около 40 человек, к которым наши респонденты испытывают *доверие*. К ним можно еще добавить двух политиков из советских времен: Ю.В. Андропова и А. Громыко. Примечательно, что в этот список не вошли ни Президент СССР М. Горбачев, ни первый российский Президент Б. Ельцин. Вне конкуренции оказался В.В. Путин. Следом за ним с большим отрывом идут Е. Примаков и Г. Явлинский, которые набрали одинаковое число голосов, затем - Г. Зюганов и Ю. Лужков. Ничтожно мало число тех, у кого вызывают доверие премьер М. Касьянов. Фамилии остальных публичных политиков выстраиваются следующим образом: «спикеры» обеих палат парламента, лидеры фракций, руководители партий — появляются по одному-два раза. Более трети всех опрошенных не могут назвать ни одного представителя власти, которому они

могли бы оказать доверие.

Если сравнить ответы на вопрос о том, к кому мы испытываем доверие с именами тех, кто вызывает у нас симпатию, то окажется, что они не совпадут. Симпатию наши сограждане испытывают к чуть большему числу политиков, среди которых есть все те же В. Путин, Г. Явлинский, Ю. Лужков, Е. Примаков и Г. Зюганов, но только число симпатизирующих им — ниже числа доверяющих. Зато среди «симпатичных» можно встретить Б. Ельцина с М. Горбачевым, И. Хакамаду с В. Анпиловым, А. Карелина с двумя В. Рыжковыми, С. Кириенко, И. Иванова, А. Митрофанова, Е. Киселева, и даже В. Гусинского. Этот список богаче не только по числу имен. Но и по разнообразию политических ролей: среди эмоционально привлекательных политиков есть и депутаты, и губернаторы, и министры, и представители Президента в округах, и лидеры партий, и бывшие политики. При этом только 10% опрошенных ответили, что нет политиков, которые вызывают у них симпатии. Это говорит о том, что эмоциональный компонент в персонифицированном образе власти у наших граждан представлен достаточно ярко. Одновременно даже наиболее одобряемые политики, которым респонденты готовы довериться, не пользуются симпатией респондентов. Такая рассогласованность образов - плохой признак.

Наиболее примечательные ответы были получены на вопрос о том, кто из политиков оказывает существенное влияние на ситуацию в России. Почти половина опрошенных среди влиятельных людей страны назвала действующего Президента. Для открытого вопроса это необычайно много. Следом за В. Путиным идет Б. Березовский. С отрывом от него — А. Чубайс и А. Волошин, М. Касьянов и Р. Абрамович. Среди публичных политиков называют Ю. Лужкова, Г. Зюганова и Г. Явлинского. Зато в качестве отдельных групп влияния респонденты называют олигархов и Администрацию Президента, «семью», «окружение Президента». Если сравнить с ситуацией ельцинского правления (1996 г), то перемена весьма существенная. Публичные политики оказались отодвинутыми теми, кто «из тени в свет перелетает»: то есть властью экономической.

Неожиданным оказался состав действующей власти. В отличие от рейтингов политического влияния, составленного экспертами службы «Vox Populi», где респонденты выбирают фамилии, - наши респонденты не пользовались никакими «подсказками» и называли тех, кто приходил им на ум. Таких фамилий набралось не сотня, а всего 45 человек! Несмотря на «раскрутку», В. Гусинского называют в десять раз реже, чем Б. Березовского. Очевидно «Б.А.Б.» прочно занял место «теневого центра власти» в сознании граждан. В одном ряду с российскими политиками можно встретить Билла Клинтона. Среди держателей власти числятся нефтяные магнаты (Р. Вяхирев), владельцы заводов (Х. Бендукидзе), влиятельные СМИ и только один банкир — В. Геращенко. В целом картина, рисующая «расклад» власти в стране — не радует: сюда не вошли ни судебная, ни законодательная ветви. Эта картина не поддается сопоставлению с конституционно определенными процедурами: ведь решения принимаются «за кадром». Похоже, для народа олигархи и окружение Президента являются основными рычагами власти. Единственная фигура, как-то удерживающая эту непрочную и нелегитимную конструкцию, — легитимный Президент, с которым и связаны надежды на исправление несправедливостей и наведение порядка.

Не случайно граждане испытывают по отношению к власти не самые теплые чувства. Они подозревают, что те, кто стремится к власти, не столько хотят принести пользу обществу (14,2% в 2000 г. по сравнению с 24,9% в 1996 г.), сколько улучшить собственное материальное положение (65,9% и 76,6% соответственно). Наверное, поэтому они все меньше готовы признать над собой власть государства и начальства, хотя по прежнему готовы принять власть закона.

9.4. Власть в структуре личности

Если до сих пор мы пытались дать собирательный образ власти, то сейчас попытаемся представить ее личностный срез. Среди рядовых граждан мы выбрали двух респондентов, опрошенных нами в середине — конце 90-х годов. Выделим вначале их восприятие власти, а затем сопоставим его с их опытом первичной социализации.

Случай первый

Итак, знакомьтесь. Наш первый респондент — студент-компьютерщик, 20 лет. Приведем отрывки из его интервью, характеризующие образ власти.

«Сейчас меня это [власть] стало больше интересовать, так как стало больше затрагивать. Наша страна может выйти куда-то. Но этого здесь (в России) никогда не будет. Их слишком много, и все хотят. Мне не интересно, я боюсь.

Тому, что слышал, доверял до определенного времени. Потом понял, что не все, что написано в газете, например, может быть правдой.

Делают ли что-нибудь для улучшения положения люди вокруг?

Некоторые делают. Очень многие, как тупые бараны, идут за ними. Я, в частности, принадлежу к одному из стад таких баранов. Да, я ходил в октябре к Моссовету, но там тоже было большое стадо. Мне ужасно противно теперь, когда об этом говорят. Стыдно не за то, что я туда ходил, и не за то, что поддался общему порыву, — я как раз считаю, что правильно сделал, — но стыдно этим хвастаться.

Сейчас я живу параллельно политическим событиям. Я никого не трогаю. Хочу, чтобы мне дали доучиться нормально, а потом я уеду отсюда, и мне вообще не будет до этой страны никакого дела.

Я бы не взялся быть Президентом. Эта страна слишком большая и разнородная. Чтобы ею управлять, нужен человек либо слишком одаренный, либо просто человек, который сможет за всем этим уследить. Я не могу. А так, для начала я бы перестал поддаваться на все эти заявления о нарушении прав человека и всех этих коммунистов и жириновцев постарался бы не пускать на широкую публику. Для начала просто запретил бы то, что они пропагандируют. Возможно, даже репрессивными мерами. Выслать их в какую-нибудь область и пусть там создают свою Жириновскую республику и посмотрим, что у них получится.

Кардинально надо изменить сознание людей. Надо заставить их забыть о том Союзе, который здесь был, — это раз; во-вторых, надо заставить их забыть о том, что они могут получать все, жрать водку и жить в свое удовольствие, не работая; в-третьих, надо дать людям понять, что если захотят, они смогут пробиться, скажем, открыть свое дело, разбогатеть и т.д. Это — цель, но я не знаю, как ее достигнуть.

По-моему, порядка можно достигнуть, если... (первая реакция. — Е.Ш.) поставит на улице больше милиции.

Я понимаю, что сейчас люди озлоблены, сейчас люди боятся за свою жизнь, сейчас люди жалеют о том, что им раньше жилось тихо, спокойно и, вроде бы, в достатке. Я понимаю, что в нынешней ситуации политики имеют только одну цель: удержаться, не дать себя спихнуть другим политикам. Они не особенно заботятся о том, чтобы государство вылезло из того мусоропровода, в который само себя запихнуло».

Этот отрывок из интервью дает довольно богатый материал для интерпретации. Прежде всего, бросается в глаза резкое несоответствие между двумя уровнями политического сознания респондента. На рациональном уровне он идентифицирует себя с демократами и демократической системой ценностей. Он говорит о том, что наилучшим для страны было бы демократическое правление, а демократию отождествляет с ее либеральным вариантом, где одна из главных ценностей — свобода личности. В октябре 1993 г. он ходил к Моссовету, поддерживал администрацию Б. Ельцина. Но когда он высказывается относительно политической оппозиции, поведения народа в целом, то перед нами личность с типично авторитарным мышлением. Он считает возможным репрессировать, оппозицию. О народе говорит, как о стаде тупых баранов (правда, и для себя не делает исключения). Предложенные им методы политического воздействия — явно принудительные и сводятся к тому, что людей надо «заставить забыть о бывшем Союзе, заставить забыть о том, что они могут получать все, жрать водку и жить в свое удовольствие», а для достижения порядка «надо поставить на улицах больше милиции». Для человека настоящих либеральных взглядов эти высказывания звучат несколько странно. Но наш респондент этого противоречия не ощущает.

Его образ власти складывается из нескольких составляющих. Во-первых, — представление о природе власти. Власть для него сводится, прежде всего, к функциональным проявлениям принуждения — подавлению инакомыслия и наведению «порядка» любыми средствами, вплоть до насильственных. Главной же задачей власти является установление общественного «равновесия». Вместе с тем, идеалом государственного устройства для него является свобода индивида. Ради нее он может и бунтовать: «Бунтарь, — говорит наш респондент, — это не так плохо». Себя он хотел бы видеть не «в стаде», однако на роль лидера (президента), по собственной оценке, — не «тянет». Отсюда — внутренний конфликт, вызывающий повышенное эмоциональное раздражение, и разрешение его наш герой находит в выходе из игры: раз «в этой стране» ничего ни меняется (даже если «их», т.е. правителей, заставить), то лучше из нее просто уехать.

Во-вторых, власть представляется ему в образах политиков. Если в детстве они казались нашему

респонденту скучными, то сейчас они для него, скорее, неприятны, так как «у них — одна цель: удержаться, не дать себя спихнуть другим политикам», «их слишком много и все хотят» во власть. Но и власть, и политиков он рисует довольно бледно: нет личностных характеристик политических деятелей — государство «само себя запихнуло в мусоропровод». Ни других, ни самого себя этот молодой человек не видит в качестве действующих субъектов, акторов.

Как выяснилось из глубинного интервью, личностные особенности респондента, определяющие его видение власти, сформировались под воздействием весьма своеобразного опыта первичной социализации. Тип семейной власти был не просто жестким — он был авторитарным. Мальчика воспитывал не отец, а отчим, которого тот «всегда побаивался», так как тот был человеком крутым и вспыльчивым. И дело не в том, что в детстве его наказывали. Отношение к себе отчима он считал несправедливым, необъективным; отчима он ревновал к младшему брату. Другим важным фактором в отношениях с отчимом была некая таинственность, связанная с его работой в МВД. И хотя на самом деле отчим занимался там починкой техники, мальчику казалось, что тот был допущен к неким государственным тайнам, о которых иногда «проговаривался» дома, чем производил на пасынка глубокое впечатление.

Интервью с этим человеком дает достаточно веские основания для вывода: его восприятие государственной власти несет на себе определенные следы неблагоприятного знакомства с проявлениями семейной власти в ходе первичной социализации. Это проявляется и в стремлении завоевать признание, быть свободным (опыт хождения к Моссовету), и в бунте против давления обстоятельств, и в агрессивности по отношению к тем, чьи политические взгляды не соответствуют его собственным.

Случай второй*

* Этот случай описан в диссертационном исследовании аспирантки кафедры политической психологии философского факультета МГУ Пресняковой Л. «Влияние авторитарного синдрома на восприятие политической власти в России (1990-е). - М.: МГУ, 2001.

Сергей, 42 года, высшее образование. Женат, имеет дочь. «Левые» политические предпочтения. Высокие значения по шкале авторитарности.

Характер социализации этого респондента можно определить как «авторитарный».

Семья респондента до 6 лет состояла из отца и матери, затем родители развелись, и Сергея мать воспитывала со вторым мужем. Мать респондента была человеком авторитарным, даже жестоким и довольно жестоко наказывала мальчика: *«это всегда было очень **изоциренно**, мне всегда очень **трудно** было это **перенести**, потому что, если она **била**, — то била только по голове*». Мать респондента была очень злопамятной: *«я абсолютно точно всегда знал, что любую, даже самую **невинную шалость** мне обязательно **припомнят**, причем это могло быть далее через несколько лет*».

Образ матери у респондента очень негативный, ничего хорошего о матери Сергей сказать не может. Отец респондента был выдающимся конструктором, однако в детстве он практически не участвовал в воспитании сына. Респондент *«не знал, какой он был человек»*, отец стал оказывать на него влияние позднее, когда он *«встал на ноги как инженер»*.

Также на респондента, по его словам, оказывала влияние бабушка, к которой его обычно отправляли на лето. Бабушка была очень религиозным человеком, но одновременно жестким: *«если нужно было быть **жесткой**, она могла быть жесткой*». Бабушка также наказывала внука за всякие мелкие шалости *«хватал не то, что надо»*, причем наказания не отличались гуманностью: *«пару раз она меня шлепала», «в угол ставила», «она меня **иголкой колола**, могла без сладкого оставить*». Отчим также повлиял на респондента, однако период этого влияния был не долгим — до рождения брата. Отчим помогал пасынку делать уроки, *«заставлял делать уроки «от и до», «помогал, объяснял, конечно», «это была какая-то взаимная работа»*.

Тем не менее, респондент говорит, что в детстве у него была свобода, он мог позволить себе *«все, что угодно»*, это либо *«не доходило»* до родителей, либо *«если это было плохо, то <оцени-валось> отрицательно, если хорошо — то положительно»*.

В целом, у респондента была крайне авторитарная, даже жестокая социализация, в результате такого травмирующего опыта он сформировался как авторитарный человек.

Так, респондент проявляет *авторитарную агрессию*, он в целом весьма нетерпимый человек. Респондент до такой степени ненавидит свою мать, что говорит: *«честно говоря, когда она померла, я*

даже обрадовался». Так, рассуждая о людях, которые, по словам респондента, «разворовали и развалили страну», респондент предлагает наказывать *«очень мучительно. Таких людей не вешали на сучьях, а разрывали березами»*.

Об агрессивности говорят и результаты теста «несуществующее животное» — респондент нарисовал сфинкса, который *«питается людьми»*.

Авторитарное подчинение у респондента проявляется весьма своеобразно. С одной стороны, у него есть авторитеты (отец, друзья); по его словам, в некоторых вопросах над ним *«довлели великие»*, а с другой — авторитарное подчинение проявляется в инверсированном виде — «бунта» против авторитетов. Так, отец респондента во многих вопросах *«был непререкаемым авторитетом»*. Респондент спорил с ним: *«всегда пытался возражать, оппонировать. И, может быть, не потому, что я был убежден, а потому, что хотел хоть в чем-то ему возразить»*. Сергей также старался спорить с учителями в школе (которые, по его словам, были «диктаторского» типа), в институте — с преподавателями; так, один из курсов респондент, по его словам, сдавал 39 раз. Респондент, вероятно, соответствует выделенному Т. Адорно подтипу «авторитарной личности» — типу «бунтовщика-психопата». Этот тип возникает в случае, когда вместо идентификации с родительским авторитетом проявляется бунт, что приводит к иррациональной и слепой ненависти к любому авторитету, сопровождающейся тайной готовностью «сдаться» и протянуть руку «ненавистной силе».*

* Адорно Т. Типы и синдромы // Социс, 1993. № 3.

Что касается **конвенционализма**, то его проявлений в интервью респондента не наблюдается. Более того, респондент иногда склонен вести себя нестандартно — так, в 38 лет начал играть в шахматы. **Когнитивный стиль** респондента, очевидно, отличается интегративной сложностью — в ходе интервью респондент использует метафоры, образные выражения.

Политическая социализация респондента проходила в условиях конца правления Н.С. Хрущева — начала правления Л.И. Брежнева. Респондент доверял всему, что слышал в средствах массовой информации об СССР, верил, что наша страна — «великая держава» и *«мы живем в самой большой, самой сильной стране в мире»*. Респондент был пионером, комсомольцем, причем в комсомол вступил на два года позже, потому что считал, что *«недостойн»*, а в партию так и не вступил по той же причине. Однако, такой атмосферы страха, и такой степени подчинения вождям, как это мы наблюдали выше, в случае с предыдущим респондентом, в процессе социализации этого респондента не было. Более того, отец респондента *«сильно возмутился этой кукурузой, тем, что он порезал авиацию, военно-морской флот»*, друзья отца *«на чем свет костерили Хрущева»*, а респондент воспринимал это *«как данность»*. Поэтому Н.С. Хрущев производил на респондента *«жалкое впечатление»*. Однако восприятие Л.И. Брежнева у нашего респондента двоякое: с одной стороны — чисто мальчишеская реакция — *«довольно немощный человек, всегда читающий по бумажке»*, а с другой: *«а потом я понял — может быть, человек правильно делает, потому что высокий уровень, высокая ответственность за каждое слово»*. Более того, сейчас респондент считает Брежнева достойным лидером страны, отмечает в нем *«необычайную интуицию»*, *«колоссальнейшую выдержку, потому что руководить страной в такое время, и вот так вот годы прошли спокойно, без всего — просто фантастика»*.

Таким образом, политическая социализация респондента проходила в условиях хрущевской «оттепели», когда критика власти, не официальная, а «на кухне», была вполне допустимым явлением, в отличие от сталинской эпохи, когда критика власти не допускалась даже в мыслях. Тем не менее, политическая социализация этого респондента происходила в условиях авторитарной политической системы, и, несмотря на меньшую жесткость, по сравнению с тоталитарной, он довольно прочно усвоил ретранслируемую властью авторитарную систему ценностей. Более того, он разделяет ее до сих пор, считает себя коммунистом (при том, что адаптировался к капиталистической системе, говорит, что занимался бизнесом и не безуспешно). Вероятно, политическая социализация этого респондента, несмотря на ее большую «толерантность» по сравнению с предыдущим случаем в ключевом вопросе — вопросе отношения к верховной власти в стране, усилила авторитарные тенденции, заложенные в респондента в ходе первичной социализации.

Образы власти

В восприятии власти этим респондентом (Сергеем) прослеживаются несколько тенденций. В-первых, преклонение перед силой, «сильным лидером». Так, респондент считает, что политический

лидер обязательно должен быть сильным. Респондент относится к И. Сталину с «*большим уважением*», а главный упрек этому политику - «*это был в сущности слабый человек*», «*когда немцы напали на нас, он кинулся в панику*». При этом он дает весьма своеобразную оценку репрессий: «*Простите, какие репрессии? Репрессиям в основном подвергались бывшие партийные советские работники, которые по тем или иным причинам не хотели, не желали, не умели работать. Перед И. Сталиным стояла действительно очень сложная задача. Ведь на пене революции выплыло на руководящие посты очень много людей, не способных руководить. И их надо было заменить*».

Во-вторых, другая характерная особенность восприятия власти у этого респондента — амбивалентность — как на рациональном, так и на бессознательном уровне. Так, к Л. Брежневу, Ю. Андропову, и И. Сталину у респондента «сложное», «двойственное» отношение. В. Ленин, по его мнению, был «*очень жестким и очень мягким*».

В третьих, бросается в глаза крайняя нетерпимость в отношении политиков, которые не нравятся респонденту. Так, постсоветская и нынешняя власть воспринимается респондентом крайне негативно. О М. Горбачеве и Б. Ельцине он не говорит иначе, как «*подонки*», а Г. Явлинского, по его мнению, вообще «*уже давно надо поставить к стенке*».

К Г. Зюганову респондент относится негативно, не доверяет ему, однако голосовал за него «*надо голосовать за кого-то, определяться*». Единственное достоинство этого политика — «*блестящий мастер компромисса*». Главный недостаток Зюганова — полное отсутствие «*лидерских качеств*». Не нравится респонденту и морально-этические характеристики этого политика — «*заботится о собственном кармане*». Бессознательное восприятие соответствует рациональному образу — Г. Зюганов воспринимается как *червяк* («*животные — они как-то все мудрее и чище*»), *бледно-розового цвета*, пахнущий *мертвечиной*, — образ крайне негативный, подчеркивает слабость политика, а также тревожность восприятия.

Г. Явлинского респондент воспринимает крайне негативно, не доверяет ему. Он не назвал у него ни одного позитивного качества. Ему не нравится «*всё*»: психологические качества — «*интеллектуальная ограниченность*», морально-этические качества — «*апломб*», идеологические — «*ратует за анархию*». Власть нужна ему в качестве «*кормушки*», «*это товар, который он выгодно продает*». На бессознательном уровне Г. Явлинский ассоциируется с «*гниенной*», *серым* цветом, запахом «*дерьма*», что подтверждает негативное и тревожное восприятие политика, политик вызывает агрессию.

К Путину отношение также негативное, респондент не доверяет ему, не голосует за него. По его мнению главный недостаток Путина — «*трусость*», «*он не способен на поступок*». Также респонденту не нравятся морально-этические качества этого политика — «*продажность*», «*нет жизненных ценностей*». Власть ему не нужна, но он вынужден быть у власти, поскольку на него «*компромат имеется*», т.е. опять-таки — из-за трусости. На бессознательном уровне политик ассоциируется с «*хамелеоном*», «*желтым цветом*», запахом «*дерьма*», что подтверждает восприятие этого политика как слабого и незначительного, — образ негативный, однако позитивная ассоциация с желтым цветом несколько противоречит этому образу, поскольку желтый цвет связан в восприятии будущего, ассоциируется с надеждой.

Таким образом, авторитарный паттерн первичной социализации респондента, опыт подчинения авторитарной и жестокой матери, жесткой бабушке, жестокие наказания, очевидно, стали источниками авторитарного синдрома в структуре личности данного респондента и существенно повлияли на его восприятие политической власти. В качестве авторитетов респондент теперь принимает только сильных и жестких лидеров, реальная или приписываемая политику слабость становится причиной негативного отношения к нему. Отношение к нынешней власти, которая в сознании респондента явно не соответствует требуемому идеалу силы, крайне негативно.

Агрессивность, первоначально направленная против жестокой матери, теперь проецируется на политическую сферу и выражается в резко нетерпимом отношении к тем политикам, которые не нравятся респонденту. Результатом психодинамических процессов вытеснения страха и агрессии, формирующих авторитарный характер у данного респондента, становятся противоречия в восприятии.

«Хрущевская оттепель», допуская критику власти, в условиях которой проходила политическая социализация респондента, не оказала существенного влияния на восприятие власти. Очевидно, авторитарный характер первичной социализации респондента оказался здесь более существенным фактором влияния.

При знакомстве с полученным эмпирическим материалом, касающимся рядовых граждан, напрашивается вывод: на интуитивном уровне они прекрасно чувствуют характер тех, кто ими правит. Этот глубинный срез политических установок наших респондентов (во многом, вероятно, основанных и на интуиции, и на знании властных традиций нашей страны) заслуживает подчас большего доверия, чем их рационализованные мнения, изменчивость которых они продемонстрировали даже на протяжении одного года. Зато идеальный профиль власти обладает гораздо большей устойчивостью; именно его основными параметрами они, возможно, и будут в первую очередь руководствоваться на следующих выборах, когда в очередной раз перед ними замаячат новые образы власти и политиков, стоящих у власти.

Вопросы для обсуждения

1. Под влиянием каких факторов формируются установки граждан на власть в ходе политической социализации?
2. Какие отношения сложились между властью и населением в современной России?
3. Каким образом политические психологи выявляют образы власти в сознании граждан?
4. Попробуйте нарисовать в виде картинки и проинтерпретировать собственные представления о власти.

Литература

1. Авторханов А. Технология власти. — М., 1992.
2. Гозман Л.Я., Эткин А.М. От культа власти к власти людей // Нева, 1989. № 7.
3. Демидов А.И. Ценностные измерения власти // Полис, 1996. № 3. С. 121 — 128.
4. Драгунский Д.В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Политические исследования, 1992. № 1 — 2. С. 17 — 22.
5. Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов И. Восприятие власти. Поиск явных образов // Власть, 1994. № 1.
6. Захаров А.В. Народные образы власти // Полис, 1998. № 1. С. 23 — 35.
7. Малькова И.О. Власть в зеркале мнений электората // Социс, 1998. № 3.
8. Римский В.Л. Российская власть в представлениях граждан // Российский монитор, 1995. № 6.

ЧАСТЬ III. ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ

Глава 10. Личностный аспект политики

Проблема личности в политике относится к числу «вечных». Она вызывает неизменный интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов. В политической науке, между тем, эта проблема относится к числу наименее исследованных. В профессиональных политологических изданиях число публикаций на эту тему минимальное*. Это связано с претензиями многих политологов на создание «объективной» науки, где действие субъективного фактора сведено к минимуму. Личность они выносят «за скобки» либо потому, что считают ее влияние на политические события незначительным, либо потому, что не владеют качественными методами исследования, позволяющими учитывать уникальные, неповторимые свойства тех, кто делает политику.

---

* Greenstein F. Personality and Politics. — Princeton: Princeton University Press, 1985. P. 4.

В современной политической науке ситуация медленно, но изменяется. Большинство политологов сейчас признают необходимость исследования личностного фактора в ходе политического процесса. Одной из причин поворота политологов к изучению этого феномена стала неспособность институционального политического подхода предсказать те кардинальные перемены, которые произошли в мире после начала перестройки в СССР. Многие тогда задавались вопросом: как развивалась бы политика в мире, если бы генеральным секретарем КПСС был избран не М. Горбачев, а А. Громыко или В. Гришин. «Вес» личностных качеств М. Горбачева в происшедших переменах был столь значителен, что во многом заставило пересмотреть традиционные подходы к изучению политики.

Для большинства непрофессионалов в области политической науки, основной интерес к политике сосредоточен именно вокруг личностей тех, кто делает политику. Читающая публика хочет знать

биографии тех, кто изменил лицо эпохи. Ее интересуют их стиль и вкусы, семейное окружение и спортивные увлечения. Нам не случайно кажется: пойдем политика как человека — и перед нами откроются скрытые пружины его политического поведения.

Чтобы понять, кто прав — профессионалы или любители, попробуем прежде всего проанализировать, что дает нам понимание личности для проникновения в политические механизмы власти.

10.1. Роль личностного фактора в политике

В трактовке проблемы личности в политической мысли сложились две традиции. Первая придает личности решающее значение в определении направления политического процесса. Зачастую сторонники такой позиции просто сводят политику к личности лидера, вождя. Еще Б. Паскаль выразил эту позицию, сказав как-то, что если бы нос Клеопатры был чуточку короче или чуточку длиннее, то история человечества выглядела бы совершенно иначе. В русле этой традиции велись дискуссии конца XIX — начала XX века о роли личности в истории, которые хорошо известны благодаря идеям Л. Толстого, Карлейля, Джеймса, В. Плеханова и Л. Троцкого. Пожалуй, наиболее известная книга о роли личности — работа Сиднея Хука «Герой в истории»*. Роль личности в истории — вообще — и в политике — в особенности — обосновывается сторонникам данного подхода личными достоинствами вождей: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, авторитетом. Как видим, речь идет о том, что личностным качествам придается большее значение, чем собственно политическим позициям того или иного персонажа. В этом же ключе работают и те политические психологи, которые рассматривают не столько достоинства политиков, сколько, напротив, их комплексы в качестве мотива политического участия. Так, американский исследователь Дж. Барбер, следуя за Альфредом Адлером, предлагает **компенсаторную теорию власти**. Он полагает, что именно комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, пережитыми политиком на ранних стадиях становления его личности, мобилизует его на достижения, не сравнимые с достижениями его более удачливых сверстников.

---

* Hook S. The Hero in History. - N.Y.: John Day, 1943.

Второй подход, напротив, скорее **принижает роль личности** в политике. Среди сторонников этой точки зрения есть различия. Так политологи позитивистского толка, особенно бихевиористских направлений, не возражая против исследования отдельных компонентов личности в политике, не видят смысла в анализе целостной личности как фактора, влияющего на процесс и систему. Так, А. Инкелес, выражая точку зрения многих политических социологов, считает, что индивидуальные особенности «гасят» друг друга в масштабных политических процессах. Есть смысл, поэтому, изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например, распределение политических ролей. Личностью же политолог может пренебречь*.

---

* Inkeles A. Sociology and Psychology. In: Sigmund Koch ed. Psychology: A Study of a Science. - N.Y.: McGraw-Hill, 1963. P. 354.

Иную по замыслу, но сходную по сути позицию занимают политологи, которые считают **личностный фактор в принципе не значимым** по сравнению с факторами социального воздействия на политику. Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют экономические факторы, детерминирующие политику. Политологи, стоящие на позициях функционализма, фокусируют исследование на системообразующих составляющих политических партий, организаций, движений. Общее между ними состоит в том, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем политологам, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант политики. Они полагают, что если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то зрелая демократическая система должна быть безличным механизмом, который обеспечивал бы человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер сегодня во главе государства. Крайним выражением этой позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и необходимость вообще любой организованной политической деятельности, сводя, тем самым, на нет значение разумной личности в политике. На место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс,

приходят массовые инстинкты.

Однако, линия водораздела между приведенными выше точками зрения в прошлом проходила по вопросу о личности рядовой. Основные дискуссии велись вокруг роли политического лидера. Личность рядового гражданина обозначалась, так сказать, во множественном числе, как часть массы. И хотя и сейчас, литература по проблеме личности в политике содержит по-прежнему большое число работ о личностях политиков, их во многом вытесняет проблематика, связанная с обычными гражданами. Вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставила перед политической психологией и политологией в целом, вопрос о том, как личностные особенности влияют на участие в политике.

Помимо выявления «веса» категории личности в анализе политического процесса в политической психологии ставится и другая важная задача: понять, каково содержание взаимодействия личности и политики, какие тенденции прослеживаются в разных типах политических систем. В истории политической мысли сложились довольно устойчивые системы представлений, получившие классическое отражение в трудах Т. Гоббса, Г. Спенсера, А. де Токвилля, Ж.-Ж. Руссо и других. Одна из моделей взаимоотношения между личностью и политикой описывается в терминах **«подчинения»** личности государству, мотивируется необходимостью такого подчинения природой личности: неразумной, эгоистической и потому нуждающейся в контроле. Эта точка зрения идет от Т. Гоббса. Современные политологи вводят новые мотивы, объясняющие необходимость подчиненного положения личности, мотивируя его управленческими задачами (Д. Белл, С. Липсет, У. Мур), обеспечением устойчивости демократии (Р. Даль, У. Корнхаузер), достижения большего равенства (Дж. Роулз, Г. Гэнс). Однако общим для всех приверженцев данной модели является представление о политическом регулировании как **подчинении личности государству**, организации, элите, ограничивающих участие рядового гражданина и его роль в политике. При этом сама личность выступает в роли пассивного **объекта** управления, нуждающегося в надличностных механизмах, способных обуздать ее несовершенную природу.

Иным представляется характер взаимодействия личности с системой тем политическим психологам, которые следуют за А. Смитом, Г. Спенсером, У. Годвиным и видят в личном интересе механизм, который приводит в движение и самое политику. Модель **«интереса»** предполагает, что и социальный и политический порядок возникает как естественный результат сочетания интересов разных людей, поэтому обществу нужна не сила подавления, а рациональное осознание индивидом своих выгод от общих усилий. Важнейшим постулатом в этой традиции является рассмотрение личности как **субъекта** политической деятельности. Современные либеральные и неоконсервативные теоретики, использующие эту модель, резко негативно относятся к любым формам коллективности, централизации власти и подчинения ей индивида. Проблемы политического строя, власти и свободы они рассматривают в индивидуалистической перспективе.

«Поведенческая революция» привела к выделению проблемы личности в политике в специальную область в рамках политической психологии. Есть несколько типов исследований, представляющих эту область. Во-первых, это так называемые **кейс-стадиз** (case studies), или качественные исследования конкретных случаев, в фокусе которых находятся неповторимые индивидуальности, будь то политик или простой гражданин. Хотя методы, используемые для создания индивидуальных политических портретов, нацелены на раскрытие их уникальных личностных качеств, они вполне отвечают научным критериям. Для этого используются стандартизированные процедуры обработки материалов.

Многие работы этого направления представляют собой **психобиографии** политических деятелей. Среди работ психобиографического направления выделяются труды Э. Эриксона о Лютере, А. Гитлере и Элеоноре Рузвельт, А. Джорджа об американском президенте Вудро Вильсоне, Е. Вольфенштейна о И. Ганди, В. Ленине и Л. Троцком. Создана галерея портретов, среди которых можно найти практически всех известных мировых политиков: вплоть до Б. Ельцина, Саддама Хусейна и Б. Клинтона. Основная задача кейс-стадиз — дать представление о личности политика, исходя из опыта его первичной социализации и выводя из этого опытовнутренние мотивы политических поступков. Описывая жизненный опыт политика, кейс-стадиз, как правило, отвлекаются от общей политической ситуации.

Другое направление изучения личности в политике — **агрегативное**, напротив, встраивает факты личной биографии политика в исторический контекст самого политического процесса. Такие авторы, как Дж. Кокс, С. Хьюз, М. Блох, Б. Броди, А.Я. Гуревич и другие историки и политологи видят свою задачу не в редукции политических событий к действиям отдельных личностей, но в привнесении личностного компонента как фактора в объяснение исторических событий в политике. Это направление

исследует влияние личностных факторов на такие процессы как войны, революции, национальный характер, политическая культура.

Третье крупное направление представлено *типологическими* исследованиями. В них предпринимаются попытки «классифицировать политических деятелей в психологических терминах от самых примитивных до сложнейших»*. Основаниями для классификации служат отдельные психологические особенности политиков, свойства их поведения, мышления, стиля межличностных отношений, принятия решения и т.д. Одной из наиболее известных классификаций является схема Т. Адорно, основанная на понятии авторитарности**. М. Рокич предложил в качестве основания для типологии политиков такое качество, как догматизм. Д. Рисман избрал две базовые личностные ориентации: на традицию и на внутренние цели. Г. Лассвелл и Дж. Барбер выделяют политические роли; так, Г. Лассвелл предлагает типологию, включающую роли «агитатора», «администратора» и «теоретика», а Дж. Барбер — роли «зрителя», «рекламирующего», «сопротивляющегося» и «законодателя».

---

* Greenstein F. Op.cit. P. 120

** Адорно Т. Исследование авторитарной личности. — М.: Академия исследований культуры, 2001.

Обобщая развитие проблематики личности в политике, американский политический психолог Фред Гринстайн предложил концепцию, определяющую значение личностного фактора в политическом процессе. Его роль становится особенно важной, во-первых, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом. Во-вторых, — в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей. В-третьих, — в ситуации, когда есть выбор между различными силами, предлагающими разные политические решения. По мнению Ф. Гринстайна, роль личности в политическом процессе тем больше, чем более восприимчива среда к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе и чем больше сила Эго того или иного политика.

Заметим, что сегодня уже не дискутируется вопрос о том, нужны или не нужны исследования личности в политике. Вульгарный психологический редукционизм ранних работ уступил место сбалансированному учету как личностных, так и ситуационных переменных, представленных в мультивариативном подходе.

10.2. Структура личности и политика

Политическое сознание личности складывается в ходе интериоризации внешних для нее целей и ценностей политической системы, семьи, ближайшего окружения. Но определять поведение эти идеи, цели и убеждения могут только став ее собственными составляющими. Чтобы выработать у личности глубокие убеждения, которые «как закон» определяли бы ее поведение в политике, необходимо включить все «этажи» личности, все уровни ее сознания и деятельности. В современной психологической литературе выделяются три ведущих уровня структуры личности: биологический, психологический и социальный. Начиная с биологических элементов, мы поднимаемся к психологическим, а затем к социальным, имея в виду, что высший уровень личности интегрирует свойства низших, управляет их функционированием. Свойства человека как индивида входят в структуру личности, подвергаясь при этом социализации.

Биологический уровень личности

Вопрос о том, влияет ли на политическое поведение личности ее биология, занимает ученых давно. В современной политологии существует специальная субдисциплина — **биополитика**. В ней исследуются проявления альтруизма, насилия, агрессии, защитных реакций, доминирования и других фундаментальных свойств природы *Homo sapiens* в политике*. В не меньшей степени важно понимать, какое место в политике могут занимать такие биологические компоненты личности, как наследственность, темперамент, пол, возраст, состояние здоровья и телесная конституция. Понятно, что нас здесь они интересуют не сами по себе, а как детерминанты политического поведения. Не будучи самостоятельными, они определяют те аспекты политического поведения, в которых личность имеет существенное значение. Прежде всего, по этим факторам идет отбор тех, кто займет в политике активную, ведущую роль.

Так, например, **возраст** политического деятеля имеет существенное значение для его выдвижения. Известно, что в переломные эпохи, в периоды кризисов на руководящие посты нередко выдвигаются более молодые, а иногда и совсем юные лидеры. Это связано с необходимостью полной или значительной смены всей прежней политической элиты и выдвижения того поколения, которое не было связано с прежним правящим слоем в силу своего возраста. Вспомним хотя бы 16-летних командиров времен гражданской войны, юных никарагуанских командантос. Сегодня в России уже никого не удивляет возраст А. Немцова, ставшего губернатором в 32 года, или Кирсана Илюмжинова, ставшего президентом Калмыкии в 33 года. В российском правительстве есть немало министров в возрасте до 40 лет, они служат ярким контрастом вождям брежневской эпохи, которых под руки выводили на трибуну, и они могли подряд прочесть три экземпляра своего выступления.

Одновременно следует иметь в виду, что в периоды стабильного развития политического процесса на верхние этажи политической системы выходят политики, которые занимают свои позиции длительный срок, порой достаточный, чтобы состариться. Почтенный возраст играет особую роль в традиционных политических культурах, где он символизирует житейскую мудрость. Примером может служить иранский религиозный лидер Хомейни, престарелые лидеры Китая Мао Цзедун и Дэн Сяо Пин, корейский вождь Ким Ир Сэн и другие. В то же время в Российской политике возраст и связанная с этим болезненность была важным фактором, влияющим на негативное восприятие президента Б. Ельцина в последние годы его пребывания на посту, как, впрочем, до него это было и с Л. Брежневым. Избрание В. Путина определялось во многом именно его молодостью и здоровьем на фоне его предшественника.

Возраст — характеристика биологическая, не имеющая абсолютного политического значения. Но возрастные данные приобретают тот или иной политический смысл под влиянием традиций, общественных потребностей и складывающейся в данный момент ситуации. Биологические характеристики играют роль «ограничителя» в процессе отбора и продвижения на ту или иную политическую роль. Однако возраст имеет и собственно психологические следствия, такие, как ригидность мышления, приверженность привычкам и стереотипам и пр.

Пол также играет немаловажную роль в исполнении политических функций. Женщины всегда имели в политике определенное значение, но чаще не на официальных постах (особенно на высших постах в государстве), а «за кулисами». Такое ограничение, нередко выливавшееся в прямую или скрытую дискриминацию, вызвало волну феминистского движения. Радикальные феминистки утверждают, произошла смена основного движущего противоречия политического процесса: на место борьбы классов или борьбы наций пришла, по их мнению, борьба полов.

Если вынести за скобки радикальные пережесты, следует признать, что феминистское движение сумело добиться немалых завоеваний в сфере выравнивания (социальных / политических) возможностей мужчин и женщин. Завоевания отечественного женского движения Советского периода послужили стимулом для многих стран. Хотя следует отметить неравномерность этого процесса. Так, формальное представительство женщин в наших органах власти Советского периода сменилось их почти полным отсутствием сегодня. В Думе — только 7% женщин от общего числа депутатов. В Совете Федерации до 2001 г. была представлена только одна женщина, что явно говорит не в пользу демократической тенденции нынешнего политического развития.

Более того, чтобы добиться признания, женщине-политику, как правило, необходимо обладать отнюдь не женскими качествами характера. Политологи отмечали, что для того, чтобы получить свой пост, английский премьер-министр Маргарет Тэтчер продемонстрировала жесткость, резкость и бескомпромиссность. О ней говорили, что у нее мужской характер и манеры уличной торговки. У российских женщин-политиков также на первый план выходят бойцовские качества, что проявляется в том, что даже в стенах парламента они могут оказаться участниками драки.

Темперамент, свойства нервной системы придают индивидуальное своеобразие политическому поведению не только отдельной личности, но и масс. Бурный темперамент южан определяет стиль выступлений лидеров и накал политических выступлений рядовых граждан. У политических деятелей темперамент придает форму их поступкам и позволяет им зажигать своих последователей эмоциональными переживаниями политических событий, передавать им свое видение последних.

Темперамент — составная часть личного стиля исполнения политической роли. Так, бурный

темперамент может стать причиной несдержанности, ведущей к просчетам в политике. В историю вошел малоприятный эпизод в ООН, где Никита Хрущев стучал по трибуне ботинком, требуя внимания от аудитории. Вялость темперамента также может сослужить плохую службу политику, которого сторонники упрекают в безынициативности и медленной реакции на ситуацию. Так, спикеру Российской Думы Г. Селезневу долго припоминали отсутствие реакции на драку в зале, которую он «не заметил». Более темпераментный политик, видимо, среагировал бы быстрее.

Из общей психологии известно, что темперамент является наследственной характеристикой. Однако его поведенческие проявления могут меняться под влиянием социальной среды, принимая те формы, которые данная культура считает приемлемыми.

Среди биологических характеристик в политике учитываются и **физические данные**, такие, как выносливость, сила, работоспособность, способность преодолевать стрессы и др. Эти биологические параметры, хотя и заложены на генетическом уровне, но являются в то же время и плодом собственных усилий человека, тренировки и воли к преодолению недугов и физических недостатков. Один американский президент — Ф. Рузвельт — оказался прикованным к инвалидному креслу, другой — Джон Кеннеди — носил жесткий корсет из-за болезни позвоночника. Однако, оба этих политика запомнились американцам отнюдь не физической ущербностью. Напротив, они заслужили признательность своих сограждан как волевые и дальновидные политики, имидж которых, вопреки биологической предрешенности, не был разрушен.

Здесь следует сделать одну оговорку. То, что удалось Дж. Кеннеди и Ф. Рузвельту, не обязательно получится у других политиков. Внешние данные служат основой восприятия политика со стороны публики. Эта внешняя сторона личности встраивается в те представления об идеальном политике, которые существуют в массовом сознании. Толстые очки, рыхлая фигура или высокие каблуки, призванные скрыть низкий рост мужчины-политика, могут поставить крест на его карьере, несмотря на определенные достоинства, признаваемые за ним избирателями.

В психологический уровень личности включаются такие элементы, как эмоции, воля, память, способности, мышление и характер в целом. Каждый из них может оказать воздействие на политическое поведение. Так, трудно переоценить роль эмоций в политике: страх и радость, удивление и ненависть, зависть и корысть, солидарность и соперничество — все эти и многие другие эмоции не просто сопровождают политику, но нередко становятся ее движущими силами, особенно когда они принимают массовый характер. Будучи проявлением потребностей, эмоции входят в важнейшие механизмы мотивации политических действий. Так, политические психологи, изучающие проблему лидерства, отмечают огромную роль эмоциональной сферы политиков в их стремлении сделать карьеру. Среди мотивов они находят чувство долга и стремление к власти, желание быть признанным и чувство неполноценности, которое может быть компенсировано высоким социальным статусом*.

---

* Burns J.M. The power to Lead: The Crisis of American Presidency. — N.Y.: Symon and Shuster, 1984.

Современный российский политический процесс изобилует примерами воздействий эмоций на политику. Достаточно вспомнить такие эпизоды, как эмоциональные схватки союзного и российского руководства в 1990 г. и поведение членов ГКЧП перед телекамерами в августе 1991 г., заседание парламента, амнистировавшего участников августовского путча, и переговоры премьер-министра В.С. Черномырдина с чеченскими террористами. Были и примеры странных эмоций. Многие политологи не могли объяснить странное поведение толпы перед зданием Белого дома в Москве в тот момент, когда по нему начали стрелять танки: люди не расходились, как будто не понимали серьезности происходящего и присутствовали на спектакле. Такая утрата чувства риска свидетельствует об эмоциональной патологии, ставшей результатом воздействия сильных политических стимулов.

Воля — пожалуй, наиболее осознанный психологический элемент личности. Без воли невозможно добиться цели в любой сфере деятельности. В политике же воля — это не просто упорство в достижении поставленных задач. Политическая воля предполагает способность встать над мелкими личными и групповыми интересами во имя национальных. Без политической воли нельзя выйти за пределы устаревших политических стереотипов и преодолеть инерцию мышления. Несомненно, что одной из причин развала КПСС, а затем и СССР стало отсутствие политической воли к реформам у бывшего руководства страны. Они поразительно легко, практически без сопротивления ушли с политической сцены, как впрочем и их исторические предшественники в царской России в 1917 г. Никакие объективные причины не в состоянии объяснить такое странное поведение элиты, кроме того, что им овладел некий паралич воли. Несопоставимое по значимости, но также проявление утраты воли

продемонстрировали российские губернаторы, которые при первых же проявлениях жесткой воли Президента В.В. Путина в создании властной вертикали тут же «построились» и не стали отстаивать свои региональные и личные интересы перед федеральным центром. Это был явно выраженный паралич политической воли.

Такой психологический феномен, как **память**, имеет в политике весьма существенное значение. Во-первых, несомненно хорошая память является необходимым качеством лидера, которому приходится пропускать через свое сознание огромное количество информации. Речь здесь идет не о простом запоминании, а о способности отбирать и хранить определенные блоки этой информации, имеющей непосредственное отношение к характеру деятельности. Известно, что для политика особое значение имеет память на людей, на лица, на проявления их лояльности, то есть на то, что на интуитивном уровне позволяют им вырабатывать отношение к коллегам и оппонентам.

Во-вторых, политическую психологию интересует феномен исторической памяти народа, отдельных групп людей. Если в советский период отечественной политической истории нередко люди скрывали даже от самых близких свое дворянское происхождение, то в последние годы потомков дворянских родов можно встретить удивительно часто. Историческая память играет с нами, выбрасывая на поверхность то одни, то другие политические сюжеты. Интересно сравнить, как воспринимали наши сограждане исторически значимые события с интервалом всего в пять лет (табл. 10.1)*.

* Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989 — 1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. — М.: ВЦИОМ, 1995. № 1. С. 10.

Таблица 10.1

**СПИСОК ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ СОБЫТИЙ XX В.
(в % к числу отметивших соответствующую позицию в списке)**

Варианты ответов	1989 г.	1994 г.
1. Отечественная война	75	73
2. Октябрь 1917 г.	65	49
3. Распад СССР	-	40
4. Чернобыльская катастрофа	36	34
5. Полет Гагарина	33	32
6. Война в Афганистане	11	24
7. Первая мировая война	8	19
8. Репрессии 30-х годов	31	18
9. Начало перестройки	24	16
10. Коллективизация	10	8
11. События октября 1993 г.	-	7
12. Пutsch 1991 г.	-	7
13. Падение Берлинской стены	-	6
14. Реформы Гайдара	-	6
15. Многопартийные выборы 1993 г.	-	3

Социальный уровень личности представлен наиболее тонкими личностными структурами: установками, ценностями, целями, мировоззрением. В процессе политической социализации индивид интериоризует цели и ценности своей культуры. Так, сегодня граждане младших возрастов впитывают по преимуществу демократические ценности, между тем, как их родители получили в детстве иную ценностную структуру личности (см. главу 12). Анализ политической структуры личности невозможен без выявления интересов, потребностей и мотивов, которые являются частью именно социальной структуры личности (см. гл. 4). Однако наиболее изученным является ролевой компонент политической структуры личности.

В политической психологии роль понимается, прежде всего, как набор прав и обязанностей, как статус, как реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Вся политическая система может быть описана в виде различных наборов политических ролей. Особое значение при этом

придается взаимосвязанности этих ролей. Так, роль лидера лишена смысла без ролей подчиненных. Без короля — нет подданных, а без кабинета — министров премьеры. Если все участники политического процесса одинаково признают распределение ролей между ними, то по этому вопросу между ними существует **консенсус**.

Изучение реальных участников политического процесса, исполняющих различные роли в системе, привело сторонников ролевой теории политики к убеждению, что для их понимания необходимо углубление именно психологического анализа ролей. Так работа Н. Ная и С. Вербы показала, что разные формы политических ролей привлекают исполнителей с различным психологическим складом и разными ориентациями*.

---

* Nie N., Verba S. Political Participation. In: Greenstein F. and Polsby N. W. (eds). Handbook of Political Science. V. 4, Boston Mass, 1975. Adison-Wesley. P. 17 — 22.

Что же это за роли, которые граждане играют в политике? Так, самая простая роль, которую играет каждый дееспособный гражданин, — это роль избирателя. Другая роль — политический активист, член какой-либо партии, организации. На вершине политической пирамиды стоят те, кого политические психологи назвали «гладиаторами», т.е. наиболее активные граждане, вершители судеб нации, публичные политики. В политологии их принято называть лидерами, представителями политической элиты.

Психологи обнаружили, что исполнение политических ролей требует определенной подготовки и тренировки. Так, например, многие нынешние политические лидеры, особенно из англо-саксонских политических культур, начинали свою карьеру как... футболисты. Речь идет не о профессиональном спорте, а об участии в студенческих командах. Действительно, политика, как и футбол — игра командная. И для того, чтобы в нее хорошо играть, надо научиться чувствовать локоть другого игрока, понимать его без слов. Для политика необходим навык, который англичане определяют словом cooperativeness, а у нас принято было называть коллективизмом. Этот навык требует определенной тренировки, в том числе и на спортивной площадке. Кроме того, в дальнейшей политической жизни будущим министрам и председателям партий особенно пригодятся те дружеские связи, которые также зарождаются в молодые годы.

В социологии и психологии принято выделять в самой структуре роли несколько компонентов. Это относится и к политическим ролям. Во-первых, в роли присутствует объективный компонент, связанный со **статусом**, т.е. тем местом, который занимает данный индивид в политической системе. У президента, политического активиста или террориста — у каждого свои роли. Отличаются статусные моменты роли у рядового гражданина и представителя элиты. Обычно статусные позиции закреплены в писаных нормах права, в уставах организаций. Есть и другой способ закрепления политического статуса, он связан с неписаными нормами, с традициями. Так, например, в прежние времена советологи определяли реальный политический вес того или иного советского руководителя по тому, какое место рядом с Генеральным секретарем КПСС он занимал на официальных приемах. Чем ближе к вождю — тем выше реальный политический вес.

Два другие компонента роли имеют субъективный характер. Ведь роль — это не только набор функциональных обязанностей политика. Эти обязанности окружающие его люди видят очень по-разному. Их **ожидания**, надежды, представления о том, что он должен, и чего не должен делать, и составляют второй компонент роли. Можно сказать, что это та сторона роли, которой политик повернут к публике и которая составляет важную часть его публичного имиджа. Этот компонент может не совпадать с реальным содержанием личности политика. Здесь возникают, с одной стороны, возможности манипуляций массовым политическим сознанием, но, с другой стороны, ожидания со стороны как рядовых граждан, так и окружения политического деятеля, оказывают и сдерживающее воздействие на поведение политика, очерчивают его границы возможного.

Третий компонент роли — это представление политика о самом себе, его **Я-концепция**, самосознание. Одна и та же политическая роль столь по-разному исполняется политиками не только в силу отличий их характеров, сколько в силу их собственных представлений о том, как надо это делать, т.е. идеального образа их собственной роли. Следует отметить, что сказанное относится не только к роли Президента, но и к роли простого избирателя. Один человек видит свой гражданский долг в том, чтобы пойти проголосовать, даже если не видит достойного кандидата. Другой — игнорирует призывы голосовать и будет считать свою пассивность гражданской доблестью.

Как показывает анализ, взаимодействие личности и политики подчиняется закономерностям разного уровня, которые, накладываясь друг на друга, образуют, с одной стороны, определенную ситуацию развития личности, а с другой, — воздействуют на ход политических событий. Сегодня личность развивается в сильно политизированной среде. Одновременно политика нуждается в личности нового типа: активном гражданине, способном к самостоятельному принятию решений и ответственности. Появление такого массового политического типа личности пробивает себе дорогу через борьбу противоречивых тенденций в современной политике: с одной стороны, активизация личности в политике становится общественной потребностью в современном мире, с другой — налицо процессы политического отчуждения, которые проявляются в росте неверия в политику как средство разрешения важных человеческих проблем. Политические философы усматривают в борьбе этих тенденций общую закономерность новейшего времени: происходящую смену регуляторов поведения человека. На место жесткого внешнего контроля государства и его институтов приходят внутриличностные регуляторы: совесть, убеждения, ценности, в которые человек верит.

Вопросы для обсуждения

1. Каковы основные теоретические подходы к проблеме влияния личности на политические процессы?
2. Какие элементы в структуре личности следует учитывать при анализе личностного фактора в политике?
3. Проанализируйте собственную Я-концепцию и ее роль в формировании политических установок.

Литература

1. Брушлицкий А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал, 1996. № 5.
2. Левада Ю.А. Человек политический. Сцена и роли переходного периода // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения.— М.: ВЦИОМ, 1996. № 4 (24). С. 7—11.
3. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. — М.: Ювента, 1996.
4. Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. — М.: Прогресс, 1990.
5. Человек, политика, психология (Материалы круглого стола) // Вопросы философии, 1995. № 4. С. 3—23.
6. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. — М.: Республика, 2001.
7. Шестопад. Е. Личность и политика. — М.: Мысль, 1988.

Глава 11. Политическая социализация индивида

11.1. Агенты, стадии и механизмы политической социализации

В отличие от животных человек приходит в этот мир, не оснащенный специфическим набором инстинктов, позволяющим ему выжить в обществе. Навыками социального поведения он обзаводится в процессе вхождения в общество. Это в полной мере относится и к политическому поведению и сознанию, которое мы усваиваем в ходе становления личности. Этот процесс в психологии и социологии принято называть процессом **социализации**. В случае, когда в течении жизни личности приходится переучиваться, обзаводиться новыми ценностями и установками, принято говорить о **ресоциализации**.

В психологии и социологии **процесс социализации** (от латинского *socialis* — общественный) описывается как **включение индивида в общество через оснащение его опытом предыдущих поколений, закрепленным в культуре**. Этот процесс с одной стороны решает проблемы индивида, помогая ему стать полноправным членом своей группы, с другой стороны обеспечивает жизнедеятельность общества и преемственность самой культурной традиции.

Что происходит с личностью в ходе социализации? Прежде всего социализация может пониматься как социальное созревание личности. Это предполагает перевод требований общества внутрь самой личности, или интериоризацию. По мере того, как человек научается действовать в соответствии с социальными нормами, влияние внешних побудительных причин уменьшается, в то время как возрастает значение его внутренних убеждений, потребностей и интересов. Используя фрейдовскую терминологию, можно говорить о становлении супер-эго. Эрик Берн называл этот компонент личности

«Родителем». Как бы ни назывался этот компонент личности, речь идет о том, что внутри человека появляется относительно независимая «общественная инспекция», не позволяющая ему преступать усвоенные им табу. Если же он это делает, то самым страшным наказанием ему становится не осуждение окружающих, а его собственные стыд и муки совести. Адаптацию и развитие личности обеспечивают такие психологические механизмы, как интериоризация опыта общества и экстериоризация опыта индивида.

Процесс социализации имеет **стадиальный** характер. Среди ученых нет единства в представлении о длительности каждого этапа и всего процесса в целом. Так, одни авторы считают, что социализация ограничена детским и юношеским возрастом, после чего можно говорить о ресоциализации. Другие считают, что социализация длится всю жизнь, а стадии ее соответствуют не только этапам взросления организма, но и вхождению человека в новые социальные группы. Поэтому, скажем, освоение пенсионером своей новой социальной роли также отмечает новую стадию социализации, требующую от личности получения новой информации, нового стиля отношений с людьми и новых навыков поведения в этой роли. **Ресоциализация** предполагает не просто освоение новых социальных ниш, а переучивание того, что было прочно усвоено в детстве и юности и что составляло фундамент данной личности.

Очевидно, что усвоение правил хорошего тона и модных идей происходит не автоматически. Общество не пускает это дело на самотек. В любом человеческом сообществе есть специальные **институты**, отвечающие за вовлечение в ту или иную группу новых членов и адаптацию к существующим требованиям. Под институтами социализации принято понимать те элементы социальной структуры, которые призваны передавать индивиду образцы поведения, нормы, ценности культуры. Эти институты включают как специально организованные механизмы целенаправленного воздействия на личность (школа, пропаганда и пр.), так и стихийные, не поддающиеся общественному контролю (неформальные группы сверстников). Кроме институтов можно говорить о более широком понятии — **факторах** социализации, под которыми понимаются условия определяющие этот процесс: микро- и макросреда, образ жизни, уровень развития общественного сознания и т.п. Эти обобщенные социальные факторы действуют на нас и непосредственно. Так, скажем, коснувшаяся человека безработица или война быстро меняют многие его представления о жизни, иногда весьма глубинные. Но чаще всего факторы выступают в виде персонифицированных носителей общественного влияния, которые получили название **агентов** социализации. К их числу относятся родители и члены семьи, сверстники и учителя, священник и начальник на работе, молодежный кумир и другие, значение которых не равнозначно для личности, но каждый из которых по-своему вводит ее в социум.

Среди социологов и психологов можно встретить различные трактовки процесса социализации. Одни видят его смысл в обуздании природных инстинктов, другие рассматривают его как результат межличностного общения, третьи считают главным тренировку в исполнении социальных ролей и научение нормам культуры.

Политическая социализация рассматривается по аналогии с общим процессом социализации как процесс включения человека в политическую систему. С точки зрения системы в процессе политической социализации происходит воспроизводство ее институтов, осуществляется преемственность важнейших политических ценностей. Необходимость этого процесса для сохранения системы связана прежде всего с приходом в политику новых поколений. Но со сменой политического ландшафта, даже в рамках одного жизненного цикла, возникает необходимость рекрутировать новых участников, снабдить их официальными ценностями и, тем самым, укрепить систему. Эта же задача стоит и перед отдельными политическими организациями и партиями применительно к своим членам и сторонникам.

Для становления человека в качестве гражданина ему необходимо освоить систему политических ценностей, идей, в которые он может верить и ориентации в политической среде, которые позволят ему адаптироваться к ней. Политическая социализация на уровне индивида представляет собой перевод требований системы в структуру личности, интериоризацию ее ключевых политико-культурных элементов.

В современных обществах большую актуальность представляют собой две проблемы. Первая состоит в том, как происходит включение личности в политику в рамках всей политической системы, то есть на макроуровне. Анализ политической социализации, очевидно, следует начинать с того, чтобы представить себе, под влиянием каких социальных условий происходит становление типичных форм политического поведения и сознания, как разные политические партии и организации мобилизуют новых членов, какие идеологические веяния определяют климат в данный момент. Каждое поколение

несет на себе отпечаток специфических исторических условий, в которых происходило их становление.

Вторая проблема связана с тем, что политическая социализация имеет особенности и на микроуровне — уровне малых групп и личности. Здесь нельзя не учитывать локальные условия созревания человеческой личности в конкретной семье, ближайшем окружении. Именно через них идет процесс усвоения политических ролей, образцов поведения.

Так же как и общий процесс социализации, — политическая социализация проходит поэтапно, по **стадиям**, что обусловлено возрастными изменениями личности. В современном обществе этот процесс начинается буквально с рождения. Речь, конечно, не идет об освоении политических понятий или ролей. Но уже в первые годы жизни ребенок знакомится с конфигурацией властных отношений в семье, что в последствии скажется на восприятии этим человеком власти в государстве. К 3 — 4 годам ребенок приобретает и первые сведения собственно о политике через семью, ближайших родственников и средства массовой информации. Позже, если он идет в детский сад, происходит его знакомство с официальными политическими ценностями, транслируемыми через детскую литературу, песни, праздники и т.д.

С началом школьного обучения начинается новая стадия политической социализации. В любой политической системе (авторитарной или демократической) школа является одним из важнейших институтов политического воздействия на будущих граждан. Через учителей и учебники, детские и юношеские политические организации, через неформальные объединения и другие факторы ребенок приобщается как к официальным, так и к оппозиционным политическим идеям.

Юношеский этап политической социализации характеризуется включением новых агентов. На этой стадии усиливается влияние неформальных групп, молодежной субкультуры в целом с ее особым языком, символами, ценностями, которые нередко противоречат ценностям «взрослой» политики. Молодежный культурный андеграунд в нашей стране в 60 — 90-е годы, как до этого в Европе и Америке, дал не только новое движение в музыке и живописи, театре и литературе, но и послужил каналом проникновения новых политических ценностей, оппозиционных официальным. Университеты всегда служили не только образовательным целям, но и были территорией, на которой существует неформальная молодежная культура.

Политические психологи традиционно подчеркивают важность раннего семейного этапа для становления политического профиля личности. Ряд исследователей вслед за Э. Эриксоном дополняют эту концепцию, указывая на значение юношеского этапа как времени политического самоопределения, которое происходит уже не как пассивное впитывание семейных ценностей, а как самостоятельный выбор позиции, своего рода второе рождение. Многие политики обрели свою судьбу не под влиянием первичной политической социализации, а именно в юности (Э. Рузвельт, Б. Шоу, М. Лютер и А. Гитлер).

Политическая социализация не завершается с получением паспорта, она продолжается всю жизнь. Этапы и стадии дальнейшего политического развития определяются не только собственно возрастными изменениями, но освоением новых политических ролей, опытом личного участия. Базовые представления человека о политике, его политическая картина мира может меняться, корректироваться, но ее основные параметры фиксируются в структуре личности. В случаях дисфункций системы, затрудняющих передачу политических ценностей (прежде всего официальных) новым поколениям и дезориентирующих уже сложившихся граждан, у последних **происходит возврат к ранним, базовым представлениям, полученным на этапе первичной социализации***.

---

* Easton D., Dennis J. Children in the Political System. — N.Y.: McGraw-Hill, 1969; Handbook of Political Socialization. Theory and Research: Ed. by D. Schwartz. — N.Y.: The Free Press, 1977.

Данная концептуальная модель сложилась для анализа процесса политической социализации в развитых демократических культурах Запада. Она доказала свою эффективность, поставив серьезный социальный диагноз во время кризиса 60 — 70-х годов. При этом исследователи больше внимания уделяют детям, подросткам и молодежи, чем взрослым. Это было оправдано тем, что именно они первые были больше задеты тем кризисом. Применима ли эта схема анализа для описания того, что происходит в постсоциалистических обществах, и если да, то в какой степени? Очевидно, если и применима, то частично.

Кризис политической социализации, который происходит в России, не имеет прямых западных аналогов. Во-первых, этот кризис наблюдается во всех возрастных группах, он затрагивает не столько младшие, сколько старшие возрастные когорты, которые значительно хуже других адаптируются в

новых политических условиях. Во-вторых, в последние годы у нас можно говорить скорее о ресоциализации, так как происходит смена знака политических ценностей на уровне общества в целом и отдельных политических групп. Ресоциализация затруднена идеологическими причинами: новые демократические ценности, приобретая официальный статус, не получили адекватной систематизации, что препятствует их трансляции от политической системы к личности. В-третьих, в силу специфики поколенческого опыта у каждой возрастной группы ресоциализация происходит как многослойный процесс, в котором детский опыт нередко преломляется и даже не по одному разу. Так, среди разных возрастных групп, участвующих в политическом процессе в России сегодня, можно выделить следующие когорты:

- 1 - 12-летние (1982 - 1995 годы рождения) — «постсоветские» дети;
- 13 - 18-летние (1977 - 1982 годы рождения) — «дети перестройки»;
- 18 - 25-летние (1969 - 1977 годы рождения) — поколение позднего застоя;
- 25 - 35-летние (1959 - 1969 годы рождения) — брежневская эпоха;
- 35 - 45-летние (1949 - 1959 годы рождения) — дети хрущевской «оттепели»;
- 45 - 55-летние (1939 - 1949 годы рождения) — послевоенное поколение;
- 55 - 65-летние (1929 - 1939 годы рождения) — дети войны, «шестидесятники»;
- 65 - 85-летние (1909 - 1929 годы рождения) — ровесники революции и гражданской войны.*

---

* Исследование было начато в 1993 г. Здесь приводится обсуждение результатов, полученных в 1993 — 1995 гг.

Становление личности в ее гражданском статусе происходит под влиянием политической среды, куда входит весь набор **институтов, факторов и агентов**. При этом на личность воздействуют не только собственно политические факторы, хотя они и имеют первостепенное значение, но и неполитические условия, в которых происходит созревание человека. Так, к числу **неполитических факторов**, играющих заметную роль в передаче политических идей, взглядов и ценностей, относятся семья, группы сверстников, школа, работа, церковь, искусство, культура, средства массовой информации. Их значение определяется тем, что в непрямой форме они канализируют базовые личностные ориентации на власть, конфликт и порядок, насилие и терпимость, свободу и дисциплину, которые в политике оформляются в специфическом контексте.

Попробуем посмотреть, как, например, в политической социализации участвуют такие институты, как **детский сад** или **школа**. До самого последнего времени сама организация жизни детей в этих учреждениях была обусловлена тем, что они являлись государственными учреждениями. Программа воспитательной работы была для всех единой. Содержание даже игровых занятий с детьми определялось под тщательным идеологическим контролем официальной идеологии. Дети учили песни и стихи с дозированным политическим наполнением. Результатом такой социализации были более или менее однородные политические представления всей массы населения, обеспечивающие политическое единство системы и ее контроль над гражданами. Можно спорить, хорошо или плохо эти социальные институты выполняли возложенные на них функции, но результатом была позитивная и непротиворечивая картина политического мира, усваиваемая ребенком с детства.

За последние годы ситуация стала принципиально иной. Как свидетельствуют психологи, среди этих изменений в процессе социализации через детские учреждения ребенок получает во-первых, противоречивые, во-вторых, неустойчивые и разнонаправленные представления о мире в целом и о политическом мире в частности.

Оказалось, что в процессе перестройки были не только приобретения, но и потери. Эти потери, в частности, коснулись младших членов общества. Они входят в мир, лишенный не только стабильности, которая им необходима для правильного формирования личности, но и идеалов, воплощенных в героических образах. Самопожертвование стало немодным. Нашим детям и дома и в школе внушают, что любить надо прежде всего себя, а коллективизм должен уйти в прошлое. Природа детства оказалась «консервативной» в неполитическом смысле этого слова. Она сопротивляется изменениям. А школа, и другие образовательные институты испытывают растерянность, не понимая, как они могут выполнять свою воспитательную миссию. **Учителя**, как и большая часть нашего населения, потеряв прежнюю систему политических ценностей, не получили в замен новой. Выработать же ее в одиночку каждый из нас не в состоянии.

Отражением той же тенденции служат и новые **учебники**, в которых содержится невероятный разноречивый набор политических ценностей, в которых содержится невероятный

транслируемых учебниками, но жестко догматизированную их систему. Она давала искаженный идеологическими клише образ мира, где все советское было великим и прекрасным, а все западное — прогнившим и реакционным. Одна из опрошенных нами — женщина средних лет — так вспоминает политический мир своего детства:

«В детстве я считала, что у нас самая сильная страна, все остальные живут очень плохо, я же читалась этих книг. Все ужасно живут, там роются в помойках, негры — так вообще спят на улицах штабелями. Конечно, я в это верила. Я жила в большой, прекрасной стране, а Москва — самый лучший город».

С началом политических реформ у наших младших сограждан складывался прямо противоположный образ своей страны: все отечественное — плохое, все зарубежное — замечательное. Эти новые политические стереотипы транслировались по преимуществу через средства массовой информации и приходили в противоречие с тем, что дети читали в школьных учебниках, наспех переписанных и не дающих авторитетного для детей и взрослых видения политической реальности. Можно легко представить результат такого противоречивого воздействия: будущие граждане получили мощную прививку политического цинизма и безверия. А следовательно, став взрослыми, они навряд ли будут активными и самостоятельно мыслящими людьми.

Ученики — от первоклашек до выпускников вузов — нашли свой способ справиться с проблемой: они ориентируются на то, чего от них ожидает конкретный учитель. В педагогической практике складываются весьма драматичные коллизии между учителями и учениками. С одной стороны, учитель не может опереться на официальные требования, например, в трактовке того или иного исторического события: ученик может возразить, сказав, что у него иное мнение. В такой ситуации он может уповать только на личный авторитет в глазах детей. С другой стороны, ученик стал беззащитным перед субъективизмом учителя, школы.

Политические факторы социализации организуются в систему, куда входят: характер и тип государственного устройства, режим, политические институты, партии и организации. С помощью специальных механизмов эти факторы корректируют и контролируют политическое поведение индивида. В реальной жизни политические и неполитические факторы политической социализации тесно переплетаются. Политическое значение для индивида могут приобрести далекие от политики явления: работа, характер отношений с природой, неравенство полов и т.п. Так, оказалось сильно политизированным движение защитников окружающей среды. В политической жизни последнего времени можно встретить даже такое экзотическое основание для объединения, как любовь к пиву. Американское общество, например, оказалось расколотым отношением граждан к запрещению абортов.

Результатом процесса социализации становится, во-первых, бесперебойное функционирование политической системы при смене поколений в политике. При этом взаимодействие политики и человека имеет конкретно-исторический характер. Каждая политическая система вырабатывает свои специфические механизмы вовлечения личности в политику. Так, в примитивных обществах, где не было политики в современном смысле слова, можно говорить лишь о зачаточных формах адаптации индивида к наличным формам власти. В родоплеменном обществе механизм социализации совпадал с фактом рождения в том или ином социальном слое. Определенные ограничения на активное участие в политике известны практически во всех политических системах. В древнем Риме или Греции из этого процесса были исключены не только рабы, но и многие свободные граждане. В феодальную эпоху целые сословия не входили в число тех, кто определял принятие решений. Это, правда, не означает, что рабы или ремесленники не проходили политической социализации. Они, как и активные в политическом отношении граждане, должны были прежде всего усвоить официальные правила игры, узнать свои права и их границы. Следует подчеркнуть, что эти правила жестко закрепляли политические функции за представителями определенных классов и сословий.

На стадии ранне-буржуазного развития государства такая жесткая закреплённость политической роли за тем или иным социальным положением личности еще сохранялось. Но по мере того, как осознавалось его тормозящее значение для развития системы, менялись механизмы политического регулирования, а следовательно и политической социализации. Новое и особенно новейшее время приносит расширение гражданских прав и свобод, а также рост числа участников политического процесса. В него вовлекаются все новые слои населения, ранее пассивного в отношении политики. Вслед за социальными классами на политическую арену приходят такие группы, как представители третьего мира, женщины, молодежь, этнические меньшинства. Их политическая социализация требует формирования новых убеждений и ценностей, прежде всего ценностей активизма, прав личности и

равенства возможностей в политике.

Исторический характер политической социализации сказывается в том, что во-первых, каждая система имеет свои культурные особенности, свой набор важнейших целей и ценностей, которыми она снабжает своих политических новобранцев. Во-вторых, не только политическая система, но и режим, экономический строй особенности государственно-правового контекста определяют то, как граждане будут воспринимать власть, каков будет психологический климат в политике. В-третьих, каждому типу политического устройства соответствует определенный идеал «политического человека», гражданина. То, каково будет политическое сознание и поведение, вовлеченность и уровень активности, идентификация с теми или иными политическими партиями и группами отдельных граждан во многом зависит именно от эталона, транслируемого институтами и агентами политической социализации.

Во-вторых, результатом политической социализации становится **зрелый гражданин**, который не подвержен колебаниям политической конъюнктуры, а способен без посторонней подсказки принять решение по важнейшим вопросам. Стержнем его личности станут выработанные в ходе первичной политической социализации базовые убеждения и принципы, позволяющие сохранить личностную устойчивость. После определенного возраста личность, ее активность сами становятся важнейшим механизмом отбора, позволяющим просеивать внешние влияния, делать свой выбор. И если мы признаем себя зрелыми гражданами, то не должны ссылаться на то, что «нас так воспитали», «нам приказали», «мы люди маленькие». В отличие от ребенка, взрослый несет ответственность за свое поведение, в том числе и в сфере политики, руководствуется своими собственными представлениями о том, что входит в его обязанности и права как человека и гражданина.

11.2. Поколения в российской политике

Исследования по политической социализации в современной литературе по социологии по преимуществу посвящены детям и подросткам. Это — несомненно важнейшие процессы, определяющие становление политического сознания человека. Но этот процесс не заканчивается с обретением зрелости. В нашей стране, как мы уже отмечали, стоит говорить не просто о продолжении политической социализации, но нередко о переучивании всего населения, все возрастных когорт. Данные эмпирических исследований показывают, что на то, как усваиваются новые политические ценности, влияют многие факторы и возраст среди них — важнейший. Влияет ли, и если да, то как, опыт поколения на политические убеждения и поведение людей?

Приведем результаты одного из наших исследований, посвященных восприятию политических процессов российскими гражданами в 90-е годы.*

---

* Данное исследование выполнено на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством автора в 1993 — 1995 гг. Исследование имело преимущественно качественный характер, хотя были получены и интересные количественные результаты. Помимо анкеты, ставящей целью выяснить нынешние политические ценности, предпочтения и убеждения респондентов, с ними проводились глубинные интервью и тестирование на уровень субъективного контроля (адаптированный тест Роттера).

Объектом исследования стали группы населения, которые уже достигли определенной степени зрелости политического мышления и прошли (или заканчивали) первичную политическую социализацию. Дети и младшие подростки не были включены в число опрошенных, поскольку они воспринимают демократические ценности как нечто само собой разумеющееся. Возрастные группы в нашем исследовании разделились следующим образом: 13 — 18-летние — 11,1%, 18 — 25-летние — 22,2%, 25 — 35-летние — 15,3%, 35 — 45-летние — 15,3%, 45 — 55-летние — 25%, 55 -65-летние — 6,9% и 65 — 85-летние — 4,2%.

Предметом исследования была «послойная» реконструкция нынешних и более ранних политических представлений опрошенных. Так, во-первых, нами выявлялись более поздние по времени взгляды респондентов на политику, их установки на *власть реальную и идеальную*, на *государственные институты и режим*, на *политических лидеров*, на *ценности демократии*. В исследовании выяснялось:

- интересуется ли опрошенных политика, что они о ней знают, какие чувства к ней испытывают, к каким поступкам готовы.
- каковы механизмы политической социализации. В частности, в опросе и интервью фиксировались такие параметры, как модель власти в семьях респондентов в их детские годы и сейчас, опыт подчинения и доминирования в отношениях с родными, сверстниками, учителями и др. Одна из

гипотез объясняет различия в восприятии демократических ценностей поколенческими различиями в моделях социализации.

- каковы факторы политической и социальной среды и позиция личности, сложившаяся в результате первичной социализации.

Предметом исследования были прежде всего те психологические факторы, которые способствуют или препятствуют принятию новых (в нашем случае демократических) ценностей, норм и ориентации. В литературе давно описан авторитарный тип личности, в котором преобладают такие качества, как нетерпимость к инакомыслию, стремление доминировать, этноцентризм, неприятие рациональности, неприятие демократических ценностей (в частности равенства и справедливости). Между тем политическим психологам гораздо меньше известно о другом типе личности — «демократическом». Некоторые авторы (П. Снайдерман, С. Реншон* высказали гипотезу, что для развития демократии необходимо, чтобы демократический тип личности получил достаточно широкое распространение (хотя о пропорции «авторитаристов» и «демократов» в разных типах систем мы ничего не знаем). В исследовании мы исходили из предположения, что практика демократического участия основана на неполитических, в частности культурных и психологических, моделях поведения, которые способствуют укреплению политических норм демократического образца. Для эмпирической проверки были выделены следующие показатели, операционализирующие понятие «демократическая личность»: открытость, терпимость, способность к компромиссам, свобода от бессознательной тревожности, приоритет рационального начала в выборе политической позиции, отсутствие стремления к подавлению других, признание людей равными, активная жизненная позиция.

---

* Renshon S. Psychological Needs and Political Behaviour: A Theory of Personality and Political Efficiency. — N.Y.: Free Press, 1974.

О наличии или отсутствии указанных качеств можно судить как по ответам на вопросы анкеты, так и по фокусному интервью. Результаты по обоим методикам сопоставлялись с результатами теста Дж. Роттера на уровень субъективного контроля. В литературе приводятся данные о том, что по одной из важнейших базовых ориентации люди делятся на «инициаторов» и «пешек» или интерналов и экстерналов. Первые имеют высокий уровень потребности в контроле и рассматривают себя как причину происходящих с ними событий (как приятных, так и неприятных). Вторые, напротив, ищут причину происходящего с ними вовне, имеют низкий уровень потребности в контроле. Эта психологическая характеристика формируется в раннем детстве, хотя позже может меняться под воздействием конкретных событий. Наибольшее влияние на уровень субъективного контроля оказывает структура семейной власти.

В работах С. Реншона показано, что личность с высоким уровнем субъективного контроля обладает активизмом, стремлением участвовать в политической деятельности. Есть данные и о том, что потребность в контроле связана с проявлениями политического отчуждения. При этом экстерналы (низкий уровень локус-контроля) имеют высокие значения политического отчуждения, а интерналы — средние и низкие значения. Примечательно, что уже первые работы по исследованию воздействия уровня личного контроля на политическое поведение и сознание показали, что в

периоды кризисов политической социализации (конец 60-начало 70-х годов в США) интерналы составляют небольшой процент. При усложнении политической жизни людям становится труднее осуществлять над ней свой контроль, что вызывает рост тревоги и отчуждения.

Приведем наиболее интересные из полученных нами результатов, сгруппировав их по возрастным группам. Это позволит увидеть поколенческие различия в восприятии политики, в отношениях респондентов к демократическим ценностям.

Группа 13 — 18-летних

Первичная политическая социализация. 13 - 18-летние отличаются тем, что их первичная политическая социализация совпала с годами перестройки. О них трудно сказать, что они ресоциализировались в последнее время, их первичные ценности практически совпадают с нынешними официальными. У них нет четкого принятия (или неприятия) системы, режима. Их представления о власти и на когнитивном, и на эмоциональном уровнях колеблются. Это связано не только с незрелостью политической картины мира, понятной в их возрасте, но и с тем, что она изначально

складывалась как неустойчивая.

У большей части респондентов воспитание не было жестким, хотя некоторые вспоминали о том, как их наказывали и даже били. Мало кто из опрошенных имел с родителями безоблачные отношения. Чаще всего родители были непоследовательными: то строгими и даже жесткими, то мягкими и либеральными. Респонденты страдали и от нехватки ласки и внимания, и от отсутствия требовательности и определенности. Авторитетом родители (отец или мать) для них являются крайне редко. Многие говорят: «мой отец или мать не являются для меня авторитетом, я их просто люблю».

Вне семьи политическая социализация также была не слишком успешной, хотя в отдельных случаях, будучи детьми и подростками, наши респонденты встречали учителей, которые стали для них авторитетами. Однако общественные организации оставили крайне негативные воспоминания. «Большую политику» запомнили как скучную («лозунги, как бельмо в глазу», «речи лидеров похожи на звук тарахтящего трактора»), не имеющую к ним никакого отношения, за исключением смертей престарелых вождей. Момент начала перестройки с появлением нового лидера М. Горбачева вспоминают как положительный. В целом и школа как агент политической социализации оставила нечеткий, довольно тоскливый след в политической картине мира тех, кому было на момент первого этапа исследования от 13 до 18 лет. Примечательно, что именно школьный опыт произвел на опрошенных определенное впечатление: успех в любой деятельности ассоциируется у них с умением подчиняться. Об этом свидетельствует значимая корреляция между высокими значениями интернальности достижений и предпочтением отношений типа «учитель — ученик».

Нынешние политические установки и ценности. Политические представления имеют многослойную психологическую структуру. В психологической литературе принято выделять три уровня установок: когнитивный, эмоциональный и поведенческий. Рассмотрим установки на политику наших респондентов по этой схеме.

Когнитивный срез. Знания о политике в этой возрастной группе абстрактны, хотя ее представители узнают отдельные политические фигуры. У них есть некоторая неуверенность при определении того, к какой политической ориентации относится тот или иной политик, кто — демократ, а кто — нет. Представления о демократии как о правовом государстве сформировались у всех респондентов. Именно с этой позиции они оценивают нынешний режим как слабый и неправовой.

Интерес к политике в группе невелик, а политические позиции чаще нейтральные (исключение — респондентка, которая идентифицирует свои взгляды как демократические). В представлениях о демократии есть особенность: для них в первую очередь важны такие ценности демократии, как свобода, личная независимость и права человека. Но одновременно они упоминают и о таких ее атрибутах, как сильное государство и соблюдение законов. На последних местах среди ценностей демократии в этой группе стоят ответственность и активное участие в делах государства.

Есть значимые корреляции между представлениями о правах человека и несовпадением со взглядами родителей, а также с ощущением слабости нынешнего режима. Но самое любопытное: отсутствие интереса к политике сочетается с удовлетворенностью властью и стремлением принять участие в выборах в роли кандидата в депутаты. Последний показатель дает наглядное представление о противоречиях в политическом менталитете самой молодой группы опрошенных.

Вообще когнитивные структуры этой категории граждан имеют наиболее противоречивый характер. Так, стремление к законопослушанию у них коррелирует только с одной формой политической активности: участием в забастовках. Одновременно в их сознании уживаются представления о демократии как о сильном государстве с нежеланием признавать над собой власть этого самого государства. Те из них, кто все же признает над собой власть государства, исходят в своем представлении о политиках из того, что их мотивы стремления к власти исключительно благородны и направлены на общую пользу. Но если с признанием власти государства многие опрошенные испытывают трудности, то это не относится к признанию над собой власти начальства. Кстати, последнее признание коррелирует у них с терпимостью к оппозиции, что может свидетельствовать о растущей когнитивной сложности их представлений. На этапе завершения первичной политической социализации респондентам легче представить себе власть в виде конкретных образов (начальства), чем абстрактного государства, к тому же находящегося в кризисе.

Самые молодые участники опроса по своим убеждениям не являются сторонниками этатизма. Их совершенно не волнует, будет ли государство их опекать. Мало трогают их и процессы социального расслоения. Они верят в справедливость того, что меньшинство может управлять большинством. На вербальном уровне они все законопослушны, но не имеют конкретного представления о механизмах

действия власти.

Эмоциональное восприятие власти характеризуется нейтральными или позитивными установками. Последние проявляются в отношении таких институтов, как президент, Федеральное собрание и милиция, которые ассоциируются у наших респондентов с сильной властью. Однако, несмотря на симпатию к этим политическим институтам, доверие к ним не выражает ни один опрошенный.

Поведенческие характеристики. Уровень активности у разных индивидов резко колеблется и окрашен личностными особенностями. Так, у девочки, сторонницы демократии, активизм проявляется на всех уровнях: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Другой респондент, аполитичный по собственной характеристике, на вербальном уровне проявляет апатию. Но он же сообщил интервьюеру, что 3 октября 1993 г. «случайно» нашел автомат и «пошел защищать Гайдара» к Моссовету. Еще один респондент называет свое политическое поведение «циничным приспособлением» к повседневности.

Группа 18 — 25-летних

Первичная политическая социализация. Эти молодые люди проходили свою первичную социализацию в годы застоя. Они еще успели познакомиться с идеологией и практикой советской системы периода геронтократического правления и подверглись индокринации (впрыскивание) официальными политическими ценностями брежневского образца. В отличие от предыдущей группы их ресоциализация осуществлялась в возрасте от 9 до 14 лет. Новые демократические ценности накладывались на уже сформировавшиеся представления о власти и государстве. Взгляды и поведение этой возрастной когорты сильно травмированы: их первоначально стабильная картина мира была разрушена, кризис не воспринимался ими как нечто естественное и нормальное.

Опыт семейной социализации наших респондентов был непростым. В большинстве случаев отец был главой родительской семьи, но не с ним, а с матерью, женой или другом наши респонденты пойдут советоваться в трудную минуту. Очевидно, власть отца имела достаточно формальный характер, хотя семейная социализация и относится к авторитарно-патриархальной модели.

Представление о власти, закрепившееся в ходе первичной социализации этой когорты, вписывается в рамки авторитарной модели. Власть признается ими чаще, чем более молодыми людьми. Многие опрошенные признают власть государства, начальства и законов, хотя они и не желают подчиняться отдельным людям. Примечательно, что они высказывают определенный пессимизм относительно построения демократии в России потому, что власть им кажется недостаточно легитимной. Водораздел между опрошенными проходит не по политическим или социальным основаниям: наибольшие отличия в отношении к власти обнаружилось между мужчинами и женщинами.

Женщины в целом более послушны. Число тех, кто готов признать над собой власть государства, начальства и закона, в пять раз превышает число тех, кто не подчинится. В два раза больше женщин, которые признают над собой власть отдельных людей, по сравнению с теми, кто не признает. У мужчин картина иная. Они признают закон, затем начальство и в меньшей степени склонны подчиняться отдельным людям и государству. Среди них намного выше процент «анархистов», которые вообще не хотят признавать над собой власть. Интересно, что государство их очень раздражает: мужчин, не признающих его власть, в четыре раза больше, чем женщин.

Нынешние политические установки и ценности. Когнитивный срез. Политические ориентации в этой возрастной группе опрошенных разделились между демократами, консерваторами и социалистами-анархистами. Большая часть респондентов определила себя как аполитичные. Отношение к политике — отрицательное или безразличное, интерес слабый. Молодость респондентов объясняет их оптимистичное видение перспектив демократии в России, что не мешает им считать В. Жириновского одним из вероятных претендентов на пост Президента.

Политические установки данной возрастной группы окрашены элитаристскими и этатистскими настроениями. Многим опрошенным не кажется несправедливым, что меньшинство управляет большинством, однако они усматривают несправедливость в том, что меньшинство не соблюдает законы. Следует отметить, что у респондентов либеральные ценности, в частности индивидуализм, находят живой отклик.

Это подтверждается тем, что среди считающих справедливым передачу большинством своих политических полномочий меньшинству наблюдается высокий уровень интернальности. Молодые люди считают, что в политике все зависит от них самих. В их иерархии демократических ценностей первые ранги занимают свобода, права человека и личная независимость, хотя в отличие от

предыдущей группы они не согласны с экономическим расслоением, очевидно, относя себя, скорее, к бедным, чем к богатым. Разделяя либеральные представления о демократии, они в то же время считают, что государство должно проявлять заботу о больных, старых и детях. Исключение составляют сторонники анархистских идей.

Негативное эмоциональное отношение к политике опрошенные демократической ориентации мотивируют ошибками правительства, отсутствием у власти твердости, несправедливостью и ложью политиков. Вообще, моральные основания в отношении респондентов к власти доминируют и в этой группе, и в младшей по возрасту. Так, обнаружилась связь между представлением о слабости власти и ее корыстности. Респонденты, которые верят, что политики могут стремиться к власти ради общественной пользы, — люди с высоким уровнем интернальности. Будучи бескорыстными, они допускают, что политики могут не быть аморальными. Но у тех, кто верит в «чистую» политику, у тех, кто в нее не верит и у тех, кто стоит на демократических или социалистических позициях либо является консерватором, — эмоциональное отношение к власти базируется на нравственных оценках.

Поведенческие реакции этой группы респондентов связаны преимущественно с избирательной активностью, как и в целом по выборке. Выяснилась важная закономерность: зафиксирована корреляция между нежеланием принимать участие в выборах и высокой интернальностью неудач. Это означает, что респонденты, которые винят себя в неудачах (в отличие от тех, кто приписывает себе все свершения), отказываются от политической активности даже в самой простой форме — избирательной.

В то же время значимыми формами политической активности оказались забастовка, участие в митингах. Активное участие граждан в политике как ценность демократии понимается нашими респондентами весьма своеобразно: ценность ассоциируется у них с сильным государством. Многие сторонники демократических идей из числа респондентов этой группы высказываются в достаточно авторитарном духе. Терпимость как показатель демократичности на поведенческом уровне проявила только одна респондентка.

Группа 25 — 35-летних

Первичная политическая социализация у этой группы совпала с «похолоданием» в политической жизни страны после хрущевских реформ, приведшее к выхолащиванию идеалов коммунизма и росту политического цинизма и безверия. Образ социалистической системы уже потерял в тот период свою привлекательность. Но дети, входившие в политический мир в те годы, продолжали воспринимать свою страну как могущественную и устойчивую. Ресоциализация, начавшаяся в 1985 г., застала их взрослыми, сложившимися людьми. Получившие опыт достаточно циничного отношения к политике тогда, 25—35-летние граждане не воспринимали происходящее как трагедию. Однако ценности, воспитанные на ранних этапах политического созревания, прочно засели в их сознании и отражаются в поведении.

Опрошенные получили, как правило, довольно жесткое семейное воспитание. Отцы были для них непререкаемыми авторитетами. Один респондент охарактеризовал своего отца как грубого и несправедливого. К обсуждению взрослых проблем детей не допускали. Другой респондент дал характерное определение свободы: «свобода — это когда мамы нет дома». Однако авторитарность семейной власти была для них чем-то естественным и не рассматривалась как посягательство на права ребенка. Это подтверждается и тем фактом, что со своими детьми они хотели бы повторить те же отношения типа «учитель — ученик».

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Представления о политике данной когорты отличаются значительной адаптивностью к новым официальным ценностям. Об этом свидетельствует тот факт, что респонденты признают вполне справедливым имущественное неравенство, как, впрочем, и неравенство социальное. Первое в их сознании коррелирует с допустимостью власти над ними отдельных людей, второе — с терпимостью в отношении граждан других национальностей. То, что государство не заботится должным образом о социально незащищенных слоях населения, их не беспокоит. Очевидно, сами себя они к таким слоям не причисляют, во всяком случае, принимая жизненно важное решение, не пойдут ни с кем советоваться. Респонденты данной возрастной группы гораздо более, чем предыдущие когорты, опираются на самих себя, принимая эталоны антиэтатизма и элитаризма, которые были предложены им официальной идеологией последних лет.

Из ценностей демократии особое место в группе занимает следование законам. При этом понимание демократии, прежде всего, как соблюдение законов, коррелирует у 25 — 35-летних с такой ценностью,

как сильное государство, они считают, что и данный режим — сильный. Те, кто отождествляют демократию с законностью, чаще имеют сходные политические взгляды с родителями. Они предпочли бы иметь со своими детьми отношения равных.

Интерес к политике у этой возрастной когорты в целом выше, чем у других групп. Отметим, что интересующиеся политикой одновременно ассоциируют ее с сильным государством и, возможно, поэтому видят для демократии в России не очень много шансов. Очевидно, информированность о политике не вызывает у опрошенных оптимистических ожиданий.

Эмоциональный срез. Отношение большей части данной группы к политике — безразличное или отрицательное. Только у одного респондента была позитивная установка. Отношение к власти с возрастом становится более спокойным и менее эмоциональным. Власть ругают за слабость, некомпетентность, но, как правило, — все равно признают. Примечательно, что рациональные и эмоциональные оценки политики как института и личностей политических деятелей у наших респондентов не совпадают. Другое противоречие в восприятии обнаруживается при сравнении тех, к кому наши респонденты испытывают доверие и симпатию. Оказалось, что объекты этих чувств не совпадают.

Поведенческий срез политических представлений в этой возрастной когорте характеризуется большей ответственностью, терпимостью, стремлением к социальной самореализации. Эта группа отличается большей политической активностью по сравнению с иными возрастными когортами. Среди 25 — 35-летних активность как ценность демократии занимает высокие ранги. Обращает на себя внимание значимая негативная корреляция между активным участием граждан в управлении и оценкой конструктивной роли оппозиции в российской политике. Эту закономерность можно понять как признак нетерпимости активных «демократов» в отношении оппозиции.

Группа 35 — 45-летних

Первичная политическая социализация. Поколение, родившееся в 1949 — 1959 годах, помнит развенчание культа личности Сталина и демонтаж его памятников. Младшие же представители когорты приобретали первые сведения о политике при Н.С. Хрущеве и отмечали как запомнившееся событие его снятие с должности. Юношеский период политической социализации поколения проходил на фоне общественного подъема (запуск первого спутника, расцвет науки и образования, политическая «оттепель»). Однако в сознании этой возрастной группы отпечатался и страх, связанный с прошедшей войной и ее возможным повторением в ядерном варианте. Родители требовали от детей, чтобы те помалкивали, хорошо усвоив уроки сталинских репрессий. С детьми не говорили о политике и других взрослых проблемах. Ну этот страх уже изрядно ослабел. Наши респонденты запечатали в памяти многочисленные политические анекдоты, распространение которых — наглядный показатель отступления тоталитаризма, роста критичности в отношении всех авторитетов: от вождей до учителя в школе. Одновременно исследование показало, что скрытое тяготение к сильной власти, заложенное в первых детских впечатлениях, осталось в их сознании.

Когорта 35 — 45-летних переживает в последнее десятилетие вторую ресоциализацию. Первая была связана с разрушением политической картины мира после разоблачений сталинизма на XX съезде КПСС. Естественно, люди, которым было на момент исследования 35 — 45 лет, тогда не осознавали в полной мере происходящего в политической жизни страны поворота. Но в памяти опрошенных сохранились следы хрущевской «оттепели», что свидетельствует о пережитых чувствах страха и тревоги, вызванных нестабильностью, потерей ясности и безусловных авторитетов. Вторая ресоциализация, начавшаяся в конце 80-х годов, оживила ту смесь чувств надежды и бессознательной тревоги, которые наши респонденты испытывали однажды, но уже применительно к нынешней власти. Во всех интервью они возвращаются ко времени своего детства как к своего рода «золотому веку».

Сложно интерпретировать проявившиеся в этой возрастной группе авторитарные тенденции в поведении прямым переносом моделей первичной социализации на зрелое политическое сознание. У всех респондентов семейная социализация носила авторитарно-патриархальный характер. Так у респондента «демократа» был опыт доминирования в семье, между тем как «аполитичный» и «коммунист» выросли в иерархичных и строго контролируемых семьях, где был диктат матери, бабушки или деда. С детьми не советовались, опека взрослых была подавляющей.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез характеризуется более выраженным интересом к политике. Возможно, это связано с профессиональным и образовательным профилем

группы (менеджер, программист, инженер и т.д.). Однако информированность о политике не связана напрямую с точной политической идентификацией. Среди опрошенных есть и «демократы», и «коммунисты», и «аполитичные». У тех, кто назвал себя коммунистом, представления о демократии ассоциируются с сильным государством, с ответственностью и соблюдением законов. У демократов иная последовательность предпочтений: права человека, сильное государство, соблюдение законов. Отметим, что воззрения и левых, и правых в равной степени носят, скорее, эгалитаристский характер, между тем как аполитичный респондент (консультант в сфере бизнеса) по своим убеждениям — элитарист. Следует также иметь в виду, что воззрения представителей этой группы включают признание сильного государства как необходимого элемента демократии.

Одна из важных особенностей либерального сознания респондентов данной группы — их понимание свободы как демократической ценности. Ни в одной другой возрастной когорте мы не встречали отрицательной корреляции между признанием справедливости того, что меньшинство должно управлять большинством (т.е. элитаристской установкой) и свободой как ценностью демократии. Это может означать одно из двух: или наши элитаристы — не либералы, или то, что свобода у них ассоциируется с чем-то, имеющим негативный смысл. Опрос показал, что вторая гипотеза оказалась верной. В этой группе свобода всегда идет в паре с равенством, что связано с особенностями их политического созревания. Они с детства прочно усвоили лозунг Французской революции «Свобода. Равенство. Братство» и ассоциируют его с прежним советским строем.

Из всех эмоциональных реакций на политику выделяются *недоверие* к политическим институтам и лидерам и *недовольство* современными властями.

Корреляционный анализ показал, что эти негативные политические эмоции коренятся в восприятии режима как слабого. Такой режим не вызывает уважения, с ним можно не считаться и не интересоваться проводимой им политикой. Недовольство нынешней политикой в России коррелирует и с отрицанием отношений равенства и партнерства, характерных для авторитарной личности. Примечательно, что проявления авторитарности не осознаются теми респондентами, которые на рациональном уровне отождествляют свои ориентации с демократическим направлением.

Подтверждением этой гипотезы стали следующие факты. Респонденты, которые считают сильное государство ценностью демократии номер один, верят в то, что власть нужна политикам, чтобы командовать. Эта значимая корреляция дополняется еще одной деталью. Опрошенные, которые считают необходимым немедленно вывести войска из «горячих точек» России, признают над собой власть не государства и не закона, а именно начальства.

Эмоциональный портрет группы дополняет столь же противоречивое, как и у более молодых респондентов, сочетание чувств и мнений. Опрошенные испытывают «нелогичные» политические симпатии: коммунисту нравится Г. Явлинский, аполитичному — А. Собчак, а стороннику блока «Яблоко» — Е. Гайдар. Респондент, назвавшийся демократом, в равной степени готов видеть на посту Президента России таких разных политиков, как Б. Ельцин, В. Черномырдин и В. Жириновский.

Поведенческие реакции. Хотя уровень активности в данной группе не выходит за рамки участия в избирательном процессе, между поведенческими реакциями и политическими взглядами существует довольно сложная зависимость. Авторитарное подчинение сочетается с относительно высоким уровнем активности. В этом 35 — 45-летние не похожи на респондентов из других групп. Признание необходимости для рядовых граждан участвовать в управлении государством сочетается у них с толерантностью к оппозиции и признанием ее конструктивной роли в российской политике. Одновременно вектор этой активности направлен на установление более жестких законов в отношении приезжающих в Россию лиц иных национальностей.

«Демократические» и «авторитарные» тенденции в личности сочетаются довольно причудливо. Так, например, «коммунистка» — женщина с высоким уровнем локуса-контроля — политически терпимая, с чувством ответственности, на поведенческом уровне демонстрирует приверженность демократическим образцам. «Демократ» характеризует себя как самостоятельного, сильного, доброго, но его больше всего внутренне заботит «нехватка власти». Этот человек вряд ли осознает свои отношения с властью, так как на вербальном уровне отмечает стремление подчиняться, а не управлять. Его демократические взгляды выражены в когнитивной сфере, но не проявляются на поведенческом уровне.

Группа 45 — 55-летних

Первичная политическая социализация. К этой возрастной когорте принадлежат те, кто родился до

1939 г. или сразу после войны. Многие испытали послевоенные лишения. Первичная семейная социализация и начало школьного этапа проходили в условиях страхов тоталитарного общества. Из памятных политических событий своего детства они называют «дело врачей», смерть И. Сталина, XX съезд партии. Позже они пережили страх перед ядерной войной, шпиономанию. Один из респондентов рассказал о соседе-диссиденте, за которым следил КГБ, и о том, что его родители пускали этого человека в свой дом позвонить не без серьезных опасений.

В то же время детская картина мира, как она воссоздается из интервью, состоит из устойчивых и позитивных установок по отношению к системе, включая самые нелепые стереотипы пропаганды. Эмоциональное настроение тех лет во многом определялось победой над фашизмом.

Тип семейной социализации у респондентов сходный с группой, описанной выше: традиционная семья, во главе которой стоял отец. Воспитывали всех строго, но наказывали редко. Неудивительно, что три четверти респондентов считают необходимым наложить запрет на деятельность тех или иных политических партий и недовольны безвластием. Этот взгляд явно коррелирует с их опытом первичной социализации.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Все опрошенные пережили серьезную ресоциализацию. Их нынешние взгляды сильно сдвинуты в сторону демократических ориентации, которые окрашены в эгалитаристские и этатистские тона. Респонденты, считающие несправедливым имущественное расслоение, в то же время смиренно признают над собой власть отдельных людей. Те же, кто не видит в таком расслоении большой беды, осознают отличие своих взглядов от представлений родителей. Некоторые признают, что закон достаточно надежно защищает россиян от преступности. Это люди, которые признают над собой власть закона. Те, кто так не думает, считают себя вправе участвовать в забастовке. Последний показатель говорит о неосознаваемой логике респондентов: раз закон не наказывает тех, кто угрожает жизни, то уж тем более он не вправе карать тех, кто всего лишь бастует. До сих пор забастовка для этого поколения — форма политического участия, нарушающая советскую традицию. Для них преступить это табу равносильно тому, чтобы преступить закон. Если они эту черту переходят, то для них уже не важно вписывается ли забастовочная форма в некие легальные формы или нет.

Вообще участие в забастовках оказалось значимым моментом только для данной когорты. Респонденты, готовые к забастовке, идут на это, скорее, от отчаяния, чем потому, что считают забастовку формой демократического волеизъявления. Последнее подтверждается отрицательной корреляцией между готовностью к забастовке и высоким уровнем локуса-контроля. То есть граждане, которые готовы принять участие в забастовке, приписывают причины всего с ними происходящего внешним факторам (начальству, судье, другим людям, но не самим себе). Особенно это касается неудач, причины которых они также ищут во внешних обстоятельствах жизни. Корреляция между высоким уровнем локуса-контроля и участием в забастовках показывает, что последнее видится опрошенным как признание полного фиаско в жизни в целом.

Понимание демократии выдержано в духе легализма. Большинство представителей этой возрастной группы ставит соблюдение закона на первые места среди ценностей демократии. Важным им кажется и соблюдение прав человека. Здесь проходит водораздел между «демократами» и «коммунистами» (у последних права человека занимают 6-й ранг в отличие от 1-го и 2-го у демократов).

Эмоциональное отношение к политике в группе 45 — 55-летних ярче всего окрашено *моральными* категориями (честность, порядочность). В современных политиках их возмущают рвачество, хамелеонство, потворство преступлениям, национализму. При общей негативной установке к политике эта возрастная группа сохраняет общую поддержку системе. Поразителен их оптимизм в отношении будущего демократии в России на фоне малого интереса к политике в сочетании с высоким уровнем субъективного контроля. Это означает, что перед нами — люди, опирающиеся на себя, не ждущие помощи от государства. В то же время их оптимизм основан не на рациональном расчете, а на вере, на политическом «идеализме и романтизме».

Поведенческие реакции. Три четверти респондентов готовы участвовать в политике в качестве избирателей. Лишь один опрошенный демократической ориентации считает для себя возможным поддерживать политическую партию. Все члены этой группы на поведенческом уровне предпочли бы демократические модели взаимодействия с людьми (в частности со своими детьми они хотели бы иметь не авторитарные, а партнерские отношения). Но эти же люди проявляют нетерпимость к инакомыслящим, считают необходимым ужесточить законы по отношению к тем, кто преступает нормы морали, ввести более жесткие законы против приезжих другой национальности. Последний

показатель коррелирует с представлением о демократии как о сильном государстве.

Группа 55 — 65-летних

Первичная политическая социализация. Тех, кто родился в 1929 - 1939 годах, принято называть «шестидесятниками», или «детьми XX съезда». У них есть четко очерченная поколенческая психология. Именно выходцы из этой когорты - М. Горбачев, Б. Ельцин и их ровесники — совершили демонтаж советской системы. Их судьба была непростой: они пережили войну, сталинские репрессии, хрущевскую «оттепель», брежневские «заморозки» и перестройку. Большинство представителей этой группы в сталинские годы были «истинно верующими» в социализм, их вера была подорвана XX съездом. Второй раз их ресоциализация совпала с перестройкой, сторонниками и активными участниками которой они стали и с завершением которой многие из них сошли с политической сцены.

Нынешние политические ценности. Респонденты определяют себя как «либералов», «социал-демократов», «коммунистов» и «монархистов». Однако анализ **когнитивных представлений** приводит к выводу, что их самоидентификация не совсем точна. Так, одна из опрошенных, считающая себя сторонницей социально ориентированных реформ и отдающая предпочтение политической активности, личной независимости, правам человека и свободе как ценностям демократии, высказалась за то, что для «России необходимо иметь власть во главе с мудрым и осторожным политиком». Другой респондент — «коммунист» - признает необходимость насильственных методов для решения социальных проблем, что не мешает ему считать главными ценностями демократии права человека, свободу, равенство и соблюдение законов. При этом он критикует нынешний режим как недостаточно демократичный, а не как антикоммунистический. Наиболее противоречивые взгляды у «либерала»: в одном случае он характеризует демократию как соблюдение законов, в другом — акцентирует равенство и ограничение свободы слова ради сохранения государственности «вплоть до жестких, насильственных мер».

Анализ когнитивных структур выявил общие для группы тенденции: «черно-белый» тип политического мышления, идеализацию прежней жизни, к которой они были лучше приспособлены, сознание, хотя и противоречивое, но наиболее структурированное, по сравнению с другими возрастными группами. Для когорты (весьма малочисленной) характерно наибольшее число значимых корреляций.

Прежде всего представление о несправедливости резкого обнищания большинства населения, которое коррелирует с тем, что богатое меньшинство и в политике управляет бедным большинством. Наши респонденты полагают, что резкое экономическое расслоение несовместимо с такими демократическими ценностями, как свобода, личная независимость и сильное государство. Те, кто не приемлет экономического неравенства, хотят закрыть границы от соседей, считают возможным запретить некоторые партии и не принимают отношений с детьми как с партнерами. Последние три высказывания свидетельствуют о наличии вполне отчетливых авторитарных установок.

Эмоциональное отношение к власти основано на большем доверии, чем у предыдущих групп. Для когорты характерна негативная установка к настоящему и позитивная — к прошлому, но они до сих пор не утратили прежней веры в реформы. Это во многом объясняется детскими образами власти, которые эмоционально доминируют в сознании респондентов и перенесены на большую политику. Все респонденты прошли авторитарную социализацию, хотя политическое содержание переданных им семьей ценностей весьма различны. Например, респондентка социал-демократической ориентации идеализирует своего отца — бывшего царского офицера, не разделявшего официальных ценностей. «Либерал» считает, что получил строгое, но справедливое воспитание. Ему не позволяли вольностей, не разрешали участвовать во взрослых разговорах. Он и сейчас предпочитает подчиняться и негативно относится к радикалам. «Коммунист» под влиянием семьи через всю жизнь пронес сильную веру в авторитеты, разрушенную перестройкой. Сейчас в его душе опустошенность и незащищенность, которые он пытается заполнить хотя бы таким авторитетом, как представительная власть, но и она не вызывает у него прежних чувств.

Поведенческие реакции данной группы характеризуются замкнутостью и конформизмом. Респонденты не всегда уверены в себе (у них самый длинный, по сравнению с другими группами, список тех, с кем они будут советоваться, принимая сложные жизненные решения). Уровень активности в целом низкий. К власти они не стремятся, предпочитают подчиняться.

Первичная политическая социализация. Жизнь самого старшего поколения респондентов проходила на фоне двух русских революций и гражданской войны, коллективизации и репрессий, становления и разрушения социализма. Многие из них оценивают политику не столько сквозь призму давних впечатлений, сколько под влиянием условий жизни последнего времени. Среди факторов, воздействующих на их восприятие происходящего, наиболее значимым оказалось семейное положение. Из шести респондентов только у одного есть семья, остальные — вдовы и вдовцы. Половина из них тем не менее довольна жизнью, объясняя это не тем, что они имеют сейчас, а тем, что прожили ее с честью.

Семейная социализация данной группы обуславливала выработку навыков подчинения. Всех респондентов в детстве наказывали за непослушание, причем только одну из опрошенных ругали, к остальным применяли меры физического воздействия. Это относилось и к мужчинам, и к женщинам, выходцам из разных социальных слоев. Взгляды этих людей полностью совпадают с родительскими, зато расходятся со взглядами их детей.

Характер первичной социализации странным образом сказался на представлениях респондентов о власти. Все, кроме одного, признают над собой власть государства и законов, но не приемлют ни власти начальства, ни власти отдельных людей. Откуда этот протест? Связан ли он с пенсионной свободой в повседневной жизни или это реакция на авторитарное подавление, которая прорвалась в старости? Во всех случаях данная возрастная группа не желает более личной зависимости, хотя и привыкла быть законопослушной. Стремление к независимости представителями этой группы не осознается, о чем свидетельствует тот факт, что личная независимость как ценность демократии стоит у них на последнем месте.

Нынешние политические взгляды. Когнитивный срез. Старшее поколение мало интересуется политикой, но представляет себе политическую ситуацию достаточно верно, получая сведения из средств массовой информации. Среди них нет ни одного, чьи взгляды не вписывались бы в эгалитаристские и эгалитаристские формы. Все они признают несправедливым происходящее имущественное расслоение. Они считают аморальным отказ государства заботиться о престарелых, больных, о безопасности граждан. Примечательно, что эти взгляды никак не связаны с тем, за кого респонденты голосовали на последних выборах.

Хотя нынешние взгляды опрошенных не остались неизменными, трое из пяти идентифицируют себя с коммунистами, двое называют себя аполитичными. Это может показаться нелогичным, если учесть, что они лояльны к нынешней власти, а доверие и симпатию испытывают не к Г. Зюганову и В. Анпилову, а к политикам демократической ориентации. Естественно, речь идет о словесном одобрении, а не о реальной политической активности.

Представления о демократии у этой группы прежде всего связаны с равенством и свободой. Среди демократических ценностей ответственность находится на третьем месте. Демократия не только не воспринимается пожилыми людьми как условие развития личности, но, скорее, наоборот, видится им как форма подчинения личности государству.

Эмоциональное отношение к политике формируется в группе на общем пессимистическом фоне оценки собственной жизни и будущего России. Это не мешает респондентам проявлять позитивные установки в отношении Президента, государственных институтов, власти как таковой. Они негативно воспринимают анархию, распад государства, слабость армии, разрушение авторитетов, спекулятивную экономику.

Поведенческие реакции определяются теми же возрастными возможностями. Только один респондент готов принять участие в забастовке, остальные собираются участвовать в выборах. Идентификация с компартией не ведет ни к каким поведенческим последствиям.

Некоторые итоги

1. Изменения политических взглядов в ходе ресоциализации произошли во всех возрастных группах, хотя их результаты оказались весьма различными. Новые политические ценности встраиваются в сложившуюся личностную структуру в контексте той деятельности, которая доминирует у данного человека. При этом перемены затрагивают поверхностные слои личности, в то время как ее более глубокие пласты остаются неизменными.

Политические представления нередко противоречат друг другу. Эти случаи описаны применительно

к стабильным обществам. Но в ситуации политического кризиса, который сейчас переживает Россия, противоречивость политического сознания достигает высокого уровня, гранича с раздвоением личности. В нашем исследовании наблюдалось не только мучительное сосуществование прежних авторитарных и новых демократических взглядов, но и несоответствие между рациональным одобрением одних ориентации и эмоциональной симпатией к противоположным. Отсюда казусы — когда один из опрошенных, назвавший себя аполитичным, идет с автоматом защищать Моссовет в октябре 1993 г.

2. Уже первые результаты исследования показали, что многие расхожие стереотипы должны быть поставлены под сомнение. Один из таких стереотипов, имеющий широкое хождение в последние годы, — называть всех, кто родился и вырос в тоталитарном обществе, «авторитарными личностями». Наши опросы не подтверждают этого стереотипа. Старшие возрастные группы, родившиеся и жившие в тоталитарной политической системе, ничуть не авторитарнее ни в психологическом, ни в собственно политическом смысле. Они более склонны принимать идеи эгалитаризма и этатизма, чем молодые группы, но при этом их лояльность нынешней власти выше, они ответственнее и дисциплинированнее, чем более молодые граждане. Здесь не чаще, чем в других группах, встречаются закрытость мышления, отказ от равенства и справедливости. Пожалуй, единственное исключение — группа 55 — 65 лет, где есть значимые данные относительно большей закрытости и стремления доминировать.

3. Представления наших респондентов о демократии оказались весьма разнообразными. Примечательно, что большинство опрошенных на вербальном уровне позитивно воспринимает демократические ценности, отождествляя себя с демократией и демократами. Однако понимание демократии в разных возрастных группах отличается. Так, среди более молодых людей преобладают акценты на таких ценностях демократии, как свобода, права человека, личная независимость. Замыкают список приоритетов участие граждан в управлении и ответственность. Чем старше опрошенные, тем более важными они считают для демократии ответственность и равенство, у более молодых на первый план выходят элитаризм и антиэтатизм.

4. Не наблюдалось у наших респондентов и совпадения психологических и политических тенденций авторитарности. Напротив, часто ее политические и личностные проявления расходились. Многие респонденты, отождествляющие себя с демократией в политике, на поведенческом уровне демонстрировали выраженную авторитарность. В то же время «идейные» коммунисты могли продемонстрировать политическую терпимость, широту взглядов и ответственность. Однако и у тех, и у других отмечался недостаток, без которого демократическую личность трудно представить: политическая активность оказалась низкой во всех возрастных и социальных группах.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое механизмы стадии, агенты политической социализации?
2. Каковы основные факторы, влияющие на политическую социализацию молодого поколения в современной России?
3. Сравните особенности политической социализации поколения своих родителей и своего.

Литература

1. Ануфриев Е.А. Политическая социализация личности как проблема современной политологии // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1997. №3. С. 34.
2. Валиева С.Ф. Роль семьи в процессе социализации ребенка // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1997. № 3. С. 121.
3. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ, 1994. № 2. С. 18.
4. Здравомыслова О., Арутюнян М., Ожвэн-Курильски Ш. Образы права в России и Франции. — М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии, 1992. № 1.
6. Медведева И., Шишова Т. «Я с детства мечтал, что трубач затрубит...» Советы трудным родителям // Независимая газета, 1993, 29 декабря.
7. Разуваева Н.Л., Горчакова В.Г. Проблемы социализации в нестабильном обществе // Психологический журнал, 1996. № 3. С.

Глава 12. Политический менталитет

11 сентября 2001 года. Мир в шоке. Кажется все перестали понимать, что происходит. Атака террористов на Нью-Йорк и Вашингтон перевернула наши привычные представления о политике. Почему высшие государственные руководители Америки и других стран не знали о готовящейся операции? Кто такие террористы и что они хотели нам сказать? Почему такими беспомощными оказались в тот момент Президент США и другие мировые лидеры? Эти вопросы с особой силой вновь заставляют задуматься не только об устройстве политической власти в мире и в нашей собственной стране, но и о том, как все мы — политики, политологи, обычные граждане — **понимаем** этот процесс, кто и как нам его **объясняет** и кто лепит **виртуальный образ** власти. В современной политике этот субъективный срез политики является ничуть не менее важным, чем ее объективный, институциональный аспект. Чтобы разобраться в нем, политологи все чаще обращаются к анализу когнитивных процессов, используя категорию менталитета, или ментальности, применительно к индивидуальному или групповому политическому субъекту.

12.1. Понятие политического менталитета

Действие любой политической системы зависит от ее способности психологически воздействовать на индивида, побуждая его к поступкам, которые соответствуют целям системы. За исключением применения прямого насилия, когда гражданину уже не до рассуждений, все остальные меры из арсенала политического воздействия предполагают наличие у человека хотя бы минимального уровня знаний о политике, умения оперировать политическими категориями, наличия представлений и суждений о ней. Таким образом, между целями системы и поведением индивида лежит промежуточная «инстанция» в виде политического сознания — массового и индивидуального.

Чем более сложный характер имеет человеческая деятельность (а политическая деятельность основана на весьма изощренной системе взаимоотношений многочисленных субъектов и объектов политических отношений), тем большее значение приобретает отражающее и анализирующее ее сознание.

Все политические движения и партии, организации и объединения стремятся «достучаться» до граждан, формируя политические цели, ценности, нормы и установки. Правда, тактика их при этом может быть различной. Одна тактика основана на прагматической задаче обработки общественного мнения непосредственно перед принятием того или иного решения (голосование на выборах, участие в референдуме и т.д.). Его сторонники из числа политиков полагают, что избиратель ведет себя так, как покупатель в магазине, где он останавливает выбор на товаре, который лучше разрекламирован. Эти политики признают, что подобное краткосрочное воздействие, своего рода индокризация не формирует «идеального гражданина», да и не видят в этом для себя никакой пользы. Не видят они в ближайшем будущем и возможностей для создания долгосрочных программ по политическому просвещению. Распространение в последние годы манипулятивных технологий для достижения одной цели — формирования краткосрочной электоральной установки — тому свидетельство.

Другие политики, партии и движения, напротив, полагают, что возможно и желательно постоянно заниматься формированием политического сознания в виде целостной идеологии, что позволяет воспитать компетентных граждан и обеспечить высокий уровень их участия в политической деятельности. Правда, следует указать, что хотя эта цель ставилась многими политиками и теоретиками политики, в жизни она редко бывает достигнута. Более того, этот тезис также используется в целях манипуляции массовым политическим сознанием, что мы хорошо усвоили из опыта нашего недавнего прошлого.

Независимо от того, на каких позициях стоят современные политики-практики и политологи, их объединяет сегодня признание того, что политическое сознание является важным элементом политики и его необходимо исследовать для того, чтобы им управлять. При этом в исследовании политического сознания встречаются немалые трудности. Так, даже терминологически проблема формирования политического сознания в разных политических культурах ставится совершенно по-разному. Так, в эмпирических исследованиях западных политических психологов, категория «сознания» встречается крайне редко. Чаще они пользуются категориями политических «убеждений», «веры», «установок», «менталитета» и «идеологии». Последнее понятие также используется совсем в ином контексте, чем в нашем общественном сознании. В отечественной литературе, особенно советского периода, термин «сознание»

трактовался в духе марксистской традиции, причем в контексте, предполагавшем апелляцию не просто к рациональным интересам того или иного класса, а именно к «сознательности», то есть в специфическом морально-политическом смысле, непередаваемом ни на какие языки. В современной литературе предпочтение отдается терминам «массовая психология», «общественное мнение».

Сейчас никто не сомневается в актуальности изучения массового политического сознания как особого феномена, выработанного всей массой членов общества, а не представителями только специализированных видов духовно-познавательной деятельности*. В ходе трансформации российского общества ушла в прошлое единая официальная идеология. Политические взгляды людей, их настроения и чувства представляют собой все более сложную мозаику. Политическая социология, фиксируя изменения в конфигурации массового политического сознания, не углубляется в рассмотрения его глубинных психологических закономерностей.

---

* Уледов А.К. Структура общественного сознания. — М: Мысль, 1968. С. 160.

Исследования политического сознания средствами политической психологии характеризуется стремлением соединить анализ политического содержания с индивидуальными и групповыми механизмами его функционирования и формирования. Хотя такая задача и формулируется исследователями, но она пока далека от эффективного решения. В политико-психологических исследованиях для описания политического сознания широко применяются психологические категории (установки, стереотипы, ориентации, интересы, ценности и т.д.). Однако политической психологии еще предстоит выяснить, как эти отдельные составляющие политического сознания соотносятся с целостной личностью в процессе ее формирования, как общесоциальные и групповые механизмы сказываются на индивидуальном восприятии политических процессов. Не разработана пока еще и теоретическая модель становления политического сознания. Отсюда и многие упрощенные представления современных политологов. Так, для описания характеристики политического сознания в эмпирических исследованиях используются одномерные показатели. Например, уровень развития политического сознания личности измеряют с помощью такого показателя, как информированность о политике без учета системы ценностей, норм и установок, доминирующего мировоззрения в целом. Не менее сложными для интерпретации являются и проблемы выделения факторов политической среды, групповой коммуникации, экономических условий и т.д., определяющих политические установки*.

---

* См. Эдвард Г. Кармайнс и Роберт Хакфельд: Политическое поведение: общие проблемы. В кн.: Политическая наука. Новые направления. — М.: Вече, 1999. С. 235-262.

Таким образом, каждая из названных выше дисциплин имеет свой круг задач в изучении политического сознания, дополняя и обогащая представления о разных уровнях его проявления. В нашу задачу входит, прежде всего, психологический анализ этого феномена. Это означает, что даже изучение массовых форм политического сознания должно быть привязано к личностным механизмам его функционирования, а аналогии с общепсихологическими и социально-психологическими механизмами оправданы и правомерны.

Политическое сознание человека включено в сложную ткань его психической деятельности, функционирует в соответствии с ее законами. Общая психология определяет сознание вообще как «открывающуюся субъекту картину мира, в которую включен он сам, его действия и состояния»*. Политическое сознание представляет собой восприятие субъектом той части реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти, подчинения и государства с его институтами.

---

* Леонтьев А.Н. Сознание. Личность. Деятельность. — М.: Политиздат, 1975. С. 125.

При этом основные знания и представления человека о политике, его нормативные суждения о ней не являются продуктом лишь его индивидуальной практики. Они впитываются личностью из его социальной среды в ходе социализации. Полученные знания, ориентации, ценности и установки в совокупности образуют *политический менталитет*.

Понятие менталитета (ментальности) пришло из исторической психологии. Его ввели французские исследователи Леви-Брюль, А. Февр, М. Блох и оно означает «наличие у людей того или иного общества, принадлежащих к одной культуре, определенного общего «умственного инструментария», «психологической оснастки», которая дает им возможность по-своему воспринимать и осознавать свое природное и социальное окружение и самих себя»*. Несомненно, что в политических культурах и субкультурах существует особый стиль мышления и чувствования, он оснащает принадлежащих к ним

людей политическими взглядами, настроениями и чувствованиями, позволяя им идентифицировать себя с определенными политическими ценностями.

* Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология. // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 56.

Таким образом в политическом менталитете можно выделить два важных компонента. **Во-первых**, это **содержательная сторона**: взгляды, ценности, чувства и т.п., которые складываются в определенные системы, для обозначения которых используются идеологические «ярлыки». Так, когда о человеке говорят, что он «либерал», «красно-коричневый» или «демократ», то мы можем представить себе набор политических идей, соответствующих этим идеологическим стереотипам. Правда, в российской политической жизни последних лет эти понятия имеют не столь определенные очертания, как в иных стабильных обществах. Взгляды некоторых наших «коммунистов», на деле ближе социал-демократам, в то время, как взгляды других — к националистам; современные отечественные «либералы» признают необходимость государственной опеки над малоимущими, а под понятие «демократа» для сторонника демократического строя вообще попадают просто все те, кто приятен избирателю. Создание же предвыборных блоков вообще не поддается никакой политической логике: в одном блоке соединяются директора государственных предприятий и частные предприниматели, генералы и актеры, не говоря о наличии во многих объединениях представителей криминального мира.

Если же попытаться проследить динамику идейного содержания различных политических партий и движений за 90-е годы, то почти невозможно найти такие организации и движения, где не произошла бы смена приоритетов.

Во-вторых, это **стиль мышления** (когнитивный стиль), **характер политических рассуждений, способ восприятия системы** («психологический инструментарий»). Эту вторую сторону менталитета следует подчеркнуть особо, так как в конкретном политическом анализе чаще принимается во внимание те или иные политические цели и ценности, декларируемые определенными политическими организациями, чем характер их сцепления в контексте личности лидера или идеологической позиции той или иной партии.

Когнитивный стиль проявляет себя и на уровне группового политического сознания, и на уровне личности. Так, российский психолог В.Ф. Петренко провел интересное исследование документов различных российских партий в постперестроечный период. В результате были составлены когнитивные карты, отражающие **групповые** политические представления правых и левых, радикалов и консерваторов не по самоназванию, а по действительному способу их политического мышления*.

* Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал, 1991. Т. 12. № 6.

Что касается политического менталитета **личности**, то сегодня в российских условиях наблюдается большое многообразие когнитивных стилей в политическом мышлении, что связано, как с ориентацией на разные политические партии, так и с возрастными, социальными и иными особенностями личности.

12.2. Структура политического менталитета

Чтобы разобраться в сложных элементах политического сознания и понять, на основе каких закономерностей они действуют в личностном и в групповом уровнях, попробуем рассмотреть их структуру. В политической психологии, как и в психологической науке в целом, при анализе сознания принято выделять два блока элементов: мотивационные и познавательные. К мотивационным относятся потребности, ценности, установки, чувства. К познавательным — знания о политике, информированность, интерес, убеждения. Разделение это во многом условно, так как в жизни оба эти блока элементов тесно переплетены. Рассмотрим некоторые их наиболее важных элементов.

Рассмотрим **мотивационные** компоненты политического сознания на примере одного — **установки**. Установка — это специфическое состояние субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия, направленного на удовлетворение данной потребности в данной ситуации. Установка предшествует действию, являясь его начальным этапом, настроен на действие. Один из основоположников психологической теории установки, грузинский психолог Д.Н. Узнадзе подчеркивал тесную связь установки с ситуацией, с одной стороны, и с потребностью — с другой*.

* Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки // Психологические исследования. М., 1966.

Это положение основано на понимании установки как той промежуточной переменной, которая опосредует внешние стимулы, идущие от ситуации, и внутренние стимулы, определяемые потребностями личности. Установка включена в мотивационные механизмы поведения и сознания человека в силу того, что она во-первых, служит для настройки деятельности на определенный объект, а, во-вторых, обеспечивает относительно устойчивую форму потребностей и мотивов. Благодаря установкам, как считает Г.Г. Дилигенский*, субъекту не нужно постоянно определять, в чем состоят его потребности и способы их удовлетворения: они уже зафиксированы в установках.

---

* Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М.: Наука, 1994. С. 134.

В политической деятельности установка является регулятором поведения человека или группы, формирующим позитивное или негативное отношение их к власти, государству. Обычно исследователей и их заказчиков интересуют вполне конкретные установки: на политическую систему в целом, на режим, на конкретные политические институты, на политических лидеров и даже на те или иные политические решения или события.

Если политологу необходимо представить себе возможные действия той или иной группы населения, предположим, на выборах, то накануне этих выборов он будет изучать соответствующие политические установки. В основе такой процедуры лежит гипотеза, согласно которой любое политическое действие возможно лишь тогда, когда человек настроен на него, имеет предварительную готовность к действию, то есть у него сложилась определенная (позитивная или негативная) установка.

В психологических исследованиях принято выделять в структуре установки три компонента: *когнитивный*, *эмоциональный* и *поведенческий*, каждый из которых образует «относительно самостоятельные подсистемы регуляции активности субъекта»*.

---

* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под ред. Ядова В.А. - Л.: Наука, 1979. С. 24.

Когнитивный элемент установки предполагает наличие у личности предварительных знаний, интереса к политике. Наличие этого компонента объясняет тот отбор информации, который личность имеет о партиях, политиках, процессах, о которых она уже осведомлена и к которым приковано ее внимание. **Эмоциональное** отношение к политическому объекту (нравится — не нравится, приятно — не приятно, доверяет — не доверяет), как правило, предшествует критическому осмыслению информации о политике. Без этого компонента не получили бы столь большого значения политические предрассудки, расовые стереотипы, проявления религиозной и национальной нетерпимости. И, наконец, **поведенческий** компонент установки представляет собой собственно готовность к действию: будь то голосование, участие в митинге или шествии, вступление в партию или террористический акт.

Политическое сознание граждан имеет весьма противоречивый характер. Во-первых, их представления нередко не стыкуются между собой. Этот феномен нередко и наблюдается в стабильных обществах. Но в ситуациях политического кризиса того масштаба, какой сейчас переживает Россия, противоречивость политического сознания на личностном уровне достигает высоких значений, гранича с раздвоением личности. В нашем исследовании мы наблюдали не только мучительное сосуществование прежних авторитарных и новых демократических взглядов, но и несоответствие между рациональным одобрением одних ориентации или лидеров и эмоциональной симпатией к противоположным. Отсюда и казусы — когда один из опрошенных, назвавший себя аполитичным, идет с автоматом защищать Моссовет в октябре 1993 г., а другая женщина — идейная коммунистка — сообщает, что голосует за демократов Гайдара и Козырева.

Политические установки вызвали интерес у исследователей и политиков-практиков в связи с тем, что появилась необходимость учитывать их как средство обратной связи между теми, кто принимает решения, и теми, кто их исполняет. Установки отличаются друг от друга, прежде всего, по степени их глубины и укорененности в личности.

Наиболее распространенными являются исследования политических установок в форме мнения. **Мнения** — это лишь один из видов политической установки, отличающийся неустойчивостью. Мнения представляют, прежде всего, поверхностный, вербальный слой сознания и совсем не обязательно соответствуют более глубоким личностным образованиям.

Более глубокие корни имеет другой вид установки — **диспозиция** или **общее отношение**. Третий вид установки — **убеждения**, которые составляют своего рода стержень личности. Политические психологи, изучающие лидеров, среди множества их убеждений обращают особое внимание на наличие среди них национализма (этноцентризма) и недоверия к людям и институтам. Эти два рода убеждений

составляют когнитивную основу авторитаризма. Еще одним важным убеждением является уверенность политика в подконтрольности событий. С помощью теста Дж. Роттера определяется уровень субъективного контроля индивида. Этот тест позволяет выяснить, приписывает ли человек все свои удачи и провалы самому себе или винит во всем судьбу, обстоятельства и т.п. По нашим данным политики отличаются от прочих граждан тем, что у них уровень субъективного контроля выше, чем у среднего гражданина. Есть свидетельства и в пользу того, что демократические ориентации в политике коррелируют с высоким уровнем этого показателя*.

* Renshon S. Handbook of Political Socialization Theory and Research. — N.Y.: Free Press, 1977.

Говоря о мотивационных элементах политического сознания, заметим, что установки включают действие внутриличностных механизмов, опосредующих внешние стимулы политической среды. Для этих структур политического сознания характерно, что они пронизаны эмоциями, которые определяют динамику восприятия политических процессов и явлений.

Политическая психология выделяет и другой — **познавательный** — срез сознания. Его показателями в эмпирических исследованиях выступают интерес личности к политике, ее информированность, знания о политических событиях и лидерах, и, наконец, связанность представлений в определенную идеологическую схему.

В современной политике по сравнению с традиционными политическими системами наблюдается тенденция усиления **интереса** граждан к политике (при всех ситуативных подъемах и спадах такого интереса). Об этом свидетельствуют данные последних десятилетий в разных странах. Так, в ФРГ на протяжении 50 — 70-х годов доля лиц, интересующихся политикой возросла с 22 до 49%, а доля тех, кто ею вообще не интересуется, уменьшилась с 39 до 9%. Во Франции только с 1969 по 1977 годы доля интересующихся возросла в три раза. В Италии число тех, кто активно следит за политическими событиями с 1968 по 1976 год возросло с 24 до 48%. В Западной Европе в 1981 г. примерно 40% опрошенных выражали интерес к политике*. Еще раз уточним: речь идет о тенденции, характерной для стабильных политических систем с развитыми традициями демократии.

* Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. — М.: Политиздат, 1986. С. 181.

Российский политический процесс в долгосрочном контексте выглядит типичным для стран с элементами авторитарной политической культуры. При высоком уровне участия в политике (поголовное голосование) интерес к политике в советские времена был не высоким. В первые перестроечные годы вплоть до 1991 г. наблюдался взрыв интереса к публичной политике при одновременном падении числа тех, кто участвовал в рутинных формах политического поведения при одновременном увеличении его нетрадиционных форм. Показательна динамика политического интереса, зафиксированная нами в исследованиях 1996 и 2000 гг.

Интересуетесь ли Вы политикой в настоящее время?

1996 г.

2000 г.

☐ Очень интересуюсь	12,7	9,2
☐ Слежу за всеми политическими событиями	25,4	25,9
☐ Имею общее представление, но детали пропускаю	34,1	34,3
☐ Мало слежу	22,0	20,5
☐ Не интересуюсь совсем	5,2	8,8

Как видим даже за пять лет число очень интересующихся политикой снизилось, хотя численность других категорий осталась примерно на том же уровне

Помимо информированности и интереса к политике, в познавательном блоке политического сознания следует выделить еще два важных элемента. Речь идет о когнитивном стиле и операциональном коде. **Когнитивный стиль** — термин, описывающий **способ мышления**. Среди характеристик когнитивного стиля политические психологи выделяют такие, как *понятийная сложность или простота, доверие или недоверие к партнеру, инструментальный акцент (ориентация на «дело»)*. Так одним людям свойственно восприятие политики в черно-белых тонах, а другим — большая понятийная сложность, большее разнообразие оттенков политических позиций. Первый тип когнитивного стиля — с низкой интегративной сложностью обычно отличает людей негибких, догматичных, невосприимчивых к новому. Ряд исследователей установил и связь такого когнитивного стиля с конкретными политическими ориентациями. Так, было доказано, что низкая понятийная

сложность чаще встречается у право-консервативных, чем у либеральных политиков и их сторонников. Вообще радикалы и справа и слева более склонны делить людей на «наших» и «не наших»*. В нашем исследовании образов власти мы установили, что представления опрошенных относительно власти и на предыдущих этапах и сейчас являются когнитивно скорее сложными, чем простыми у более, чем половины респондентов. Это не мешает тому, что их образы власти являются не слишком четкими.

* Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М.: Наука, 1994. С. 193-194.

Операциональный код — понятие, применяемое чаще к политическому сознанию лидеров, чем обычных граждан, было выработано в политической науке. Н. Лейтес, А. Джордж, С. Уолкер используют этот термин для обозначения «ответов» политиков на ряд философских (стратегических) и инструментальных (тактических) ответов в политике. Например, в мышлении политика содержатся некоторые устойчивые представления о природе политики, о перспективах реализации их политических ожиданий, о возможности контроля над историческими событиями и т.п. С. Уолкер свел эти кластеры представлений в следующую общую схему.

Таблица 12.2

СТРУКТУРА ОПЕРАЦИОНАЛЬНОГО КОДА

Характеристики представлений политика	Поведенческие проявления
Дружелюбие/враждебность	Политическую жизнь видит скорее как гармоничную, чем как конфликтную. Отношения с оппонентами скорее дружественные, чем враждебные
Оптимизм/пессимизм	Оптимизм или пессимизм в отношении реализации целей и ценностей
Уровень контроля	История воспринимается как контролируемая людьми, а не случаем
Формулирование целей	Предпочитает всеобщие и долгосрочные цели частным и ограниченным
Методы достижения целей	Вербальные (обещания, угрозы) либо действия (подкрепления, санкции), политическое урегулирование либо конфликт, позитивные (призывы к поддержке и сама поддержка) или негативные (сопротивление, оппозиция) методы

Источник: Winter D., Hermann M., Veintraub W., Walker S. The Leader as a Projective Scene //Political Psychology, 1991. V. 12. № 2.

Понятие **операционального кода** является связкой между политическим сознанием и поведением. На основании вербальных проявлений политического сознания политический психолог может реконструировать и поведенческие характеристики личности. О тех или иных компонентах операционального кода мы можем судить по выражениям чувств в речи политика, оценок, прямых обращений к аудитории. Много могут сказать о ключевых представлениях операционального кода усиливающие наречия и риторические вопросы, отрицания, определения и другие вербальные формы проявления указанного элемента политического сознания.

Подводя итог сказанному о структуре политического сознания заметим, что по своему составу она неравномерна. Одни элементы в нем могут быть зрелыми и развитыми, между тем, как другие находятся в процессе становления. Формирование политического сознания наталкивается на препятствия, как субъективного, так и объективного характера. В недавнем прошлом адекватному отражению политики в сознании граждан препятствовали прежде всего идеологические штампы. Сейчас, напротив, многие политологи видят опасность в том, что в обществе нет устойчивых идеологических схем, которые помогли бы конкретному человеку «сверить» свою политическую картину мира с национальной, что облегчило бы его ориентацию в мире. Главное, что новые поколения входящих в политику изначально не имеют целостного представления о политике, которая представляется им как неустойчивая и совершенно чуждая для большинства людей сфера деятельности. Анализ происхождения политического сознания личности посвящен следующий параграф.

12.3. Становление политических взглядов личности

Политическое мышление детей и подростков

До сих пор мы говорили о политическом сознании личности, отвлекаясь от того, как оно складывается. Между тем, различия в стилях политического мышления, типах отражения политической системы имеют свои истоки в характере политической социализации. Все те институты, которые призваны заниматься политическим воспитанием, как правило сосредотачивают свои усилия на совершенствовании воздействий, идущих от системы к личности. Но нельзя не видеть, что эти воздействия далеко не автоматически воспринимаются личностью, имеющей свои внутренние законы, возрастные и другие особенности. Весьма важно учитывать возможности личности анализировать политическую информацию на разных этапах созревания.

Данные психологической науки о генезисе мышления служат теоретическим фундаментом анализа созревания политического мышления и сознания. Одним из оснований этого направления работ в области политической психологии являются труды выдающегося швейцарского психолога Жана Пиаже, предложившего свою схему созревания детского мышления и его качественного отличия от мышления взрослых*.

---

* Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М: Просвещение, 1969.

Так, согласно Пиаже, становление речевого мышления начинается на втором году жизни ребенка. В этом возрасте впервые действия ребенка отражаются в форме мысли. С этого возраста и примерно до 7 лет ребенок проходит дооперациональную стадию мышления, которая характеризуется Пиаже как стадия «эгоцентризма» (позже она назвала ее стадией «центризма»). Для этого этапа характерно мышление с точки зрения «я», использование образов, а не понятий, концентрация на настоящем моменте.

В возрасте 7 лет происходит переход на стадию конкретных операций. Мышление ребенка «децентрируется», становится свободным от непосредственных восприятий и искажений. Ребенок начинает понимать, что существуют разные точки зрения. Эгоцентризм уступает место социальности. После 11 лет мышление ребенка переходит на новую стадию — стадию формальных операций, которая в основном завершается к 15 годам и характеризует «зрелый ум», способный к дедуктивным умозаключениям и построению гипотез.

Политическая психология развила представления Пиаже о стадиях созревания детского мышления применительно к собственно политическим сюжетам, т.е. мышлению детей и подростков о законах, индивидуальных правах граждан и общественном благе. Одним из первых эту работу начал американский политический психолог Дж. Адельсон. Его исследовательская группа изучала сдвиги в политическом мышлении детей и подростков с 11 до 18 лет в ФРГ, Англии и США.

Данные Адельсона и его коллег свидетельствуют о неравномерном развитии структур политического мышления на разных этапах социализации индивида. Так, оказалось, что в возрасте 11 -13 лет происходит чрезвычайно быстрое развитие политических представлений. По сравнению с этим периодом прогресс с 16 до 18 лет оказывается весьма скромным. При этом мышление 11-летних подростков конкретно, персонализировано и эгоцентрично. Если им говорят об образовании — они имеют в виду учителя, ученика, директора школы. Говорят о законе — видят перед собой полицейского, преступника, суд. Упоминают о правительстве — представляют себе королеву, министра, мэра, 15-летний подросток уже способен к абстрактному, формально-логическому мышлению. Он пользуется такими понятиями, как власть, права человека, свобода, равенство. Дж. Адельсон делает вывод о том, что по мере когнитивного созревания появляется важное изменение политического мышления: достигается уровень абстрактного мышления*.

---

* Adeison J., Green B., O'Neil R., Growth of Idea of Law Adolescence // Developmental Psychology, 1969. № I. P. 327 - 332.

По мере развития политического мышления происходит расширение временной перспективы. Так, подросток в отличие от ребенка способен осознать как ближайшие, так и более отдаленные воздействия политических событий в настоящем и будущем. С возрастом развивается способность оценивать последствия тех или иных политических явлений не только для отдельного человека, но для группы и общества в целом. К среднему подростковому возрасту достигается некоторое понимание характера деятельности общественных организаций и институтов.

Дж. Адельсон также отмечает, что в ходе когнитивного развития происходит изменение самого характера суждений о политике. В предподростковом возрасте мышление имеет характер немедленного, чувственного, очевидного и прагматичного отражения реальности. В середине отроческого возраста формируется автономная система морально-политических принципов, влияние которых с возрастом укрепляется и зачастую оказывается сильнее узко понятого интереса.

Весьма симптоматичен вывод, сделанный Дж. Адельсоном: среди подростков в 70-е годы было шире распространено стремление к реальной перспективе взрослых, чем к «юношеским идеалам». Идеализм среди них встречался реже, чем скептицизм, осмотрительность, осторожность и трезвость оценок. Адельсон пересмотрел вывод Ж. Пиаже и Кольберга, полученный ими в 50 — 60-е годы. Он утверждал, что по мере морального и когнитивного созревания у подростков нарастает неприятие политических условностей. Чем выше при этом интеллект, тем более критичны подростки по отношению к существующему политическому порядку. Вывод Адельсона прозвучал неожиданно: ведь согласно житейским представлениям, юность — это время романтических порывов, мечтаний об изменении мира к лучшему.

Следует отметить, что данные, полученные в стабильных политических системах развитых стран Запада, не во всем применимы к иным политическим условиям. Прежде всего, даже в общепсихологических исследованиях было показано, что культурно-исторические условия формирования личности могут способствовать коренной перестройке всей структуры психики. При этом под влиянием смены социальных условий меняются даже такие устойчивые образования, как представления человека о цвете, времени, пространстве*.

---

* Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. — М., 1974.

Что же говорить о более подвижных политических структурах сознания? Их формирование нельзя себе представить в отрыве от влияния на личность объективных экономических и политических процессов. Что касается изменений политического сознания и процессов политического мышления под воздействием самой политики, тех глубоких сдвигов, которые произошли в российской политической жизни, то их исследование только начинается. Так, детские психологи свидетельствуют о том, что из жизни наших самых маленьких граждан вместе с Павликом Морозовым, Васьком Трубачевым и Тимуром и его командой ушли не только идеологические штампы, но и в целом позитивное представление о мире. Результат — атомизация и разрушение самой политической системы и ощущение тревоги, страха, чувства незащищенности*.

---

* Медведева И., Шишова Т. «Я с детства мечтал, что трубочка затрубит...» Советы трудным родителям // Независимая газета, 1993, 29 декабря.

В конце 80-х — 90-х годах в политическом сознании молодых людей произошел ряд изменений:

- публичный отказ от официальных стандартов советской политической идеологии, ее лозунгов и символов. Особенно быстрый процесс десоветизации и даже деидеологизации как таковой — примерно 1988 — 1991 гг.;
- спад политической мобилизации после сплочения наиболее квалифицированной и социально-активной части населения (включая образованную молодежь крупных городов) вокруг фигур и идей горбачевской перестройки а затем ельцинского суверенитета России — примерно 1990 — 1991 гг.;
- утрата доверия большинству политических институтов и лидеров России — примерно 1991 - 1993 гг.*

---

* Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ. - М., 1994. № 2. С. 18.

Политическая социализация и политическое воспитание.

Одна из важнейших проблем в изучении генезиса политического мышления — это вопрос о соотношении естественных процессов созревания мыслительного аппарата и целенаправленного воздействия общества, школы, семьи и других факторов, осуществляющих политическое воспитание.

Политические психологи изучали эту проблему на материале формирования национального самосознания. В исследованиях Ж. Пиаже и А. Вейл выявлена динамика национального самосознания по мере созревания когнитивных характеристик личности*.

---

* Piaget J., Weil A. The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with Other Countries// International Social Science Bulletin, 1951. № 3. P. 361-378.

Эти исследователи задались вопросом: как человек узнает, откуда он родом? Ответ на этот вопрос дало изучение детей из Женевы 7 — 8, 10 - 11 лет и старше. Так, дети до 7 лет отрицали, что они одновременно являются и женецами и швейцарцами, хотя и понимали, что Женева находится в Швейцарии. В то же время они не разграничивали четко понятий «женец» и «иностранец», хотя и понимали каждое из них в отдельности. Им кажется, что француз, живущий в Женеве, — тоже немножко швейцарец.

Важно, что осознание ребенком своей принадлежности к стране, народу, городу и т.п., осознание взаимоотношения своей страны с другими странами и этническими группами, связано с характером когнитивного и эмоционального развития, проходит определенные стадии и подчиняется возрастным закономерностям. Пиаже выделял именно эти стабильные характеристики когнитивной сферы, отвлекаясь от того, в каком духе воздействует на ребенка социальная среда: в духе национальной терпимости или шовинизма, взаимности или возвышения одного народа над другим.

Продолжением этой линии исследований стали работы шотландского политического психолога Г. Яходы. Он установил, что немало 6-, 7-, и даже 9-летних жителей города Глазго даже не слышали о таком городе или думали, что он находится где-то поблизости. Если принять во внимание сложные англо-шотландские отношения, то становится понятным, что многие из детей раньше осознают себя англичанами или шотландцами в политическом смысле, чем понимают, как соотносятся географические понятия: Глазго, Шотландия, Британия. Яхода приходит к выводу, отличающемуся от вывода Пиаже: его респонденты уже в 11 лет могут формировать абстрактные понятия, сделать логические заключения, особенно в тех случаях, когда эти понятия отражают значимые для них политические явления.

К аналогичным выводам приходят и исследователи в отношении способности восприятия детьми социальных и классовых различий. Так, Р. Коннел* в этом процессе выделяет три стадии. Во-первых, — стадия драматических контрастов (5 — 8 лет). Во-вторых, — стадия конкретного реализма (8 - 12 лет) и в-третьих — стадия формирования классовых схем (12 — 16). Исследование выявило не только наличие стадий когнитивного развития, влияющих на способность воспринимать классовые различия, но и зависимость восприятия от воздействия социальных факторов. Принадлежность ребенка к определенной социальной среде влияет на его классовые ожидания (например, каждый может стать миллионером). Оказалось, что у детей рабочих — в отличие от выходцев из среднего класса — замедлено созревание реалистических классовых представлений.

---

* Connel R. Class consciousness in Childhood. // Australian and New Zealand Journal of Sociology, 1970. № 6. P. 87 — 99.

Эмпирические исследования показывают, что естественные процессы созревания политического сознания в соответствии со стадиями когнитивного развития ребенка и подростка замедляются или ускоряются под влиянием политической системы, ее институтов, различных агентов политической социализации. Политическое воспитание, в отличие от стихийного процесса социализации, всегда имеет ту или иную направленность и нацелено на конкретный результат. Этому способствуют школьные учебники и система рекрутирования и воспитания самих учителей, средства массовой информации и специальные правительственные программы. В тех случаях когда система заинтересована в мобилизации новых поколений на политическое участие, образ политической системы складывается в политическом сознании молодых людей более адекватным. Но в тех случаях, когда система стремится иммобилизовать часть населения, выключить их из активного действия, она включает такие факторы, которые либо замедляют созревание, либо искажают восприятие политики в направлении, выгодном официальной политике. Известно немало случаев, когда плодом такого политического воспитания становится национальная и расовая рознь, конфликты, отчуждение от политики.

В российской политической жизни последних десятилетий происходит переориентация школы на новые официальные политические ценности. Так, согласно нашим исследованиям, молодые люди, прошедшие социализацию уже в годы перестройки, на вербальном уровне вполне усвоили новые ценности либерального спектра*. Для них стали значимыми ценности прав человека, свободы, личной независимости. В то же время говорить о системе политического воспитания в духе демократии и после десяти лет демократической трансформации не приходится. Во-первых, нет разработанной и адаптированной для детей системы новых политических ценностей, что отражается в противоречивом их наборе в учебной литературе. Во-вторых, учителя поставлены перед необходимостью быть ретрансляторами ценностей, которые они либо не разделяют, поскольку они воспитаны в старой

системе политических координат, либо не понимают сами, так как система с ними специально не работает, не обеспечивает их методически.

* Шестопа́л Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. — М.: РОССПЭН, 2000. С. 190 - 192.

Не только в России, но и в более стабильных политических системах цели политического воспитания нередко оказываются не реализованными, так как требуется для поддержания системы в равновесии. Результатом является сохранение политического инфантилизма не только в детском и подростковом возрасте, но и в более зрелые годы. Это означает, что у личности не сформированы автономные, не зависящие от ситуации политические убеждения. По данным политических психологов, люди с такими связанными политическими представлениями составляют не более четверти взрослого населения. Остальные подвержены внушающим воздействиям со стороны лидеров популистского типа. Их политические взгляды и поступки меняются в зависимости от того, какая политическая погода за окном. Именно это политическое «болото» является наиболее отзывчивым на манипулятивные технологии во время выборов.

Сложность формирования зрелого и адекватного политического сознания в современной России дополняется помимо общих проблем, характерных в целом для этого процесса, еще и тем, что сейчас в стране отсутствуют выраженные идеологические схемы (принадлежащие не только официальной власти, но и оппозиции). Привычка с определенным скепсисом относиться к официальным целям и ценностям, оставшаяся со времен застоя, сочетается с разрушением стабильной картины мира и политической пассивностью. Это создает у молодых граждан неустойчивый и противоречивый тип политического сознания, который не способствует достижению гражданской зрелости и делает личность легкой добычей манипуляторов. Школьному учителю не под силу заменить собой всю систему идейных приоритетов, которые должна вырабатывать вся политическая система. Он привык быть ее ретранслятором. Однако когда он остается один на один со своими учениками, он не может избежать их вопросов и, если хочет остаться для них авторитетом, вынужден самостоятельно искать ответы на все трудные политические вопросы.

Вопросы для обсуждения

1. Что такое политический менталитет?
2. Какие психологические элементы составляют структуру политического менталитета?
3. Какие закономерности управляют становлением политического сознания личности?
4. Что такое операциональный код и как его можно выявить?

Литература

1. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. — М., 1969.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М.: Наука, 1994.
3. Гаджиев К.С. Политическое сознание или политическая культура? // Кентавр, 1991. № 12. С. 14 — 25.
4. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал, 1991. Т. 12. № 6.
5. Громова Р. К типологии политического сознания // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ. — М., 1999. № 2 (40). С. 11—15.
6. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования, 1994. № 1.
7. Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989 — 1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения, ВЦИОМ. — М., 1995. № 1. С. 10.
8. Марш А. Протест и политическое сознание. В кн.: Проблемы общественно-политического сознания трудящихся. — М., 1980.
9. Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис, 2000. № 4.

Глава 13. Политическое поведение

Чтобы хоть как-то разобраться в хаотической, становящейся все менее прозрачной и предсказуемой политике, лучше всего рассматривать ее как спектакль*, в котором заданы роли и есть исполнители.

При этом, поскольку сценаристы со своей задачей справляются плохо, актеры вынуждены импровизировать, хотя и в рамках своих ролевых возможностей. Эта аналогия тем более оправдана, что с приближением очередных выборов сама политика все более и более приобретает характер шоу, где действуют не столько реальные политики, сколько их виртуальные имиджи. Но для начала — немного теории.

---

* См. интересную работу: Edelman M. *Constructing the Political Spectacle*. — Chicago: Chicago University Press, 1988.

13.1. Теоретические подходы к анализу политического поведения

Начнем анализ того, что люди делают в политике, с моделей, объясняющих внутреннюю механику политического поведения. В 1994 г. исполнилось 50 лет с начала новой эпохи в исследовании политического поведения. Первая работа Пола Лазарсфельда и его коллег из Колумбийского университета была посвящена исследованию выборов, где основное внимание уделялось поведению избирателей в ходе президентской кампании 1940 г. в Эльмире (штат Нью-Йорк)*.

---

* Lazarsfeld P.P., Berelson B., Gaudet H. *The People's Choice*. - N.Y.: Columbia University Press, 1944.

Другой вехой на пути становления новой парадигмы в политологии - поведенческого подхода к политике - стали работы Д. Кэмпбела, П. Конверса, У. Миллера и Д. Стоукса* и книга Энтони Даунса об экономической демократии**.

---

* Campbell A., Converse P. E., Miller W.E., Stokes D.E. *The American Voter*. -N.Y.: Wiley, 1960.

** Downse A. *An Economic Theory of Democracy*. — N.Y.: Harper and Row, 1957.

К этому времени сложились три подхода, основанных на традициях политической социологии, социальной психологии, и политэкономии, каждый из которых по-своему трактовал поведение индивида, делающего свой выбор в политике на основе рациональности и личной заинтересованности*.

---

* Более подробно об этом см. в книге: Политическая наука. Новые направления. - М.: РОССПЭН, 2000. Часть III.

Сам термин «политическое поведение» пришел из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении «наблюдаемого поведения», то есть только тех проявлений политики, которые можно регистрировать со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в поле политики. Политические бихевиористы (Д. Истон) предложили подход, названный ими ситуационным. Ситуационные факторы включают: 1) физическую среду, 2) органическую среду и 3) социальную среду. Эти факторы не связаны с тем, что думают по этому поводу сами участники политического процесса и имеют объективный характер. Их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить корреляцию между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений исследования демократии является установление зависимости между объективным фактором — уровнем социально-экономического развития и утверждением демократического режима. Гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров предложил известный американский исследователь С. Липсет.

Другой разновидностью той же трактовки поведения является теория политического обмена (П. Блау), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит и в экономике: кто больше вносит средств, времени и сил, тот может рассчитывать на получение от политики большего «вознаграждения». Само политическое поведение рассматривается как результат рациональных решений о том, что индивиду более выгодно. Эта модель применяется и для прогноза результатов выборов, и для анализа принятия решения лидерами. Согласно этой гипотезе человек рассматривается как исключительно «рыночное существо», без внимания остаются его эмоциональные порывы и стихийные поступки, не говоря уже о ценностях и взглядах.

Для теоретиков **конфликта** (Г. Экстайн) характерно представление о политическом поведении как обреченном на конфликт: либо внутри - либо внешнеполитический. Конфликт и согласие рассматриваются как два нормальных состояния человеческого существования. Но в политике, в отличие от выяснения отношений с помощью драки, — конфликт облекается в некоторые условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения конфликтной ситуации (договор об общественном согласии, договор о ненападении, операции по поддержанию мира и т.п.).

В целом в политической науке в понятие «политическое поведение» включают и действия

отдельных участников, и массовые выступления, активность организованных субъектов власти, и стихийные действия толпы, акции в поддержку системы, и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы также трактуются как формы политического поведения.

Психологические составляющие политического поведения

Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения дополняются исследованиями собственно психологической природы тех поступков, которые совершают граждане.

Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул-реакция» промежуточные факторы, некое «среднее звено», которым может быть установка, мотив, убеждение или ценность, принадлежащая либо отдельному индивиду, либо группе. Как заметил Ф. Гринстайн, «поведение — это функция и от ситуации, складывающейся в окружающей акторов среде, и от тех психологических predispositions, которые они привносят в ситуацию»*.

---

* Greenstein F. The benevolent leader: Children's images of political authority // ASPR, 1969. Vol. 53. P. 935.

А это означает, что никакую форму политического поведения нельзя напрямую объяснить только как результат воздействия политических стимулов. За исключением, может быть, самых простых проявлений политической активности, предпринятых ради выживания, все остальные акции опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три формы проявления человеческой активности: **инстинктивную, навыки и разумную***. Эта психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

---

* Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М.: Изд. Мин. просвещ. РСФСР, 1946. С. 98. 8

Инстинкты представляют собой врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направление энергии поведения. Хотя между психологами нет единства в вопросе о том, каковы границы действия инстинктов у человека, но общепризнанно сегодня положение о том, что значительное число форм поведения имеет инстинктивный характер. Одни психологи насчитывают таких инстинктов десятки, другие доводят их число до нескольких тысяч. Набор инстинктов включает как все автоматизмы в поведении человека (от дыхания до ходьбы), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике мы находим проявление всех человеческих инстинктов от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно инстинктивная основа поведения в политике объясняет прежде всего направление энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаются самим человеком.

Так **инстинкт самосохранения** толкает политиков на борьбу за власть и объясняет некоторые нерациональные поступки с точки зрения здравого смысла. Историки и политологи до сих пор спорят о причинах жестокости таких деятелей, как И. Сталин. Между тем политические психологи* приходят к выводу, что именно потребность оградить свою травмированную самооценку от любых сравнений с эталоном, выбранным им с юности (В. Лениным), побуждало его избавляться от конкурентов.

---

* Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. — М.: Прогресс, 1990.

Сама **жестокость, насилие, агрессия** — это тоже инстинктивные формы поведения. Одни авторы полагают, что эти формы поведения — врожденные. Другие видят в них результат научения. Третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию. Однако, помимо агрессии, фрустрация вызывает и другие формы инстинктивного поведения: апатию, регрессию, подчинение и избегание*. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

---

* Doves R., Hughes J. Political Sociology. — Chichester: 1983. Ch. 13.

Солидарность — это также одна из инстинктивных форм поведения индивидов, которые способны не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать. В основе проявлений солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной партией, группой, нацией, и позволяющая объединить

усилия членов этих групп в достижении своих целей и интересов. Одним из классических проявлений солидарности являются различные акции протеста, принятые в поддержку своих товарищей, когда, например, работники отрасли объявляют готовность к забастовке, чтобы поддержать то предприятие, которое находится в конфликте с администрацией.

Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Второй формой поведения являются **навыки**. В отличие от врожденных инстинктов, большая часть проявлений человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Навыков требует поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного функционера и сторонника движения. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду определенные **умения**, которые требуются для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса, **привычки**, образующиеся у граждан в определенной политической культуре, **стереотипы**, являющиеся следствием повторения определенных политических действий и упрощающие принятие решений.

Политические умения или компетентность предполагает, что гражданин знает, что он должен делать в своей политической роли и как добиться желаемого им результата. В российской политической жизни последних лет достаточно широко распространена точка зрения, что рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Отсюда и неэффективность проводимых реформ. Насколько это верно с точки зрения политической психологии?

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, действительно не всегда помогают действовать в новых условиях. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми парадоксами. Так, раньше у населения был выработан стойкий политический навык участия в выборах. Число голосующих в советские времена превышало 90% дееспособного населения, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации мы наблюдаем последовательное снижение числа участвующих в голосовании. Так, если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 г. приняло участие 90% граждан, в выборах в республиканские и местные органы власти 1990 г. — около 80%, то в парламентских выборах 1993 и 1995 г. в РФ участвовало уже чуть больше половины избирателей. Между тем, в конце 90-х годов в выборах регионального и местного уровня явка избирателей была столь низкой, что многие законодательные собрания вынуждены были снизить планку до 25%, но даже эту планку нередко избиратели взять не могут, и выборы признаются недействительными.

Но одновременно с утратой одних навыков наши граждане приобрели другие. Электоральное поведение становится хотя и менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате этого навыка у большого числа граждан), но зато у тех, кто ходит голосовать, появляется определенная компетентность. В отличие от начала 90-х — в середине-конце 90-х граждане стали меньше ориентироваться на личные симпатии, а больше — на то, какие политические позиции выражают политики, какими они обладают профессиональными и деловыми качествами. Появились и такие новые политические навыки, которые были приобретены в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах политических действий, о которых мы ранее знали лишь понаслышке.

Компетентность в политическом поведении становится тем более необходимой, чем более сложными становятся сами эти формы поведения. Лидер должен быть более компетентным, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Давняя дискуссия в политологии ведется по вопросу о сменяемости лидеров как условия соблюдения принципов демократии. При этом, скажем, уход вместе с президентом всей его администрации и приход новых, менее опытных политиков, сопровождается снижением уровня компетентности в управлении государственным организмом. Но практика показывает, что и бессменное руководство таит в себе опасности, среди которых главная — застой общества.

Говоря о выработке политических навыков, следует отметить, что все политические системы заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным набором этих навыков, для чего создаются специальные институты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, политические лидеры рекрутируются среди тех граждан, которые получили определенный опыт общественной и собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существуют специальная система обучения уже избранных парламентариев. В других системах, их отбирают из числа тех, кто получил предварительно

знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно во всем мире среди парламентариев много юристов, людей со степенями в области политических наук.

Разумные действия — третья форма поведения, — в политике, как и в других сферах деятельности, их можно оценивать по-разному. Одним из критериев разумности может быть эффективность (сравнение цели с результатом). Другим — степень осознанности политических действий. Третьим — соответствие высшим ценностям, поставленным во главу угла проводимой политики. Но как бы ни оценивалась эта форма политического поведения, главной ее характеристикой, отличающей ее от двух предыдущих, является выраженное **целеполагание**.

Чтобы обеспечить политике целенаправленный характер, объединяющий разных ее участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных политических акций, кампаний. Особое значение для политического поведения отдельного человека и партий играют идеологии как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике.

Понятно, что поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах целями и ценностями: последние служат для человека лишь своего рода путеводителем. Исследования массового политического поведения показывают, что только незначительное число людей в разных странах и политических системах руководствуется в своем поведении идеологическими соображениями. Американский политический психолог Ф. Конверс полагает, что число таких граждан в разных странах колеблется от 10 до 25%*.

---

* Converse Ph. The Nature of Belief Systems in Mass Public. In: Ideology and Its Discontent. Ed by Apter. D. — N.Y.: Free Press, 1964. P. 21.

В нашей стране долгое время идеологические формулы организованно внедрялись в сознание населения. В постсоциалистический период эти схемы активно разрушались новой властью, которая понимала, что старые догматы служат препятствием для реформирования политической системы. Но никто из реформаторов не построил на месте разрушенного новой схемы. В мемуарах тех, кто начинал перестройку (М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Яковлев, Е. Гайдар) не содержится фактов, подтверждающих, что реформы были начаты по какому-то плану, что под ними была теоретическая схема, не говоря уже об идеологии реформ.

Знакомство с программными документами новых политических партий и движений показывает, что и в них пока не содержится четкого представления о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются делать, какова иерархия их целей и приоритет ценностей. Исследования индивидуального политического сознания как политиков, так и рядовых граждан показывает, что в настоящее время в головах и тех, и других царит большой хаос. Если прав Конверс и только небольшая часть людей имеет связную систему идей, то, очевидно, у политиков этот процент должен быть выше. Нельзя осуждать нынешних российских политиков за частую смену взглядов — понятно, что они находятся в поиске. Но проблема в том, что этот поиск не завершается четкими представлениями о том, куда они ведут страну и практически не делают попыток объяснить цели реформирования рядовым гражданам.

Выделение указанных трех форм политического поведения: инстинктов, навыков и разумных действий предпринимается с аналитическими целями. В реальной жизни поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда представляется возможным. Однако, помимо дилеммы: сознательное — бессознательное в структуре политического поведения содержится и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его анализ более точным и детальным.

13.2. Основные элементы политического поведения: мотивы, потребности, ценностные ориентации

Политические психологи, исследующие поведение человека, будь это лидер или обычный гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики, исходят из того, что для понимания самого феномена политического поведения необходимо видеть его как причинно-обусловленный и направленный на достижение определенных целей*. В политической психологии существуют различные схемы объяснения истоков политического поведения. Одной из наиболее популярных является пятичленная «карта изучения личности в политике»**, предложенная М.Б.

* Более подробно об этом см.: Политическая наука. Новые направления. — М.: Вече, 1999. Гл. 8, 9, 10.

** Greenstein F. Personality and Politics. — Chicago: Mar ham, 1969. P. 63.

Макросоциальная и политическая система формируют непосредственные предпосылки политического поведения. Одновременно аспекты непосредственного социального и политического окружения с детства и до сегодняшнего момента формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры (оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими людьми, обуславливающие эго-защиту, установки), которые непосредственно направлены на поведение.

Есть и иные схемы, объясняющие причинную зависимость факторов воздействующих на поведение, подчеркивающие, в частности, наличие не только условий, контекста поведения, но и цели, на достижение которой оно направлено*. Независимо от теоретических разногласий, разные авторы тем не менее считают необходимым учитывать в поведении следующие моменты:

- **внешнюю среду**, посылающую стимулы субъекту поведения;
- **потребности** индивида или группы, участвующей в деятельности;
- **мотивы**, которыми руководствуется субъект;
- **установки, ценности, ориентации, убеждения и цели** субъекта;
- личностные особенности **роли, стиля принятия решений; стиля межличностных отношений; когнитивный стиль;**
- **собственно действия и поступки;**
- **обратную связь** между поведением и условиями, его сформировавшими.

* Обуховский К. Психология влечений человека. — М.: Прогресс, 1972. С. 39.

Если не вдаваться в подробности этой схемы, а проанализировать хотя бы важнейшие из ее элементов (прежде всего внешнюю среду, потребности и мотивы), то мы увидим, что поведение начинается с тех стимулов, которые посылает субъекту политического поведения **внешняя среда**. И сама политическая система, и ее отдельные институты предъявляют определенные требования к поведению граждан. Так, в одних условиях от них ожидается высокая активность, в других, даже если это требование декларируется, на деле условия, складывающиеся в политическом пространстве, отнюдь не поощряют граждан к выступлениям даже на стороне системы. Как можно расценить, например, циркулирующие в «коридорах власти» слухи об отмене выборов незадолго до них? Это негативный стимул для и без того не слишком настроенных на участие людей. Стимулами для политического поведения могут служить и общий политический контекст, и конкретные события (например, убийство Галины Старовойтовой или смерть академика А. Сахарова, запуск первого космического корабля или победа национальной сборной по футболу).

Следует также учитывать и роль группового климата, воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том или ином политическом действии. Так, решение баллотироваться в депутаты Думы разные кандидаты принимают под воздействием разных стимулов: для одних необходимо получить депутатскую неприкосновенность, чтобы укрыться от преследования со стороны закона, для других важно перебраться из провинции в Москву, для третьих - решающую роль сыграли экономические стимулы. Возможно определенное число политиков стремилось принести пользу обществу и ими двигали побуждения типа «если не я, то кто».

Так же как и политиков, обычных граждан стимулируют к политическому поведению разнообразные воздействия среды, среди которых есть и общие для всех, и — сугубо личные. Но все эти внешние для человека воздействия не работают автоматически. Они дают эффект, только будучи пропущенными через внутренний мир личности.

Среди **внутриличностных факторов**, определяющих поведение в политике первыми выступают **потребности**. Трудно себе представить, чтобы политика порождала у человека какие-то *специфические потребности*, если не считать навязчивого стремления стать депутатом, министром или президентом, которое, подобно заразному заболеванию, распространилось среди отечественных политиков. В политике действуют обычные человеческие потребности, среди которых можно встретить и любопытство, и стремление к свободе, и необходимость удовлетворить голод и иные материальные нужды. Политический психолог из Санкт-Петербурга А.И. Юрьев предлагает такую классификацию потребностей применительно именно к политическому поведению (табл. 1).

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

1. Потребность в сохранении жизни	Потребность в продолжении рода	Потребность в сотрудничестве	Потребность в ориентации
2. Безопасность, защита от боли, страха, гнева	Любовь, нежность, признание, голод, жажда	Самоактуализация, самоуважение, достижение самоидентификации	Понимание, осмысление, знание, идентификация
3. Длительное существование, жизнеспособность, готовность идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации	Энергия, упорство, изобретательность, восстановление численности населения после катастрофических потерь	Расовое, этническое разнообразие. Юридическое и фактическое равенство наций	Способность изменять режим, подходящий для защиты независимости и национальных ценностей

1. «Горизонтальная» классификация потребностей.
2. Перегруппировка признаков «вертикальной» классификации потребностей по А. Маслоу.
3. Средства удовлетворения потребностей (перечень П.А. Сорокина)*.

* См. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. — СПб.: 1992. С. 187.

Ряд современных исследователей потребностей пришли к выводу, что если несколько упростить маслоускую схему, то можно говорить о потребностях материалистических, как их называет Р. Инглхарт, и постматериалистических. К первым он относит все потребности материального плана: связанные с владением домом и автомобилем, одеждой и пищей, как о тех факторах, которые побуждают людей к участию в политическом процессе. К числу постматериалистических Р. Инглхарт относит потребности в любви, самореализации и самоактуализации.

Согласно его исследованиям, молодые люди в развитых странах росли в эпоху, когда их базовые материальные потребности уже были удовлетворены, что поставило на первый план такие потребности, которые способствовали их самовыражению вообще и в политике в частности. Так, первые поколения хиппи, устав от буржуазных ценностей потребительства, стремились к ценностям любви и ненасилия. Им на смену в 80 — 90-е пришли новые поколения, озабоченные защитой окружающей среды, экологией культуры и человека, сохранением мира.

Примечательно, что материалисты по-прежнему существуют наряду с постматериалистами. Но уже в 70-е годы их соотношение было 3 : 2 по сравнению с соотношением у более старших возрастных групп (10 : 1), что можно назвать революцией сознания в отличие от тех социальных революций, которые имели место ранее. В своей книге «Модернизация и постмодернизация. Культурные, экономические и политические изменения в 43 странах», изданной в 1997 г. Р. Инглхарт представил результат нового исследования. Этот проект направлен на исследование потребностей практически на всех континентах. Для его проведения была предложена шкала для измерения 12 разновидностей материалистических и постматериалистических потребностей. Исследование показало, что хотя наборы этих потребностей в разных политических культурах выглядят по-разному, но тенденция к доминированию постматериалистических потребностей наметилась и в глобальном масштабе. Так, оказалось, что в бывшем СССР, странах Восточной Европы и в Китае развитие рыночной экономики респонденты рассматривают в качестве постматериалистической ценности. Вообще в бедных странах наблюдалась тенденция рассматривать стремление украшать города как материалистическую потребность в отличие от богатых стран*. Заслуживает внимания общий вывод работы: различия между культурами менее значимы, чем сходство в базовых наборах потребностей. При этом главная оппозиция, существовавшая между разными паттернами в рамках материалистических культур, — оппозиция между традиционной властью в странах с государственным регулированием экономики и рационально-правовой властью в странах с развитой рыночной экономикой, в условиях постмодернизации сменилась снижением значения любой власти при одновременном росте экономического благополучия.

* Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. — Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 75.

Чтобы понять, как происходит воздействие потребностей на политическое поведение, приведем некоторые данные из нашего исследования образов власти у российских граждан. Как показал анализ требований граждан к власти, за ним стоят вполне конкретные психологические причины. Рассмотрим те потребности, которые стоят за приведенными высказываниями наших респондентов и определяют их недовольство нынешней властью. Воспользуемся классификацией потребностей, предложенной известным американским психологом А. Маслоу*. Все потребности он предложил разделить на пять ступеней, расположенных иерархически:

- потребности материального существования,
- потребность в безопасности,
- потребность в любви,
- потребность в самореализации и потребность в самоактуализации.

* Maslow A. *Motivation and Personality*. — N.Y.: Harper and Row, 1954.

Классификация потребностей, предложенная А. Маслоу, помогает «рассортировать» многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Маслоу выдвинул предположение, что потребности более высокого порядка мы можем удовлетворить лишь тогда, когда потребности более низкого уровня уже пройдены. Это не означает, что поиском социального статуса можно заниматься только на сытый желудок. У Маслоу речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные потребности более низкого порядка на восхождение человека к самоактуализации.

Количественный анализ высказываний наших респондентов в открытых вопросах анкеты (исследование проходило в середине 90-х годов) позволил выявить следующие зависимости. Рассмотрим, как каждая из пяти потребностей воздействует на формирование того или иного образа власти (реального или идеального). В психологической литературе есть данные о том, что, когда потребность не удовлетворена, она оказывает мотивирующее воздействие на поведение человека. Картина мира человека также формируется под влиянием неудовлетворенных потребностей. Относится это и к власти.

ПОТРЕБНОСТИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВОСПРИЯТИЕ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ (РЕАЛЬНОЙ) ВЛАСТИ В РОССИИ (2000 Г.).

	1996	1997	2000
Материальные потребности	3	13	6
Безопасности	48,5	25	37
Любви	6	8	2,5
Самореализации	24	25	11
Самоактуализации	8	18	13

Начнем с **материальных** потребностей, занимающих нижнюю ступень в иерархии А. Маслоу. Первое знакомство с проблемой позволило сформулировать гипотезу о выраженности материальных потребностей в сознании наших респондентов. Однако дальнейший анализ не подтвердил полностью эту гипотезу. Хотя многие граждане страдают от нерешенности материальных проблем, лишь малая часть опрошенных высказывала претензии к власти, так или иначе мотивированные неудовлетворенными материальными потребностями (резкое имущественное расслоение, высокая инфляция, несправедливая оплата труда, маленькая пенсия), эта потребность занимает лишь пятое место по степени влияния на образы власти. Это можно объяснить отчасти тем, что население уже привыкло за эти годы опираться на собственные силы и не ждет от власти решения своих материальных проблем.

Примечательно, что образ идеальной власти не только связан с представлением о том, что политики не должны быть запачканы подозрением о коррупции, но и «не зависимы от своих окладов». Вообще вопросы, связанные с удовлетворением материальных потребностей больше волнуют людей старшего возраста и меньше — более молодых граждан и самих политиков. Исключение — политик левых взглядов, которых хотел бы видеть власть прежде всего «неалчной».

Второй среди потребностей Маслоу выступает потребность в **безопасности**. У наших респондентов эта потребность занимает ведущее место. У большей части респондентов неудовлетворенность

потребности в безопасности диктует и их восприятие реальной и идеальной власти, создавая фон неопределенности, тревожности и страха, которые в свою очередь окрашивают и их отношение к власти. Восприятие власти как неустойчивой, нерешительной, неподконтрольной народу, бессильной перед преступившими закон — все эти характеристики власти коренятся в ощущении нашими респондентами неспособности власти выполнить свою важнейшую функцию: защитить граждан с помощью закона. Больше всего их тревогу вызывает именно отсутствие правил игры, несоблюдение законов и вседозволенность.

Безопасность, которую призвана обеспечить власть, ассоциируется у опрошенных нами россиян с силой, дисциплиной и подконтрольностью закону. Указания на силу власти встречаются чаще всего в образе идеальной власти, между тем, как существующая власть кажется им скорее «никакой» (особенно в период правления Б. Ельцина). Согласно ответам наших респондентов, сограждане предпочитают власть «жесткую» и даже «диктатуру», чем будут наблюдать анархию и распад страны, которые они описывают, используя подчас ненормативную лексику. Хотя чаще требования порядка и жесткого закона звучат из уст людей старшего поколения, однако и более молодые и демократически настроенные люди хотят видеть власть, более способной их защитить.

Потребность в **любви**, причем как со знаком плюс, так и со знаком минус, определяет образы власти у наших респондентов. Это одна из трех мощнейших психологических потребностей, которая определяет конфигурацию взаимоотношений власти и народа. Обращает на себя внимание различие между значениями представленности этой потребности в образах реальной и идеальной власти.

ПОТРЕБНОСТИ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

	1996	1997	2000
Материальные потребности	2	5	3
Безопасности	43	23	28
Любви	6	15	10,5
Самореализации	16	13	10
Самоактуализации	14	28	32

Потребность в любви намного менее удовлетворена в отношении реальной власти. Когда же они говорят о желаемой власти, эта потребность представляется им более четко реализованной. Люди ожидают от тех, кто олицетворяет власть, подтверждения своей значимости, а не только удовлетворения их политических или материальных интересов. Власть должна о них заботиться, служить народу, думать о народе, быть **небезразличной**.

Потребность в **самореализации** описывается в психологии как стремление добиться более высокого социального статуса и признания в обществе. При этом их видение реальной власти в большей степени зависели от этого фактора, чем представление об идеальной власти. С этой потребностью связаны такие требования к власти, как дееспособность, последовательность, решительность, умение себя поставить, «умение себя держать». Один из респондентов так сформулировал это: «Делом надо заниматься! Делом!».

Высший уровень в иерархии потребностей занимает потребность в **самоактуализации**. Эта потребность проявляется в реализации высших духовных начал личности, ее свободы, творческого потенциала. Наше исследование показало, что в отношении власти, особенно идеальной, респонденты высказывают немало пожеланий, истоки которых лежат в нереализованной потребности в самоактуализации. Они верят в то, что власть должна обеспечить свободу и права человека, заботиться о культуре, науке и образовании, следить за экологией, а не только способствовать решению материальных проблем*.

* Шестопап.Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ.//Полис, 1995. №4.

Потребности побуждают человека действовать, создавая определенное напряжение внутри организма. Но смысл действию придает лишь особый **мотив**, являющийся третьим членом в формуле поведения. Психологи подчеркивают, что мотив выполняет прежде всего функцию вербализации цели и программы, дающую возможность данному человеку начать определенную деятельность*. Мотивы тесно связаны с потребностями, и вместе выступают в качестве побудительных сил поведения.

* Atkinson J., Feather N. A theory of achievement motivation. — N.Y.: Wiley, 1966. P. 19.

В политическом поведении мы можем встретить широкий набор мотивов, как побуждающих к активному участию в политике, так и обуславливающих пассивность граждан. Приведем в качестве иллюстрации набор мотивов, побуждающих российских граждан к **неучастию** в выборах. Заметим, что исследование относится к апрелю и ноябрю 1994 г. и характеризует быструю динамику изменения мотивов на протяжении короткого отрезка времени (табл. 2). Обращают на себя внимание две цифры из приведенной таблицы. Во-первых, это резкий рост числа тех, кто не голосует из чувства протеста (с 8 до 13%). Во-вторых, это удвоение числа тех, кто заявляет, что он «никогда не участвует», что характеризует также негативную мотивацию к участию*.

* Левада Ю. Между авторитаризмом и анархией: российская демократия в глазах общественного мнения //Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1995. № 2. С. 11.

Таблица 13.2

ПРИЧИНЫ НЕУЧАСТИЯ В ВЫБОРАХ (в % к числу опрошенных)

Причины неучастия	Апрель 1994	Ноябрь 1994
Нет подходящего кандидата	35	29
Его голос не влияет	34	35
Нет законных выборов	8	8
Из чувства протеста	8	13
Никогда не участвую	5	10
Затрудняюсь ответить	12	5

Анализ мотивации политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологической наукой. Так, общепризнанной является классификация мотивов, предложенная Д. Маклелландом и Дж. Аткинсоном, где выделены три ключевых мотива: мотив **власти**, мотив **достижения** и мотив **аффилиации** (стремление быть с другими). Иногда мотив власти дополняется мотивацией контроля, который выступает четвертым в этой схеме.

Опираясь на классические теоретические разработки З. Фрейда, Юнга и Мюррея, в течение нескольких предшествующих десятилетий психологи разработали методы измерения важнейших человеческих мотивов с помощью контент-анализа фантазий и прочих вербальных материалов, связанных с воображением. **Мотив достижения** подразумевает нацеленность на превосходство и уникальный результат; он ассоциируется с активной деятельностью, умеренным риском, основанным на знании возможных результатов и предпринимательской инициативе. **Мотив аффилиации** подразумевает нацеленность на тесные отношения с другими людьми. Иногда он ведет к теплоте и открытости межличностных отношений, но в условиях угрозы или стресса он может привести к «колючей», защитной ориентации по отношению к другим. **Мотив власти**, нацеленность на влияние и престиж, ведет как к формальной социальной власти, так и к расточительным, импульсивным действиям, таким, как агрессия, пьянство и чрезмерный риск. Эти три мотива отобраны из всесторонней таксономии Мюррея, как соответствующие некоторым из наиболее распространенных и важных человеческих целей и проблем.

Начнем с мотива **обладания властью**. В психологической концепции Д. Маклелланда речь идет не только о политической власти, но и о власти в семье, в отношениях на производстве и в иных сферах жизни. Власть — это некая ценность, к обладанию которой стремятся в той или иной степени все люди. Но есть люди, у которых эта потребность доминирует над другими и тогда желание достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть данные, что гипертрофированное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, порождающими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться под чьим-то «каблуком». В другом случае, потребность во власти может стать результатом развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в различное время эти причины могут быть иными. Условно можно выделить три типа причин, по которым власть может быть желанна:

- доминировать над другими и/или ограничивать действия других, создавать для них определенную

- депривацию;
- чтобы над ним не доминировали другие и/или не вмешивались в его дела;
- чтобы иметь политические достижения.

Мотив контроля над людьми и ситуацией является модификацией мотива власти. Политические психологи придают этому мотиву особое значение, так как полагают, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере достижения социальной зрелости человек научается контролировать свое собственное поведение, что дает ему чувство уверенности в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в том числе и в политике. Так, американский политический психолог С. Реншон обнаружил зависимость между высокими значениями уровня субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Он высказал гипотезу о том, что существует зависимость между уровнем личного контроля и верой в правительство, позитивным отношением личности к политической системе. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим ученым показало, что есть корреляция между низким уровнем субъективного контроля — недоверием к правительству, отчуждением от политики, тогда как лица с высоким уровнем субъективного контроля имеют среднюю и высокую степень доверия к власти*.

---

* Renshon S. Psychological Needs and Political Behaviour: A Theory of Personality and Political Efficiency. — N.Y.: Free Press, 1974.

Действительно, с помощью теста на локус контроль (субъективный контроль) можно разделить всех людей на тех, у кого этот показатель имеет высокий уровень (их называют интерналами) и тех, у кого он имеет низкие значения (экстерналы). Первые верят в то, что в них самих содержится источник их успехов и неудач, будь это работа, личная и семейная жизнь или отношения с людьми. Вторые всегда ищут «козла отпущения», если терпят в чем-то поражение, но и свои успехи склонны приписывать удаче, фортуне, случайности или воле родителей, учителей и начальников.

Мотив достижения проявляется в политическом поведении в заботе о совершенстве, мастерстве, в стремлении добиться поставленных целей с максимальным эффектом. Этот мотив может сделать человека карьеристом, но он же может быть обнаружен у бескорыстного политика, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Д. Макклеланда и Дж. Аткинсона, которые привлекли внимание психологов к этому мотиву, он имеет отношение к мастерству, манипулированию, организации физического и социального пространства, преодолению препятствий, установлению высоких стандартов работы, соревнованию, победе над кем-либо. Как мы видим, это довольно широкая трактовка понятия «достижение», и в таком виде она может больше соответствовать мотивации политического лидера.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы достичь своей цели. Они более спокойно относятся к изменениям в окружающем мире. У людей с высокой потребностью во власти проявляется тенденция к сильной ориентации на задачу, причем неуспех в начале лишь делает эту задачу для них еще более привлекательной. Интересен вывод о том, что мотивированные на достижение политики рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи для их достижений. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые могли бы привести их к зависимости.

Дж. Аткинсон и Н. Физер предположили, что поведение человека направлено на избегание провала столь же, сколь и на достижение цели*. Они выделили два мотива, связанных с потребностью во власти: мотив достижения успеха и мотив избегания провала, причем оба они рассматриваются в контексте вероятности успеха. У. Стоун отмечает в этой связи: «Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении»**.

---

* Atkinson J., Feather N. A theory of achievement motivation N.Y.: Wiley, 1966.

** Stone W. The psychology of politics. - N.Y.: The Free Press, 1974. pс. 219.

Таким образом, выделяются два типа мотивационных схем:

- мотивация избежать провала выше мотивации достичь успеха. Такая мотивационная схема описывает поведение человека, покидающего поле боя со словами: «Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть»;

- мотивация достичь успеха выше мотивации избежать провала. Это типичная мотивационная схема поведения реальных политических лидеров.

Мотив аффилиации подразумевает дружественные, теплые отношения с другими. Личность с доминантой на мотиве аффилиации предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, скорее, чем контроль над другими, власть или успех. Для политика развитая мотивация аффилиации сделает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан мотивация аффилиации во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущение единства, защищенности. Так, американские исследователи, изучавшие личности М. Горбачева и Дж. Буша накануне их встречи, пришли к выводу, что у обоих политиков доминировал мотив аффилиации, что позволило им эффективно провести переговоры и найти решение сложнейших политических проблем*.

* Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy// Political Psychology. Vol. 12. No 2. 1991. P. 215 — 243. См. Хрестоматия по политической психологии. — М.: ИНФРА-М, 2002.

Одним из важнейших компонентов политического поведения является **политическая роль**. В политической психологии роль понимается, прежде всего, как набор прав и обязанностей, как статус, как реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Вся политическая система может быть описана через различные наборы политических ролей.

13.3. Проблема политического участия

Поступки, действия в политике имеют и общечеловеческую логику, определяемую тем, что даже высшим политикам «ничто человеческое не чуждо», и чисто политические резоны, диктуемые существующими правилами игры и распространенными в данной политической культуре формами, в которые поступки отливаются. Но как бы ни были важны внутренние побуждения и внешние обстоятельства, подталкивающие нас к совершению того или иного поступка, но судить о человеке будут прежде всего по тому, что собственно им **сделано**.

Попробуйте, прервать на минуту чтение и провести маленький эксперимент. Возьмите несколько газет разных политических направлений и выпишите наиболее существенные **политические действия**, совершенные за один день. Можно так же просмотреть новости на разных каналах телевидения. Вполне может случиться, что будут выделены разные события и освещены разные политические действия. Так, в один и тот же день выпуск новостей НТВ начинается с сообщения о том, что разбился наш самолет на авиационной выставке в Париже. А канал ОРТ начинает новости с событий на Балканах. Что в этих политических событиях было важным, а что несущественным? Ответить не так просто. Значимость тех или иных политических событий особенно трудно определить в момент их свершения, так как их смысл становится понятен далеко не сразу. Многие эпохальные по значению политические действия таковыми сразу не были признаны. Другие же немедленно привлекали к себе внимание. Политической характер может принять болезнь лидера, игра на бирже и т.п.

Чтобы разобраться в происходящем, выделить разные формы политического поведения не «на глазок», политическая психология строит специальные классификации. Основанием для выделения типов служат как объективные характеристики политического поведения, так и субъективное восприятие политики человеком, его понимание собственной роли в ней.

Приведем одну из наиболее разработанных схем политической деятельности, учитывающую как политические ее качества, так и психологические формы проявления.

1. Реакция (позитивная или негативная) на импульсы, исходящие от политической системы, от ее институтов или их представителей, не связанная с необходимостью высокой активности человека.
2. Участие в действиях, связанных с делегированием полномочий (электоральное поведение).
3. Участие в деятельности политических и примыкающих к ним организаций.
4. Выполнение политических функций в рамках институтов, входящих в политическую систему или действующих против нее.
5. Прямое действие.
6. Активная (в том числе и руководящая) деятельность во внеинституциональных политических

движениях, направленных против существующей политической системы, добивающихся ее коренной перестройки.

Авторы этой классификации справедливо обращают внимание не только на формы политических действий, но и на формы иммобильности, такие, как:

- а) исключенность из политических отношений, обусловленные низким уровнем общественного развития;
- б) политическая исключенность как результат заорганизованности политической системы, низкой эффективности механизмов обратной связи между такой системой и гражданским обществом в целом, разочарование в политических институтах;
- в) политическая апатия как форма неприятия политической системы (например, после чужеземного завоевания и оккупации, победы контрреволюции, кровавого подавления массовых социальных и политических движений);
- г) политический бойкот как выражение активной враждебности к политической системе и ее институтам*.

---

* Рабочий класс в странах Западной Европы. — М: Наука, 1982. С. 64 — 65.

Конечно, приведенные выше формы политического поведения отнюдь не равнозначны как в количественном, так и в качественном отношении. Одни из них занимают очень скромное место в политической практике и представлены единичными акциями, в то время, как другие необычайно развиты и серьезно влияют на ход событий. Развитость или неразвитость каждой из этих конкретных форм поведения являются показателями, по которым можно судить о политической системе в целом, и о политической культуре в частности. Так из всех форм политической активности в политических системах развитых стран Запада выделяется прежде всего электоральное поведение. При этом в конкретных политических культурах этих стран «вес» электорального поведения среди других видов активности имеет сильный разброс. Так, в Великобритании в голосовании принимает участие в среднем 75% избирателей, в США — 53%.

Однако само по себе участие в голосовании — еще недостаточный показатель, чтобы судить о развитии политической деятельности. В той же Великобритании интересуются политикой 20% населения, 8% являются индивидуальными членами партий и 2% — активистами этих партий. Эти данные говорят о том, что действительная активность, предполагающая компетентность и сложную политическую деятельность, — удел незначительного меньшинства населения. В условиях быстро изменяющихся политических отношений в нашей стране появляются такие типы политического поведения, как митинги и забастовки, самосожжения и захват заложников, погромы и бунт. Но и в традиционных формах политического поведения возникло немало нового. Психологические сдвиги, приведшие к появлению всех этих типов поведения заслуживают специального анализа.

Политические психологи, изучающие поведение, давно пришли к выводу, что объективные показатели политического участия необходимо дополнить психологическими показателями, среди которых они особо выделили *восприятие индивидом* своего участия, *чувство вовлеченности* в политику и *мотивацию* участия. При наложении этих субъективных аспектов участия на разные типы и формы активности в политике получаются интересные классификации, дающие более объемное представление о политическом поведении. Исследования с использованием этих показателей обнаружили, например, что неактивны граждане, которые практически не вовлечены ни в какие действия, - и психологически не имеют чувства вовлеченности или ощущения личного контроля над событиями. Напротив, активисты, участвующие во всех видах деятельности, имеют определенные навыки и психологически вовлечены в происходящие процессы. Так, английские политологи, интересовавшиеся политическим поведением своих соотечественников, обнаружили, что среди тех, кто участвует в движениях за мир и в экологических, женских и иных «новых» движениях, большой процент составляют люди из истеблишмента, одновременно входящие во всевозможные партии (в том числе и в правящую), правительственные комиссии и другие традиционные формы политической жизни.

«Только голосующие», как правило, не участвуют больше ни в каких других видах деятельности (сюда входит большинство взрослых британцев, предпочитающих эту самую простую форму поведения). Из приведенной ниже таблицы 3 видно, что «групповые активисты», например, больше представлены в США, чем в Великобритании. «Партийные активисты» или «участники кампаний»

составляют также в Англии меньшую долю, чем в США*.

* Kavanagh D. Political Science and Political Behaviour. — L.: George Allen and Unwin, 1983. P. 183.

Таблица 13.3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ (в % к числу опрошенных)

Виды активности	Великобритания	США
Неактивные	19,6	24,7
Только голосующие	62,6	23,6
Групповые активисты	8,1	22,5
Партийные активисты	6,7	16,9
Активисты вообще	3,0	12,4

Активная психологическая вовлеченность имеет разный смысл в каждой из политических культур. Так, в западных политических культурах членство в партиях воспринимается индивидом без обязательной «погруженности» в дела партии. Освоение этой роли происходит достаточно просто. Человек может быть активным или пассивным, посещать собрания, слушать радио или читать специальную литературу. Психологически, по своим интересам, ориентациям, насыщенности политическими контактами он мало чем отличается от более пассивной части населения. Его интерес к политике и знания о ней, а также социальный статус лишь незначительно выше, чем у других групп населения*.

* Walke H., Eulau H. et al. The Legislative System. — N.Y.: Wiley, 1962. P. 135.

Такая ситуация с партийным поведением связана с тем, что в своих активистах партии нуждаются преимущественно при регулярных поворотах избирательного маховика. Тогда происходит мобилизация сторонников для поддержки партийного кандидата на выборах. Отечественные политики тоже не прочь позаимствовать такую систему. Так, один из лидеров парламентских фракций в Думе следующим образом описал свой идеал политической жизни: два месяца сумасшедшей активности перед выборами и четыре года спокойной жизни. Однако, не похоже, чтобы российская политика была готова к применению западных образцов: наша политическая система все еще не стабильна. Партии и движения нуждаются в активистах, чтобы построить свои структуры. Этот процесс в России идет весьма интенсивно, хотя пока без особых результатов.

Характер вовлеченности в политику в российском контексте выглядит отличным от западноевропейского или американского. Обращает на себя внимание не только появление новых типов поведения, но и их динамика на протяжении коротких отрезков политической истории. Так в табл. 13.4 приводятся данные о сдвигах в разных видах политического поведения всего за один год*.

* Walke H., Eulau H. et al. The Legislative System. — N.Y.: Wiley, 1962. P. 135.

Таблица 13.4

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ В РАЗНЫХ ВИДАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (в % к числу опрошенных)*

* Данные получены в исследовании, проведенном кафедрой политической психологии МГУ. Данные за 1996 и 2000 гг. Случайная выборка составила около 500 человек

Готовы ли Вы лично принять участие	1996 г.	2000 г.
В выборах как избиратель	79,2	73,2
В выборах как кандидат в депутаты	11,0	13,0
В митинге	11,0	17,6
В забастовке	8,7	13,0
Ни в чем	2,9	12,3

Как видно из таблицы. За вторую половину 90-х годов произошло незначительное снижение электоральной активности. Зато возросло число тех граждан, которые готовы участвовать в митингах и забастовках, исполнять роль депутатов разного уровня. Обращает на себя внимание и рост тех, кто отказывается от всех форм политической активности, включая и участие в выборах.

Важным аспектом проблемы политического участия является определение его оптимальных границ, как с точки зрения стабильности системы, так и с точки зрения конкретных партий и движений. Так, когда в конце 60 — начале 70-х в странах Запада возникла необходимость активизировать политическое участие ранее пассивных слоев населения, властные элиты разработали специальные программы для привлечения в политику таких слоев, как женщины, молодежь, этнические меньшинства. Но в результате их активизации произошел сдвиг политической жизни вправо: политические новобранцы оказались более консервативными, чем и вызвали поворот всего политического механизма вправо. Таким образом воздержание от политической деятельности наиболее пассивных и консервативных слоев населения до определенного предела идет на пользу развитию демократических процессов.

Политическое поведение в организованных и стихийных формах

Институционализированные партии и движения отличаются прежде всего тем, что поведение их участников подчиняется определенным правилам, записанным в программах и уставах. Но и в той части, где правила игры остаются не зафиксированными, поведение организованных политических групп резко отличается от стихийных выступлений. Речь идет о наличии в первых четкой системы распределения ролей между лидерами и последователями, функционального распределения труда, иерархических отношений между членами. Для массовых политических организаций важны взаимодействие отдельных структур между собой, специализация видов деятельности. Поддержание жизнеспособности таких типов организаций требует и специальной работы по отбору и рекрутированию новых членов, их обучению и поддержанию сплоченности.

Эффективность политической организации базируется на ряде условий, среди которых одно из важнейших — идентификация индивида со своей группой. Принадлежность к сплоченной группе помогает личности снизить тревожность, дает ощущение своей сопричастности социально значимым целям, удовлетворяет другие важнейшие человеческие потребности. Сказанное относится не только к отношениям внутри партий, но и в отношениях между партиями, блоками, с одной стороны, и их электоратом, — с другой.

В политической психологии партийная идентификация является одним из центральных объектов изучения. Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией из поколения в поколение, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правила.

Примерно четвертая часть молодых людей в странах Запада может поменять свои партийные пристрастия в течение двух месяцев. При этом есть данные, что в возрасте от 18 до 25 лет свою партийную принадлежность изменяет до 40% молодых людей. Помимо этого почти половина молодых американцев не видит себя среди сторонников ни одной из основных политических сил в стране. Сложности с партийно-политической идентификацией нарастают и в странах Западной Европы*.

---

* Шестопап Е. Личность и политика. — М.: Мысль, 1988. С. 75.

История последних лет в России дает возможность наблюдать неоднократную смену политической идентификации не только у молодых людей, но практически во всех возрастных группах, равно как и рост стремления отодвинуться ото всех политических партий. На протяжении последнего десятилетия граждане, отождествляющие себя с определенными политическими партиями успели несколько раз поменять свои пристрастия. Это относится, однако, не ко всем партиям. У коммунистов, например, исключительно преданные им сторонники. По опросам весны 1995 г. 93%, голосовавших за эту партию на выборах 1993 г., поддержат ее и в 1995 г. Избиратели «Яблока» несколько менее постоянны: 85% их сохранили свою идентификацию, а 13% перешли на позиции коммунистов. Сторонники «Выбора России» проявили еще меньшую лояльность: за них будут голосовать в 1995 году только 54% электората 1993 г. Более одной четверти бывших сторонников «Выбора России» перешли к небольшим партиям и свыше одной десятой части отошли к «Яблоку». Наибольшие потери понесла ЛДПР. В 1995 г. ей сохранили лояльность только 39% из тех, кто голосовал за нее два года до этого*.

Интересные данные были получены В. Байковым в исследовании 1999 г. по вопросу об отношении граждан к различным политическим партиям*. Так, за год (с 1998 по 1999 гг.) симпатия в отношении КПРФ уменьшилась на 5%, а неприязнь усилилась на 11%. Здесь явно наметилась тенденция отрицательного отношения к коммунистам. Так же снизилась и поддержка черномырдинского НДР и движения РНПР А. Лебеда. В то же время в отношении движения «Яблоко» и ЛДПР чувства респондентов стали более амбивалентными. Так с одной стороны несколько увеличилось число их сторонников, но одновременно увеличилось и число их недоброжелателей.

*Некоторые результаты социологического мониторинга «Государство и общество». — М.: РАГС, 1999. С. 13.

Говоря о поддержке тех или иных партий и других организованных политических институтов в России, следует иметь в виду, что как в силу традиций нашей политической культуры, а также в силу того, что сами политические организации представляют собой скорее квази-партии, их поддержка значительно менее значима для граждан, чем поддержка того или иного лидера. Так, в том же исследовании в марте 1999 г. В. Байков получил данные, свидетельствующие о том, что надежды населения на вывод страны из кризиса связаны прежде всего не с той или иной партией (36,7%), а с сильной личностью (71,9%)*.

* Там же. С. 13.

Анализ организованного политического поведения будет не полон без учета климата организации, стиля межличностных отношений в ней. Этот стиль во многом определяется лидером. В частности, склонностью последнего к доминированию и диктату или, напротив, демократичностью отношений с последователями. В психологии принято выделять авторитарный, демократический и попустительский типы климата в организации, не вкладывая в указанные термины собственно политического смысла. Однако, следует заметить, что прямой связи между, скажем, демократическими убеждениями политика и стилем его отношений, нет. Так, например, Е. Гайдар, которого наши граждане чаще других российских политиков называли в 90-е годы «демократом», — лидер довольно жесткий в отношении оппонентов и партнеров, хотя его отличает теплота в отношении к близким сотрудникам.

В отличие от организованных политических групп **стихийные** выступления предъявляют к своим участникам иные психологические требования. К числу стихийных форм поведения относятся как незапланированные поступки, совершаемые отдельными людьми, так и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста и т.п. Политическую психологию значительно больше интересуют именно массовые формы как в силу их политической значимости, так и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальном поведении.

До последнего времени мы мало интересовались такой экзотической проблематикой, как поведение толпы, паника, слухи. Со времен Г. Лебона и Г. Тарда психология мало что добавила к представлению о механизмах массовой агрессии или энтузиазма. Но события, происходящие в отечественной политике, подтолкнули поиск психологов в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения показало неготовность властей, воспитанных в иных условиях, обеспечить безопасность граждан, участвующих в митинге, который выходит из-под контроля и превращается в погром.

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими. Причины и непосредственные поводы к возбуждению недовольства или энтузиазма толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от повышенной активности солнца до падения курса национальной валюты. Так, при наличии немалого числа и собственно политических причин, события 1989 г. в России некоторые аналитики предсказали на основании астрономических наблюдений. Доказано, что повышение солнечной активности коррелирует с возникновением массовых эпидемий, социальных волнений и политических эксцессов, участники которых этого могут и не осознавать.

Поведение толпы давно описано в психологии. Начиная с работ Г. Лебона, З. Фрейда, В. Бехтерева исследователи подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но в той же мере вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным

чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы.

Толпа как тип социальной группы характеризуется аморфностью, однородностью структуры. В ней либо вообще нет лидера, либо, если он появляется (а нередко это происходит благодаря самоназначению), то все члены группы делятся на две роли: лидер и его последователи. При этом власть лидера бывает неограниченной, так как его последователи не размышляют, а слепо следуют его приказам.

Поведение людей в толпе определяется закономерностями разных уровней. Так, в ней действуют и чисто физические движения, которым подчиняется география толпы. Эти законы имеют такую же физическую природу, как и законы колебания морских волн. На человека в толпе действуют духота, резкие звуки (выстрелы). Нередко стихийные действия подогреваются такими факторами, как алкоголь и наркотики, что приводит к дополнительным эффектам, как это было, например, во время погромов в Баку, Душанбе и Фергане.

Собственно психологические факторы, такие как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии. Эмоции людей, находящихся в массе, распространяются по своим собственным законам: это многократное усиление эмоций под влиянием заражения и внушения, получившее наименование циркуляторной реакции.

Следует учесть, что хотя описываемые действия имеют действительно стихийный характер, всегда находятся политические силы, готовые использовать этот эффект стихийности и получить от них определенный политический капитал. Наиболее характерны в этом смысле разного рода экстремистские, правонационалистические движения и партии, для которых характерно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную мотивацию участников политического процесса. Политические психологи выявили, что именно для политиков этого спектра характерен «большой репрессивный потенциал, т.е. склонность к агрессивному поведению и применению насилия, авторитарная структура личности»*. Но не в меньшей степени важно и то, что такие политики опираются на определенные социальные слои, которые являются их социальной базой. Это прежде всего такие социальные группы, которые в силу условий жизни становятся благодатной почвой для соответствующего воздействия. В древности их называли охлосом (черню) в отличие от демоса (народа).

---

* Korpi W. Working-class Communism in Western Europe: Rational or Non-rational//American Sociological Review, 1972. № 36. P. 973.

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные слои в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения. Быстро меняющиеся условия жизни вызывают протест против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных барьеров, служивших опорой их мировоззрению.

Можно выделить целый набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей, которые характерны для экстремистского поведения. Первое, что бросается в глаза, — это духовная ущербность и антиинтеллектуализм таких движений. Они апеллируют к предрассудкам, которые наиболее пышно расцветают именно в маргинальных слоях. Однако, идейные соображения не являются ни главным механизмом, ни главной ценностью экстремистских движений. В первую очередь они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело насаждается и умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них.

* * *

Подводя итог нашему анализу различных форм политического поведения, следует отметить, что политическая психология дает для его понимания целый арсенал средств, недоступных для традиционной политической науки. Эти методы не заменяют собой тех, которые позволяют исследовать политические институты, но дополняют их в той части, которая касается человека, действующего в политике и как субъект, и как объект.

Вопросы для обсуждения

1. Что понимается под «политическим поведением» в политической науке и в политической психологии?
2. Какие теоретические интерпретации «политического поведения» распространены в политической психологии?
3. Какую роль играют в политическом поведении мотивы и потребности, ценностные ориентации и цели?
4. Какими методами можно исследовать политическое поведение?

Литература

1. Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал, 1992. № 8.
2. Гилязитдинов Дж. М. Мотивы голосования на президентских выборах 1996 года // Социс, 1997. №8. С.
3. Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. — М.: Политиздат, 1986.
4. Дурнов А. «Типичный регион»: динамика электорального поведения // Власть, 1999. № 1. С. 43 — 47.
5. Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и лидерам // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1999. № 1 (39). С. 24 — 28.
6. Ковлер А.И., Смирнов В.В. Демократия и участие в политике: Критические очерки истории и теории. — М., 1986.
7. Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе // Социально-гуманитарные знания, 1999. № 2. С. 228 — 248.
8. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 1998. № 5. С. 17 — 35.
9. Тавокин Е.П. Социологические прогнозы электорального поведения // Социс, 1996. № 7 С.

Глава 14. Политическое лидерство

Ни об одном феномене не спорят так часто, как о лидерстве. К действиям и личностям лидеров, как правило, сводят сообщения о происходящих событиях. Размышления о высоких назначениях будоражат умы политических деятелей. Рядовым избирателям, уже изрядно разочаровавшимся в бесконечно сменяемых политических фигурах, тем не менее, не за что больше зацепиться взглядом в современной политической картинке, кроме лиц ведущих политиков, с которыми они отождествляют партии, движения, да и политику в целом.

Политическая психология, как и другие науки, изучающие феномен политического лидерства, пытается найти разгадку того, почему массы людей, подпадают под очарование той или иной личности, с которой они связывают решение собственных проблем, и которую они собственными руками возносят на политический Олимп. Откуда берутся эти политические идолы? В чем загадка их притягательности? Какова природа лидерства вообще и российского лидерства в частности?

Чтобы ответить на эти вопросы, попробуем бегло обозначить хотя бы некоторые подходы, уже опробованные исследователями.

14.1. Теоретические основы изучения лидерства

Как полагали с древних времен, лидером может стать кто-то особенный, наделенный своего рода божественным даром вести за собой, руководить. С легкой руки Макса Вебера этот дар стали называть как *харизмой*, то есть *особой способностью внушать людям веру*, сродни религиозной. Если объяснить это явление обыденным языком, то речь идет о своего рода обожании, которое лидер может вызвать у толпы или массы. Приземленные политологи предпочитают говорить о доверии и симпатии со стороны электората к тому или иному политику, измеряя при этом уровень их влияния и рейтинги в массовом сознании. Но смысл все тот же: лидер — это избранник (не суть важно — избран он Богом, гражданами или унаследовал легитимность от родителей-монархов). А раз так, то он выделяется среди обычных людей, он отличается от них. Возникает вопрос: почему, за счет каких качеств? Может быть лидеры — некая особая порода людей?

Эти вопросы волновали мыслителей с незапамятных времен. Платон и Аристотель задумывались не только о том, как и почему человек берет в свои руки власть, но и о целях, которые он ставит перед собой, используя эту власть. Для этих философов не было сомнения в том, что хороший лидер должен стремиться к справедливости и честно служить государству. Аристотель особенно подчеркивал, что

участие в политике для лидера — высшая форма проявления человеческого достоинства. Примечательно, что античные мыслители, прежде всего, говорили не о «технологии», а о «нормативных аспектах» в исполнении лидерских ролей: о том, что должно знать тому, кто стремится получить власть.

В отличие от такого нормативистско-моралистского подхода к лидерству Н. Макиавелли акцентировал внимание на вопросе прагматического удержания власти лидером, особенно во времена перемен и нестабильности. Он был убежден, что хитрость и жестокость — инструменты вполне дозволенные, если речь идет об удержании власти и применение их отодвигает вопросы справедливости и долженствования. Эти идеи сделали имя Макиавелли нарицательным для лидеров манипулятивного толка.

Начиная с середины 19 в., философы, социологи и социальные психологи в большей степени, чем Макиавелли сконцентрировали свое внимание на том, как лидеры возникают в группах и взаимодействуют с ними. Так, одним из наиболее влиятельных психологических механизмов, на которых основано воздействие лидера на своих последователей, была признана **воля**. Ницше одним из первых объявил **волю к власти** движущей силой истории. Он видел в воле к власти творческий инстинкт, который проявляется, прежде всего, у лидеров, которые не только ненасытно стремятся к проявлению власти и ее применению, но и преодолевают инерцию толпы, обладая сверхчеловеческими качествами.

Таким образом, Ницше впервые сформулировал два тезиса, которые в дальнейшем получили развитие в политической психологии. Первый тезис касается природы лидерства как **иррациональной, инстинктивной силы**, связывающей лидера и его последователей. Второй тезис приписывает лидеру **выдающиеся качества**, превращающие его в сверхчеловека.

Этот подход был близок к трактовкам лидерства в европейской социальной психологии и социологии середины — конца 19 в. Такие психологи, как Г. Лебон, Г. Тард, С. Сигеле, В. Вундт, каждый по-своему, но в целом сходным образом трактовали природу политического лидерства — как иррационального феномена, объединяющего лидеров и последователей. Г. Лебон, как и Ф. Ницше, видел в воле лидера то ядро, вокруг которого «кристаллизуются и объединяются мнения». Пока этого не произойдет, лидер управляет толпой, как «раболопным стадом, которое не может обойтись без властелина»*.

---

* Лебон Г. Психология масс. В кн.: Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995. С. 234.

В этом подходе к лидерству также имплицитно присутствуют представления о нем как о двойственном — рационально-волевом и одновременно иррационально-инстинктивном феномене. При этом второй аспект преобладает над первым, сводя ведущую функцию лидера к **вере**, которой он заражает последователей. При этом Г. Лебон не видит особого отличия веры религиозной от политической, или социальной. Г. Тард добавляет к этой модели еще один инструмент воздействия — **подражание** последователей своему лидеру.

Идея гипнотического, завораживающего воздействия лидера на массу, толпу или народ была подхвачена З. Фрейдом, на которого книга Г. Лебона оказала столь сильное воздействие, что он написал специальную работу*, где вступил в полемику с Г. Лебоном. Полагая, что природа лидера связана с особыми качествами, сродни **гипнотическим**, Фрейд ищет истоки тех механизмов, которые делают подобное воздействие возможным, — это потребность любого человека **в поклонении авторитетам**, идущей от тоски по отцу.

---

* Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». В кн.: Фрейд З. Психоаналитические этюды. — Минск: Беларусь, 1991. С. 422 — 481.

В отличие от социальных психологов, делавших акцент на психологической зависимости между личностью лидера и массой, социологи того же периода (В. Парето, В. Михельс, Г. Моска, М. Вебер) больше интересовались феноменом **политической власти**, объясняющим природу лидерства. Так, М. Вебер определяет саму политику через понятие лидерства, которое в свою очередь определяется через понятие власти — как главной ценности для лидера.

Существенно важным для социологической трактовки лидерства является рассмотрение власти лидера как социального, а не только индивидуального феномена. Работа Г. Моски «Правящий класс» выразила этот подход наиболее отчетливо. В. Парето рассматривает эту проблему в динамическом аспекте, показывая зависимость стиля лидерства от **социального запроса**, который приводит к циклической смене «львов» на «лис» и наоборот. Другой важной особенностью социологической

трактовки является выделение *ситуации* как фактора, определяющего поведение лидера.

Исследователи середины — второй половины XX в. внесли много нового в трактовку лидерства. Парадоксально, но при огромном числе работ по лидерству вообще, политологи, которые не могут обойтись без этого понятия в исследовании власти, мало способствовали развитию данной отрасли знания. Так, по данным Американской ассоциации политических наук, среди почти 5 тыс. статей, которые попали в каталоги американских библиотек с 1906 г., напрямую лидерству были посвящены только 42 статьи. Число книг было более существенным. С 1898 по 1975 гг. было опубликовано более 3 тыс. книг, а с 1975 по 1999 гг. — еще 2151. Сегодня ни один исследователь лидерства не может обойти труды таких известных политических психологов, как Г. Лассвелла, который начал разработку этой проблемы еще в 30-е годы, А. и Дж. Джорджа, создавших биографию В. Вильсона (1956 г.). Исследования К. Шумахером личности К. Аденауэра (1965 г.), работы Б. Глэд о личности американского политика Ч.Э. Хьюза, труды Дж.М. Бернса, Р. Такера, К. Монро, Ф. Гринстайна, М. Херманна и многих других современных специалистов по лидерству отличаются многообразием методологии, в которой, тем не менее, преобладают различные варианты психоанализа и психобиографии.

Современные подходы к исследованию лидерства имеют не только различные истоки, но и различаются по своей дисциплинарной принадлежности. Это следует иметь в виду при поиске методологических ключей к исследованию. Так, следует прежде всего отметить вклад **психологов**, принеших в исследования лидерства различные варианты *теорий личности*. О вкладе психоаналитических концепций мы уже упоминали. Они наложили отпечаток на понимание личности лидера, его различных характеристик и качеств, позволяющих лидеру стать во главе организации, партии или государства. Психологи также много внимания уделяют отдельным структурным компонентам личности (мотивам, потребностям, воле, эмоциям, темпераменту, здоровью, характеру, стилю, Я-концепции, самооценке и др.)

Не менее существенным оказался и вклад социальных психологов, разрабатывавших теорию лидерства в рамках **психологии групп**. Прежде всего, стоит назвать многочисленные экспериментальные исследования поведения лидера в малых группах. Но есть и не мало (правда, в основном старых) работ по психологии массового стихийного поведения, где лидеру уделяется особое внимание. Правда, специфика политического лидерства не выделяется ни в работах о личности, ни в работах о групповом поведении.

Политическая наука последних десятилетий, как это не парадоксально, оказалась плохо оснащенной для изучения феномена лидерства. Дело здесь, видимо, в том, что для большинства современных политологов оказалась ближе позитивистская методология, которая не оставляет для личности вообще и для личности лидера, в частности, особенно много места в анализе политического процесса. За последние годы эта проблематика все больше выводилась за пределы исследовательского поля, так что во многих учебниках этот раздел просто отсутствует. Даже такая авторитетная работа, как «Политическая наука: новые направления» не содержит даже главы по политическому лидерству*. Такое отношение отчасти объясняется и определенной настороженностью позитивистских ориентированных политологов к психоаналитическим теориям лидерства, сводящим поведение лидера к тем или иным формам отклонений от нормы.

---

* Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудина Р. и Клингеманна Х., -Д. - М.: Вече, 1999.

В последние десятилетия мощным стимулом исследования лидерства стало развитие *теорий менеджмента*. Потребность практического использования социологических и психологических теорий лидерства для практических целей управления привело к разработке проблематики лидерства в рамках различных управленческих проектов. Один из наиболее известных специалистов по менеджменту Г. Саймон в своей книге «Административное поведение» (1965 г.)* больше внимания уделяет институциональным, а не личностным аспектам лидерства, полагая, что последние используются тогда, когда нам не достает интеллектуальных инструментов для анализа организации. Личность лидера в теориях менеджмента присутствует, когда необходимо учесть и этот фактор с целью манипулирования организацией.

---

* Саймон Г., Марш Дж. Административное поведение. — М.: Мир, 1974.

Если искать материал для изучения лидерства, то, прежде всего, стоит обратиться к историческим трудам. Многочисленные биографии и жизнеописания известных политических деятелей, написанных

современными историками, дают прежде всего большой фактический материал. Но в поисках методологии, мы наткнемся на использование уже известных нам психобиографических методов, позволяющих оценить уникальный объект исследования, при этом описанный так, что его можно сопоставлять с другими не менее уникальными историческими объектами.

Таким образом, ни в политической науке, ни в психологии, ни в других смежных гуманитарных областях нет единого подхода к изучению лидерства. Нет общепризнанного представления о его природе и функциях. Политическое лидерство, как одна из форм лидерства, также не описывается в рамках некоей общей теории, а является областью компилятивной и междисциплинарной. Перед политической психологией как наукой стоят как вопросы, касающиеся природы лидерства в целом, так и более конкретные вопросы, относящиеся к политическому лидерству, которые нуждаются в прояснении.

14.2. Природа политического лидерства

Одним из важнейших вопросов природы политического лидерства на наш взгляд, является отнюдь не разрешенный до сих пор вопрос о том, в какой области следует вести поиск. Лежит ли разгадка природы лидерства в собственно личности политика, или для ее понимания следует прежде всего исследовать социальный запрос, электоральные предпочтения, то есть фактор среды, контекста? До сих пор акцент несомненно делается на факторе личности, хотя фактор среды также признается. Лишь небольшая часть исследователей реально занимается вопросом взаимодействия личности лидера и среды, не выделяя ни один из двух факторов. Рассмотрим все три компонента лидерства: **личность, среду и их взаимодействие.**

Для понимания природы лидерства и построения общей теории лидерства в сравнительной перспективе необходимо выделить несколько ключевых вопросов, касающихся методологии исследования и определения самой предметной области. Так, прежде всего необходимо выяснить, что является неотъемлемыми атрибутами лидерства, которые далее подлежат сопоставлению и измерению в эмпирических исследованиях.

1. Первое, что не вызывает сомнения у большинства исследователей — это **личностный компонент лидерства**. Ставя задачу поиска в личности отдельных оснований для сравнения политиков между собой, исследователи пошли разными путями. Так, одни избрали своим предметом **ролевые** компоненты, имеющие более функциональный, чем собственно личностный характер. Сравнение, например, двух президентов, или двух депутатов парламента (см. раздел 3), выполняющих одну и ту же роль, позволяет сравнить собственно личностные факторы, определяющие исполнение этой роли. Здесь возникают возможности не только сравнить вес личностного фактора в целом при исполнении лидерской роли, но и подойти к эмпирическому изучению эффективности поведения лидера.

В данной области исследования есть немало дискуссионных вопросов. Среди них, например, остается далеко не решенным вопрос о том, что первично — роль или личность политика, которая определяет выбор данной роли. Неясно и то, является ли лидер продуктом своего статуса или именно личность придает роли лидера блеск*. Так, недавний уход со своих постов двух крупных российских политических лидеров, последовательно занимавших пост премьер-министра — В. Черномырдина и Е. Примакова, наглядно иллюстрирует роль личностных и статусных компонентов их лидерства. После ухода В. Черномырдина, несмотря на активные попытки вернуться в большую политику, его рейтинги резко упали. Е. Примаков, потерявший свой пост, не только остался среди фаворитов российской политики, его авторитет даже вырос. Ничем иным кроме обаяния личности в данном случае это объяснить нельзя.

---

* См. известную работу Барбера Д. о законодателях. James David Barber. The Lawmakers. New Haven. — Connecticut: Yale University Press, 1968.

Кроме роли, исследователи обращают внимание на такие личностные компоненты, как **мотивационно-потребностная сфера**. Существует множество различных личностных потребностей, которые так или иначе связаны с политической деятельностью лидера и могут быть объектом сравнения. Однако можно выделить несколько основных потребностей, мотивирующих политическое поведение лидеров :

- потребность во власти;

- потребность в контроле над событиями и людьми;
- потребность в достижении;
- потребность в аффилиации.

Потребности во власти и в контроле привлекли к себе наибольшее внимание исследователей политического лидерства. Сегодня никто не оспаривает тот факт, что каждая из четырех названных потребностей имеет собственное значение для поиска причин, объясняющих политическое поведение лидера. Сравнительный анализ этих мотивов, например, у двух президентов, позволил Д. Уинтеру с соавторами дать интересный сравнительный анализ личностей М. Горбачева и Дж. Буша накануне саммита*. Такого рода сравнительный анализ имеет не только сугубо теоретический интерес, он может быть использован для прогнозирования поведения сторон на переговорах и для других практических целей.

---

* Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // Political Psychology, 1991. Vol. 12. No 2. Pp. 215 — 243. См. Хрестоматию по политической психологии: перевод с англ. / Под ред. Шестопаля Е.Б. М.: ИНФРА-М, 2002.

Несомненный интерес для исследователей политического лидерства представляет **когнитивная сфера** личности. То, как принимает лидер решения в сфере международной или внутренней политики, как ведет торг со своими противниками и выходит из конфликтов, все эти особенности поведения лидера коренятся в устройстве его когнитивных процессов, имеющих индивидуальные особенности. Исследования когнитивного стиля, стиля принятия решений, особенности политического менталитета и операционального кода лидеров лежат в данной плоскости.

Эмоциональная составляющая поведения лидера, как ни странно, изучена значительно меньше, чем когнитивная*. Казалось бы, именно иррациональный характер воздействия лидера на окружающих должен был подвигнуть исследователей обратить внимание на этот компонент личности. Но серьезных исследований, посвященных этой теме, — единицы.

---

* Skills A.F. Davies. Outlooks and Passions. A Psychoanalytic Contribution to the Study of Politics. — Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Еще одним компонентом личности лидера, привлекающим внимание политических психологов, является **«Я-концепция» и самооценка** лидера. Так, многие политические психологи, исследующие лидеров, обращают внимание в первую очередь на уровень *самооценки* политика, справедливо полагая, что сравнительный анализ этого параметра личности лидеров можно проводить как непосредственно, так и дистантно.

Так, выяснилось, что чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой меньше зависят от внешних обстоятельств, у них более стабильные внутренние ориентиры, на которых они и основывают свою самооценку.

Я-концепция, то есть осознание человеком, кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них это — *образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера*. У. Стоун считает*, что самооценка — это позитивное чувство в отношении себя, понимая ее как самоуважение. Д. Оффер и Ч. Строзаер** рассматривают образ Я-политика, который соответствует «общей сумме восприятий, мыслей и чувств человека по отношению к себе»... «Эти восприятия, мысли и чувства могут быть более или менее ясно выражены в образе Я, в котором Я разделено на шесть различных, тесно взаимодействующих частей»: *физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, психологическое Я и Я, преодолевающее конфликты*.

---

* Stone W. The psychology of politics. — N.Y.: The Free Press, 1974.

** Offer D., Stozier Ch. Reflections on leadership. In: The Leader. Ed. Offer D., Stozier Ch. - N.Y.: Plenum Press, 1985. Pp. 301 - 313.

Важным параметром сравнительного анализа Я-концепции политических лидеров является ее **сложность**. Под этим термином Р. Зиллер и его соавторы* понимают число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером, или степень дифференциации Я-концепции. Р. Зиллер в другом своем исследовании, проведенном в 1973 г., обнаружил, что люди с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой сложностью Я-концепции. Поскольку уровень сложности Я-концепции связан с восприятием сходства с другими людьми, то политики с высокой сложностью Я-концепции более

вероятно воспримут информацию от других. Политические лидеры с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, реагировать на ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью Я-концепции.

---

* Ziller R., Stone W., Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behaviour. In: A psychological examination of political leaders. Ed. M. Hermann, T. Milburn. - N.Y.: Free Press, 1977. Pp. 176 - 204.

Таким образом, личность политического лидера в целом как некая система свойств и отдельные свойства и характеристики представляют для исследователя лидерства несомненный интерес. Однако, заметим, когда речь идет о лидерах национального уровня, то, как правило, ни последователи этого лидера, ни политические психологи не имеют возможности оценивать их непосредственно. Мы имеем дело с их **вербальным или визуальным имиджем**, сконструированным имиджмейкерами и транслируемым через средства массовой информации. Именно здесь таится возможность мифологизации образа политика, который превращается в некий артефакт и обретает в виртуальной реальности. Возникает вопрос: в какой мере реальная личность политического лидера совпадает со своим виртуальным двойником? Неизбежно возникает и проблема посредников, участвующих в создании имиджа: политических консультантов, советников, журналистов, являющихся его архитекторами и режиссерами одновременно. Вносят свой вклад в конструирование имиджа политика и его противники и партнеры.

2. Помимо личности, в качестве основания для сравнительного анализа лидерства используется и фактор среды. Его истоки лежат в традиции **ситуативных теорий лидерства**. Считается, что появление лидера есть не столько его собственная заслуга, сколько результат взаимодействия места, времени и обстоятельств. Так, **атрибутивные теории** прямо рассматривают лидера как своего рода марионетку, получающую прямые указания и власть от своих последователей, которые приводят его в движение — как кукольник свою куклу.

Данная точка зрения предполагает, что лидер отражает цели группы и действует от ее имени. Таким образом, для понимания лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях последователей, которые также можно изучать в сравнительной перспективе. Нам представляется, что это весьма продуктивное направление, если учесть, что такое «отражение» политического лидера в сознании последователей не полностью адекватно реальной личности лидера. Но оно имеет и самостоятельное значение для понимания природы лидерства. Ведь последователи идут не за тем, кого они обязательно знают лично, а за тем, кто существует в их сознании — в некой «виртуальной реальности». Именно этот образ и вызывает их чувства и побуждает принимать решения.

Э. Хартли предложил свою модификацию этой теории. Он высказал ряд следующих предположений: во-первых, если человек становится лидером в одной ситуации, не исключено, что он им станет и в другой ситуации; во-вторых, в результате стереотипного восприятия лидеры в одной ситуации рассматриваются группой как «лидеры вообще»; в-третьих, став лидером в определенной ситуации, человек приобретает авторитет, который способствует его избранию и в следующий раз; в-четвертых, лидером чаще выбирают человека, имеющего мотивацию к достижению этой позиции.

Однако, такие размытые формулировки не разрешили проблемы односторонности теории, и, как это часто бывает, два крайних варианта породили некий третий, более или менее компромиссный вариант, — **личностно-ситуативные теории**. В частности, еще в 1952 г. Г. Герт и С. Милз* выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства:

- 1) черты и мотивы лидера как личности;
- 2) образы лидера и мотивы следовать за ним, существующие у последователей;
- 3) характеристики роли лидера;
- 4) институциональный контекст, т.е. те официальные и правовые параметры, в рамках которых действует лидер и его последователи.

---

* Gerth, H. and Mills, C.W. A sociological note on leadership. In: Hulett J.E. and Stagner R. Problems in social psychology. — Urbana: University of Illinois Press, 1952.

Причины различного понимания феномена лидерства коренятся в том, что исследователи изучают его с разных позиций. Однако, большинство исследователей понимают лидерство как взаимодействие лидера и его последователей. Это взаимодействие может быть рассмотрено либо с позиций активности лидера, либо активности последователей, либо как результат двустороннего влияния.

3. Таким образом, выделяя различные основания для сравнительного анализа политических лидеров (личность в целом и ее отдельные компоненты, среда, ситуация, взаимодействие лидера и последователей, образы политических лидеров в сознании граждан), мы получаем инструмент позволяющий сопоставлять уникальные объекты, каковыми являются лидеры. Форма, в которой это сопоставление осуществляется, может быть различной: это — *case-studies* и типологические исследования, количественные данные опросов относительно восприятия образов политиков в массовом сознании и качественные психологические портреты, это — биографические исследования и анализ контекста среды в виде коллективного портрета элиты, это — сравнительные исследования межкультурного и внутрикультурного свойства.

14.3. Политические лидеры: восприятие личности или восприятие имиджа?

Чтобы продемонстрировать возможности сравнительного исследования политических лидеров, приведем в качестве иллюстрации некоторые результаты нашего многолетнего исследования российских политических лидеров. Это дистантное исследование построено на сравнении восприятия личностных особенностей ведущих российских политиков рядовыми российскими гражданами. Мы исходили из того, что политико-культурный контекст сказывается и на ожиданиях граждан в отношении лидеров, и на поведении самих лидеров, их осознании собственных политических ролей. Общий контекст политического лидерства в России определяется государство-центрической психологией российских граждан, теми традициями политической культуры, которые не слишком способствуют укоренению как демократических ценностей, так и демократического стиля лидерства.

Проблема личности лидера всегда была центральной в анализе российской политики. Никто из специалистов не ставит под сомнение тот факт, что для российской политической культуры во все времена — от Ивана Грозного до Б. Ельцина — было характерно особое значение личностных составляющих политического процесса. Российская история не может быть понята без учета того, КТО правит страной, независимо от его титула: царь, генсек или президент.

Описывая дореволюционный период, исследователи традиционно акцентируют сакральный характер царской власти, которая имела не столько правовую, сколько религиозно-мистическую легитимацию. Гораздо меньше внимания в литературе уделяется собственно психологическим аспектам исполнения высшей политической роли. Исключение составляет замечательная работа Г. Чулкова*, в которой упор сделан как раз на дифференцировании психологических характеристик российских императоров. Но и в этой, и в других работах о политических лидерах той эпохи не ставится вопрос о личностных качествах, которыми должен обладать царь, чтобы его воспринимали не просто как исполнителя функции, пусть и священной, а как личность.

---

* Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. — М., 1991.

Советский период принес не только новый тип лидера, но и по-новому поставил проблему его легитимации. Даже простое перечисление лидеров советского периода: В.И. Ленин, И.В. Сталин, Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко — показывает, что общее основание в виде политического режима еще не означает единообразия типов лидерства. Распространенная концепция, трактующая лидерство советской эпохи в терминах авторитаризма-тоталитаризма, не дает адекватного объяснения психологическим отличиям перечисленных лидеров, того, почему столь отличными оказались эпохи их правления и в какой мере причиной тому стали их личностные особенности, а в какой — природа самой системы.

Если в отношении харизматических персонажей (В.И. Ленин, И.В. Сталин, отчасти — Н.С. Хрущев) ясно, что они были личностями с яркой индивидуальностью, то брежневско-черненкоцкий период позволяет говорить скорее об отсутствии тех качеств, которые принято называть «личностными». Один из респондентов в нашем исследовании сравнил речь советских политиков с тарахтением трактора: ему запомнился звук, лишенный смысла. Стереотипные фразы, безликая внешность непривлекательных и часто очень немолодых и «одинаковых» лидеров — таков узнаваемый портрет политика того времени на всех этажах власти. Более того — выделяться, обладать индивидуальностью было противопоказано для тех, кто делал политическую карьеру.

Приход М.С. Горбачева* и других лидеров перестройки был революционным с точки зрения стиля. В политику пришли яркие, неповторимые индивидуальности. Личностно окрашенными стали их речь, поступки, внешность. Чем более непохожими на прежних лидеров, критичными в их адрес они были,

тем выше был их шанс выдвинуться. Политика с 1985 г. становилась все более публичной, а следовательно, вопрос о том, чего от политика ожидает общество, превратился в один из главных для установления новых демократических норм. Телевидение сделало отличия между политиками видимыми и слышимыми.

* См. например, Glad Betty. The psychological Roots of Gorbachev's Performance as Leader of the Soviet Union. Paper Presented at the ISPP Meeting. Helsinki, 1991.

Постперестроечный период принес новую смену парадигмы лидерства. Прежде всего, сменились доминирующие роли. Пришедшие на волне перестройки «чисто политические лидеры» были привлекательны в силу необычно яркой риторики, манеры общения и идеологического разнообразия. На политической сцене, особенно парламентской, блистали шоумены. Выборы 1993 г. со всей остротой поставили перед политологами необходимость объяснить феномен В. Жириновского, в котором наиболее ярко воплотился тип лидера, завоевавшего голоса избирателей за счет риторики и актерских данных.

В последующие годы этот тип оказался вытесненным новой политической модой. На его место пришел тип лидера, наиболее ярко представленный московским мэром Ю. Лужковым: «чистый профессионал», хозяйственник, занятый строительством храмов и домов, уборкой улиц и украшением столицы. Он всячески подчеркивает, что политика его мало интересует. При этом в последние годы он занял четкие государственно-патриотические позиции по ряду ключевых политических вопросов и получил поддержку со стороны более 80% избирателей.

На первый взгляд этот тип лидера похож на своих коммунистических предшественников. Но на самом деле возврата к старому стилю не происходит. Сегодня в стране немало таких публичных политиков, одаренных коммуникативными способностями, гибких и неординарных, использующих в своей практике местный колорит и деятельно решающий повседневные проблемы. Подражающие Ю. Лужкову региональные лидеры получили максимальную поддержку на губернаторских выборах в 1996 — 2001 гг. Этот тип лидера преобладал и в верхней палате российского парламента — Совете Федерации до его реформирования в 2001 г.

В период кризиса после августа 1998 г. политическая мода вновь изменилась. Подражание «аполитичности» Ю. Лужкова было оправдано лишь до этого кризиса. Действительно, в конце 1997 — начале 1998 гг. исследования зафиксировали утрату гражданами интереса к политике. Августовский кризис усилил интерес граждан к политической позиции лидера. Замеры конца 90-х — начала 2000-х показывали, что прежде чем решить, кто ему нравится, избиратель пытается выяснить, во что политик верит? С кем он и против кого выступает? Левый он или правый?

Этот краткий исторический экскурс показывает, что:

- личностный фактор был значим в российской политике на всех этапах, независимо от качеств конкретных лидеров, их достоинств и недостатков, от того, был ли лидер простым бюрократом или отличался яркой индивидуальностью;
- собственно индивидуальность и индивидуальная неповторимость впервые стала рассматриваться как необходимый компонент лидерства лишь с развитием публичной политики;
- ситуация социального и политического кризиса требует от лидеров демонстрации их личностного потенциала. При этом набор личностных переменных оценивается гражданами как в целом (общее восприятие), так и дифференцированно (в контексте политической ситуации). Чтобы удержаться «в седле» в кризисной ситуации, политику приходится быстро реагировать на изменения ожиданий избирателей и демонстрировать свое политическое «лицо» с разных сторон. Иногда при этом возникает ощущение, что это лицо за считанные дни меняется до неузнаваемости.

Прежде чем исследовать конкретные образы политиков, следует определить те показатели, по которым можно судить об их личностном потенциале.

В поиске таких показателей мы исходили из ряда теоретических положений. Так, нас интересовала публичная сторона личности политика, то есть те ее аспекты, о которых могут судить и эксперты и неспециалисты. Это сужает поле исследования до наблюдаемого поведения. Объектом же исследования выступает не столько личность политика, сколько его **публичный образ**.

Исследование этого образа проводится через его восприятие гражданами, то есть имеет отраженный характер. Как показали наши предыдущие исследования*, это отражение в целом носит вполне

адекватный характер. Несмотря на то, что формирование образа политика в сознании граждан не основано на четкой и полной информации рационального характера, они, тем не менее, обладают психологически точным инструментом для прочтения образа политического лидера, позволяющего им сделать если не вполне рациональный, то во всяком случае эмоционально приемлемый для них выбор.

* Shestopal H., Novikova-Grund M Psychological and Linguistic Analysis of Respondents' Perceptions of 12 Leading Russian Politicians. Paper, Presented at the Nineteenth Annual Meeting of ISPP.— Vancouver, 1996, June 30-July 3.

В переходных обществах, как верно отмечает Г. Дилигенский*, личность есть смысл изучать прежде всего через *систему аттитюдов*, так как они более подвижны, чем ценности, убеждения и другие элементы личности. В психологической литературе принято выделять в аттитюде три элемента: когнитивный, аффективный и конативный (поведенческий). Мы исходим из того, что реальная личность и образ политика имеют сходное строение. Это означает, что необходимо выявить не только **когнитивные** элементы (вербализованные и, как правило, осознаваемые личностью), но и элементы **аффективные**, которые осознаются редко, и элементы **поведенческие**, непосредственно предшествующие совершению поступка. В наших исследованиях эта задача решается с помощью ассоциативного метода, выявляющего неосознаваемые ассоциации респондента с тем или иным политиком и дающего возможность проанализировать аффективные компоненты его образа.

* Дилигенский Г. Российские архетипы и современность // Вестник РОПЦ, 1996. №2. С. 46.

При анализе образа политика мы пользовались принятыми в психологии тремя измерениями личности, предложенными еще Дж. Осгудом: привлекательностью, силой и активностью. Мы исходили из того, что все оценки гражданами политиков (как рациональные, так и иррациональные) можно интерпретировать с помощью этих трех личностных измерений, для чего мы строили соответствующие психологические шкалы.

Эти параметры используются как для сценки реального политика, так и для описания его «идеального прототипа», который должен быть «приятным во всех отношениях», сильным и активным. Считается, что принятие гражданами решения о том, нравится или не нравится им политик, — это своего рода «примерка» идеального прототипа на того или иного исполнителя политической роли. Если живая модель соответствует шаблону, то политик принимается гражданами.

В реальной жизни оценки того или иного политика хотя и сопоставляются с идеальным прототипом, но выявленные отклонения парадоксальным образом не всегда приводят к отказу от голосования. Более того, сам выбор гражданами конкретного политика подчас основывается на системе ценностей, которая может не совпадать с социально-одобряемой. В таком случае подлинные ценности, служащие основой выбора, человеком не осознаются и имеют иррациональный характер, что отражается на восприятии политических лидеров, опосредуемом этими «скрытыми ценностями». В таком случае ответы респондентов об их предпочтениях и намерении голосовать могут не соответствовать реальности и не работают как надежный инструмент прогноза. Их необходимо дополнить исследованием бессознательных установок, в которых заложена система ценностей респондентов, которая ими может восприниматься как «неправильная» с точки зрения принятых норм.

В большинстве известных нам исследователей рассматриваются вербализованные и рациональные составляющие образа политического лидера*, полученные в ходе опросов или фокус-групп. Они, несомненно, дают ценный материал об ожиданиях граждан в отношении личности политического деятеля и его позиции. Но такой подход оставляет за рамками рассмотрения большой пласт информации, что делает портрет политика односторонним. Между тем, существует расхождение между установками в отношении политиков и действительным электоральным выбором, подтверждаемое отличием данных социологических опросов от результатов голосования на выборах 1993 и 1995 и 1996 гг. Во многом это расхождение объясняется тем, что в социологических опросах, как правило, фиксируется именно рациональный, т.е. наиболее поверхностный слой установок.

* Kinder D.R., Peters M.D., Abelson R.P. Presidential Prototypes // Political Behaviour, 1980. № 2. Pp. 315 — 337; Lodge M., McGraw K.M., Stroh P. An Impression-driven Model of Canadian Evaluation // American Political Science Review, 1989. № 83. Pp. 399 — 419; Miller A. Public Judgments of Senate and House Candidates // Legislative Studies Quarterly, 1990. № 25. Pp. 864 — 885.

Рациональные и эмоциональные элементы установок в отношении того или иного политика никогда полностью не совпадают. Одной из причин такого рассогласования является противоречие между социально одобряемой в данный момент системой ценностей и подлинными предпочтениями

избирателей.

Система ценностей находит свое выражение в социально одобряемом наборе требований к политическому лидеру: он должен быть «компетентным», «честным», «умным» и пр. В **ситуации расхождения эмоциональных и рациональных компонентов установки респонденты руководствуются** не столько рациональными соображениями, сколько **эмоциональными предпочтениями**.

Сказанное позволяет подойти к пониманию структуры образа лидера с учетом его реальной сложности. Этому должна служить и методология анализа. Мы полагаем, что она должна включать три элемента. Во-первых, необходимо проследить важнейшие тенденции в *рациональном* восприятии политиков. Во-вторых, анализировать *эмоциональные* составляющие образов, имеющие более непосредственный характер и свидетельствующие о неосознаваемых респондентами тенденциях. И, в-третьих, следует сравнить между собой два этих ряда компонентов. Их совпадение свидетельствует о цельности образа, в то время как расхождение может объясняться либо нечеткостью образа, либо его внутренней противоречивостью, но в любом случае оно дает представление о внутренней структуре личности политика. Такая схема анализа может быть применена как для анализа каждого конкретного политика, так и для сравнения их между собой.

Рациональные оценки включают несколько моментов. Так, до начала содержательного анализа тех качеств политика, которые нравятся или не нравятся гражданам, важно выяснить, насколько они *узнаваемы*. Динамика изменения узнаваемости политика является важным показателем его успеха. Вне зависимости от того, узнал ли респондент политика или не уверен в том, чья фотография ему предъявлена, ему все равно задают вопрос, нравится ли ему этот человек или нет. Такая методика позволяет вычленил собственно личностную привлекательность в чистом виде, отделив ее от политических пристрастий. Оказалось, что на общую оценку политика и ее знак это мало влияет. Таким образом, именно личностная привлекательность, теплота, человечность, определяют общее впечатление от политика. В литературе принято подчеркивать такие качества, как харизматичность и способность к сочувствию как составляющие электорального успеха*.

---

* Rosenberg S., Sedlak A. Structural Representations of Implicit Personality Theory. In: Advances in Social Psychology. Ed by Berkowitz L. — N.Y.: Academic Press, 1972. Vol. 6.

Рациональные оценки политиков в содержательном плане прежде всего имеет смысл рассмотреть под углом зрения *привлекательности* лидера.

Привлекательность в целом является одним из трех важнейших измерений в оценке личности политика. В литературе существуют весьма различные подходы к расшифровке этого понятия. Так, Д. Киндер выделяет такие составляющие привлекательности, как компетентность, лидерство, честность (порядочность) и способность к сочувствию*. Дж. Маркус сводит их к двум: компетентности и честности**. К. Функ предлагает рассматривать эти четыре черты как взаимосвязанные, но имеющие самостоятельное значение в общей оценке политика***. Б. Макаренко оперирует примерно теми же двумя понятиями, полагая, что политик должен демонстрировать:

- **способность к пониманию:** ум, образованность, кругозор, опыт;
- **гарантии моральной порядочности**, которые могут трактоваться как личностные (честность, некоррупционированность) или институционализированные (верность закону)****. Определяя выявленный в ходе президентской кампании 1996 г. набор привлекательных для граждан качеств, Б. Макаренко предлагает такое описание «идеального лидера»: опытный политик; готов к разумным компромиссам; сторонник практических дел и сторонник решительных шагов; выдержанный и спокойный. При этом он замечает, что внешность и частная сторона жизни для имиджа российских политиков не значимы.

---

* Kinder D.R. Presidential Character Revisited. In: Political Cognition: The 19th Annual Carnegie Symposium on Cognition. Ed. by Richard Lau R. and Sears. David O. Hillsdale. — NJ.: Lawrence Erlbaum Associates, 1986.

** Markus G.B. Political Attitudes during an Election Year: A Report on the 1980 NES Panel Study//American Political Science Review, 1982. № 76. Pp. 538 — 560. 211

*** Funk C.L. Getting Specific About Traits in Candidate Evaluations // Paper Presented at the Annual Meeting of ISPP. Vancouver, 1996, June30-July3.

**** Макаренко Б. Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения // Вестник РОПЦ, 1996. № 26. С. 20.

В контексте той теоретической модели, которая была обоснована выше, можно несколько иначе сформулировать проблему выделения привлекательных личностных характеристик. Тот набор черт, на который указывает Макаренко, может быть и входит в портрет идеального лидера, но мало похож на живых политических деятелей. По крайней мере, возникают сомнения, что именно за эти качества Б. Ельцина избрали Президентом, а 2-е и 3-е места получили Г. Зюганов и А. Лебедь. При этом речь идет не только о русской специфике. В упомянутой работе К. Функ приводятся данные об оценке американцами компетентности 6 кандидатов в Президенты США — Дж. Буша (1992), Б. Клинтона (1992), Дж. Буша (1988), М. Дукакиса (1988), Р. Рейгана (1984) и Мондейла (1984). Среди названных политиков по параметру компетентности резко выделяется Р. Рейган. Не вступая в дискуссию по вопросу объективности американского общественного мнения, рискнем предположить, что такому результату во многом способствовало умелое использование PR-техник и телевидения, а не то, что Р. Рейган был в действительности самым компетентным американским президентом.

Во всех случаях к выделенным качествам следует относиться с определенной осторожностью. Так, прежде всего, мы полагаем, что предметом рассмотрения должны стать не только положительные, но и отрицательные качества политиков. Образы многих из них составлены из оценок, которые, на первый взгляд, кажутся взаимоисключающими. В действительности привлекательные характеристики смешаны с непривлекательными и учитывать следовало бы и те, и другие. Важно то, что повторы в оценки независимо от их знака указывают на их важность для образа данного политика.

Другой существенный момент заключается в том, что набор рациональных оценок привлекательности состоит из качеств, специфичных для каждого лидера. Так, один из них — «умный», другой — «опытный», третий — «упрямый» и т.д., поэтому их сравнение между собой крайне затруднено. Как показал лингвистический анализ материала, полученного в наших исследованиях, выявленные повторы являются своего рода «дифференциальными признаками» образа лидера. Образ одного лидера отличается от образа другого системой «дифференциальных признаков», составляющих его специфику*.

---

* Шестопап Е., Новикова-Грунд М. Психологический и лингвистический анализ восприятия образов 12 ведущих российских политиков// Полис, 1996. №5.

На основании повторяемости синонимов указанные характеристики были ранжированы:

1. Психологические характеристики - необходимые качества с положительным рядом: «спокойный» — «уверенный» — «серьезный» — «мужественный» — «целеустремленный» и с соответствующим негативным рядом: «жесткий» - «упрямый» — «твердолобый» — «ограниченный» — «не терпящий возражений».
2. Внешность — положительная характеристика (особенно взгляд, глаза и прическа).
3. Речевые характеристики — положительные (индивидуализирующие признаки).
4. Деловые качества — с негативным рядом.
5. Ум с негативным рядом.
6. Убеждения — с негативным рядом.
7. Морально-этические качества — с негативным рядом.
8. Возраст (позитивным является отсутствие характеристики).

Исходя из задач политико-психологического анализа указанные показатели привлекательности были сгруппированы следующим образом:

- **внешность** (одежда, манера поведения) и **телесные характеристики** (здоровье — болезнь, физическая конституция, полнота — худоба, вредные привычки, маскулинность — фемининность, возраст, темперамент, физическая привлекательность);
- **психологические особенности** (характер, отдельные черты, речевые обороты) и **морально-этические** оценки политика;
- **политические**, профессиональные и деловые качества (опыт, политические взгляды, лидерские качества, навыки политической деятельности, компетентность).

Каким бы ни был набор привлекательных качеств того или иного лидера по содержанию, эти качества необходимо также оценить с точки зрения двух других личностных измерений: силы и

активности. Личностная **сила**, без сомнения, укрепляет привлекательность политика. В этот параметр входят такие компоненты, как здоровье, возраст, физические и интеллектуальные ресурсы, психологическая устойчивость, способность защищать интересы страны и многое другое. Оценивая все ответы респондентов по этому показателю, мы получаем дополнительный инструмент, отсеивающий многие, казалось бы, бесспорные личные черты (например, ум, компетентность), которые без силы не много дают для оценки и прогноза политической карьеры лидера.

В российской политической культуре вообще и в постперестроечный период особенно параметр **силы** играет особую роль. Не только **сила**, но и **насилие** традиционно оценивается в российской и советской традиции достаточно амбивалентно, но чаще — со знаком плюс. Это не удивительно в условиях незрелости правового государства. Здесь уместно отметить, что мало кто из респондентов будет открыто восхвалять насилие. Но даже в осознаваемых оценках качеств, которые нравятся или не нравятся респондентам, есть менее осознанный слой установок, связанный с представлением о том или ином политике как о сильном или слабом.

Сказанное о параметре силы во многом относится и к показателям **активности**. Активность как личностная характеристика политика имеет отношение к исполнению властных полномочий.

Неосознаваемые оценки

В образе политика, каким его видят респонденты, всегда есть «двойное дно» — те пласты образа, которые самими респондентами не осознаются. При этом одни бессознательные характеристики связаны с индивидуальными особенностями того, кто оценивает политика, другие — с массовыми стереотипами, порожденными средствами информации, третьи коренятся в глубинных представлениях, общих для людей данной культуры («архетипах коллективного бессознательного» по Юнгу).

Первый слой бессознательных установок в образе политика не столь значим при анализе полученных данных (одни индивидуальные особенности гасят другие, и в расчет мы принимаем те установки, которые повторяются у *разных* людей). Второй слой представляет интерес при анализе динамики восприятия политика под влиянием его собственных действий и действий его политических противников, которые также стремятся воздействовать на его имидж. Этот слой обладает обычно невысокой устойчивостью и весьма изменчив. Третий слой, напротив, включает довольно устойчивые структуры бессознательного, заложенные в ходе первичной социализации: это образный ряд, почерпнутый нами из фольклора, традиций, национальной культуры и очень прочно связанный с наиболее фундаментальными психологическими конструкциями личности — такими, как представления о смысловых значениях того или иного цвета, запаха, пространственно-временных координатах, социальных нормах (хорошо — плохо) и структуре властных отношений (кто главный — кто подчиненный).

В данном исследовании нас интересовал по преимуществу этот, наиболее глубинный срез восприятия политиков, для выявления которого был использован метод ассоциаций с животным, цветом и запахом. Полученные данные были проанализированы как с помощью психологических шкал, так и с помощью структурно-лингвистических методов. В частности, ассоциации с животными были изучены под углом зрения тех значений, которые они имеют в русском фольклоре. В первую очередь принимались во внимание **роли**, которые разные животные играют в сказках, пословицах, поговорках, и место их обитания (**локус**). Эти аспекты восприятия позволяют оценить скрытые аспекты образа политика.

Для работы с бессознательными элементами образа политика мы используем те же параметры оценки, что и для рациональных его составляющих, хотя и с определенными модификациями. Так, **привлекательность** оценивалась на бессознательном уровне через:

- яркость визуального образа;
- приятные ассоциации с запахами;
- приятные ассоциации с животными.

Сила интерпретировалась через:

- масштаб ассоциативного образа (ассоциация с животным);
- физическую силу (ассоциация с животным);

- социальный статус, роль (ассоциация с животным);
- интенсивность (ассоциации с запахом, цветом);
- мужественность/женственность (ассоциации с запахом).

Активность рассматривалась в ее выражении через:

- оттенки (ассоциации с цветом);
- агрессивность (ассоциации с животными).

Соотношение рациональных и неосознаваемых аспектов образа политика будет обсуждаться нами на конкретном материале, полученном в исследовании. В первую очередь нас будет интересовать степень совпадения или несовпадения этих элементов, их динамика, а также соотношение образа и политика в общественном мнении и его объективных личностных данных.

Вопросы для обсуждения

1. Какие основные подходы к анализу лидерства существуют в современной политической психологии?
2. Кого можно назвать лидером?
3. Какие мотивационные и когнитивные особенности отличают природу лидера?
4. Что такое имидж лидера?
5. Какие личностные и политические качества должен демонстрировать политик, чтобы избиратели восприняли его позитивно?

Литература

1. Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. О теориях лидерства в современной политической психологии США// США: Экономика, политика, идеология, 1995. № 1.
2. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. — М., 1992.
3. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования, 1988. №3. С. 139—147.
4. Голдмен С. Как создается имидж в американской политике // США: экономика, политика, идеология, 1990. № 10.
5. Гринстайн Ф. Личность и политика // Социально-политические науки, 1991. №10. С. 67—74.
6. Егорова Е.В. Господин Президент. Психологический портрет хозяина Белого дома //Диалог, 1990. № 15. С. 87—97.
7. Егорова Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // МЭиМО, 1988. № 12.
8. Егорова-Гантман Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим лидером. — М., 1993.
9. Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлении россиян // Полис, 2000. № 6. С. 66—82.
10. Ковалевский П.И. Психиатрические этюды из истории //Диалог, 1991—1993.
11. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации // Полис, 2001. № 1. С. 94—117.
12. Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. — М., 1991.
13. Нестерова С.В., Сибирко В.Г. Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян. // Полис, 1997. № 6. С. 73—79.

Глава 15. Психологические профили российских политиков

15.1. Особенности восприятия ведущих российских политиков

Анализ личностных детерминант поведения российских политических лидеров выполнен нами на основе исследования, проведенного по общей методике в пять этапов: в марте — апреле 1996 г. (накануне Президентских выборов), в конце сентября 1996 г. (после президентских выборов), в марте 1997 г., феврале 1998 и в январе 1999 гг. Исследование проводилось в Москве. Оно имело в основном качественный характер и не ставило задачи получить данные, репрезентативные для страны в целом. Было опрошено в каждом случае от 200 до 250 респондентов. В выборке представлены

пропорционально три разные возрастные группы 18 — 30, 30 — 50, 50 -- 75 лет. Примерно в равном количестве представлены мужчины и женщины, люди с высшим образованием и без него. Профессиональный состав также весьма разнообразен и включает студентов, домохозяек, пенсионеров, людей умственного и физического труда. Респонденты отбирались и по своим политическим предпочтениям: примерно треть — голосовала за Б. Ельцина и имела либеральную ориентацию, еще треть голосовала за коммунистов, остальные — аполитичные.

Процедура исследования

Процедура исследования включала проведение фокусированного интервью с предъявлением фотопортретов соответственно 12, 15 и 9 ведущих российских политиков в качестве стимульного материала. Обработка материалов велась как с помощью шкалирования оценок респондентами личностных качеств лидеров, так и с помощью политико-психологического анализа высказываний отдельных респондентов с последующим выделением рациональных и бессознательных уровней в их оценках властных фигур. Нами были построены три основные шкалы восприятия личностных качеств политиков: шкала привлекательности, шкала силы и шкала активности.

Для измерения личностных детерминант политического поведения лидеров нами были выбраны *дистантные методы*. Такой подход оправдан тем, что при сравнении данных данного исследования с результатами последних парламентских (1996 г.) и президентских (1997 г.) выборов нам удалось выделить те личностные характеристики, которые коррелировали с решением граждан голосовать за определенного кандидата.

Задача исследования

Задача исследования состояла в том, чтобы выяснить, какие личностные характеристики лидеров влияют на привлекательность политика — независимо от того, что респондент о нем знает и даже узнает ли его в лицо.

Приведем **некоторые результаты** одного из последних этапов исследования — в январе 1999 г.

Список политиков включал имена тех, кто претендует на высший пост государства, персон местного масштаба и нескольких политиков, практически неизвестных публике. Действующего президента оценивать не предлагали, речь шла лишь о «соискателях».

Прежде всего, мы попытались проследить, как **менялись рациональные оценки** тех или иных деятелей. Например, пока В. Черномырдин еще был премьером-министром, две трети тех, кто к нему был положительно настроен, хорошо отзывались и о нем в качестве правительственного чиновника. К январю 1999 г. число настроенных положительно упало до одной трети. В два раза меньшему числу людей стала нравиться внешность Виктора Степановича — его костюмы, седина, внушительный вид. Зато людей гораздо больше стали интересовать политические взгляды экс-премьера, о которых раньше они задумывались мало. При этом резко возросло и число тех, кто разделяет позицию В.С. Черномырдина, и число его идейных противников. Здесь сказались вполне закономерные перед выборами сезонные колебания настроений: чем ближе дата голосования, тем чаще от политиков требуют «объяснить, что они хотят делать со страной».

В марте 1998 г. лишь каждый десятый упрекал Ч.В.С. за «слабость». Через год «упрекающих» стало в четыре раза больше. Активность экс-премьера была замечена, но выросло и число недовольных этой активностью (то же, кстати, происходило и в сентябре 1996 г., когда В.С. Черномырдин заменял больного Б.Н. Ельцина и постоянно мелькал на телеэкранах).

Несколько неожиданными оказались результаты восприятия Геннадия Зюганова. Избиратели после кризиса стали гораздо больше ценить его личные качества (до того — они же были причиной нелюбви к нему 80% опрошенных, в начале 1999 г. — всего 35%). Вырос интерес к его политической программе, причем 33% сторонников как раз за нее Г. Зюганова и полюбили, а 85% его противников отталкивает именно зюгановский максимализм. Рост интереса к коммунисту номер один был налицо, но у него наметилась и серьезная проблема. Число тех, кому не нравилась внешность Г. Зюганова и его манера держаться, возросло с 35 до 60%. Его в меньшей степени стали считать «сильным», чаще называют «пассивным».

Постоянно эпатировавший публику Владимир Жириновский стал выглядеть в последние годы спокойнее и несколько уважаемее. Его морально-психологические качества люди стали оценивать

чуть сдержаннее. Личность В. Жириновского стала отталкивать меньше, чем раньше, но и привлекать — тоже меньше. Внешность — по крайней мере на словах — 55% опрошенных оценили со знаком минус против февральских 15% (хотя был случай, когда одна респондентка прижала фото В.В. к груди с возгласом «не отдам!»). А вот политические взгляды В. Жириновского чем дальше, тем меньше люди вообще берут в расчет. («Как я оценю то, чего нет?») При этом В. Жириновский — чемпион в номинации «активность», его бурная деятельность скорее нравится, чем оценивается отрицательно. Но «сильным» его в 1998 г. видели 40%, а в 1999 — лишь 25%.

Об Александре Лебеде до его трагической гибели говорили и писали довольно редко. В его роли губернатора в 1998 г. его воспринимали несколько иначе, чем раньше. Сограждане ценили его личные качества больше прежнего (число положительно оценивающих морально-психологические черты генерала увеличилось с 85 до 91%). Но если раньше А. Лебедь как человек скорее нравился, чем нет, то в 1998 г. ситуация стала обратной. А. Лебеда начали упрекать в недостаточной политической и экономической грамотности, в откровенной грубости, малой активности.

Григорий Явлинский — был хитом сезона 1999 г. Судя по результатам исследования, он преодолел ряд своих давних проблем и из политиков «средней весовой» категории перешел в «тяжеловесы». Его морально-психологические качества люди стали ценить гораздо выше по сравнению с началом прошлого года, а недостатки замечают значительно реже. Избиратели больше обращают внимание на внешность Григория Алексеевича. Теперь уже половине опрошенных нравится подстригшийся и явно окрепший после болезни Г. Явлинский. При этом новый интерес вызывает не только прическа, но и поведение политика. Резко возросло и внимание к политическим взглядам Г. Явлинского, респонденты отмечали его активность и последовательность.

Личность Ю.М. Лужкова в конце 1999 года нравилась людям больше, чем в начале, перевес положительных оценок над негативными стал вполне очевидным. Но вот что поразительно: при том, что Ю. Лужков постоянно отрекся от «чистой политики», именно его взгляды имеют для людей решающее значение. Опрос проводили еще до съезда «Отечества» 1999 г. И уже тогда выяснилось, что 95% опрошенных привлекают именно взгляды московского мэра, при этом 62% из них высказывают те или иные претензии к его программе. Судя по всему, Ю. Лужков с его «просвещенным патриотизмом» угадал нишу, которую ему не стоит делить ни с кем. В посткризисные времена вдвое больше опрошенных стали считать Ю. Лужкова-политика «активным», при этом трети избирателей активность московского мэра кажется избыточной.

Неосознанный уровень восприятия

Рациональные оценки — лишь надводная часть айсберга общественного мнения. Опрашиваемые научились отвечать социологам, «как положено», вынося во главу угла «компетентность и ум» политиков. Никто не скажет, что ему в глубине души симпатичны политики агрессивные, мужиковатые, а к «шибко умным», общительным и воспитанным душа не лежит. Люди даже не осознают этого, и все же в череде бессознательных пристрастий всегда лидируют именно «хищники», а не «травоядные». Правда, в последнее время опросы показывают, что грубая сила и танковый напор все меньше нравятся избирателям, в послекризисные времена они испытывают нужду не в медвежатниках, а скорее в хакерах, способных справиться со сложными экономическими и политическими задачами. Кризис 1998 г. все-таки не привел, как нас пугали, к окончательному расколу общества и войне «всех против всех». Поэтому к политикам, которые потенциально могут уничтожить последние островки устойчивости, в обществе отношение настороженное.

Судя по нашим данным, в последнее время все политики кажутся избирателям более «кусачими», показатель агрессивности вырос у Г. Явлинского, Г. Зюганова, В. Жириновского, у А. Лебеда — в наибольшей степени. А вот Ю. Лужкова накануне выборов 1999 г. считают не особенно агрессивным, внутренне добрым и мягким, а потому — не слишком «опасным зверем». Это определило итоги выборов не в меньшей степени, чем грубые PR-акции Доренко против него.

Бессознательные пристрастия иногда расходятся с тем, что произносит вслух голос разума. Когда люди оценивали энергию и силу политиков, вышло, что В. Жириновский и А. Лебедь стали сильнее, чем прежде, Г. Явлинский и Г. Зюганов так же укрепили свои позиции. Причем Г. Явлинского около трети видят в роли «охотника-одиночки», и лишь четверть доверяет играть роль «повелителя». В. Черномырдина стали реже аттестовывать как «крупного», зато существенно вырос масштаб Г. Зюганова. Г. Явлинского в ходе замера конца 1999 г. стали воспринимать как «более мужественного»,

чем раньше. У Ю. Лужкова последний показатель чуть снизился.

Как бы то ни было, из действующих политиков ни один на 100 процентов не соответствует «народным чаяниям».

В период конца 90-х гг., как никогда прежде, люди ждали появления новых имен и новых лиц на политической сцене. В нашем исследовании 1999 г., наряду с известными политиками, мы просили опрошенных оценить политиков, «не засвеченных» в средствах массовой информации. Был получен весьма неожиданный результат. Оказалось, что избиратели готовы довериться абсолютно незнакомым политикам при условии, что те производят впечатление волевых и порядочных людей. Появление В.В. Путина в конце 1999 г. было ответом на те же ожидания населения.

Выводы

1. Образы политиков имеют многомерную структуру, включающую как рациональные, так и бессознательные составляющие. Одни рациональные оценки того, что нравится и что не нравится в политике, не могут рассматриваться как адекватный и точный инструмент анализа и прогноза. Рациональные оценки политиков должны быть дополнены более глубоким слоем восприятия. Особый смысл это имеет в ситуации расхождения двух уровней. Так, наши респонденты признают за Е. Гайдаром ум и компетентность, но отказываются голосовать за него в силу того, что на бессознательном уровне они воспринимают его как слабого и пассивного политика. В то же время рациональные оценки Б. Ельцина, по преимуществу негативные (старый, пьющий, больной), не мешало им голосовать за него как за Президента. Объяснением может служить то, что на бессознательном уровне они видели в нем силу и активность.

2. Анализ двух рядов оценок личностных параметров лидеров показывает, что между ними, как правило, есть несовпадение. Этот факт требует дальнейшего анализа и теоретической интерпретации. Полученные данные позволяют поставить вопрос о том, в каких случаях и при каких условиях не совпадают рациональные и иррациональные компоненты образа политика? Как это сказывается на принятии политика гражданами? В какой мере это несовпадение определяется характеристикой кризисной ситуации, а в какой — неясностью имиджа самого политика? Мы можем высказать лишь некоторые предположения, требующие дальнейшей проверки.

3. Как показывает исследование, на протяжении последнего периода рациональные оценки привлекательности политиков стали преобладать над иррациональными. Это говорит о том, что не столько политики изменили характер своего поведения, сколько отношение российских граждан к власти сильно изменилось в течение 1999 года. Их выбор стал более зрелым и рациональным. Об этом свидетельствует прежде всего отказ в доверии радикалам. Можно говорить об этой тенденции применительно ко всем частям политического спектра. При этом расхождение между эмоциональными элементами политических установок и рациональным выбором, хотя и продолжало сохраняться, но стало намного меньше того, которое отличало поведение избирателей в 1993 и 1995 гг., когда им нравился один политик, доверяли они другому, а голосовали за третьего.

4. Сравнение между политиками, которое мы просили сделать наших респондентов, показывает, что они не только четко улавливают черты того или иного политика, но и тонко чувствуют его соответствие или несоответствие быстро меняющейся политической реальности. Как отметил один из респондентов, отвечая на вопрос: «Кто из политиков больше подходит для России?» — «Если все пойдет, как сейчас — то В. Черномырдин, если ситуация станет критической — то А. Лебедь». «Львы» и «лисы», как их называл В. Парето, с их наборами достоинств и недостатков, необходимых и достаточных личностных качеств, выдвигаются попеременно — в соответствии с изменениями политической ситуации. Кризис 1993 г. потребовал от российских лидеров «политических качеств». Некоторая стабилизация обстановки выдвинула политиков, демонстрирующих менеджерские достоинства, спокойствие и рассудительность. Однако неустойчивость ситуации сохраняет в российской политике разнообразные личностные типы. На всякий случай.

В главе 13 мы обсуждали актуальные политико-психологические проблемы лидерства в России. Нам представляется, что проиллюстрировать их можно было бы портретами современных российских политиков. Разнообразие личностных и политических особенностей наших политиков чрезвычайно велико. И хотя в последнее время многие наблюдатели жалуются на их непрофессионализм, блеклость и другие недостатки, с ними трудно согласиться. Российские лидеры — люди яркие, неординарные и

весьма талантливые. Это становится особенно очевидно, если принять во внимание, что в своем деле они — первооткрыватели. Не взирая на различия в возрасте и опыте, образе предыдущей жизни, все они осваивают свои политические роли «с чистого листа» и в целом делают это весьма успешно.

Мы выбрали именно исполнителей разных политических ролей, чтобы доказать этот тезис. Материал об этих политиках собирался и анализировался в разные годы. Одних лидеров мы наблюдали на дистанции (как, например, бывшего премьера В.С. Черномырдина), с другими удалось познакомиться лично в ходе консультирования, свойства третьих исследовались путем анализа текстов интервью, взятых у них специально для исследования. Кроме председателя правительства, которого невозможно не узнать, мы оставим остальных политиков анонимными — по примеру Г. Лассвелла, — который опубликовал психологические портреты известных американских политиков 30-х годов, спрятав их за псевдонимами.

Проводилось исследование восприятия всех наших героев обычными гражданами. Здесь мы ограничимся набросками к их психологическим портретам, а точнее — профилями. Итак, перед вами представители разных лидерских «профессий»: премьер-министр (ныне уже бывший), два лидера политических партий (оба к тому же депутаты), депутат-женщина. Будем знакомы.

15.2. Премьер

Роль и ее исполнитель

Бывший председатель правительства (1992 — 1998 гг.) Виктор Степанович Черномырдин — редкий пример политического долгожителя. Американский Вице-президент Альберт Гор почтительно обращался к русскому премьеру: «Виктор Степанович». Российская политическая элита его давно называет сокращенно Ч.В.С., вольно или невольно подражая американцам, несколько фамильярно обращавшихся к своим президентам: *FDR, LBJ, JFK*.

Будучи по своему положению в российской структуре власти человеком № 2, устойчиво занимая в рейтингах политиков с 1993 г. второе место после Президента Б. Ельцина, этот человек до последнего времени не соответствовал привычному стереотипу публичного политика. Его намного реже и менее интересно, чем его заместителей, показывали по телевидению. Он не был любимцем публики и журналистов. Правда, похоже, чувство это было взаимным. Ч.В.С. также не в восторге от журналистов, скорее терпит их и не напрашивается на интервью. Известно, что с Ч.В.С. до сих пор не работал никто из имиджмейкеров, да и вообще он неохотно подпускает к себе на близкое расстояние людей, не входящих в его ближайшее окружение.

Добровольное или вынужденное политическое отшельничество Премьера завершилось с его отставкой в марте 1998 г. Начиная с зимы 1998 г. он резко активизировался в публичном пространстве российской и международной политики. Это дало повод экспертам, хотя и ненадолго видеть в нем одного из возможных преемников Б. Ельцина. Но первый российский Президент отличался изменчивым нравом. В. Черномырдину стоило немалых сил вернуться в политику уже в другой роли — роли лидера партии, затем посла в Украине. Но нас будет интересовать Ч.В.С. - Премьер и особенно два момента: его личностные особенности и то, как выглядит его имидж сквозь призму телевизионных трансляций.

Ч.В.С. как личность, и особенно его отношения со средствами массовой информации выглядят интригующими. Представляет интерес вопрос о том, почему ньюсмейкеры так настороженно относились к Премьеру. Не менее важно понять и то, по каким причинам личного и политического характера сам он уходил в тень при малейшей возможности.

В истории взаимоотношений Ч.В.С. со СМИ были и взлеты, и падения. Тот образ Премьера, который сложился более, чем за пятилетний срок его работы в этой роли, конечно, менялся, оставаясь неизменным в главном — это был образ традиционного советского руководителя, — строгого, солидного, скучноватого, но опытного, ответственного и знающего реальную экономику страны. Таким его видели журналисты, так этот имидж закрепился и в массовом сознании. И, хотя, действительно, Премьер сформировался не как публичный политик, за годы своей работы в правительстве он проделал заметную эволюцию под влиянием новых условий, потребовавших от него таких качеств, которые не могли быть востребованы в советский период.

Главная отличительная черта его пребывания в кабинете — это перманентная нестабильность. За годы пребывания в должности не проходило и двух-трех месяцев, чтобы в СМИ не возникали слухи об его отставке. Реальность этих слухов не была преувеличенной. За годы пребывания на посту Премьера

серьезная вероятность отставки возникала по меньшей мере 10 раз. Только поразительная пластичность и психическая устойчивость Ч.В.С. позволила ему не только выстоять, но и сохранить работоспособность. Следствием такого перманентного стресса стала устойчивая подозрительность Премьера к средствам массовой информации, тиражирующим слухи о его отставках.

В какой мере недоверие Премьера обосновано, а обида на журналистов имеет реальное основание? Чтобы ответить на этот вопрос, следует понять истоки недоверия и антипатии СМИ к Ч.В.С. Несомненно, их несколько. Играет роль и психологическая «несовместимость» между Ч.В.С., привыкшим к чиновничеству и иерархичности, и журналистами — раскованными людьми, позволяющими себе острые вопросы. Для руководителя, чье становление связано с партийно-хозяйственной работой, такой стиль общения вынести трудно: он ломает его представление о своей роли, вызывает агрессивную реакцию.

По сути, Ч.В.С. был первым постсоветским премьером. Его предшественник Егор Гайдар был в течение полугода и.о. премьера, его назначение президентом Б. Ельциным не было поддержано Верховным Советом. Ч.В.С. находится на своем посту с 17 декабря 1992 г. до 22 марта 1998 г. Как справедливо считают многие, в России в столь беспокойное время каждый год следует считать за три. Так что Ч.В.С. вполне обоснованно считается рекордсменом-долгожителем на политической сцене России.

Уникальность этого феномена становится тем яснее, что с самого начала и по сей день распределение обязанностей между Президентом и Премьером таково, что Президент получает де-факто контроль над назначениями прежде всего силовых министров. Премьер же несет ответственность за действия правительства в целом. Нередки были случаи, когда не только министры, но и сам Председатель правительства узнавал о новых сотрудниках из газет. Только в связи с ухудшением здоровья Президент Б. Ельцин на время передал силовые министерства в непосредственное подчинение Премьеру.

Этот расклад полномочий оставлял Премьеру нередко не много места для маневра. Он был зависим от Президента, от президентского окружения и, о чем сейчас говорят уже вслух, — даже от отношения к нему семьи Президента. При этом Ч.В.С., будучи человеком, лояльным Б. Ельцину, никогда не был в числе его фаворитов как, скажем, его непосредственные подчиненные — А. Чубайс и Б. Немцов, затем М. Булгак, которые имели прямой доступ к Б. Ельцину, минуя Ч.В.С. Один из российских журналистов обозначил схему отношений Президента и Премьера как «охотник и его собака», подчеркнув при этом, что Премьер не выбирает свою роль.

Другим центром влияния, важным для Премьера, было Федеральное собрание. Именно оно, а точнее его нижняя палата, утверждает кандидатуру, предложенную Президентом. Здесь у Ч.В.С. тоже был непростой участок работы. Хотя он в принципе устраивал оппозицию, имеющую в тот момент большинство, но это был союз, основанный не на идеологии и общих целях, а, скорее, на психологическом родстве немолодых людей, получивших сходное политическое воспитание в советское время. Оппозиция время от времени ставила вопрос о выражении правительству недоверия. Был момент, когда депутаты от фракции коммунистов потребовали уголовного преследования Премьера и А. Чубайса за неисполнение бюджета.

Хотя у Ч.В.С. была собственная фракция НДР, но она не имела большинства и не могла блокироваться со своими ближайшими соседями — либералами из фракции «Яблоко» — наиболее последовательными противниками Ч.В.С. справа. Здесь, правда, тоже следует иметь в виду, что подлинные причины расхождения позиций скорее всего лежат не в принципах управления экономикой страны, которые Премьер гибко менял, а в личной несовместимости Г. Явлинского и Ч.В.С.

Роль Премьера требовала от ее исполнителя достаточно гибкой линии поведения и в отношении такого центра власти, как финансово-промышленные группы. Хотя у Ч.В.С. был большой опыт работы с руководителями разного уровня и разных интересов, в этом деле у него были не только удачи. Известно его противостояние с А. Чубайсом, за которым стояли финансовые группы, противостоявшие Премьеру в ходе приватизации крупнейших государственных предприятий. Ч.В.С. в данном случае выступал не в роли Премьера, а в роли защитника интересов Газпрома, из недр которого он вышел и остался его наиболее высокопоставленным лоббистом. Его внутривластная и внешнеполитическая деятельность во многом служила интересам так называемых естественных монополий и, прежде всего, собственно Газпрома.

На протяжении всех лет пребывания у власти Ч.В.С. не без внутреннего усилия уходил от сложившегося в общественном мнении (не говоря уже о его собственном сознании) образа, связывающего его с Газпромом. Только в конце своего премьерства он стал выступать и

восприниматься как руководитель общенационального масштаба, способный более широко смотреть на экономику и политику. Удалось ему, по-видимому, заручиться поддержкой и основных центров экономического влияния в стране.

Так выглядит роль Премьера. Каким же был Ч.В.С. как ее исполнитель? Отметим некоторые личностные особенности Ч.В.С., которые оказывали влияние на его исполнение этой роли. Для этого несколькими штрихами обрисуем его **психологический профиль**.

Психологический профиль

Хотя многим журналистам Ч.В.С. казался человеком простоватым и даже «мужиковатым», не склонным к рефлексии, психологический анализ показывает, что его личность характеризуется достаточной сложной структурой. Так, его представление о себе, его **«Я-концепция»** отличается сложностью, детализацией. Он явно не страдает комплексом неполноценности, имеет высокую и вполне адекватную самооценку. Ошибочно приписывать его высокую самооценку только номенклатурному прошлому и долгому опыту руководящей работы. С детства она формировалась на основе реальных достижений, рано сложившейся системы значимых ценностей, способности твердо стоять на ногах.

Ч.В.С. обладает незаурядной витальной силой, мощной энергетикой, сильными «эго» и «супер-эго». Сильное «эго» проявляется в демонстрации своего «я», отстаивании своих позиций, масштабности деятельности. Сильное «супер-эго» проявляется в значимых для него постулатах: «я должен», «мне Президент сказал: «надо», в готовности подчиниться авторитетам. На формирование особенностей «супер-эго», видимо, повлиял авторитетный отец, старшие родственники по мужской линии. Немалую роль должны были сыграть казачьи традиции тех мест, где вырос Ч.В.С., представления о социальной иерархии, непререкаемость авторитета старших. В функции «супер-эго» входит сдерживание человеческой природы в рамках определенных традиций, предписаний, стереотипов. Примечательно, что в рамках иерархической системы Ч.В.С. демонстрирует необычайную гибкость и даже артистизм, который позволяет ему балансировать между противоречивыми требованиями разных групп интересов.

Важнейшим элементом структуры личности является **система ее потребностей**, среди которых выделяются потребность во власти и контроле, потребность в достижении и потребность в одобрении и поддержке. Доминирующей у Ч.В.С. является потребность в достижении. При этом для него достижения — это не маленькие победы сегодняшнего дня, а размеренное поступательное движение в сторону воплощения глобальных стратегических задач. Похоже, этот человек не возвращается в прошлое, чтобы перебирать оставшиеся в нем победы и поражения. И не потому, что не способен к рефлексии, а потому, что его по-настоящему интересует только сегодняшний день. Именно эта потребность определяет его стиль принятия решения.

Второй по значимости для личности Ч.В.С. является потребность в контроле над людьми, событиями, ситуацией в целом. Это выражается, прежде всего, в отношении с ближайшим окружением. Потребность во власти имеет у него инструментальный характер, что достаточно редко встречается в российской политической среде, где очень многие представители элиты стремятся к власти для залечивания своих психологических травм. Власть Премьеру нужна не для самоутверждения, а для решения проблем, встающим перед ним на его посту. Он реалист и прагматик. Потребность во власти выступает как средство удовлетворения двух основных потребностей. Интенсивность потребности во власти не всегда очевидна, так как она может блокироваться очень сильным контролем сознания. Как показывает анализ его выступлений на телевидении, потребность в доминировании не проявляется на поведенческом, сознательно контролируемом уровне, но временами выплескивается в неосознаваемых жестах.

Потребность в аффилиации — т. е. в поддержке, одобрении у Ч.В.С. не слишком значительна. Он достаточно сильная личность, чтобы не искать поддержки у окружающих. Он ждет от них не столько одобрения, сколько конструктивного сотрудничества. В своих выступлениях он одинаково часто упоминает и своих единомышленников и противников.

Понятно, что политик с такой структурой потребностей больше ориентируется на дело, чем на свой имидж. В зависимости от ситуации он может менять свое поведение и точку зрения, что со стороны может восприниматься как непоследовательность. Сильное стремление к достижениям сопряжено со способностью идти на риск. В деловых отношениях Ч.В.С. кооперативен, ориентирован на партнерские отношения. В то же время он предпочитает окружать себя экспертами и профессионалами, а не друзьями. В интересах дела легко идет на перестановку кадров. Профессиональная компетентность для

него важнее личных отношений. Ч.В.С. стремится сохранить позицию, независимую от окружения.

Говорить о *системе политических убеждений* Премьера имеет смысл в рамках непродолжительного периода времени. Его опыт хозяйственного руководителя приучил его мыслить в масштабе пятилеток. Ч.В.С. проявляет необыкновенную для своего возраста гибкость, когда за пять с небольшим лет он из защитника советской социалистической экономики превратился в борца за «наше правое монетаристское дело». Это также является следствием прагматизма и способности к развитию. Для него идеи сами по себе не имеют большой ценности.

Стиль принятия решений Ч.В.С. отличается жесткостью и одновременно осторожностью. Все эти годы он всячески подчеркивал, что он не политик, а хозяйственник. Ему чрезвычайно сложно принять себя в этом качестве. Но как только такое решение им было принято, он изменил свой стиль в соответствии с собственным представлением о политической игре.

Стиль межличностных отношений Ч.В.С. характеризуется чрезвычайной избирательностью. В отношении близкого окружения он жесток, но открыт и готов прислушиваться. Известна привычка, унаследованная от советских и партийных руководителей, обращаться к собеседникам (нижестоящим) на «ты». С людьми малознакомыми Ч.В.С. держится, как правило, отчужденно. Они его не интересуют. Это нередко относится и к тем, перед кем он выступает. Стиль отношения с Президентом, напротив, был чрезвычайно лояльным, эмоционально теплым.

Однако наиболее яркой характеристикой стиля межличностных отношений Премьера является его речь. На эту тему можно писать тома специальных исследований. Особенность речи Ч.В.С. в том, что она соединяет в себе чрезвычайную невнятность, смысловую неопределенность и одновременно афористичность, яркие эмоциональные образы, которые рождаются у него спонтанно и запоминаются слушателям, превращаясь чуть ли не в пословицы. Очевидно, последнее случается с Ч.В.С. в наиболее острые моменты, когда, словно открываются некие шлюзы, сдерживающие его речь. Не исключено, что это происходит тогда, когда он «заводится» и на эмоциональном подъеме (часто этому помогает злость) преодолевает барьеры в межличностном общении.

Премьер и его телевизионный образ

Ввернемся к тому, как выглядит Премьер на телевизионном экране. Миллионы телезрителей, а нередко и политическая элита, получает представление о политике только через этот канал. При этом зрители улавливают не только то, что говорит Премьер, но и его невербальное поведение, отражающее то, что он хочет сказать, но выразить словами не может.

Нами были проанализированы видеоматериалы за несколько лет (1996 - 1998). Мы не ставили перед собой задачу провести контент-анализ всех видеовыступлений Ч.В.С. Большая часть сюжетов представляет собой официальную хронику, дающую чрезвычайно слабое представление о личности Премьера. Чаще всего это традиционная демонстрация открытия заседания правительства, где Ч.В.С. сидит во главе стола или подходит к нему, здороваясь с кем-нибудь из министров. Ряд экспертов полагает, что эту выигрышную для него ситуацию Премьер не использовал из-за нежелания дразнить Президента.

Другая часть видеосюжетов — это официальные встречи Премьера с отечественными коллегами. Наиболее важными из них являются показы посещения Ч.В.С. Президента Б. Ельцина. В силу отмеченных выше отношений субординации, которые он внутренне принимает, Ч.В.С. выглядит в этих сценах добрым служакой, иногда даже чрезмерно угодливым чиновником. На встречах с зарубежными государственными деятелями он предстает в достаточно формальной роли любезного хозяина. Редко с кем из этих людей Ч.В.С. связывают более тесные отношения, позволяющие продемонстрировать настоящую сердечность и человеческие качества. С малознакомыми людьми он вообще держит изрядную психологическую дистанцию. Исключением являются его встречи с политиками, которых он уже встречал и познакомился ближе, где он демонстрирует искреннее дружелюбие. В целом же этот вид сюжетов не несет большой смысловой нагрузки. Более того, как показали исследования массового сознания, эти материалы не прибавили публике понимания личности Ч.В.С.

Иным выглядит Премьер во время наиболее значимых для него публичных выступлений. Это, прежде всего, его выступления в Думе, где он неоднократно демонстрировал лучшие свои способности политика и дипломата. Хотя ряд зарубежных аналитиков* не видят в этих выступлениях ничего, кроме набора банальностей, да еще выраженных весьма невнятным языком, для своей аудитории (как в зале, так и на телевизионном экране) образ Ч.В.С. несет важный сигнал: перед ними крупный политик,

* Например, Марк Франчетти в газете The Times, 1998.

Однако это тоже не весь В.С. Черномырдин. Есть и другой его образ, который запомнился телезрителям в наиболее трудные моменты его политической карьеры. Вспомним его первое появление на заседании Верховного Совета в декабре 1992 г., когда решилась его судьба во время трудного голосования. Он был собран, яростен и убедителен настолько, что сумел изменить в свою пользу счет голосования во втором туре. В биографии Ч.В.С. останется эпизод, который изменил отношение к нему телезрителей. На протяжении нескольких недель между компанией НТВ и Генеральным прокурором шла борьба за закрытие телешоу «Куклы». Телевидение обвиняли в том, что насмешки над первыми лицами государства дискредитируют власть. Ходили слухи, что это преследование было начато по указанию Ч.В.С. В ходе одного из интервью с ним телекомпания НТВ привела пародиста Премьера, и тот имитировал характерные движения Ч.В.С. в прямом эфире. Кукла вызвала такую естественную и добродушную реакцию Премьера, он так заразительно смеялся, что это лучше любой рекламы сработало в его пользу. После этого его перестали воспринимать как сухого и лишнего чувства юмора бюрократа.

Среди всех видеозаписей выступлений Премьера выделяется одна, сыгравшая особую роль не только в восприятии Ч.В.С., но и в истории России. Это прямая трансляция его переговоров с чеченскими лидерами во время захвата заложников в Буденновске. Премьер проявил необычайную выдержку, чувство собственного достоинства и добился освобождения заложников под свое честное слово. Такие проявления характера нельзя просто сымитировать. Это был момент, когда проявляется подлинная натура любого человека. Среди наиболее удачных выступлений Ч.В.С. есть немногие кадры, где он предстает перед зрителями в домашней обстановке, в кругу семьи, естественный и раскованный.

Правда, и здесь он дает немало оснований для подтверждения своего традиционного образа. Но все же эти кадры рисуют его в более благоприятном свете, чем интервью в официальной обстановке, где он проявляет чрезмерную осторожность, неумение прямо и коротко отвечать на вопросы, нежелание общаться с журналистами на равных, а порой и подозрительность. Одним из таких неудачных примеров было интервью Е. Киселеву, в котором Ч.В.С. пытался объяснить по поводу нашумевшей истории с убитыми им на охоте медведями. Он, кажется, так и не понял из-за чего поднялся такой шум, и почему после этой истории общественное мнение, особенно на Западе, было так взбурено.

Отношение журналистов, работающих в эфире с образом Ч.В.С., — это отдельная тема. Здесь есть и определенная предвзятость (например — только один из четырех важнейших российских телеканалов откликнулся на пятилетний юбилей пребывания Ч.В.С. в правительстве), и поверхностное, стереотипное к нему отношение, недостаточная профессиональная зоркость. Но как бы ни относились к Ч.В.С. на телевидении, очевидно, что он сам дает достаточно поводов для того, чтобы его имидж оставался размытым, не очень ясным. Следует внимательнее присмотреться к его личности, а, точнее, к тем ее аспектам, которые выявляются при выступлениях на телевидении.

На фоне монолитности общего психологического впечатления у Ч.В.С. проявляется некоторая тенденция к невротизации. Особенно заметно это в мелких движениях пальцев, манипулировании очками, в сбоях вегетатики, тяжелых вздохах.

В ряде случаев образу Ч.В.С. недостает внутренней согласованности. Нередко он эмоционально не вовлечен в разговор, лично не включается. Ощущается некое внутреннее сопротивление, мешающее ему чувствовать себя психологически комфортно.

Интервью в домашней обстановке — было выигрышным для Ч.В.С. по жанру. Образ Премьера более интегрирован, он как бы больше является самим собой. Здесь больше оптимизма, уверенности в себе. Установка Ч.В.С.: «Я никому не старался понравиться. Я такой, каков я есть». Звучит это достаточно скромно, но политик не может себе позволить такой позиции. Один из недостатков образа Ч.В.С. — его оборонительная позиция, что вызывает и соответствующую реакцию зрителей.

Во время официальных встреч, Премьер выглядит как триумфатор: в ауре уверенности, стабильности, надежности, заражает оптимизмом. Он демонстрирует широкие жесты, охватывающие пространство, экспрессивен. Он хорошо входит в контакт с самыми разными людьми, что отражается в телесных проявлениях (Ч.В.С. трогает собеседника за рукав, обхватывает за плечо). Он весел и галантен с женщинами. Это — лидер, уверенный, что его любят. Психологический анализ позволяет предположить, что в таких сценах у Ч.В.С. сняты шлюзы запретов, и лавина освобожденной энергии открывает его.

Таким образом, во-первых, мы видим эволюцию его поведения. Если в первых публичных телевыступлениях и он сам, и другие воспринимают его скорее как хозяйственного руководителя, то в дальнейшем — налицо определенная работа над собой и постепенное принятие роли собственно политика. В исполнении этой роли у него есть определенные проблемы: декларируя ее принятие, он внутренне не совсем ее освоил и на бессознательном уровне ей сопротивляется. Так, не случайно он утверждает, что дома с женой не говорит о политике. Эмоционально он еще не вовлечен в эту роль. Само понимание роли политика явно нуждается во внутреннем принятии и расшифровке. Интересно, что в конце своей карьеры Премьера он явно отошел от этой линии поведения.

Другой линией эволюции образа Ч.В.С. является растущее умение публичных выступлений. Правда, в этой области у Ч.В.С. остается немало сложностей, связанных с установлением контакта с большой аудиторией, с журналистом и поведения перед камерой. Ему бывает трудно сразу включиться в разговор. Он долго «раскачивается», но когда «заводится», то чаще на злости, чем на положительных эмоциях.

Во-вторых, Ч.В.С., несомненно, обладает психологическими ресурсами для дальнейшей эволюции политического поведения. Психологические особенности Ч.В.С., структура его личности позволяют ему быть эффективным политиком. Не случайно, он оказался востребованным позже — в роли Спецпредставителя Президента, а затем посла в Украине. Артистичность, владение ситуацией, способность в игровой манере решать сложные проблемы взаимоотношений, кураж — очень ценные качества политического лидера, которыми Ч.В.С. сполна обладает. При определенной негибкости натуры Ч.В.С. в то же время способен учиться. На протяжении даже небольшого периода времени произошли положительные сдвиги в его публичном поведении.

В-третьих, как и всякий политик, Ч.В.С. сталкивается с определенными психологическими трудностями. Позитивному восприятию его образа мешает ряд проблем. Есть моменты сбоя в вегетатике. Не все в порядке и с жестами: например, поздравляя с Новым годом, он в то же время позой демонстрировал отстраненность. Излюбленный жест Ч.В.С. — указующий перст может быть воспринят как чрезвычайно обидный и восприниматься как агрессия, неуважение к собеседнику и высокомерие. Несмотря на бравурность некоторых выступлений, у Ч.В.С. проявляются элементы беспокойства. Следует отметить плохо скрытую обидчивость и болезненное восприятие критики. Но его внутренние личностные проблемы не имеют угрожающего характера. В целом в личностном плане он достаточно благополучен.

15.3. Партийные лидеры

В этом подразделе мы хотим познакомить вас сразу с двумя политиками. Они являются психологическими антиподами. Один из них известен своей невероятной экстравагантностью и раскованностью, несмотря на которые он устойчиво ведет свою партию от выборов к выборам и может считаться одним из ветеранов политической сцены 90-х. Другой политик — человек чрезвычайно интровертированный, подчеркнуто скромный, но имеющий также более чем десятилетний опыт политической деятельности и известный в Думе, в 1995 — 1999 гг. как один из наиболее успешных лоббистов. В 1999 г. он создал собственное движение, которое объединило по преимущественно людей из регионов.

Различны и источники нашего анализа. В первом случае — это интервью, данное политиком для нашего исследования несколько лет назад. Его текстуальный анализ позволяет выявить некоторые глубинные особенности его поведения. В другом случае источником информации были и глубинные интервью в ходе консультирования и исследования восприятия политика массовым сознанием.

Политик X

Политик X - известный думский деятель, 49 лет на момент интервьюирования. Послушаем, что он говорит о себе и о власти.

Я был шестым ребенком в семье. Отец... был простым юрисконсультантом, работал в Управлении Туркестано-Сибирской железной дороги. Он умер в год моего рождения в результате автомобильной катастрофы. Я стал сиротой.

Два брата были офицерами, приезжали в отпуск, военная форма, разговоры об армии, и в этом плане они повлияли на меня. Я мечтал стать офицером. Ну а сестры, они все старше меня. Я был

самым младшим, особо конфликтовать мне было сложно. Я помню, что в детский сад не хотел ходить, старшая сестра меня водила силой, и это мне не нравилось, я с ней по этому вопросу конфликтовал, в том плане, что я сопротивлялся.

Мама ничего о политике не говорила. Она говорила, что без партбилета ничего не получить. В этом плане сожалела, что была однопартийная система. Знакомые... все мучились. По радио слушали информацию, воспринимали.

В школе авторитет — преподаватель по истории. Мне этот предмет больше всего нравился. Спорил с учителями все время. За это мне снижали оценку за поведение. С ребятами тоже спорил (споры в основном политические). Уже тогда для меня социальное было важнее, чем личное. Я участвовал в политзанятиях. Сам проводил политзанятия. Это было интересно. Мои выступления нравились.

На первом этапе я верил тому, что говорят по радио, телевизору, но потом стали закрадываться сомнения. Я был комсоргом, и учительница двойки закрывала тройками, чтобы повысить успеваемость. Очковтирательство это называется. Вот это все видел я, моменты фальшивые... В детском саду — я из бедной семьи, а другие дети, из богатых, приносили воспитательнице духи, конфеты, и она относилась к ним лучше, а ко мне соответственно хуже...

К лозунгам хорошо относился. Демонстрации любил. Все это красивое, оркестры, все веселые. Хорошо было. Голубей запускали.

В партию не вступил. Я критиковал и видел порочности системы, видел, что партия фальшивит, поэтому не хотелось участвовать в организации, которая обманывает. С годами это становилось все осязательнее.

Свобода определенная была. Мы из рогаток стреляли по окнам, по лампочкам, дымовые шашки пускали в троллейбус.

Как нужно воспитывать детей ?

Главное, чтобы это был ребенок, которого родители хотят.

Идеальный отец должен больше заниматься воспитанием, чем мать, особенно воспитанием мальчика. Патриотическое воспитание, трудовое, половое, выбор профессии — это все должен делать отец. Идеальная мать. Ну... она... Идеальный вариант, когда два ребенка в семье. Девочка больше с матерью, отец — с сыном, чтобы... обычно родители ругаются, они сами разрушают семью, ребенок растет, видит ругань, поэтому...

Моя мама старалась быть «идеальной». Она очень нас любила, все, что могла, отдала. Сын должен любить отца, звонить ему периодически и говорить: «Здравствуй, папа!» Заботиться об отце должен идеальный сын, но... Если идеальный отец, то у него идеальный сын, поэтому отец часто сам не дает того, что нужно ребенку. Воспитывать, учить жизни реальной, такой, какая она есть на самом деле. Если дурак, зачем ему учиться в вузе? Толку нет. Не надо делать ничего искусственно. Фальшь, фальшь... то есть ложная любовь, ложная профессия и потом ложным становится государство и ложная цивилизация.

Этот отрывок из интервью обнаруживает очень сложные и неоднозначные отношения респондента к власти. В первую очередь, очевидно, что для него как для личности и профессионального политика власть желанна, притягательна, ценна. Оброненные им детали составляют довольно явственный позитивный образ власти времен его детства и юности. Когда он вспоминает о чтении закрытого письма ЦК 1956 г., это означает, что члены его семьи должны были быть членами партии, которые к тому же плакали в день смерти Сталина.

Не следует особенно доверять словам X о том, что его мать сожалела об однопартийной системе, а знакомые все мучились: это сказано, чтобы произвести на интервьюера вполне определенное политическое впечатление. Зато вполне достоверны другие его воспоминания о том, что по радио слушали информацию и ее воспринимали, что сам он участвовал в политзанятиях, и ему это было приятно и интересно, что был он комсоргом, что лозунги и демонстрации он любил. Последнее высказывание окрашено очень личными и эмоциональными оттенками: с этими политическими символами нашей прежней жизни у X ассоциируется все яркое, красивое, праздничное, веселое («Хорошо было. Голубей запускали»).

Образ власти у X психологически соотносится с силой. Об этом можно судить косвенным образом по репликам, относящимся к не политическим, а чисто семейным отношениям. О том, как выглядит власть, он получил первое представление, когда против его желания мальчика силой водили в детский сад. Позитивным образом государственная власть и сила ассоциировались с братьями-офицерами, причем

они сами, их форма так заморозили мальчика, что он стал мечтать о военной карьере. Таким образом, здесь мы имеем довольно любопытный симбиоз положительных и негативных ассоциаций респондента с властью. С одной стороны позитивные характеристики связаны с ее восприятием как силы, причем военной (не случайными, видимо, были и его недавние мечты о том, чтобы помыть сапоги в южных морях). Примечательно, что свободу от власти он понимал либо по детски агрессивно (стрелял из рогаток по окнам, дымовые шашки пускал в троллейбус), либо пассивно, как сопротивление («конфликтовал в том плане, что сопротивлялся»).

Власть вызывает у него массу неудовольствий. Даже если вынести за скобки чисто конъюнктурные соображения о порочности прежней системы, остается одна весьма значимая (повторяющаяся в коротком интервью несколько раз) характеристика власти - она казалась *фальшивой*. Государство, партия, система, учительница — все фальшивили, обманывали, занимались очковтирательством. Это очень серьезный момент в отношении между респондентом и политикой. Что стоит за этим? X поразительным образом приоткрывает нам внутреннюю логику происхождения своих представлений о власти, претензии к которой имеют очень личный характер, говоря: «Фальшь, фальшь, то есть ложная любовь, ложная профессия, и потом ложным становится государство и ложной цивилизация». Проследим эту логику. Она коренится в истории становления его личности, в опыте отношений власти и подчинения, полученном в ходе первичной политической социализации.

X родился в первую послевоенную весну. Это главное событие всего повествования о его жизни. В тексте интервью его «Я» выпирает из рассказа, временами оттесняя даже отлитый во многочисленных книгах и интервью почти канонический имидж политика. Эгоцентризм X достигает большого накала. Например, говоря о своей семье, он сообщает, что был шестым ребенком, но рассказывая о смерти отца, объясняет, что именно он стал сиротой (про остальных братьев и сестер мы от него ничего не узнаем).

Исключительность нашего героя проявляется и позже, когда в шестилетнем возрасте он, узнав о смерти вождя всех народов, не плачет (а все кругом плачут). Он спорит и с учителями, и со сверстниками — в основном по политическим моментам. Вот здесь и возникает сомнение в достоверности такого объяснения: скорее всего и тогда, и сейчас этот человек просто реализует свое «эго» за счет других. Происходит это под влиянием травм его детского «Я», которые деформировали его Я-концепцию*. В данном случае можно говорить о травмах его «семейного» и «социального» «Я», которые побудили его искать компенсацию в политике и во власти.

---

* Winter et al. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits, and Policy// Political Psychology, 1991. Vol. 12. No 2. P. 215— 243. См. Хрестоматия по политической психологии: пер. с англ. / Под ред. Шестопал Е. - М.: ИНФРА-М, 2002.

Комплексы X, лежащие за гипертрофированным «Я», проявляются в первую очередь в его неудовлетворенности социальным статусом семьи. Когда он сообщает, что отец был *простым юристом*, когда рассказывает, что после смерти отца семья очень нуждалась (продажа коровы, ощущение бедности уже в детском саду), то становится ясным, что речь не идет о чисто материальных проблемах: наш герой страдает от социального унижения, избавиться от которого можно только поднявшись на самую высокую ступень социальной лестницы.

Другой серьезной травмой Я-концепции является травма его «семейного» «Я»*. Сложные отношения X к отцу, матери, братьям и сестрам были тем фундаментом, на котором позже выросли и его отношения с другими людьми, с властными структурами. Принято считать, что младшие дети в семье обычно получают больше ласки, чем старшие. X о себе так не думает. Из интервью можно сделать вывод, что перед нами человек, которому не додали заботы, ласки, который заслуживает намного большего: лучших родителей, лучшую судьбу. Обида сквозит и в ряде высказываний, причем довольно часто она не осознается их автором. Так, ему не нравится, что он был шестым ребенком в семье (*«идеальная семья — это отец, мать, и максимум двое детей, родители должны хотеть ребенка, идеальный отец должен больше, чем мать, заниматься воспитанием ребенка и т. д.»*). Мы видим, что эти идеалы мало соответствуют обстоятельствам реальной жизни X. Он и дальше будет чувствовать, что недостаточно защищен, когда в детском саду его мать не может сделать подарок воспитательнице, а в школе ему снижают отметки за то, что он спорит с учителями. Жизнь его обманула, она не дала ему того, что он заслуживает. Может быть, отсюда идет эта логическая цепочка, с которой мы начали: ложная любовь, ложная профессия, ложное государство? Возможно, именно здесь лежат корни того, почему, отвечая на наши вопросы, X больше говорит не о реальных обстоятельствах своей жизни, а пространно описывает свои фантазии об идеальных близких? Во всяком случае именно травма его

семейного «Я» очень существенна для понимания того образа власти, который фиксирует интервью. Власть имеет для Х компенсаторный характер. Не случайно представление об идеальном отце включает требование, которое он переносит и на власть: отец должен заниматься воспитанием, делать то, что нужно ребенку (то есть Х). За это идеальный сын скажет ему: «Здравствуй, папа».

* О психологических травмах этого политика писал и известный психоаналитик Белкин А. в своей книге «Вожди или призраки». — М.: Олимп, 2001.

Политик Y

Политик Y - лидер нового политического движения, созданного перед выборами 1999 г.

Депутат Y— был одним из самых эффективных депутатов, им инициировано более 40 законов, которые были приняты Думой. Проведя несколько успешных избирательных кампаний, в 1999 г. он принял решение создать собственный предвыборный блок и активно занялся осуществлением этой идеи. Y— человек необычайно скромный, трудоголик, забывающий о себе и целиком сосредоточенный на нуждах и страданиях своих избирателей. Его отличительной чертой является подчеркнута «немосковский» вид, манера речи и одежды. При всей своей внешней простоватости он не забывает напомнить собеседнику, что он — доктор физико-математических наук. Он интересен в данном случае как пример противоречивости различных составляющих его политической роли. Описание этого случая основано на анализе тестов и видеозаписей с выступлениями Y и соответствующем описании исполняемой им роли.

Так, подавая себя как человека, Y неизменно делает акценты и обращает внимание на такие свои качества, как честность, открытость, прямолинейность, безыскусность.

Демонстрируя себя как политика, Y многократно, последовательно и настойчиво обращает внимание на принципиальность, бескомпромиссность, твердое отстаивание позиций и убеждений. Y усиливает этот образ, доводя его почти до гротескной роли героя-одиночки, единственного борца за правду, разоблачителя и гневного обвинителя своих противников, противостоящего практически всем политическим силам и направлениям.

Свою политическую функцию Y провозглашает как высокую миссию «служения народу».

Идеологическая платформа декларируется как позиция убежденного центриста, вплоть до «воинствующего центризма».

Как профессионал Y преподносит себя в качестве эксперта-экономиста с конкретной экономической программой, которую он излагает сложными специальными терминами с использованием схем и графиков.

Не трудно заметить, что первые три роли традиционно ассоциируются с левыми политическими позициями и находятся в противоречии с последними двумя. Утрированная позиция «воинствующего центризма» сама по себе уже является психологическим парадоксом.

В целом можно увидеть, что частично Y удается достичь цели, некоторые аспекты и черты воспринимаются в соответствии с его представлениями. В диалогах он проявляет быструю и адекватную интеллектуальную реакцию. Y мобилизован, логичен, четко излагает свои взгляды, уверен в себе, активен, прямолинеен. Периодически для подкрепления своих аргументов он использует яркие метафорические образы, придающие высказываниям недостающую выразительность.

Но успешной реализации его стратегии мешает и то, *что говорит Y*, и то, *как он это делает*. Так, несмотря на уверенность Y в себе, на декларируемый им отказ от каких-либо уловок для формирования своего имиджа, хорошо заметны сознательные усилия, направленные на создание и совершенствование своего образа и определенные успехи на этом поприще. Это означает понимание важности последовательной работы над собой.

Однако эмоциональная выхолощенность его поведения и завышенная самооценка создают определенные трудности. Прежде всего, это касается эмоциональной невыразительности и значительной противоречивости образа, создающих негативный эмоциональный фон вплоть до резко отрицательного эмоционального восприятия.

Невербальные составляющие ролевого поведения

Среди различных форм поведения Y в первую очередь следует обратить внимание на *невербальное поведение*, окрашивающее образ отрицательными эмоциями.

Лицо. Как правило неживое, статичное, неподвижное, не изменяющееся (особенно верхняя часть), лицевые мышцы иногда создают впечатление окаменевшей маски. Лоб бывает сильно напряжен, горизонтальные складки выражают враждебность, негодование.

Глаза. Взгляд напряженный, холодный, тревожный, пристальный и одновременно отсутствующий и отстраненный.

Мимика недостаточно выразительная и экспрессивная. Немного выдвигающийся вперед подбородок демонстрирует защитно-агрессивную реакцию.

Улыбка практически отсутствует.

Поза также характеризуется статичностью, напряжением в плечах, иногда угрожающе нависающих вперед. В некоторых сюжетах заметна скованная, несвободная осанка, неуверенность и нерешительность, оправдательная позиция — сочетание покачиваний вперед-назад, сильно поднятых плеч, руки в карманах, что в совокупности с не очень опрятным внешним видом неизменно считывается как «образ неудачника».

Вербальные составляющие имиджа

Говоря о **вербальных проявлениях**, отметим — **голос и интонации** *У* отличаются монотонностью, однообразием, отрывистостью, «скрипучестью». В целом речь отличается торопливостью и создает ощущение нерешительности и оправдывающейся тактики. Отсутствие выразительности в речи в сочетании с подачей большого количества «сухой» экономической информации (цифры, множество экономико-политических терминов) непременно влечет за собой отключение внимания слушающих.

Содержательная сторона выступлений дополнительно усиливает отрицательные эмоции зрителей. Называя себя безусловным оптимистом (и, видимо, таковым себя ощущая), *У* практически никак не проявляет этого в поведении, отдавая предпочтение роли разоблачителя.

С этим же связан возможный эффект восприятия *У* на неосознаваемом уровне как неудачника и неэффективного политика. Поскольку большая часть выступлений посвящена рассказу о том, как он голосовал против или выступал против чего-то, а в итоге было принято не его предложение (бюджет и др.), то косвенно создается ощущение отсутствия результатов.

Аргумент собственных реальных достижений (успешные проекты, проведенные через Думу законы) *У* использует, как правило, **только в качестве оправдания в ответ на критику** со стороны избирателей или в ответах на вопросы телезрителей. Между тем — это самый сильный аргумент именно при позитивной подаче себя в роли.

Общие характеристики роли

Для человека, сталкивающегося с *У* впервые, его образ сначала воспринимается как пугающе враждебный, тревожный, безэмоциональный, холодный. Это обесценивает стремление *У* к открытой и честной позиции. Создается впечатление, что формально, на словах *У* обращается к избирателям, а на самом деле ведет полемику со своими врагами и противниками, агрессивно на них нападает.

Образ *У* противоречив, что дополнительно дезориентирует зрителя и создает у него состояние дискомфорта. С одной стороны это образ враждебный и агрессивный, а с другой — неуверенный и защищающийся.

Сверхсерьезное отношение к себе, без тени самоиронии *У* порождает несколько **гротескный образ борца-одиночки**, что создает обратный эффект — значительно менее серьезное его восприятие.

Психологический профиль депутата *У*

Эмоциональная сфера. Хотелось бы прежде всего обратить внимание именно на эту сторону личности *У*, поскольку именно здесь нам видятся те его особенности, которые в значительной степени влияют на его восприятие и самовосприятие. Общий эмоциональный настрой отличается значительной стабильностью, эмоциональные реакции очень сдержаны. Низкий порог чувствительности в отношении травмирующих ситуаций обеспечивает высокую стрессоустойчивость. В отношении восприятия других людей и окружающего мира подобная эмоциональная «глухота» оборачивается недостатком способности сочувствовать, сопереживать, неспособностью воспринимать «тонкие материи» в отношениях и, главное, — отсутствием стремления увидеть себя глазами окружающих.

Самооценка на осознаваемом уровне — стабильно очень высокая. Она обеспечивает уверенность в себе, в своих действиях, в своих убеждениях, в своем поведении. Можно даже сказать, что ценность своей личности для *У* является определяющей и первичной по отношению к поступкам, убеждениям и т.п.

Истинные **потребности и мотивы** блокированы сознанием. На неосознаваемом уровне наблюдается преувеличенное чувство собственной ценности и уникальности, оно проявляется в сильнейшей потребности во внимании и удивлении со стороны окружающих, их одобрении и признании выдающихся успехов. Это означает, что базовой потребностью является поддержание чувства своей исключительной ценности. Это же подтверждается и ведущей мотивацией: искать и находить в окружающем мире, людях, своей деятельности подтверждение и подкрепление своей высокой самооценки и уходить от всего, что могло бы эту оценку опровергнуть или даже немного понизить. На сознательном уровне потребности выступают в виде мотивации достижения, самореализации в политической деятельности, в творчестве. Это проявляется в высокой работоспособности, решительности, оптимизме и уверенности в отношении своих перспектив.

Особенности поведения. Блокированная сознанием базовая потребность внешне проявляется, во-первых, в сильнейшем напряжении, выражающемся, прежде всего, в напряженном, пристальном, пронзительном взгляде, а также в позе и интонациях. Из опасения быть не в должной мере оцененным вытекают такие поведенческие особенности, как частично намеренное, частично неосознаваемое стремление к изоляции, обособлению своей фигуры, уходу от контактов, эмоциональной отстраненности и отчужденности (проявляющейся в однообразном поведении), агрессивности (защитного характера), а также чувствительности к похвале и невосприимчивости к критике. Итак мы наблюдаем предпочтение таких моделей поведения и коммуникации, которые позволяют не подвергаться разрушению воздвигнутый себе пьедестал. Более того, в совокупности с неспособностью увидеть себя со стороны такие наклонности могут приводить к неожиданным и малопонятным для окружающих формам поведения, экстравагантным выходкам, неадекватному поведению «белой вороны».

Интеллектуальные способности *У* находятся на достаточно высоком уровне. *У* справляется с разнообразными задачами как конкретного, так и абстрактно-теоретического характера. Он быстро схватывает суть дела, в том числе сложные идеи, может увлечься задачей как таковой — пусть даже без возможности ее практического разрешения. Одновременно он может игнорировать многие важные обстоятельства, пренебрегать очевидными фактами, упускать из виду второстепенные детали, если они противоречат имеющимся в данный момент убеждениям и представлениям. Ему лучше удаются стратегические, а не тактические планы. Он тяготеет к схемам, к методологии, поэтому стиль мышления может показаться слишком абстрактным, оторванным от конкретной жизни и практики.

Подводя итог, можно сказать, что отмеченные особенности *У* влияют на его восприятие двояким образом. С одной стороны они способствовали самозакреплению восприятия стиля поведения политика *У* как активного, деятельного, имеющего свою собственную независимую позицию и отстаивающего ее. С другой стороны, *У* не принимает себя полностью как личность, и воспринимается другими как малопонятный и малопривлекательный человек. Эмоциональная недостаточность в исполнении профессиональной роли является серьезным барьером ее исполнения.

15.4. Депутат

Чтобы проиллюстрировать восприятие депутатом своей роли, проанализируем конкретный пример, взятый из нашей консультативной практики. Мы выбрали достаточно неординарный случай — женщину-политика, ныне вновь избранную в Государственную Думу. Депутат *Z* принадлежит к либеральной части спектра. В Думе она пробыла более, чем один срок, была избрана два раза по партийному списку и один раз по одномандатному округу. Свой второй срок она не закончила, поскольку была приглашена на пост министра в одно из «технических» правительств конца 90-х. Внешне *Z* — весьма привлекательная и приятная в общении молодая женщина. О ней в Думе отзываются как об одном из наиболее квалифицированных и профессиональных депутатов. Она внесла существенный вклад в создание ряда законов. После ее ухода в правительство отношения с коллегами по фракции сильно испортились, хотя внешнему наблюдателю трудно сказать, было ли это результатом политической самостоятельности *Z*, принявшей решение против воли лидера фракции, либо результатом ее собственного просчета в отношениях с коллегами.

Социализация

Ранняя семейная социализация проходила достаточно благоприятно. Любящие родители баловали единственного ребенка. Отец до сих пор является образцом для подражания. Не случайна характеристика Z своих способностей в школе как мужских — не способна к чистописанию, пению, рисованию. От мамы — жизненная сила.

Семья дала Z психологическую устойчивость и эмоциональное благополучие. Одновременно, привыкнув быть центром семейной вселенной, она и в зрелые годы ожидает к себе повышенного внимания. Вообще в выступлениях депутата Z нередко проглядывает такая умненькая девочка, прилежная и ждущая похвалы. Отсутствие братьев и сестер, глубоких детских воспоминаний о дружбе со сверстниками (при положительном опыте общения с ними) не дали Z навыков общения на равных и сделали ее собственный стиль общения достаточно прохладным и отстраненным.

Детский сад, в который Z ходить не любила, не занимает в ее рассказе о себе много места. Но не исключено, что именно этот институт социализации дал ей не просто негативный опыт, **но и породил психологические травмы**. Так, она не могла вспомнить причину заикания, но его возникновение относится именно к детсадовскому периоду.

Школьный опыт социализации воспринимается Z позитивно. Ни ученики, ни учителя не вызывают негативных эмоций. Период раннего отрочества оставил интересную и лично значимую память. В этот период к ней относились очень хорошо.

Годы учебы в институте и работы сформировали у Z определенный опыт, который накладывает как позитивный, так и негативный оттенок на ее личность и особенно на политический имидж. Она училась легко, как в школе, так и в институте. Ее высокая самооценка подкреплялась успехами. Эти успехи дали прекрасный старт для карьеры, но и сам институт, и лаборатория, где она работала, а затем руководила — чрезвычайно бедный жизненный опыт. Отсюда хорошее самочувствие только в знакомой интеллигентской среде и незнание, как себя вести в иных социальных группах. Опыт руководства 15 сотрудниками заставляет вспомнить такой же неудачный в политическом отношении опыт завлаба Е. Гайдара и других младореформаторов. Здесь есть две проблемы. Одна — это реальная проблема отсутствия разнообразного общения. Ее отчасти компенсирует работа в Думе. Другая — это неполное осознание того, как ее биография видится со стороны.

В биографии женщины-политика следует особенно внимательно проследить линию ее личной жизни. Она у Z — наиболее яркая часть биографии. Женщина, впервые вышедшая замуж в 36 лет, да еще за депутата — безусловно интересна. С одной стороны, Z, необыкновенно женственная и обаятельная, с другой, для публики она выглядит как образец настоящего «синиего чулка»: подбросила своего маленького ребенка родственнице и не умеет ценить свое женское начало, гордиться им и использовать женские стратегии поведения. Чрезмерная прямолинейность, акцент на профессиональную компетентность — это серьезная психологическая проблема в исполнении роли депутата.

Структура личности

Потребностно-мотивационная сфера. Доминирующей, бьющей через край потребностью личности Z является **потребность в социально значимой деятельности**, ориентированной на интеллектуальное самовыражение и управление социальной реальностью. По всей видимости, Z является типичным представителем весьма не часто встречаемого среди политиков типа **самоактуализирующейся личности**. В комплекс качеств, характерных для этого типа людей, входит потребность в самореализации, увлеченность делом, способность к переживанию проблем своей группы (страны в целом) как своих собственных, умение видеть действительность такой, какова она есть без искажений и др. Этим набором качеств Z обладает.

Богатый внутренний мир, интеллектуальная ориентированность, способность глобально мыслить и чувствовать, эмоциональный комфорт, чувство внутреннего удовлетворения делают натуру Z самодостаточной. В определенной степени мир воспринимается ею как источник непредсказуемости и возможных неприятностей. Этот мир надо контролировать. **Потребность в контроле** весьма значима для этой личности. При этом потребность во власти, разновидностью которого является потребность в контроле, выражена не явно и не имеет компенсаторного характера.

Потребность в достижении очень высокая. И, что важно - имеет не компенсаторный, а спонтанный характер. С **потребностью в аффилиации не все обстоит благополучно**. Потребность эта проявлена ниже остальных в личности Z. Это сказывается в том, что люди значат для нее меньше, чем

организация, дело. Будучи самодостаточной, она не нуждается в них так, как, возможно, они от нее ожидают.

Z опирается на адекватно высокую самооценку, признание своего профессионализма, социальной значимости. В то же время в ее натуре присутствует застенчивость, местами скованность. Несмотря на жесткость позиций, женский стереотип поведения преобладает, а это значит, что в сложных ситуациях она может испытывать потребность в поддержке, в сильном плече рядом.

Таким образом, ведущей является потребность в достижении. Следом за ней идет потребность в контроле. Наименее развита — потребность в аффилиации, при том, что Z может и хочет работать в команде.

Самооценка у Z высокая. Для нее характерна неудовлетворенность своим положением в социуме, стремление обрести большее признание. Признание себя «великой», ощущение своей необычности, непохожести на других отчасти соответствуют реальности. Но здесь просматривается и опасность неадекватной самооценки, неумение соразмерить самооценку с оценками окружающих, усиливаемые интровертированностью, ориентацией на себя, а не на других. Однако развитая интуиция может компенсировать этот недостаток.

Я-концепция у Z сложная, нюансированная. Она склонна к рефлексии и самоанализу. **Отдельные компоненты Я-концепции нуждаются в детализации и проработке.**

Семейное Я у Z вполне благополучно. Она идентифицирует себя с отцом как в отношении лидерских качеств, так и по той роли, которую она как лидер хотела бы играть, — это роль реформатора, генератора идей, но никак не исполнителя.

Семейное «Я», связанное с замужеством и семейными отношениями с родственниками мужа, — другая, чрезвычайно благодарная линия анализа. Добрые отношения, взаимопомощь (а не только помощь с их стороны) с родней мужа поможет прорисовать патриархальные нравы в семье и компенсирует «феминистскую» часть образа.

Социальное Я. Z относит себя к интеллигенции. В некоторых высказываниях, а чаще в позе, взгляде и других невербальных проявлениях она дает понять свою элитарность. При этом, описывая свою работу в лаборатории, она говорит: «Мы были черной костью, рабочими лошадками» по сравнению с теми, кто работал на кафедрах.

Амбиции в политике у Z — очень большие. Считает, что сама судьба «стелит ей рельсы». Может практически все. Ее роль — реформатор страны. Роль в хорошей команде. Организатор. Наладит один участок, перейдет на следующий. Готова к роли вице-премьера сначала по экономике, потом по социальным вопросам и т.д. Умеет и любит строить системы.

Социальное «Я» не травмировано. Однако есть проблемы: неосознанный снобизм, уверенность в том, что именно она может и должна быть у власти. Такая позиция плохо сочетается с демонстрируемыми демократическими взглядами. Речь идет о том, что Z не дается манера держаться на равных. Сейчас она смотрит на людей то снизу вверх, то сверху вниз, будто растолковывая что-то непонятным и даже туповатым ученикам.

Физическое «Я» Z определено травмировано. Об этом свидетельствует и рисуночный тест. Буквальная трактовка уязвимых мест в физическом облике пробивает брешь в самооценке, которая в остальном чрезвычайно высокая. Многие шероховатости межличностных отношений могут быть результатом того, что Z просто плохо видит (плохое зрение), а не того, что она не смотрит на собеседника. Отсюда — впечатление закрытости, отстраненности и замкнутости, мешающие проявлениям спонтанности и раскованности.

Психологическое «Я»: Z — типичный интуитивный интроверт. Две наиболее выпуклые черты Z — интуиция и способность принимать решения. Вторая из них — как правило, мужская. Это - ее сильные стороны, опора ее личности. При этом если сенсорные способности у нее достаточно ярко выражены, то воспринимающие способности развиты слабо. Это требует компенсации и коррекции.

Z гордится своей независимостью. Чем бы она ни занималась, любит быть первооткрывателем. Благодаря интуиции, Z обладает потрясающим воображением, собственным видением ситуации и ее возможностей. Ее девиз: «Какова бы ни была ситуация — ее можно, несомненно, улучшить». В сфере бизнеса такие люди созданы для реорганизации и перестройки. В политике — это реформаторы. Но этот тип не может заниматься все время одним и тем же. Достигнутый результат ему уже не интересен. Поэтому такой человек постоянно нуждается в новых задачах, все более сложных и трудных, чтобы было к чему стремиться.

Z смотрит в будущее, а не в прошлое. Она строит системы и действует на основе теоретических схем.

Авторитет сам по себе не производит на нее никакого впечатления. Она крайне прагматична и рассматривает реальность как то, что она сможет переделать или игнорировать, то есть как свое орудие. Действительность у нее подчинена идеям. Она открыта новому. Имея склонность к логике, с готовностью следует тому, что кажется ей логичным, следя за последствиями материализации своих идей. Теории, которые не работают, быстро отвергаются. Она стремится к завершенности, учитывает отдаленные последствия, рассматривает трудности как призыв к проявлению творческой инициативы. Однако — может встать на весьма ограниченную точку зрения.

Межличностные отношения

Ввиду стремления требовать от других нести такой же груз, какой она несет сама, ее могут считать чрезмерно требовательной и придирчивой. Z ориентирована не на требования людей, а на требования организации.

Она не склонна к выражению чувств. Временами выглядит холодной, замкнутой и плохо реагирующей. Неохотно идет навстречу другим. На самом деле — это проявление потребности в автономии, личном пространстве. Безразличие или критику в свой адрес переносит невозмутимо, когда считает их справедливыми.

Добавим к этому психологическому портрету лишь несколько штрихов. Тесты показывают, что у Z отсутствует агрессивность при одновременной уверенности в себе, в своих действиях — черта очень привлекательная в политике.

Рисуночный тест раскрывает характеристики человека закрытого, интравертированного, замкнутого. Это создает сложности в публичном исполнении политических ролей.

Анализ личности Z показывает, что психологические аспекты роли депутата во многом определяют не только стиль ее исполнения, осознание отдельных аспектов роли, но и диктуют наполнение роли политическим содержанием. Восприятие этим политиком роли депутата, с одной стороны, способствует достижению ею высокой эффективности и результативности. Ее компетентность, воля, целеустремленность делают исполнение ею своей депутатской роли весьма эффективным и результативным. С другой стороны, эта роль ограничена рядом личностных особенностей, психологических травм, которые сужают репертуар деятельности и затрудняют восприятие Z ее избирателями.

Итак, наши герои не похожи друг на друга. Они исполняют разные политические роли. Их отличают несхожие политические взгляды. Различен у них и опыт политической социализации. Но каждый из них по-своему типичен. Каждый в отдельности и все вместе — они вписали странички в политическую летопись 90-х.

Вопросы для обсуждения

1. Какие психологические особенности отличают восприятие образов современных российских политиков?
2. Попробуйте сделать самостоятельный анализ образа одного из известных вам политиков.
3. Какие психологические методы для анализа имиджа политика можно использовать?

Литература

1. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации // Полис, 2001. № 1. С. 94 — 117.
2. Динамика популярности Б. Немцова // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 47 (191). 27 ноября.
3. Имидж Виктора Черномырдина // Обзор опроса ФОМ. 1988. 11— 12 июля.
4. Имидж власти и политиков // Диалог, 1992. № 15 — 18.
5. Ракитянский Н.М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. — М., Российское объединение избирателей, 2001.

Библиография

1. Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. О теориях лидерства в современной политической психологии США // США: Экономика, политика, идеология, 1995. № 1.
2. Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти. В кн.: Очерки современной политической

- философии Запада. - М., 1989. С. 256—294.
3. Авторханов А. Технология власти. — М., 1992.
  4. Авцинова Г. Политический радикализм как одна из российских традиций // Власть, 1996. № 3. С. 74—75.
  5. Авцинова Г.А. Политическое лидерство // Государство и право, 1993. № 5.
  6. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. — М.: Изд-во МГУ, 1990.
  7. Адорно Теодор. Исследование авторитарной личности. — М.: Академия исследований культуры, 2001.
  8. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход. Главы из книги «Авторитарная личность» // Социологические исследования, 1993. № 2.
  9. Азаров Н.И. Политическая психология личности и масс: Учебное пособие для студентов по дисциплине «Политология». — М.: МИИТ (Московский государственный университет путей сообщения), 1997.
  10. Айзенберг Е. Политики и наркотики // Известия, 1995. 13 октября.
  11. Алаев Л. Россия и опыт восточных демократий // Знамя, 1992. №2. С. 205—217.
  12. Алексеева Т. А. Предмет политической философии // Политические исследования, 1992. № 4. С. 173—176.
  13. Алмонд Г. Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования, 1992. № 4. С. 122—134.
  14. Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис, 1998. № 3. С. 157—179.
  15. Амелин В.Н., Левчик Д.А., Устименко С.В. Воюют надписи. Имидж кандидата и способы его актуализации. — М., 1995
  16. Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал, 1992. № 8.
  17. Андрианов М.С. Эмоциональная составляющая политической культуры (На примере анализа цветовосприятия школьниками образов политических деятелей) // Полис, 1997. № 2. С. 106—117.
  18. Ануфриев Е.А. Политическая социализация личности как проблема современной политологии // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1997. №3. С. 34.
  19. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. Вып. 1.
  20. Аристотель. Политика. — М.: Мысль, 1997.
  21. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. — М., 1993.
  22. Асмолов А. А был ли сеанс черной магии? Размышления о психологической типологии политических партий // Российское обозрение. Бюллетень еженед. информации, 1993. № 52. С. 1—3.
  23. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. — М.: МГУ, 1980.
  24. Ахрименко А.С. Политическое прогнозирование на российском фоне // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 1999. № 1. С. 28—42.
  25. Ашин Г.К. Критика современных буржуазных концепций лидерства. — М., 1978.
  26. Б. Ельцин: предварительные итоги // Обзор опроса ФОМ, 1998. 13—14 июня.
  27. Базаров Т.Ю., Аксенова Е.А. Рекомендации по планированию избирательной кампании // Вестник Госслужбы, 1993. № 10. С. 20—33.
  28. Баталов Э.Я. Политическая культура современного общества. — М., 1990.
  29. Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Часть 2.
  30. Баталов Э.Я. Типология политических отношений // Политические исследования, 1995. № 2.
  31. Белановский С.А. Фокус-группы. — М., 1998
  32. Белановский С.А. Глубокое интервью. — М.: Никколо-М, 2001.
  33. Белановский С.А. Метод фокус-групп. — М.: Никколо-М, 2001.
  34. Белкин А. И. Судьба и власть, или В ожидании Моисея. — М.: Гуманитарий, 1996.
  35. Белкин А. Вожди или призраки. — М.: Олимп. 2001.
  36. Белкин А.И. Судьба и власть, или В ожидании Моисея. — М.: Гуманитарий, 1996.
  37. Бенуа Ж.-М., Леш Ж.-М. Политика на плакате. Предвыборные плакаты и политическая реклама 1965—1986. В кн.: Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт. — М., 1993.
  38. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. — М.: Наука, 1999. С. 64.
  39. Бехтерев И.М. Коллективная рефлексология. — СПб.: Алетея, 1999.
  40. Бирюков Н.И. Возможно ли в современной России прогнозировать массовое электоральное поведение? / Проблемы консолидации российской политики (круглый стол) // Полис, 1997. № 1. С. 109—128.
  41. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. «Соборность» как парадигма политического сознания // Полис, 1997. № 3. С. 65—73.
  42. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. — М., 1992.
  43. Бодио Т. О политической установке социалистической личности // Вестник ЛГУ. Вып. 2. Серия. «Философия». № 11. С. 102—106.
  44. Болл Т. Власть // Политические исследования, 1993. № 5. С. 36—42.
  45. Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! 2-е изд. перераб. и доп. — Новосибирск: Наука, Сиб.

- отделение, 1989.
46. Брим Р. Российский избиратель: декабрь 1993— апрель 1995 г. Вторая коммунистическая революция? // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ, 1995. №4.
  47. Брицкий Г.О. Восприятие процесса трансформации: предпочтения российских граждан в публичной сфере // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1998. № 3. С. 153—165.
  48. Брушлицкий А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал, 1996. № 5.
  49. Бурдые П. Социальное пространство и генезис классов // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. Вып. 1. С. 17—33.
  50. Бурдые П. Социология политики. — М., 1993.
  51. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. — М., 1985.
  52. Быстрое А. Роль идентификационных дихотомий «мы» и «они» в процессе политического самоопределения. В кн.: Тезисы докладов Российской научно-практической конференции «Политические процессы в России: история и современность». — СПб., 1993. 14—18 июня.
  53. В. Жириновский — антигерой? // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 12 (257). 25 марта.
  54. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. — М., 1990.
  55. Валиева С.Ф. Роль семьи в процессе социализации ребенка // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1997. № 3. С. 121.
  56. Василенко И. Идолы и идеалы российской политической культуры // Власть, 1999. № 1. С. 65—68.
  57. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования, 1992. № 36. С. 130—134.
  58. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования, 1988. № 3. С. 139—147.
  59. Ведущие политики России: динамика электоральных настроений (январь-июль 1999 г.) // Аналитическое сообщение ФОМ, 1999. 25 августа.
  60. Власть и общество. Результаты опросов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1998. № 4 (36). С. 74—86.
  61. Выборы: гарантия успеха // Диалог, 1991. № 1. С. 84—95.
  62. Выдрин Д.И. Технология популизма // Диалог, 1990. № 3. С. 36—46.
  63. Вятр Е. Социология политических отношений. — М., 1979.
  64. Г. Зюганов в восприятии россиян // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 40 (184). 9 октября.
  65. Гавра Д.П., Соколов Н.В. Исследование политических ориентации // Социс, 1999. № 1. С. 66—77.
  66. Гаджиев К.С. Опыт введения в политологию: концептуальный и методологические аспекты // Политические исследования, 1992. № 1— 2.
  67. Гаджиев К.С. Политическая наука. — М.: Международные отношения, 1994.
  68. Гаджиев К.С. Политическое сознание или политическая культура? // Кентавр, 1991. № 12 С. 14—25.
  69. Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования, 1991. № 6. С. 69—83.
  70. Гарифуллин Р.Р. Психология политики — психология блефа. Расчет коэффициента блефа при анализе выступлений и интервью в средствах массовой информации. — Казань, 1995.
  71. Герасимов В.М. Общественное мнение в зеркале политической психологии. — М.: Луч, 1994.
  72. Гилязитдинов Дж. М. Мотивы голосования на президентских выборах 1996 года, // Социс, 1997. № 8. С.
  73. Гозман Л. Психологические аспекты торможения социальных изменений // Вопросы психологии, 1988. № 6. С. 5—14.
  74. Гозман Л.Я. Психология в политике — от объяснения к воздействию // Вопросы психологии, 1992. № 1.
  75. Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону.: Феникс, 1996.
  76. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. Метафоры и реальность — психологический анализ советской истории // Вопросы философии, 1991. № 3.
  77. Гозман Л.Я., Эткинд А.М. От культа власти к власти людей // Нева, 1989. № 7.
  78. Голдмен С. Как создается имидж в американской политике // США: экономика, политика, идеология, 1990. № 10.
  79. Голованов А., Шахунянц А. Политическая ситуация в России // Власть, 1999. № 3. С. 55—60.
  80. Гордон Л.А. Общество «недовольных» (особенности массового сознания в переходный период) // Полис, 1998. № 3. С. 32—48.
  81. Горяинов В.П. Динамика и прогнозирование рейтинга доверия к политическим лидерам России // Полис, 1997. № 4. С. 57—77.
  82. Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании // Политические исследования, 1993. № 4. С. 134—145.
  83. Гринстайн Ф. Личность и политика // Социально-политические науки, 1991. № 10. С. 67—74.
  84. Громова Р. Анализ причин выбора респондентами политических партий // Экономические и социальные

- перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. №3. (23). С. 16—19.
85. Громова Р. К типологии политического сознания // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999. № 2 (40). С. 11—15.
86. Грунт З.А., Кертман Г.Л., Павлова Т.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Российская повседневность и политическая культура: проблемы обновления // Полис, 1996. № 4. С. 56—72.
87. Грушин Б.А. Массовое сознание. — М., 1987.
88. Грушин Б. А. Процессы массовизации в современном обществе // Рабочий класс и современный мир, 1988. № 6. С. 30—47.
89. Гудименко Д., Родионов А. Конфликт и консенсус в политической культуре ФРГ // МЭиМО, 1993. № 7.
90. Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии, 1988. № 1. С. 56—71.
91. Даль Р. Введение в теорию демократии. М., 1992.
92. Даль Р. Введение в экономическую демократию. М., 1991.
93. Даль Р. Современный политический анализ. В кн.: Актуальные проблемы современной зарубежной политической науки. Вып. 4. — М., 1991.
94. Дашичев В.И., Вахрамеев А.В. Социально-политический кризис в России: причины и последствия // Социально-гуманитарные знания, 1999. № 1. С. 15—33.
95. Демидов А.И. Ценностные измерения власти // Полис, 1996. № 3. С. 121—128.
96. Депутаты и сотрудники: межличностные отношения в коллективе. В кн.: Депутаты и аппарат Верховного Совета Российской Федерации: состояние и резервы деятельности. — М., 1992.
97. Дженда К., Берри Дж., Голдмэн Дж. Проблемы демократии. Форма правления в Америке. В кн.: Технология и организация избирательных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. — М., 1993. С. 26—36.
98. Дзялошинский И.М. Как создаются «герои» и «дьяволы» // Советник, 1997. Январь.
99. Дилигенский Г.Г. За что голосовала Россия // Власть, 1996. № 2. С. 32—37.
100. Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели. — М., 1986.
101. Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый (Личность в постсоветском социуме) // Полис, 1999. № 3. С. 5—15.
102. Дилигенский Г.Г. Массовое политическое сознание в условиях современного капитализма // Вопросы философии, 1971. № 9. С. 15—26.
103. Дилигенский Г.Г. Перестройка и духовно-психологические процессы в обществе // Вопросы философии, 1987. № 9. С. 3—19.
104. Дилигенский Г.Г. Российский политический спектр // МЭиМО, 1992. № 4.
105. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. — М.: Наука, 1994.
106. Динамика популярности Б. Немцова // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. №47 (191). 27 ноября.
107. Дмитриев А.В. Политическая социология США. — Л., 1971.
108. Доверие к политическим и социальным институтам // Обзор опроса ФОМ, 1999. 13—14 февраля.
109. Доверяют ли россияне правительству и его главе // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. №8 (253). 25 февраля.
- ПО. Дойч К. Основные изменения в политологии (1952—1977 гг.). В кн.: Политические отношения: прогнозирование и планирование. — М., 1979.
111. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социс, 1997. № 8.
112. Доронина Н.И. Международный конфликт. — М., 1981.
113. Доценко Е.Л. Психология манипуляции. — М., 1997.
114. Драгунский Д.В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Политические исследования, 1992. № 1—2. С. 17—22.
115. Дружинин В.В., Конторов Д.С., Конторов М.Д. Введение в теорию конфликта. — М., 1989.
116. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь в ситуации социального перелома // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1994. № 2. С. 18.
117. Дубов И.Г., Пантелеев С.Р. Восприятие личности политического деятеля // Психологический журнал, 1992. № 6. Т. 13.
118. Дурнов А. «Типичный регион»: динамика электорального поведения // Власть, 1999. № 1. С. 43 - 47.
119. Егоров С.А. Политическая система, политическое развитие, право. — М.: Юридическая литература, 1983.
120. Егорова Е.В. Господин Президент. Психологический портрет хозяина Белого дома // Диалог, 1990. № 15. С. 87—97.
121. Егорова Е.В. США в международных кризисах: политико-психологические аспекты. — М., 1988.
122. Егорова Е.В., Плешаков К.В. Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // МЭиМО, 1988. № 12.
123. Егорова-Гантман Е., Косолапова Ю., Минтусов И. Восприятие власти. Поиск явных образов // Власть, 1994. № 1.
124. Егорова-Гантман Е.В. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться эффективным политическим

- лидером. — М., 1993.
125. Жданов Н., Шестопал Е. Конфликт, который касается всех // Диалог, 1990. № 17.
126. Жмыриков А.Н. Психология политического лидерства в современной России. — Н. Новгород, 1996.
127. Замошкин Ю.А. Личность в современной Америке. — М., 1980.
128. Захаров А.В. Народные образы власти // Полис, 1998. № 1. С. 23—35.
129. Захарова Т.И. Политическая культура и навыки избирателей. По итогам выборных кампаний 1989—1992 гг. В кн.: Технология и организация избирательных кампаний, зарубежный и отечественный опыт. — М., 1993. С. 87—94.
130. Здравомыслова О., Арутюнян М., Ожвэн-Курильски Ш. Образы права в России и Франции. — М.: Аспект Пресс, 1996.
131. Зоркая Н. Политическое участие и доверие населения к политическим институтам и лидерам // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1999. № 1 (39). С. 24—28.
132. Зуб А. Биологический подход к проблеме политической власти. В кн.: Власть в социалистическом обществе: теория, история, и перспективы. — М., 1989. С. 22—26.
133. Иванов В. Политическая психология. — М.: Филос. об-во СССР, 1990.
134. Иванов В.Н. «Реформы и будущее России» // Социс, 1996. № 3. С. 21—26.
135. Идеальный президент—кто он? // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 17 (161). 30 апреля.
136. Ильин М., Коваль Б. Личность и политика: кто играет короля? // Политические исследования, 1991. № 6. С. 127—131.
137. Имидж Виктора Черномырдина // Обзор опроса ФОМ, 1998. 11—12 июля.
138. Имидж власти и политиков // Диалог, 1992. № 15—18.
139. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Социологические исследования, 1995. № 4.
140. Исследовательские методы в политической науке. В кн.: Польская политология в 70—80-е годы. Под ред. Бодио Т. и др. — М., 1991.
141. Истон Д. Новая революция в политической науке // Социально-политический журнал, 1993. № 115—128.
142. Климова С.Г. Якушева Т.В. Образы политиков в представлении россиян // Полис, 2000. № 6. С. 66—82.
143. Козлецкий Ю. Психологическая теория решений. — М., 1979.
144. Корват М. Политическая субъективность больших социальных групп, политических организаций и индивидов. Модель объяснения. В кн.: Элементы теории политики. Под ред. В.П. Макаренко. — Ростов-на-Дону, 1991. С. 72—84.
145. Каверин С.Б. Потребности власти. — М., 1991.
146. Каган В.Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии, 1992. № 1.
147. Кайтуков В.А. Эволюция диктата. Опыт психофизиологического исследования. УРАМОС, 1992.
148. Каменская Т. Политическая культура США // МЭиМО, 1993. № 4.
149. Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования, 1994. № 1.
150. Касьянова К. О русском национальном характере. — М., 1994.
151. Качанов Ю. А. Диспозиции и позиции поля политики // Российский монитор: Архив современной политики, 1992. Вып. 1.
152. Качанов Ю.Л., Сатаров Г.А. Социальные группы в поле политики: опыт эмпирического анализа // Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 1. — М., 1992. С. 188—201.
153. Клямкин И.М. Какой авторитарный режим возможен сегодня в России // Политические исследования, 1993. № 5. С. 49—54.
154. Клямкин И.М. Политическая социология переходного общества // Политические исследования, 1993. № 4. С. 41—46.
155. Ковалевский П.И. Психиатрические этюды из истории // Диалог, 1991—1993.
156. Ковлер А. Исторические формы демократии. — М., 1990.
157. Ковлер А.И., Смирнов В.В. Демократия и участие в политике: Критические очерки истории и теории. — М., 1986.
158. Комаровский В.С. Типология избирателей // Социологические исследования, 1990. № 3. С. 56—67.
159. Кон И.С. Психология социальной инерции // Коммунист, 1988. № 1. С. 64—76.
160. Конгрессмены и политики // Диалог, 1991. № II. С. 74—80.
161. Корват М., Милановский В. Политические ценности. В кн.: Элементы теории политики. Под ред. В.П. Макаренко. — Ростов-на-Дону, 1991.
162. Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. — М.: АО Аспект Пресс, 1994.
163. Косолапов Н.А. Социальная психология и международные отношения. — М., 1983.
164. Кравченко А.И. Макиавелли: технология эффективного лидерства // Социологические исследования, 1993. № 6.

165. Крамник В.В. Имидж реформ: психология и культура перемен в России. — СПб.: С.-Петербург. ун-т экономики и финансов, 1995.
166. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. — Л., 1991.
167. Краткий психологический словарь. — М.: Политиздат, 1985.
168. Краткий психологический словарь-хрестоматия. — М.: Высшая школа, 1974.
169. Краткий словарь по социологии. — М., 1988.
170. Критерии выбора партии при голосовании // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 6 (251). 11 февраля.
171. Кулик А.Н. Сравнительный анализ в политологии (Проект К. Джанды) // Политические исследования, 1993. № 2. С. 92—98.
172. Лазарев И.М. Терроризм как тип политического поведения // Социологические исследования, 1993. № 6.
173. Лапин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социс, 1996. № 5.
174. Лапкин В.В. Пейзаж перед битвой (Российский электорат за 2 года до президентских выборов) // Полис, 1998. № 3. С. 61—73.
175. Лебедев И.А. Политические ценности как сложный и многомерный объект // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 1999. № 2. С. 38—49.
176. Лебедева М.М. Вам предстоит переговоры. — М., 1993.
177. Лебон Г. Психология народов и масс. — СПб.: Макет, 1995.
178. Левада Ю. «Человек политический». Сцена и роли переходного периода // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. № 4 (24). С. 7—11.
179. Левада Ю. А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989—1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1995. №1. С. 10.
180. Левада Ю. Избиратель отвергает крайности // Известия, 1995. 19 сентября. № 176. С. 2.
181. Левада Ю. Комплексы общественного мнения (статья вторая) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1997. № 1 (27). С. 7—12.
182. Левада Ю. Комплексы общественного мнения (статья первая) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. № 6 (26). С. 7—12.
183. Левада Ю. Пирамида общественного мнения в электоральном «зеркале» // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1996. № 1 (21). С. 15—20.
184. Левада Ю. Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1998. № 5 (37). С. 9—15.
185. Левада Ю.А. Между авторитаризмом и анархией: российская демократия в глазах общественного мнения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1995. № 2. С. 10.
186. Левинсон А.Г. Значимые имена // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 1995. № 2. С. 26—29.
187. Левчик Д.А., Левчик Э.Г. Типы политического поведения населения // Социс, 1997. № 12. С. 24—33.
188. Лейн Д. Политическая власть и стратификация в советском обществе // Политические процессы в условиях перестройки. Вып. 1. — М., 1991. С. 34—45.
189. Лейпхарт А. Со-общественная демократия // Политические исследования, 1992. № 3. С. 86—99.
190. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. С. 79.
191. Лесков Н.С. Избранные произведения. Т. 2. — Петрозаводск, 1952. С. 134.
192. Липсет С. Политическая социология. В кн.: Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М., 1972. С. 203—219.
193. Лурия А.Р. Об историческом развитии познавательных процессов. — М., 1974.
194. Мадатов А.С. Проблемы политического участия в демократическом процессе // Социально-гуманитарные знания, 1999. № 2. С. 228—248.
195. Макаренко Б.И. Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения: уроки избирательных кампаний 1995 и 1996 гг. // Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр», 1996. № 2. С. 20.
196. Малькова И. О. Власть в зеркале мнений электората // Социс, 1998. № 3.
197. Мальцев Г.В. Буржуазный эгалитаризм. — М., 1984.
198. Мамут Л.С. Этатизм и анархизм как типы политического сознания. — М., 1982.
199. Маркова И. Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал, 1996. № 5.
200. Марченко Г.И., Носков И.А. Имидж в политике. — М.: Владос, 1997.
201. Марченко М.Н. Очерк теории политической системы. — М., 1986.
202. Марш А. Протест и политическое сознание // Проблемы общественно-политического сознания трудящихся, 1980.
203. Маслова А.Г., Маслова А.О. От социального конформизма к политическому участию // Вестник МГУ. Серия

12. Социально-политические исследования, 1992. № 2.
204. Медведева И., Шишова Т. «Я с детства мечтал, что трубач затрубит...» Советы трудным родителям // Независимая газета, 1993. 29 декабря.
205. Меррит М. Ответственность и российская политика: как об стенку горох? // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1998. № 3. С. 48—59.
206. Мигранян А.М. Политическое участие в буржуазных теориях демократии // Рабочий класс и современный мир, 1988. № 1.
207. Милуков П. Очерки по истории русской культуры. — СПб. ГПБ, АФП ед. хр. 4452, 1901.
208. Мирский Г.И. Авторитаризм и демократия: две модели // Полис, 1996. № 6. С. 136—144.
209. Михайловский Н.К. Герои и толпа. — СПб.: Алетея, 1998.
210. Мицич П. Как проводить деловые беседы. Сокращенный перевод с серб.-хорв. — М.: Экономика, 1987.
211. Морис-Георгица П. Политические символы. В кн.: Элементы теории политики, Ростов-на-Дону, 1991.
212. Московиси С. Век толпы. — М., 1997.
213. Моствая И.В., Скорин А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования, 1995. № 4.
214. Мудрагей Н.С. Рациональное и иррациональное. — М., 1985.
215. Мурадян А. Политическая культура и власть // Власть, 1999. № 7. С. 64—66.
216. Мушинский В.О. Сумерки тоталитарного сознания // Государство и право, 1993. № 3.
217. Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание. — М.: Наука, 1981.
218. Мэрфи Р. Технология избирательных кампаний в США // Политические исследования, 1991. № 3. С. 125—137.
219. Мясников О.Г. Субъекты политики // Социально-политический журнал, 1993. № 6.
220. Налимов В.В. Власть и противостояние ей // Политические исследования, 1992. № 3. С. 100—113.
221. Националистические и интернационалистские идеи в сознании россиян (еще раз о национальном вопросе). Аналитическое сообщение ФОМ, 1999. 7 июля.
222. Нестерова С.В., Сибирко В.Г. Восприятие политических лидеров и отношение к демократии: некоторые особенности сознания россиян // Полис, 1997. № 6. С. 73—79.
223. Новикова-Грунд М.В. «Свои» и «чужие»: маркеры референтной группы в политическом дискурсе // Полис, 2000. № 4.
224. О восприятии политических новостей // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 30 (275). 30 июля.
225. О предстоящих парламентских выборах: кто победит? // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. №31 (276). 6 августа.
226. Обуховский К. Психология влечений человека. — М.: Прогресс, 1972.
227. Одайник В. Психология политики: Политические и социальные идеи К.Г. Юнга. — М.: Ювента, 1996.
228. Ожиганов Э.Н. Психология и социология коллективного бессознательного. // Психологическое обозрение, 1996. 1/22. С. 6—13.
229. Ольшанский Д.В. Паника // Диалог, 1991. № 9. С. 12—14.
230. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. В кн.: Политика: проблемы теории и практики. Вып. VII. Ч. 1. Отв. ред. Братчиков С.В. — М., 1990.
231. Основные ценности современного российского общества — законность, мир и права человека. Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 22 (267). 4 июня.
232. Основы политической науки. Под ред. В.Н. Пугачева. Ч. 1. — М., 1993.
233. Основы теории политической системы. — М., 1983.
234. От политической мысли к политической науке. Под ред. Я.А. Пляйса. — М.: Изд-во МГУП, 1999.
235. От тоталитарных стереотипов к демократическому мышлению. — М., 1991.
236. Охотский Е.В. Столичные власти в восприятии служащих и населения // Социс, 1996. №4.
237. Оценка личностных качеств российских политических лидеров: проблемы измерения и интерпретации // Полис, 2001. № 1 С. 94—117.
238. Пантин И.К. Формирование политической науки в России и журнал «Полис» // Космополис. Альманах. — М., 1997.
239. Парламентские выборы: прогнозы и предпочтения избирателей. Аналитическое сообщение ФОМ, 1999. 9 июня.
240. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. — М., 1971.
241. Патаки Ф. Социально-психологические факторы изменений в Венгрии // Психологический журнал, 1991. № 5. С. 108—119.
242. Патнэм Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // МЭиМО, № 4.
243. Перегудов Н.М. Политическое представительство интересов: опыт Запада и проблемы России // Политические исследования, 1993. № 4. С. 115—124.
244. Петраков Н. Типология массового сознания в современном политическом спектре России // Власть, 1998. №

- 1.
245. Петренко В.Ф., Митина О.В. Отношение граждан России к реформам и типология политических установок // Психологический журнал, 1997. № 5.
246. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
247. Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. — М.: Смысл, 2000.
248. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал, 1991. Т. 12. № 6.
249. Петухов В., Седова Н., Холмская М. Политическое участие россиян: характер, формы, основные тенденции // Власть, 1999. № 1. С. 48—59.
250. Пиаже Ж. Избранные труды. — М., 1969.
251. Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии, 1993. № 3.
252. Пивоваров Ю.С. Две политические субкультуры пореформенной России: проблемы взаимодействия. В кн.: Ретроспективная и сравнительная политология. Вып. 1. — М., 1991. С. 255—288.
253. Писарев Д.И. Исторические эскизы. — М., 1989.
254. Пищулин Н. Сокол С. Политическое лидерство: теоретические и методологические основы исследования. Ч. 1. — М., 1992. С. 39—49.
255. Пищулин Н.П. Политическое лидерство и электоральный процесс // Полис, 1998. № 5. С. 145—152.
256. Политическая социализация // Политология. Энциклопедический словарь. — М., 1993. С. 277—279.
257. Политическая наука: новые направления. Под ред. Гудина Р., Клингеманна Х.-Д. — М.: Вече, 1999.
258. Политический спектр через социально-психологическую призму // Обзор опросов населения России, ФОМ, 1997. 1—2 ноября.
259. Политология на российском фоне. — М., 1993.
260. Померанц Г.С. Иррациональное в политике // Вопросы философии, 1992. №4.
261. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. — М., 1966.
262. Почепцов Г.Г. Имидж: От фараонов до президентов. — Киев, 1997.
263. Председатель правительства — идеальный и реальный // Еженедельный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 20 (164). 22 мая.
264. Представления избирателей об идеальном депутате // Обзор опроса ФОМ, 1998. 26—27 декабря.
265. Преториус Р. Теория конфликта // Политические исследования, 1991. № 5. С. 139—141.
266. Психологический словарь. — М.: Педагогика, 1983.
267. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. — М., 1972.
268. Рабочий класс в странах Западной Европы, — М.: Наука, 1982.
269. Разворотнева С.В. Язык власти, власть языка (Анализ исследований политической коммуникации в Америке) // США: Экономика, политика, идеология, 1993. № 3.
270. Разуваева Н.Л., Горчакова В.Г. Проблемы социализации в нестабильном обществе // Психологический журнал, 1996. № 3.
271. Разумович Н.Н. Политическая наука в условиях перестройки. — М., 1988.
272. Ракитянский Н.М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. — М.: Российское объединение избирателей, 2001.
273. Рационально-протестный электорат как новая электоральная общность на выборах-99 // Аналитическое сообщение ФОМ, 1999. 23 июня.
274. Рашковский Е.Б. Опыт тоталитарной модернизации России (1917 — 1991) в свете социологии развития // МЭиМО, 1993. № 7. С. 105 — 118.
275. Революционеры и либералы в России. — М., 1990.
276. Резник Ю.М. Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования, 1994. № 2.
277. Рейснер М.А. Проблемы социальной психологии. — Ростов-на-Дону, 1925.
278. Реформаторы в России. — М., 1992.
279. Римский В.Л. Российская власть в представлениях граждан. // Российский монитор, 1995. № 6.
280. Рокмэн Б. Политическое лидерство // Советское государство и право, 1991. №5.
281. Российское общество: ценности и приоритеты // Политические исследования, 1993. № 6.
282. Российское сознание: психология, культура, политика: материалы 2-й международной конференции по истории психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем» (4—6 июля 1997 г., Самара). Редкол. Г.В. Акопов и др. — Самара: Изд-во Самарского Государственного Педагогического Университета, 1997.
283. Россия в поисках идентичности (опыт социологического анализа) // Социологические исследования, 1992. № 11.

284. Россияне высоко ценят демократические свободы // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 11 (155). 20 марта.
285. Россияне не доверяют тем, кого выбирают // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 25 (169). 26 июня.
286. Россияне о В. Черномырдине // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 9 (153). 6 марта.
287. Россияне о С. Кириенко // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 27 (272). 9 июля.
288. Россияне устали от своих политиков // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 16 (160). 24 апреля.
289. Рощин С.К. Западная социология как инструмент идеологии и политики. — М., 1980.
290. Рощин С.К. Психологические проблемы политического развития личности // Психологический журнал, 1984. № 2. С. 41—53; № 3. С. 80—95.
291. Рубин Дж., Колб Д. Психологический подход к процессам международных переговоров // Психологический журнал, 1990. Т. 11. № 2. С. 63—73.
292. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. — М., 1946.
293. Рукавишников В.О. и др. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социологические исследования, 1992. № 3. С. 17—25.
294. Рукавишников В.О., Холмэн П., Эстер П., Рукавишникова Т.П. Россия между прошлым и будущим. Сравнительные показатели политической культуры 22-х стран Европы и Северной Америки // Социологические исследования, 1995. № 5.
295. Румянцева Т.Г. Агрессия и контроль // Вопросы психологии, 1992. № 5—6. С. 35—40.
296. Руткевич М. Власть: кризис доверия // Власть, 1999. № 4. С. 62—73.
297. Рязанцев В.В. Молодые русские россияне: особенности государственной и этнической самоидентификации // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1998. № 3. С. 150—174.
298. С. Степашин завоевывает симпатии населения // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1999. № 29 (274). 24 июля.
299. Савельев А.Н. «Президентская кампания: борьба за образ» // Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр», 1996. № 2. С. 24—25.
300. Салмин А.М. Религия, плюрализм и генезис политической культуры Запада. В кн.: Ретроспективная и сравнительная политология. — М., 1991.
301. Салмин А.М. Современная демократия: генезис, структура, культурные конфликты. — М., 1992.
302. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под ред. Ядова В.А. — Л.: Наука, 1979.
303. Самую плохую репутацию имеют у населения Государственная Дума и политические партии // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 37 (181). 18 сентября.
304. Санистэбан Л. Политика и идеология // Диалог, 1993. № 8—9.
305. Сатаров Г.А. Политическая жизнь сквозь призму установок населения: структурные рейтинги // Российский монитор. Архив современной политики, 1992. Вып. 1, С. 149—166.
306. Седов Л. В лабиринте электоратов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1998. № 6 (38). С. 17—22.
307. Седов Л. Политическая разруха в натуре и в головах // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1998. № 4 (36). С. 12—15.
308. Сигеле С. Преступная толпа. — СПб., 1896.
309. Слепцов Н.С., Куколев И.В. Рыскова Т.М. Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом // Социс, 1998. № 7.
310. Смирнов В.В. Концепции политического участия в западной политологии // Ежегодник САПН, 1985, 1986. С. 106—113.
311. Современное политическое сознание в США. — М., 1980.
312. Сознательное и бессознательное в социально-политических процессах современного российского общества: Сб. научных статей. — М., 1997.
313. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. — М.: Изд-во МГУ, 1989.
314. Соловьев А. Культура власти на политическом перекрестке эпох // Власть, 1998. № 2.
315. Соловьев А.И. Культура власти. — М., 1992.
316. Соловьев А.И. Психология власти: противоречия переходных процессов. В кн.: Власть многолика. — М., 1992.
317. Сорокин П.А. Каналы вертикальной циркуляции. В кн.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. — М., 1992. С. 393—404.
318. Сорокин П.А. Голод и идеология общества // Экономист, 1922. № 4 — 5.
319. Сорокин П. А. О свободах. Неотъемлемые права человека и гражданина. — М.: Художественная литература, 1993.

320. Соснин В.А. Культурно-психологическая основа современного кризиса российского общества // Психологический журнал, 1998. № 1.
321. Спенсер Г. Личность и государство // Коммунист, 1991. № 13. С. 110—115.
322. Сталин: история с биографией // Диалог, 1990. № 10.
323. Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 1998. № 5. С. 17—35.
324. Тавокин Е.П. Социологические прогнозы электорального поведения // Социс, 1996. № 7.
325. Такер Р. Сталин. Путь к власти. История и личность. — М.: Прогресс, 1990.
326. Такер Р. Сталин. Путь к власти. — М., 1990.
327. Тард Г. Социальная логика. — СПб., 1901.
328. Теория политики с позиций практики. Стенограмма дискуссии // Коммунист, 1991. № 1.
329. Теплов Б. Ум полководца. В кн.: Проблемы индивидуальных различий. — М., 1961. С. 252—344.
330. Технология власти // Диалог, 1990. № 11.
331. Титова М.А. Социально-символическая интерпретация функции отца в процессе социализации ребенка // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология, 1997. № 3. С. 101.
332. Толерантность и нетерпимость в России // Обзор опроса ФОМ, 1999. 9—10 января.
333. Только пятая часть населения не интересуется политическими новостями // Ежедневный информационный бюллетень ФОМ-инфо, 1997. № 50 (194). 18 декабря.
334. Тотьянин Н.Д. Основные аспекты политической культуры и социализации американцев // США: Экономика, политика, идеология, 1995. № 1.
335. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. В кн.: Психологические исследования. — М., 1966.
336. Уледов А.К. Структура общественного сознания. — М.: Мысль, 1968.
337. Ушакова Т.Н., Цепцов В.А., Алексеев К.И. Интент-анализ политических тестов // Психологический журнал, 1998. № 2.
338. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
339. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. — М., 1992.
340. Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России. — М., Центр политических технологий, 1997.
341. Фрейд З. и Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. — М., 1992.
342. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я». — Минск, 1994.
343. Фромм Э. Бегство от свободы. — М., 1989.
344. Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования, 1991. С. 91—98.
345. Холодковский К.Г. Некоторые вопросы массового политического сознания // МЭиМО, 1979. № 6.
346. Человек, политика, психология (Материалы круглого стола) // Вопросы философии, 1995. № 4. С. 3—23.
347. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. — М.: Республика, 2001.
348. Чугров С. Идеология и внешнеполитическое сознание // МЭиМО, 1993. № 2.
349. Чулков Г. Императоры. Психологические портреты. — М.: Искусство, 1995.
350. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы // Социальные исследования, 1995. № 9.
351. Шаран П. Сравнительная политология. Ч. 1. — М., 1992.
352. Шварценберг Р.-М. Политическая социология. — М., 1992.
353. Шевченко Ю.Д. Между экспрессией и рациональностью: об изучении электорального поведения в России // Полис, 1998. № 31 С. 130—136.
354. Шестопад Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования, 1995. № 4.
355. Шестопад Е. Какой видят власть российские избиратели в год выборов? // Выборы. Ежедневник информационного агентства Postfactum, 1995. № 9.
356. Шестопад Е. Психоаналитическое движение в исторической науке // История СССР, 1991. № 5.
357. Шестопад Е.Б. Выборы прошли: пейзаж после битвы / Проблемы консолидации российской политики (круглый стол) // Полис, 1997. № 1. С. 109—128.
358. Шестопад Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полис, 1997. № 6. С. 57—72.
359. Шестопад Е.Б., Брицкий Г.О., Денисенко М.В. Этнические стереотипы русских // Социс, 1999. № 4. С. 62—70.
360. Шестопад Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов 12 ведущих политиков России (психологический и лингвистический анализ) // Полис, 1996. № 5. С. 168—191.
361. Шестопад Е. Личность и политика. — М.: Мысль, 1988.
362. Шимов Я. Человек на вершине власти // Свободная мысль, 1992. № 14.
363. Шмачкова Т.В. Мир политических партий // Политические исследования, 1992. № 1—2.

364. Шмелев А.Г. Психология политического противостояния: тест социального мировоззрения // Психологический журнал, 1992. Т. 13. № 5.
365. Шмитт К. Понятие политического противостояния // Вопросы социологии, 1992. Т. 1. Вып. 1. С. 37—54.
366. Шмиттер Ф., Карл Т.Л. Что есть демократия и чем она не является // Диалог, 1993. № 2. С. 39—46.
367. Шпакова Р. Типы лидерства в социологии М. Вебера // Социологические исследования, 1988. № 5. С. 134—139.
368. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. — М.: МГУ, 1982. С. 55—60.
369. Щегорцов В.А. Политическая социализация и политическая культура личности // Ежегодник САПН 1983 г., 1984. С. 25—37.
370. Щербинин А.И. Тоталитарная индоктринация: у истоков системы (Политические праздники и игры) // Полис, 1998. № 5. С. 79—96.
371. Щербинина Н.Г. «Герой» воспетый (Политологический анализ песен о Сталине) // Полис, 1998, № 6. С. 103—112.
372. Щербинина Н.Г. Политика и миф // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки, 1998. № 2. С. 43—54.
373. Эбенштайн В. Государство и «Я» // Знание-сила, 1990. № 10. С. 59—62.
374. Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМ, 1995. № 2.
375. Электоральная политология: теория и опыт России. С.-Петербургский Государственный Университет, С.-Петербургская Избирательная Комиссия; Редколлегия: Л. Сморгун (отв. Ред.) и др. — СПб.: Изд-во С.-Петербургского Университета, 1998.
376. Электоральный пейзаж в преддверии избирательной кампании // Аналитическое сообщение ФОМ, 1999. 18 августа.
377. Эрнст О. Слово предоставлено вам. (Практические рекомендации по ведению деловых бесед и переговоров). — М., 1988.
378. Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. — М.: ИЦ-Гарант, 1996.
379. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. — СПб.: Medusa, 1993.
380. Юрьев А. Выборы глазами политического психолога // Власть, 1996. № 4. С. 15—23.
381. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. — СПб., 1992.
382. Янов А. Происхождение автократии. — М., 1982.

* * *

1. Adelson J, Green B., O'Neil R., Growth of Idea of Law in Adolescence // *Developmental Psychology*, 1969. № 1.
2. Adorno T. et al. *The Authoritarian Personality*. — N.Y.: Harper, 1950.
3. Alger Ch. Interaction in a committee of the United Nations General Assembly. In: *International yearbook of political behaviour research*. Ed. Singer J. — N.Y.: Free Press, 1967.
4. Almond G. *Comparative Political System* // *Journal of Politics*, 1956. Vol. 18. № 3.
5. Almond G., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. — Princeton, 1963.
6. Atkinson J., Feather N. *A theory of achievement motivation*. — N.Y.: Wiley, 1966.
7. Atkinson J., Feather N. *A theory of achievement motivation*. — N.Y.: Wiley, 1966.
8. Barber J. *The lawmakers: Recruitment and adaptation to legislative life*. — New Haven: Yale Univ. Press, 1965.
9. Barber J. *The presidential character: Predicting performance in the White House*. — N.Y., 1972.
10. Benedict R. *Configurations of Culture in North America* // *American Anthropologist*, 1934. Vol. 34. P. 24.
11. Bentley, A.F. *The Process of Government*. — Bloomington: Principia, 1949.
12. Betts R. Analysis, war and decision. Why intelligence failures are inevitable // *World Politics*, 1978. No.1. P. 61—69.
13. Brown Archie. *Political Science in the USSR* // *International Political Science Review*, 1986. Vol. 7. № 4. October.
14. Burns J.M. *The Power to Lead: The Crisis of American Presidency*. — N.Y.: Simon and Shuster, 1984.
15. Cattell, R.B. New concepts for measuring leadership in terms of group syntality. // *Human Relations*, 1951. № 4. P. 161—184.
16. Christie R., Geis F. *Studies in Machiavellianism*. — N.Y., 1970.
17. Connel R. Class cinsciosness on Childhood // *Australian and New Zealand Journal of Sociology*, 1970. № 6. P. 87—99.
18. Convers P., Mille W., Rysk I., Wolf. F. Continuity and Change in American Politics. *APSR*, Vol. 63. № 4. P. 1083—1105.
19. Converse Ph. *The Nature of Belief Systems in Mass Public*. In: *Ideology and Its Discontent*. Ed. by Apter D. — N.Y., 1964.
20. Dahl R. *The Behavioural Approach in Political Science*. Ed by H. Eulau. — N.Y., 1968.
21. Davies A.F. *Skills, Outlooks and Passions. A psychoanalytic Contribution to the Study of Politics*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
22. *Democratization. Papers of the 16-th Congress of IPS A*. — Berlin, 1994.

23. Dennis J., Niemy R. *Generations and Politics*. — Princeton, 1981.
24. Deutsch M. *The Resolution of Conflicy*. — New Haven: Yale University Press, 1973.
25. Dicks H. *Observations on Contemporary Russian Behaviour*. — L., 1952.
26. Dowes R., Hughes J. *Political Sociology*. — Chichester, 1983.
27. Dunley R., Winter D. *Measuring of Motives of Public Officials at a Distance: An Exploratory Study of American Presidents // Behavioural Science*, 1970. Vol. 15. P. 227—236.
28. Easton D., Dennis J. *Children and the Political System*. — N.Y.: McGraw-Hill 1969. P. 28.
29. Easton D., Dennis J. *Children in the Political System*. — N.Y.: McGraw-Hill, 1969.
30. Edelman, M. *The Symbolic Uses of Politics*. — Urbana and Chicago. Univ. of Illinois Press, 1985.
31. Etheredge L. *A world of men: The private source of American foreign policy*. — Cambridge: MIT Press, 1978.
32. Etheredge L. *Personality effects on American foreign policy, 1898—1968: A test of Interpersonal Generalization Theory // American Political Science Rewiev*, 1978. Vol. 72. P. 434—451.
33. Farrell D.M. *Political Consultancy Overseas: The Internalization of Campaign Consultancy // PS: Political Science & Politics*, 1998. June. Vol XXXI November 2. P. 171—179.
34. Festinger L. *A theory of social comparison process // Hуman Relations*, 1954. Vol. 7. P. 117—140.
35. Fiedler, F.E. *A theory of leadership effectiveness*. — N.Y.; McGraw-Hill, 1967.
36. Fisher R. *Negotiation Inside Out // Negotiation Journal*, 1989. P. 33-41.
37. Frank R. *Nonverbal and paralinguistic analysis of political behaviour*. In: *A psychological examination of political leaders*. Ed. Hermann M., Milburn T. - N.Y.: Macmillan, 1977. P. 64—80.
38. Funk C. and Sears D. *Are we Reaching Undergraduates? A Survey of Course Offerings in Political Psychology // Political Psychology*, 1991. Vol. 12. № 3.
39. George A. *Power as a compensatory value*. In: *Political leadership*. Ed. B. Kellerman. — Pittsburg: University of Pittsburg Press, 1986. P. 70 - 92.
40. George A. *The «operational code»: A neglected approach to the study of political leaders and decission-making. // International Studies Quarterly*, 1969 Vol. 13. P. 190—222.
41. George A. *The impact of crisis-induced stress on decision-making*. In- *The Medical Implication of Nuclear War*. Institute of Medicine, 1980. Wash., D C P. 529—552.
42. Gerth, H. and Mills, C.W. *A sociological note on leadership. // In: J.E. Hulett and R. Stagner. Problems in social psychology*. — Urbana: University of Illinois Press, 1952.
43. Greenstein F. *Personality and Politics*. — Princeton: Princeton University Press 1987.
44. Guterman S. *The Machiavellians*. — Lincoln: University of Nebraska Press, 1970.
45. Halberstam D. *The best and the Brightest*. — N.Y.: Random House, 1972
46. *Handbook of Political Psychology*. Ed. by Knutson J. — San Francisco: Jossey-Bass, 1973.
47. *Handbook of Political Socialization. Theory and Research*. Ed. by Schwartz D. — N.Y., 1977.
48. Hermann Ch. *Crisis in foreign policy making: A simulation of international politics*. China Lake. Project Michelson Report. U.S. Naval Ordnance Test Station. April 1965.
49. Hermann Ch. *Crisis in foreign policy: A simulation analysis Indianapolis' Bobbs Merrill*, 1969.
50. Hermann Ch. *Decision structure and process influences on foreign policy In' Why Nations Act*. Ed. East M., Salmore S., Hermann Ch.- L.: Sage Focus, 1979. P. 69—103.
51. Hermann M. *Assessing Personality at a Distance: A Profile of Ronald Reagan // Mershon Center Quarterly Report*, 1983. 7(6). Columbus.
52. Hermann M. *Assessing the personalities of Soviet Politburo members // Personal and Social Psychological Bulletin*, 1980. Vol. 6. P. 332—352.
53. Hermann M. *Defining the Bush presidential style*. Merson Center. -Columbus: Ohio State University, 1989.
54. Hermann M. *Explaining foreign policy behaviour using personal characteristics of political leaders. International Studies Quarterly*, 1980. Vol. 24. P. 7—46.
55. Hermann M. *Handbook for assessing personal characteristics and foreign policy orientations of political leaders*. Mershon Occasional Papers. Columbus. -Ohio, 1987.
56. Hermann M. *Indicators of stress in policymakers during foreign policy crisis. // Political psychology*, 1979. № 1. P. 27—46.
57. Hermann M. *Workbook for developing personality profiles of political leaders from content analysis data*. Mimeo. Merson Center. — Columbus: The Ohio State University, 1987.
58. Himmelweit H. *How Voters Decide?* — L.: Academic Press, 1981.
59. Hoffman S. *On the Political Psychology of Peace and War: A Critique and an Agenda // Political Psychology*, 1986. № 7(1).
60. Hofstadter R. *The paranoid style in American politics and other essays*. — N.Y.: Alfred A. Knopf, 1965.
61. Hollander, E.P. *Conformity, status, and idiosyncrasy credit // Psychological Review*, 1958. 65. P. 117—127.
62. Hollander, E.P. *Leaders, groups, and influence*. — N.Y.: Oxford University Press, 1964.
63. Hollander, E.P., and Julian, J.W. *Leadership*. In: Borgatta E.F. and Lumber! W.W. *Handbook of personality theory and research*. — Chicago: Rand McNally, 1968.

64. Hook S. *The Hero in History*. — N.Y.: John Day, 1943.
65. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization. Cultural, economic and political change in 43 countries*. Princeton: Princeton University Press, 1997
66. Inkeles A. *Sociology and Psychology*. Sigmund Koch ed., *Psychology: A Study of a Science*. 6. — N.Y.: McGraw-Hill, 1963.
67. Jervis R. *The logic of images in international relations*. — Princeton: Princeton University Press, 1970.
68. Jervis R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton. — N.J., 1976.
69. Kavanagh D. *Political Science and Political Behaviour*. — L., 1983.
70. Kennedy R. *Thirteen days: A memoir of the Cuban missile crisis*. — N.Y: W.W. Norton, 1968.
71. Korpi W. *Working-class Communism in Western Europe: Rational or Non-rational* // *American Sociological Review*, 1972, N 36.
72. Kowert Paul A. *Where Does the Buck stop?* // *Political Psychology*, 1996. Vol. 17. № 3.
73. Lask C.M. and Judd C.M. *Political Expertise and the Structural Mediators of Candidate Evaluations* // *Journal of Experimental Social Psychology*, 1988. 24. P. 105—126.
74. Lasswell H. *Psychopathology and Politics*. — Chicago, 1931.
75. Lasswell H. *Power and personality*. — N.Y: W.W. Norton, 1948.
76. Lazarus R. *Psychological stress and the coping process*. — N.Y: Me Graw Hill, 1966.
77. Lee R. *Religion and Social Conflict*. Ed. by Lee R. and Marty M.E. — N.Y: Oxford University Press, 1964.
78. Leites N. *Operational Code of Politburo.*, — N.Y, 1951.
79. Little, J. *Political Ensembles*. Melbourne Politics Monograph. Parkville, Victoria, Australia: Univ. of Melbourne, 1984.
80. Lodge et all. *An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation* // *American Political Science Review*, 1989. June.
81. May E. «Lessons» of the past: The use and misuse of history in American foreign policy. — N.Y: Oxford Univ. Press, 1973.
82. McClelland D., Atkinson J., Clark R., Lowell E. *The Achievement Motive*. — N.Y, 1953.
83. McFail C. *Civil Disorder Participation* // *American Sociological Review*, 1971. № 36. P. 105.
84. Michels, R. *Political Parties*. — N.Y: Dover, 1959.
85. Milburn T. *The management of crises*. In: *International crisis: Insights from behavioural research*. Ed. Hermann Ch. — N.Y: Free Press, 1972. P. 259—277.
86. Milgram S. *Obedience to Authority: An Experimental View*. — N.Y: Harper & Row, 1974.
87. Mitchell Ch.R. *The Structure of International Conflict*. — N.Y, 1981.
88. Money-Kyrle R.E. *Psychoanalysis and Politics*. — L., 1951.
89. *New Directions in Political Socialization*. — N.Y, 1975.
90. Nie N., Verba S. *Political Participation*. In: Greenstein F. and Polsby N.W. (eds). *Handbook of Political Science*, 1975, V 4. Boston.
91. Niemy R. *Reconstructing Past Partisanship. The Failure of Party Identification* // *American Journal of Political Science*, 1980. P. 633—651.
92. Nixon R. *Six crises*. — N.Y: Doubleday, 1962.
93. Noelle-Neumann E. *The Spiral of Silence: Public Opinion—Our Social Skin*. Chicago, 1994.
94. Norem-Hebeisen A., Johnson D. *The Relationship between Cooperative, Competitive and Individualistic Attitudes and Differentiated Aspects of Self-esteem* // *Journal of Personality*, 1981. Vol. 49. P. 415—426.
95. Nye R.D. *Conflict Among Humans*. — N.Y: Springer, 1973.
96. Offer D., Stozier Ch. *Reflections on leadership*. In: *The Leader*. Ed. Offer D., Stozier Ch. — N.Y: Plenum Press, 1985. P. 301—313.
97. Paige, G.D. *The Scientific Study of Political Leadership*. — N.Y: The Free Press; London, 1977.
98. Paper L. *John F. Kennedy. The promise and the performance*. — N.Y.: Da Capo Press, Inc., 1987.
99. Piaget J., Weil A. *The Development in Children of the Idea of Homeland and of Relations with Other Countries* // *International Social Science Bulletin*, 1951. № 3. P. 361—378.
100. Pie L., Verba S. (eds.). *Political Culture and Political Development*. -Princeton, 1965.
101. *Political Psychology: Contemporary Problems and Issues* // Ed. by Hermann M., San Francisco: Jossey-Bass, 1986.
102. Post J. *Effects of crisis induced stress on decision in a nuclear environment*. Paper. — Wash.: George Washington University, 1991.
103. Pye L. *Political Culture and National Character*. In: *Social Psychology and Political Behaviour*. — Columbus, Ohio, 1971.
104. Raven B. *Power and influence: Construct and applications*. Paper for presentation at the Personality Theory Conference «Social influence and Power». — Calif, LA, April 6, 1991.
105. Renshon S. *Handbook of Political Socialization Theory and Research*. — N.Y.: Free Press, 1977.
106. Renshon S. *Psychological Needs and Political Behaviour: A Theory of Personality and Political Efficiency*. — N.Y.: Free Press, 1974.

107. Rutherford B. Psychopathology, Decision-making and Political Involvement // *Journal of Conflict Resolution*, 1966. Vol. 10. P. 387—407.
108. Schutz W. *FIRO: A Three-dimensional Theory of Interpersonal Behaviour*. — N.Y.: Rinehart & Co., 1958.
109. Shepard G. Personality Affect on American Foreign Policy, 1969—1984: A second test of Interpersonal Generalization Theory // *International Studies Quarterly*, 1988. Vol. XVIII. P. 91—123.
110. Shestopal Helen. Teaching Politics in Russian Universities // *Participation*, 1997. Vol. 21. № 1. Spring. P. 4—8.
111. Shlapentokh.V. The 1993 Russian Election Polls // *Public Opinion Quarterly*. 1994. Vol. 58. P. 579—602.
112. Simonton D. *Why presidents succeed*. — New Haven: Yale University Press, 1987.
113. Skinner B.. *Beyond Freedom and Dignity*. — N.Y., 1972.
114. Somit A., Peterson S.A. Biological Correlates of political Behaviour. In: *Political Psychology. Contemporary Problems and Issues* San Francisco. — Jossey-Bass, 1986.
115. Sorensen T. Kennedy. — N.Y.: Harper & Row, 1965.
116. Spear J., Williams P. Belief systems and foreign policy: The cases of Carter and Reagan. In: *Belief systems and international relations*. Ed. Little R., Smith S. — Oxford: Basil Blackwell, 1988. P. 190—208.
117. Stoessinger J.G. *Why Nations Go to War?* — Belmont, 1967.
118. Stogdill, R.M. and Shartle, C.L. *Methods in the study of administrative leadership*. — Columbus: Ohio State University, Bureau of Business Research, 1955.
119. Stone W. *The psychology of politics*. — N.Y.: The Free Press, 1974.
120. Suedfeld R., Tetlock P. Integrative complexity of communications in international crises. // *Journal of Conflict Resolution*, 1977. Vol. 21. P. 169— 184.
121. Terhune K. Motives, Situation and Interpersonal Conflict within Prisoner's Dilemma // *Journal of Personal and Social Psychology. Monograph Supplement*, 1968. Vol. 8. No. 3. Part. 2. P. 1—23.
122. Tetlock P. Personality and Isolationism: Content-analysis of Senatorial Speeches // *Journal of Personal and Social Psychology*, 1981. Vol. 41. P. 737—743.
123. *The Leader. Psychohistorical Essays*. Ed. Strozier Ch., Offer D. — N.Y.: Plenum Press, 1985.
124. Tucker R. The dictator and totalitarianism. // *World Politics*, 1965. Vol. 17. P. 55—83.
125. Tversky A., and Kahneman R. The Framing of Decisions and the Psychology of Choise // *Science*, 1981. 221 (January 31). P. 453—458.
126. Vacchiano R., Strauss P., Schiffman D. Personality correlates of dogmatism // *Journal of Consulting and Critical Psychology*, 1968. Vol. 32. P. 83—85.
127. Vack W, Snyder R. *The Analysis of Social Conflict—Toward an Overview and Synthesis*. In: *Conflict Resolution: Conurbation of the Behavioural Scientists*. Ed by Smith C.G., Notre Dam: University of Notre Dam, 1971.
128. Walke H., Eulau H. et al. *The Legislative System*. — N.Y.: Wiley, 1962.
129. Walker S. The motivational foundations of political belief systems: A re-analysis of the operational code construct // *International Studies Quarterly*, 1983. Vol. 27. P. 179—201.
130. Wendt H., Light P. Measuring «greatness» in American Presidents: Model case for international research on political leadership? // *European Journal of Social Psychology*, 1976. Vol. 6. P. 105—109.
131. White R.K. *Fearfull Warriors: A Psychological Profile of US-Soviet Relations*. — N.Y.: Free Press, 1984.
132. Wiegele T. Models of stress and disturbances in elite political behaviour: Psychological variables and political decision-making. In: *Psychopathology and political leadership*. Ed. Robins R. — New Orlean: Tulane University Press, 1977. P. 79—111.
133. Wiegele T. The psychophysiology of elite stress in five international crises: A preliminary test of Voice Measurement Technique // *International Studies Quarterly*, 1978. Vol. 22. No. 4.
134. Wiegele T., Hilton G., Oots K., Kisiel S. *Leaders under stress. A psychophysiological analysis of international crisis*. — Durham: Duke Press Policy Studies, 1985.
135. Winter D. Leader appeal, leader performance, and the motive profiles of leaders and followers: A Study of American presidents and elections // *Journal of Personal and Social Psychology*, 1987. Vol. 52. P. 196—202.
136. Winter D. *Power motivation revisited. A Paper*. Ann Arbor.: University of Michigan, 1991.
137. Winter D. The need for power. In: *Human motivation: A book of reading*. Ed. McClelland D., Steele R. — N.Y., 1967. P. 279—286.
138. Winter D. *The power motive*. — N.Y.: The Free Press, 1973.
139. Winter D., Carlson L. Using motive scores in the psychobiographical study of an individual: The case of Richard Nixon // *Journal of Personality*, 1988. Vol. 56. P. 75—103.
140. Winter D., Stewart A. Content analysis as a technique for assessing political leaders. //In: *A psychological examination of political leaders*. Ed. Hermann M., Milburn T. — N.Y.: Free Press, 1977. P. 28—61.
141. Winter D., Hermann M., Vaintraub W, Walker S. The Leader as a projective scene // *Political Psychology*, 1991. V. 12. № 2. (См. Хрестоматия по политической психологии. Пер. с англ, под ред. Шестопал Е. М.: ИИФРА-М, 2002.
142. Winter et all. The Personalities of Bush and Gorbachev Measured at a Distance: Procedures, Portraits and Policy // *Political Psychology*, 1991, Vol. 12. No 2. P. 215—243.

143. Ziller R. The social self. — N.Y.: Pergamon Press, 1973.

144. Ziller R., Stone W, Jackson R., Terbovic N. Self-other orientations and political behaviour. In: A psychological examination of political leaders. Ed. Hermann M., Milburn T. — N.Y.: Free Press, 1977. P. 176—204.

Содержание

Предисловие	2
ЧАСТЬ 1. ПРЕДМЕТ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	5
Глава 1. Политическая психология и другие науки	5
1.1. Место политической психологии среди политических наук	6
1.2. Политическая психология и другие смежные дисциплины	11
Глава 2. история становления и современное состояние политической психологии	15
2.1. Истоки и перспективы политической психологии	15
2.2. Современное состояние политической психологии как науки	18
2.3. Ведущие школы и направления современной политической психологии	19
Глава 3. Предмет и методы политической психологии	25
3.1. Дискуссии о предмете политической психологии	25
3.2. Политика — объект исследования для психологии	27
3.3. «Политическое животное» как вид	32
3.4. Методология политико-психологических исследований	36
ЧАСТЬ II. ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ	42
Глава 4. Национальная психология в политическом контексте	42
4.1. Психология интеграции и дезинтеграции в России	42
4.2. Русские о себе и о других	45
4.3. Психологическое содержание этнических стереотипов	48
4.4. Национальная окраска политической картины мира	51
Глава 5. Психология авторитарности и психология демократии	57
5.1. Теоретические подходы к феномену авторитарности и авторитаризма	58
5.2. Авторитаризм и демократия — психологические измерения политических режимов	60
5.3. Можно ли отменить авторитаризм, или кое-что о политической терпимости	63
5.3. Психология демократии	68
Глава 6. Психологические особенности политических систем	75
6.1. Разделение властей и психологические аспекты их взаимодействия	75
6.2. Особенности российской политической системы	77
6.3. Политическая система в восприятии граждан	80
Глава 7. Психология массового электорального поведения	83
7.1. Психологический контекст выборов в постсоветской России	83
7.2. Национальная идеология или «черный пиар?»	88
7.3. Рейтинги политиков, или Почему у нас так плохо с прогнозами?	90
7.4. Профессия — выборы	93
Глава 8. Политическая культура	95
8.1. Теоретические подходы к исследованию политической культуры	95
8.2. Функции политической культуры	100
8.3. Основные элементы и типы политической культуры	104
8.4. Типы политических культур	107
Глава 9. Психология власти	109
9.1. Властвовать или подчиняться	111
9.2. Психологический портрет российской власти середины 90-х годов*	114
9.3. Образ российской власти в России в начале XXI в.	117
9.4. Власть в структуре личности	121

ЧАСТЬ III. ЛИЧНОСТЬ В ПОЛИТИКЕ	126
Глава 10. Личностный аспект политики	126
10.1. Роль личностного фактора в политике	127
10.2. Структура личности и политика.....	129
Глава 11. Политическая социализация индивида	134
11.1. Агенты, стадии и механизмы политической социализации.....	134
11.2. Поколения в российской политике.....	139
Глава 12. Политический менталитет	150
12.1. Понятие политического менталитета.....	150
12.2. Структура политического менталитета.....	152
12.3. Становление политических взглядов личности.....	156
Глава 13. Политическое поведение	159
13.1. Теоретические подходы к анализу политического поведения	160
13.2. Основные элементы политического поведения: мотивы, потребности, ценностные ориентации.....	163
13.3. Проблема политического участия.....	170
Глава 14. Политическое лидерство	176
14.1. Теоретические основы изучения лидерства	176
14.2. Природа политического лидерства.....	179
14.3. Политические лидеры: восприятие личности или восприятие имиджа?	182
Глава 15. Психологические профили российских политиков	188
15.1. Особенности восприятия ведущих российских политиков	188
15.2. Премьер	192
15.3. Партийные лидеры	197
15.4. Депутат.....	202
Библиография	205

Елена Борисовна Шестопал

Политическая психология

Учебник

Редакторы *Т.Г. Берзина, Л.Е. Миронова*
Корректор *Э.Б. Прудникова*

Оригинал-макет подготовлен Издательским Домом «ИНФРА-М»

Художественное оформление «Ин-Арт»

Сдано в набор 05.03.2002. Подписано в печать 20.07.2002.

Формат 60x90/16. Гарнитура Times. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 24,46.

Тираж 100000 экз. (1 - 3000 экз.) Заказ № 1652.

ЛР № 070824 от 21.01.93

Издательский Дом «ИНФРА-М»

127214, Москва, Дмитровское ш., 107.

Тел.: (095)485-71-77.

Факс: (095) 485-53-18. Робофакс: (095) 485-54-44.

E-mail: books@infra-m.ru

<http://www.infra-m.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

в РГУП «Чебоксарская типография № 1».
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.